

БАЛКАНСКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

БАЛКАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1977

Сборник посвящен исследованию лингвистических проблем, связанных с языками Балканского полуострова и смежных с ним ареалов. Рассматриваются вопросы древних языковых и этнических контактов Балкан, актуальные проблемы современной балканской лингвистики. Материалы сборника отражают результаты новейших исследований в области балканистики.

Редакционная коллегия:

А.А.Зализняк, В.В.Иванов, В.Н.Топоров,
Т.В.Цивьян (отв. редактор)

I

АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА

ВЯЧ. ВС. ИВАНОВ

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ ЮЖНОБАЛКАНСКОГО, ЭГЕЙСКОГО И МАЛОАЗИЙСКОГО (АНАТОЛИЙСКОГО) АРЕАЛОВ

Целый ряд данных, обнаруженных благодаря лингвистическому и историческому исследованию клинописных хеттских и лувийских, иероглифических лувийских и микенских греческих текстов, новым археологическим открытиям в Эгейском мире, сравнительному изучению хеттского и хурритского мифологического эпоса и поэм Гомера и Гесиода, свидетельствует о вхождении материковой Греции, островов Эгейского моря и Малой Азии в единый языковой и культурно-исторический комплекс во всяком случае уже к началу II тыс. до н.э. К этому времени на Пелопоннесский полуостров уже пришли носители древнегреческого языка, несколькими веками спустя засвидетельствованного документами линейного письма В¹. Не позднее XVI в. до н.э. греческое (ахейское) поселение отмечается археологами в Милете на юго-западе Малой Азии, где в XVI в. создается мощная крепость, и вплоть до XIII в. обнаруживаются превосходные образцы микенской керамики (чаша с изображением морских животных)². С этими архео-

¹ J. Chadwick. - The Prehistory of the Greek Language. - "Cambridge Ancient History", 2 ed., vol. II, Cambridge, 1973 (chapter 39); ср. M. Ventris, J. Chadwick. Documents in Mycenaean Greek, 2 ed. by J. Chadwick. Cambridge, 1973 (ссылки на микенские тексты далее даются по этому изданию в тексте с указанием названия - D и страниц).

² C. W e i s k e r t. Neue Ausgrabungen in Milet. "Neue Deutsche Ausgrabungen in Mittelmeergebiet und im Vorderen Orient". Berlin, 1959, стр. 181-186, рис. 1-8; A. M a l l w i t z, W. S c h i -

логическими находками согласуется обнаружение в пилосских табличках этнического обозначения женщин *mi-ra-ti-ja* (PY Aa 798, Ab 573) = *Milātiai* (им.п.мн.ч.ж.р., ср. позднее *Μιλῆσιος*)³, *mi-ra-ti-ja-o* (PY Ad 380) = *Milātiāōn* (род.п.мн.ч., D, p. 410), так же как аналогичные обозначения *ze-ru₂-ra₃* (PY Aa 61), *ze-ru₂-ra-o* (PY Ad 664) = *Zeruraon* (род.п. мн.ч.), *ze-ru₂-ro* (PY Ea 56, мужское имя), относящиеся, видимо, к Галикарнасу (Зефирии у Страбона, XIV, 659), согласуются с археологическими открытиями микенской культуры в Мусгеби около Галикарнасса⁴. Археологи уже сопоставляли эти и другие аналогичные им открытия (в Иасосе и Эфесе) с позднейшими свидетельствами греческой традиции, по которым такие герои, как Пелопс, переселялись из Малой Азии в Грецию⁵ (Thuc. 1, -9, 2) и обратно. К этническим обозначениям женщин в пилосских табличках относятся и такие эпитеты, связанные с островами Лемнос и Книдос у западного малоазиатского побережья, как *ra-mi-ni-ja* (PY Ab 186) = *Lāmniai*, ср. *ra-mi-ni-jo* (PY An 209, Ch 328, 719) = *Lāmnios* (D, 578); *ki-ni-di-ja* (PY 5 = Aa 792, Ab 189, 26 = An 292) = *Knidiai*, *ki-ni-di-ja-o* (PY Ad 683) = *Knidiāōn* (род.пад.мн.ч., D, 554), что также согласуется с археологическими свидетельствами господства ахейцев

- e r i n g. Der Alte Athena-Tempel von Milet. "Istanbuler Mitteilungen" (далее - IM), 18 (1968), 1970, стр. 87-180; G.K l e i n e r. Stand der Forschung von Alt-Milet. - IM, 19-20 (1969-1970), стр. 113-123; J.H.M u h l y. Hittites and Achaeans: *Ahhi-jawā redomitus*. "Historia", Bd. XXIII, 1974, H. 2, стр. 136.
- 3 О сохранении *-tij-* (не **-sij-*) в этих формах см.: G.N a g y. Greek Dialects and the Transformation of an Indo-European Process. Cambridge, 1970, стр. 149.
- 4 G.F.V a s s. Mycenaean and Proto-geometric Tombs in the Halicarnassus Peninsula. "American Journal of Archaeology" (далее - AJA), vol. 67, 1963, стр. 357-361, табл. 81-84; ср. M.J.M e l l i n k. Archaeology in Asia Minor. - AJA, vol. 68, 1964, стр. 161-181; ср. о микенской керамике в Галикарнассе: Y.B o u s a l. Katalog der Vasen des Museums in Bodrum, I. Ankara, 1969; об аналогичных находках в 12 разных местах Западной Малой Азии: K.B i t t e l. Kerabel. "Mitteilungen der Deutschen Orientalistischen Gesellschaft", 98, 1967, стр. 5-23; D.H.F r e n c h. Protohistoric Sites in North-West Anatolia. II. The Balikesir and Akhisar/Manira Areas. "Anatolian Studies", 19, 1969, стр. 41-98.
- 5 Т.В. Б л а в а т с к а я. Ахейская Греция во втором тысячелетии до н.э. М., 1966, стр. 164. - О новых микенских находках в Иасосе см.: M.J.M e l l i n k. Archaeology in Asia Minor. - AJA, vol. 77, 1973, № 2, стр. 177-178.

над островами Эгейского моря (Делосом, Кеосом, Паросом, Наксосом, Мелосом) уже с XV в. до н.э.⁶. Наконец, к указанному ряду этнических эпитетов принадлежат и формы а-*64-ja (PY Aa 701, Ab 515) = Aswiai 'женщина из Азии', а-*64-ja² (PY Vn 1191) = Aswiā (им.п. ед.ч.), а-*64-ja-o (PY Ad 315) = Aswiāon (род.п.мн.ч.), а-si-wi-je (PY Fr 1206) = Aswiāi (дат.пад.ед.ч.ж.р., эпитет богини Potnia), ср. также а-*64-jo (KN Se 261, PY Cn 1287, Fr 324), а-si-wi-jo (KN Df 1469, PY Cn 285, MY Au 653) = Aswios⁷ ("Ἀσιός, ср. П 717, М 95 и 'ἈσιϜ В 461 в значении 'на азийской поляне - λειμῶνι', 'в Лидии'). Сопоставление всех указанных обозначений в микенских табличках⁸ привело Чедвика в его последней книге к выводу об отражении в них "картины торговых колоний, разбросанных вдоль западного побережья Малой Азии" (D, 410). Последний из указанных терминов в форме Aswiwa засвидетельствован и в хеттском тексте анналов царя Тудхалияса⁹, где он относится к области Лукка (хет. Lukka, вероятно, соответствует Ликии) на западе Малой Азии, примыкавшей к хеттскому царству и, возможно, включавшей в свой состав Трою (Ta-ru-i-ša, вероятное производное от *Ta-ru-i-ya¹⁰, гипотетической формы, лежащей в основе милиийского - "ликийского В" trujeli 'по-труйски',¹¹

6 E. H. G e l l e t d e S a n t e r r e. *Délos primitive et archaïque*. Paris, 1958.

7 J. C h a d w i c k. *New Fragments of Linear B Tablets from Knossos*. "Ann. Brit. Sch. Athens", 52, 1957, стр. 125; О н ж е. *The Group sw in Mycenaean*. "Minor", 9, 1969, стр. 62-65; D, 534-576.

8 Название ki-ma-ra (PY Aa 63) в том же ряду (D, 554) можно было бы гипотетически связать с хет. gimra 'степь', откуда, возможно, и позднейшее наименование 'киммерийцев', ср. В. В. И в а н о в. [Рец.]: В. Ч о р. *Indogermanica minora*. "Известия АН СССР. Серия литературы и языка", т. XXXIII, 1974, № 2, стр. 172, прим. 1.

9 H. Th. V o s s e r t. *Asia*, Istanbul, 1946, стр. 27 и след.

10 O. G u r n e y. *The Hittites*. London, 1954, стр. 56-57, ср. Т. К. В р у с е. *The Lukka problem—and a possible solution*. "Journal of the Near Eastern Studies", vol. 33, 1974, No. 4, стр. 395-404.

11 См. об аргументах в пользу этой гипотезы: В. В. И в а н о в. *Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы*. М., 1965, стр. 51, прим. 24, там же литература вопроса. Связь Трои с Лидией (язык которой ближе всего стоит к хеттскому из всех позднеанатолийских) и Хеттским царством была намечена уже; см.: J. G a r s t a n g. *The Hittite Empire*. Lon-

в Ксанфской стеле). Поэтому происхождение женщин, упоминаемых в пилосских табличках, из Азии, вполне согласуется с предполагаемым историческим фоном гомеровских преданий о пленении женщин, уведившихся из восточных областей Эгейского мира такими героями, как Ахилл¹².

По гипотезе Мелларта заселение Греции в начале II тысячелетия до н.э. осуществилось с северо-запада Малой Азии, в соответствии с чем следы первой волны миграции, еще не дошедшей до Греции, можно видеть в малоазиатских ахейцах¹³. С точки зрения представлений о локализации первоначальной территории распространения индоевропейского праязыка в Анатолии и к востоку от нее (вплоть до Иранского плоскогорья)¹⁴ может считаться архаическим расположение не только первоначальных хеттских (а также и палайских) поселений на востоке Малой Азии и лувийских на юге и юго-западе, но и ахейских поселений на ее западе. Носители этих языков могли соприкасаться в течение достаточно долгого времени, причем контакты XIV-XIII вв. до н.э. зафиксированы в хеттских документах, относящихся к ахейскому царству - Аххияве, мощной морской державе, простиравшей свое влияние до Сирии (что согласуется с наличием микенского квартала в Угарите¹⁵ - портовом городе, структура которого напоминала "международный селтльмент" в таких торговых центрах, как Шанхай между двумя мировыми войнами).

don, 1929, стр. 171-172 и 178-179, отчасти в развитие наблюдений W. Ramsay. *Asiatic Elements in Greek Civilisation* (Gifford Lectures, 1915), London, 1927, стр. 70; 145-160 (упоминание хеттского имени Муваталис в связи с памятниками вдоль лидийской дороги у Гиппоакта: κατὰ στῆλην κατὰ μνημεῖα τῆτος Μουτάλις πάλμυρος, ср. соединение того же имени в форме Μουταλός с легендой о Елене и Парисе у Стефана Византийского).

12 T. V. G. Westbrook. *From Mycenae to Homer*. London, 1958 (далее - W).

13 J. M. Mellart. *The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean* - *AJA*, vol. 62, 1958, No. 1.

14 Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общеиндоевропейского языка. "Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы". М., 1972, стр. 23; В. В. Иванов. Язык как один из источников этногенетических исследований и проблематика славянских древностей. "Советское славяноведение", 1973, № 4, стр. 68-69.

15 C. F. - A. Schaeffer. "Syria", v. 31, 1954, стр. 63; O. M. Evanson. "Ugaritica", III, стр. 227.

Хеттское название этого государства Ahhiyawa- совпадает с именем, засвидетельствованным в кносской табличке (KN 78 = C 914) в форме a-ka-wi-ja-de¹⁶, интерпретируемой как сочетание падежной формы Akhaiwiān с аллативной энклитикой -de (D, 209, 436-437, 529, 539).

Для отождествления Аххиявы с археологическим ареалом греческой культуры микенской эпохи существенным представляется текст хеттского оракула KUB V 6, упоминающего в качестве равных хеттского царя и человека из Аххиявы (видимо, ее правителя) по имени An-ta-ra-wa, ср. мужские имена типа a-ta-ro-we, a₃-ta-ro-we в микенских табличках (D, 535, 537). В этом тексте дважды (II 57 и 60)¹⁷ упоминаются раздельно "божество Аххиявы и божество Лазпы (Laz-pa)" (DINGIR^{LUM} URU ah-ḫi-ja-ya-kān ku-iš DINGIR^{LUM} URU La-az-pa-ja), то есть, очевидно, Лесбоса (Гом. Λέσβος, γ 169, Ω 544, ср. 1 129 и 664). Это хорошо согласуется с археологическими данными, по которым до X в. до н.э. Лесбос не входил в область микенской греческой культуры¹⁸, иначе говоря, не принадлежал к Аххияве. В том же тексте оракула можно видеть и след лексического влияния греческого языка Аххиявы на хеттский: слово dammara, обозначающее особых

16 P. V. S. A n d r e w s. The Mycenaean Name of the Land of Achaiens - "Revue hittite et asianique", t. XIII, fasc. 56, 1955, стр. 1-19; A. T o v a r. Nochmals Ionier und Achaeer im Lichte der Linear-B-Tafeln. "ΜΝΗΜΕΝΑ ΧΑΡΙΝ. Gedenkschrift Paul Kretschmer", II. Wien, 1957; В. В. И в а н о в. Ахейцы; Аххиява. - "Советская историческая энциклопедия", т. 2. М., 1962, стр. 1000-1001; 1006; О н ж е. Аххиява - БСЭ, 3 изд., т. 2. М., 1970, стр. 1368; J. H e r m a t t a. Die Ahhiyawa-Frage. "Studia Mycenaea. Proceedings of the Mycenaean Symposium Brno, 1966", Brno, 1968, стр. 117-124; G. S t e i n e r. Die Ahhiyawa-Frage heute. "Saeculum", 15, 1964, стр. 369-392; A. S a s s o n i. Gli Achei in età micenea ed in Omero. "Živa Antika", 19, 1968, стр. 13-19; J. D. M u h l y. Указ. соч., стр. 128-145.

17 См. последнее клинописное издание: J. F r i e d r i c h. Hethitisches Keilschrift-Lesebuch, t. I, Lesestücke. Heidelberg, 1960; транскрипция, перевод и комментарий: F. S o m m e r. Die Ahhiyawa-Urkunden (Abh. d. Bayr. Akad. d. Wiss., Phil. - Hist. Abt., NF 6). München, 1932, стр. 275 ff.; G. P. C a r r a t e l l i. Ahhiyawa, Lazpa et leur divinités dans KUB V, 6". "Jahrbuch für kleinasiatische Forschung", I, 1950, стр. 156-163; ср. A. G ö t z e. Kleinasien, 2. Aufl. München, 1957, стр. 183.

18 F. H. S t u b b i n g s. Mycenaean Pottery from the Levant. Cambridge, 1951, стр. 22; D e s b o r o u g h, V. Protogeometric Pottery, стр. 81, 213; W., стр. 144-145.

культовых служителей, сопоставимо с микенским греческим *da-ma-te* (PY 114 = En 609), им.п.мн.ч. 'служители' (D, 538), при позднейшем специализированном значении греч. гом. *δαμαρ* 'жена, супруга' (Г 122, б 126). В тексте этого оракула, как и в другом подобном хеттском тексте гадания по печени (*kuš*)¹⁹, слово чаще относится к женщинам (KUB V в. II 16 и 46; KUB XVI, 16 I 13, II 19), но в одном случае — к служителю-мужчине (KUB V 6 II 16). Лувийская форма *dammaranza* (им.пад.ед.ч., KUB V II 26) в оракуле, содержащем хурритскую терминологию гаданий²⁰, указывает на то, что слово проникло в хеттский язык через посредство хурритско-лувийских культовых центров юга Малой Азии, что согласуется и с данными текста KUB XVI 16, по которым женщины *dammara* сожительствовали с мужчинами из Арцавы²¹, т.е. с лувийцами. Другим гипотетическим примером воздействия греческой лексики на хеттские тексты, связанные с лувийско-хурритской культурой юга Малой Азии, может быть хеттское слово *dammarāšaga-* 'женщина-демон, богиня, женский дух', встречающаяся, в частности, в хеттском переложении хурритской легенды об охотнике Кесси (KUB XXXIII 121, Cat. N 361)²². За вычетом хеттского суф-

¹⁹ В каталоге Э.Лароша оба текста объединены: E. L a r o s h e . Catalogue des textes hittites. Paris, 1971 (далее — Cat.), стр. 98, № 570.

²⁰ Характерные для этой терминологии клинописные сокращения, расшифрованные Ларошем (*ni = ni-rešwu*, *ši = šentuhi*), типологически сходны с широко распространенными слоговыми сокращениями в микенском линейном В письме (D, 528, 549, 563, 567, 571, 575 и др.), но (в отличие от указываемого ниже специфического сходства в значении идеограммы) это совпадение скорее всего объясняется принципами экономного кодирования наиболее частых сочетаний, общих для разных систем письма.

²¹ F. S o m m e r . Рецензия на KUB XIV-XVII, "Kleinasiatische Forschungen", Bd. I, Hft. 1, Weimar, 1927, стр. 344. Относительно возможной связи с греч. *δαμαρ*, мик. *dama-* ср.: A. M o r g e r u r g o "Parola del passato", 13, 1958, стр. 322 (где не учтен явно заимствованный характер слова в хеттских текстах), G. N e u m a n n . Untersuchungen zum Weiterleben hethitische end luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit, Wiesbaden, 1961, стр. 37. R. G u s m a n i . Il lessico ittito. Napoli, 1968, стр. 86, Ср. о микенском термине G. M a d d o l i . Le 40 "DA-MA-TE" di Pakijanija e le classi parallele Eo/Er. — "Minos", 1972, fasc. 2, стр. 161-172.

²² См. последнее клинописное издание: J. F r i e d r i c h . Ук. соч., стр. 54 (№ 17a), II 13. Ср. перевод: J. F r i e d r i c h . Chur-

фикса обозначений существ женского пола -šara в этом слове выделяется основа dammana 'демон', которая могла быть заимствована из прообраза греч. гом. δαίμων 'deus, dea' (А 222, Ф 195), ср. мик. греч. e-u-da-mo (KN 799, V 57, TH Z 853), одно из возможных толкований которого предполагает его связь с позднейшим Εὐδαίμων²³ (D, 547).

В свете указанных греческо-ижноанатолийских (лувийских) сближений особый интерес приобретает сходство греч. гом. ἑρατῶν в значении 'товарищ-заместитель' (Патрокл по отношению к Ахиллу) с позднейшим развитием в 'соратник, возница' (ср. ἑρατῆρος 'услуживаю', v. 265) с лувийской основой, широко представленной в хеттских текстах в словах с глоссовым клином, обычным для лувийских слов или с явно лувийским суффиксом: дат.-м.п. tar-ra-aš-ša-h [i = ti] 'замене', КВо XV 13, 3 tarpalli- 'человек-заместитель' (КВо XV 7, 8), tarpalli- 'личная замена', tarpanalla- 'заместитель, соперник' (в частности, о герое хурритского эпоса Улликумми как сопернике Бога Грозы), tarpanallaššatti- 'он встал на (мое) место' (КUB XXIV 5 R s 6)²⁴. Фонетически возможным является и в данном случае заим-

ritische Märchen und Sagen in hethitischer Sprache. "Zeitschrift für Assyriologie", Bd. XLIX, 1950. Другие хеттские тексты, упоминающие это название божества, указаны и проанализированы в статье: H.G.G. Ü t e r b o s k. The Cod Suwaliyat reconsidered. "Revue hittite et asianique" (сокращенно RHA), t. XIX, f. 68, 1961, стр. 15, 18, прим. 21 (где предполагается значение 'сфинкс' для этого слова).

- ²³ Древность подобных микенских и гомеровских сложений с e-, u-, =ev- доказывается их противоположением сложенным с bu-, совпадающим с индо-иранской оппозицией типа авест. hu-: duz-: R.S. Chmitt. Dichtung und Dichtersprache der indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967, стр. 118, § 208; В.В. Иванов, В.Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, стр. 303-304.
- ²⁴ H.G.G. Ü t e r b o s k. Notes on Luwian studies. "Orientalia", vol. 25, nova series, fasc. 2, 1956, стр. 124; E.L. Arsché. Dictionnaire de la langue louwite. Paris, 1959, стр. 93-94; N. van Broek. RHA, fasc. 65, 1959, 117 и сл.; R.G. Usmanin. Указ. соч., стр. 86. Приводимые лексические данные о взаимодействии греческого и лувийского языка хорошо согласуются со сделанным на основании хеттских исторических документов выводом (см.: A.G. Ö t z e. Kleinasien, стр. 5, 183) о том, что связи между хеттами и Аххиявой не были прямыми, а всегда шли через Арцаву (новохеттское название области, которой в древнехеттс-

ствование из греческого в лувийский (где древнее е закономерно изменяется в а во всех словах общеанатолийского происхождения), хотя семантика греческого слова позднее меняется (что объяснимо отсутствием ранних свидетельств).

Роль лувийского населения юго-запада Малой Азии в осуществлении контактов между ахейцами и Хеттским царством подтверждается совпадением типа имени Piyama-radus (человек из Millawanda-^{URU}Mi-el-la-ya-an-da, согласно Ларошу²⁵, соответствует греч. Μίλυαδ-, если не название Милета), многократно упоминающегося в новохеттских текстах, где говорится об Аххияве, с типом личных собственных имен pi-ja-ma-wo (PY Fr 324), pi-ja-shu-nu (KN Ap 574B), pi-ja-se-me (KN 38 = 1516), pi-ja-si-ro (KN 38 = As / 516) в кносских и пилосской табличках (ср. D, 571). Первая часть сложных слов типа Piyama-radus представляет собой, очевидно, лувийское медиопассивное причастие от глагола pai- 'давать'²⁶. К другим именам в микенских (кносских и пилосских) табличках, разъясняемым на основе хеттских и лувийских текстов, принадлежит mo-qo-wo (KN De 1381), род. пад. mo-qo-se-jo (PY Sa 774), отождествляемое с именем Μικῆϊϋ в хеттских текстах об Аххияве, с лувийским именем Mu-k(a)-sa- основателя лувийской династии ("дома") Киликии (судя по надписи начала I тысячелетия до н.э. из Каратепе, 112, где он по-финикийски назван mṛḫ) и с легендарным Мопсом (Μῶψος, ср. Μῶξα в Лидии), чей отец Ракий жил на Крите; по греческой легенде Мопс переселился из Колофона (на западе Малой Азии), где известно захоронение микенской эпохи, в Киликию за год до конца Троянской войны²⁷. Следовательно, в этой легенде можно видеть отзвук того реального передвижения центра лу-

ком варианте хеттских законов соответствует Лувия) и страну Лукка (ср. выше о возможном соответствии Ликии, что приобретает особый интерес ввиду непосредственной связи лувийского с лидийским языком).

²⁵ E. L a r o s h e. Etudes de toponymie anatolienne, RHA, t. XIX, 1961, f. 69, стр. 67.

²⁶ Обсуждение трудностей этой интерпретации, подтверждаемой полуидеографическим написанием некоторых имен, см. в кн.: E. L a r o s h e. Les nom des hittites (Etudes linguistiques, IV). Paris, 1966, стр. 317-319; о контекстах, в которых имя Piyama-radu встречается в КВб XIX 78-81, см. A. K a m m e n h u b e r. [Рец.] КВб XIX. "Orientalia", vol. 43, 1974, fasc. 1, стр. 123.

²⁷ K. D. V a r n e t t. Μῶψος. - "Journal of Hellenic Studies", 73, 1953, стр. 140-143; Б. В. К а з а н с к и й. Историческое значение хеттского (иероглифического) и финикийского текстов надписей Кара-Тепе. "Древний мир". М., 1962, стр. 274-275.

вийской культурной области в Киликию, которое произошло после крушения Хеттского царства и миграции народов моря. Если некоторые другие возможные хетто-лувийские интерпретации микенских имен можно считать еще слишком гипотетическими²⁸, то все больший интерес приобретает давно уже обнаруженный²⁹ хетто-лувийский характер имени Муртила-возницы на колеснице Эномая, ср. пилосское женское имя *mu-ti-ri PY Ep 212, D, 562* (с характерным лувийским суффиксом *-i-*). Поскольку хеттский текст письма о Тавагалаве делает несомненным, что знатные люди и представители царского рода Аххиявы и Хеттского царства вместе ездили на колеснице, не кажется неоправданной гипотеза, по которой Муртил был хеттским или лувийским знатоком, посланным для обучения ахейцев искусству езды на колесницах³⁰. Распространение легких двухколесных боевых колесниц, запряженных ло-

- 28 К таким гадательным толкованиям можно отнести возможное понимание мужского имени *u-wa-ta* (KN Dd 1286, PY Jn 605), сравниваемого с *ἄντης* в связи с хет. *huhant-*, иер. лув. *huhat-* 'дед' или др.-хет. *uwa-* 'предок' (ср. об этом слове: В.В.И в а н о в. Заметки по сравнительно-исторической индоевропейской поэтике. - "For Roman Jakobson", The Hague, 1967; C. W a t k i n s. A Latin-Hittite etymology. - "Language", vol. 45, 1969, No. 2, стр. 241; F. Josephson. The function of the sentence particles in Old and Middle Hittite, Uppsala, 1972, стр. 318, п. 6), ср. кносское *pa-ro u-wa-si-jo ko-wo'* 'от сына Увата' (KN Ai 115) и еще более проблематичное объяснение *a-tu-ko* (EN Dg 1102, X 1052, PY 114, 118, 131, 255) на основании сравнения с хет. *antūša-* 'человек' (с началом, совпадающим с греч. *ἄνθρωπος*, мик. *a-to-ro-qa*, PY 246, ср. об этом слове и его этимологии, предположительно "субстратной": F. K u i p e r. The etymology of *ἄνθρωπος* "ΜΝΗΜΕΣ ΧΑΡΙΝ", Gedenkschrift P. Kretschmer", Bd. II. Wien, 1957, стр. 211-216; E. P. Hamp. *Anthrōx^wos*. "Atti e memorie del I Congresso Internazionale di Micenologia". Roma, 1969, стр. 768-790, О н ж е Two Mycenaean Notes. "Studi Micenei ed Egeo-Anatolico" 11, Roma, 1970, стр. 60-62; R. S. P. В e e k e s. The development of the Proto-Indo-European laryngeals in Greek, The Hague, 1969, стр. 194.
- 29 N. R. H a l l. Mursil and Murtilos. "Journal of Hellenic Studies", XXIX, 1909, стр. 19-22. Ср. об имени Мурсила: В.В.И в а н о в. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, стр. 49-50.
- 30 R. D. В a r n e t t. Oriental Influences on Archaic Greece. "The Aegean and the Near East. Studies presented to H. Goldman". New York, 1956, стр. 215-216.

шадьями, осуществлявшееся к середине II тысячелетия до н.э., по-видимому, происходило в направлениях на запад и северо-запад и на восток от области, лежавшей между северной Месопотамией и Закавказьем³¹. Поэтому представляется вероятным, что этот тип колесниц, который известен по памятникам микенской эпохи и микенским табличкам³², мог испытать воздействие хеттских и хурритских (или митаннийских арийских) образцов, а соответствующие хеттские (или лувийско-хурритские) наставники могли выезжать в Аххияву, то есть в области микенской культуры, в частности в Кносс, в тот период, когда там (примерно 25 лет спустя после грандиозного извержения вулкана Феры, разрушившего жизнь на "минойском" Крите³³ и позднее от-

- ³¹ S. P i g g o t t. The Beginnings of the Wheeled transport. "Sc. Am."; О н ж е. The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence. - "Proceedings of the Prehistoric Society", 34, February 1969, стр. 266-318; О н ж е. Chariots in the Caucasus and in China. "Antiquity", vol. XLVIII, 1974, No. 189, стр. 16-24. - Особый интерес может представить обычай захоронения в повозках, сохраняющийся в Малой Азии с конца III до I тыс. до н.э.: J. M e l l a r t. The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia. Berlin, 1966, стр. 155; M. J. M e l l i n k. Excavations at Karataş, Semayük and Elmali, Lycia, 1972. - АЖА, vol. 77, 1973, No. 3, стр. 300; ср.: В. М. М а с с о н. Древние гробницы вождей на Кавказе (Некоторые аспекты социологической интерпретации). "Кавказ и Восточная Европа в древности". М., 1973, стр. 108-109.
- ³² P. C h a n t r a i n e. Termes mycéniens relatifs aux chars. "Minos", vol. IV, 1956, стр. 50-65; П. М. К о ж и н. Кносские колесницы. "Археология Старого и Нового Света". М., 1966, стр. 76-81; M. L e j e u n e. Chars et roues à Knossos; structure d'un inventaire. "Minos", 9, 1969, стр. 9-61. К сравнительному изучению ср. также иконографию в статье: R. H a u s c h i l d. Das Selbstloß (Atmastüti) des somaberauschten Gottes Agni. "Asiatica", Leipzig, 1954, стр. 259-278. О хронологии вытеснения колесниц наездниками после микенской эпохи ср. P. A. L. G r e e n h a l g h. Early Greek Warfare: horsemen and chariots in the Homeric and Archaic ages. Cambridge, 1973; ср. [Рец.]: A. M. S n o d g r a s s. "The Journal of Hellenic Studies", v. XCIV, 1974, стр. 225-226; D. K. H i l l. Chariots of early Greece. - "Hesperia", vol. XLIII, 1974, No. 4, стр. 441-446.
- ³³ J. C h a d w i c k. Aegean History 1500-1200 B.C. "Studi classici", XI. Bucureşti, 1969, стр. 14-15. Для хронологии может

раженного у Гомера) была создана централизованная система ахейского греческого управления. В этой связи обращает на себя внимание разительное сходство специфического хеттского употребления идеографического написания ANŠU. KUR. RA^{MES} 'лошади, кони' (из шумерского 'горные ослы') в значении 'боевые колесницы' (как часть хеттского войска) с кносским использованием слова i-qi-ja (KN 265, 267, 273, сравнивается с ἵπλος, D, 548) в значении 'колесница' (в сочетании с соответствующей идеограммой, чтением которой на Кноссе было это слово, D, 548), отражение этого словоупотребления сохраняется в гом. ἵπλο- -χάρης 'боец с колесницы', λ 259, ρ 257³⁴ и в позднейшем употреблении ἵπλος (как эпитета различных богов, выезжавших на колеснице). Здесь кажется возможным видеть след влияния хеттской клинописи на кносское письмо и язык официальных канцелярий ахейского Крит.; в этой связи стоит отметить, что наиболее явные примеры хетто-лувийских собственных имен отмечены именно в кносских текстах.

С распространением двухколесных боевых колесниц была связана и новая техника коневодства³⁵, что достаточно отчетливо видно по

быть существенной новая датировка текста Маддуватаса, предполагающая связь хеттов с Аххиявой уже в среднехеттский период.

³⁴ N. M. ü h l e v t e i n. "Museum Helveticum", 12, 1955, S. 123; W, 103. Маловероятно, что на это употребление мог оказать влияние специальный технический термин i-qa-e-qa (KN 269), обозначавший часть упряжи колесницы (D, 515-516, 548). Относительно позднейшего знания клинописи у греков см.: J. F r i e d r i c h. Ἀσούρια ὑπόματα. "Aus Antike und Orient", Leipzig 1950, стр. 48-53. В связи со сказанным следует обратить внимание и на сходство микенской идеограммы, обозначающей конскую голову, с аналогичной лувийской иероглифической идеограммой. Для исследования происхождения этих идеограмм могут представить интерес также данные о ритуальном значении головы коня в разных индоевропейских традициях, см.: В. В. И в а н о в. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от asva- 'конь'. "Вопросы истории культуры и филологии Древней Индии". М., 1974, стр. 92-110.

³⁵ О разных точках зрения на пути распространения лошади в древней Европе ср.: A. A z z a r o l i. Il cavallo domestico in Italia dall' età del bronzo agli etruschi. "Studi etruschi", vol. XL (seria II). Firenze, 1972, стр. 273-306; P. М. М у н ч а е в. Бронзовые псалмы майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе. "Кавказ - Восточная Европа в древности". М., 1973, стр. 71-77.

хеттским коневодческим текстам, составленным преимущественно хурритом Киккули.

С хуррито-лувийской культурой впа Анатолии соотносятся и соответствующие культовые тексты, упоминающие лошадей³⁶. С этим же кругом представлений можно было бы соотнести и упоминание в пиловских табличках конской богини ro-ti-ni-ja i-ge-ja (PY 312), что интерпретируется как Potniai hiqqeiai (=ἵππεα D, 483, 548); параллелизм этого и другого эпитета той же богини a-si-wi-ja 'азийской' (PY Fr 1206)³⁷ позволяет думать о возможности влияния на микенскую религию мал. зиятского культа богини на лошади (что можно сопоставить как с данными о диффузии колесниц, запряженных лошадьми, так и с путями распространения лошади в Европе). Но в этом последнем случае нельзя исключить и возможность того, что обе контактировавшие традиции (малоазиатская хетто-лувийская и микенская греческая) продолжали общеиндоевропейское представление о богине "хозяйке коней", еще до расшифровки микенских текстов, восстановленное на основе сравнения греч. ἵπνια ἵππων и кельт. Epona³⁸.

³⁶ H. O t t e n. Zum grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischon. Berlin, 1953.

³⁷ Этот параллелизм позволяет высказать и еще более смелое предположение о том, что само хеттское название области Aššuwa могло быть образовано от лувийского названия 'лошади' (иер. лув. aššuwa, лик. ešve, ср. о названиях лошади: A. G o e t z e. [Рец.] A. K a m m e n h u b e r. "Hippologia hethitica". "Journal of Cuneiform Studies" (сокращенно JCS), vol. XVI, 1962, No. 1, стр. 34-35), что согласовалось бы и с позднейшими сведениями (Геродота, хорошо знавшего Лидию) о значении конницы для Лидии (древней Азии, см. выше), ср. также изображения лидийских всадников на рельефе из Бинтепе. Ритуальное значение лошади в Трое свидетельствуется легендой о троянском коне, на что обратил внимание Дж. Бонфанте. Но загадочное д в пиловском a-qi-ja-i (PY 324, D, 533, 548) едва ли может быть связано с анатолийской формой индоевропейского названия лошади, тем более что в одной из микенских форм начальное *е не менялось (ср. мик. греч. e-ge-o, PY 43, D, 544).

³⁸ J. P r z y l u s k i. Les ašvins et grande déesse. - "Harvard Journal of Asiatic Studies", vol. I, 1936, стр. 132. Ср. В. В. И в а н о в. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от ašva- 'конь'.

Изображение этой микенской богини, сидящей на лошади, найденное в Хорватии³⁹, допускает непосредственное сопоставление с хет. Pirwa- - божеством на лошади⁴⁰, соответствия которому обнаруживаются

39 D. L e v i. La Dea Mecenea a Cavallo. "Studies Presented to D. M. Robinson", vol. I, Saint-Louis, 1951, стр. 108-125, табл. 4а. В свете археологических свидетельств распространения влияния микенской культуры на север Балкан (N. T a s i ć. The Problem of "Mycenean Influences" in the Middle Bronze Age Cultures in the Southeastern Part of the Carpathian Basin. "Balcanica", IV, Beograd, 1973) следует отметить, что и более новое название Карпат (см. В. В. И в а н о в, В. Н. Т о п о р о в. Указ. соч., стр. 176) явилось, видимо, результатом распространения южнобалканского и эгейского топонима, в пилюских табличках представленного в форме ka-ra-ti-ja (PY 141, 135; Un 443) = Karpathia (ср. у Гомера остров подле Родоса Κράθηθος), ср. D, 550.

40 H. O t t e n. Pirwa - der Gott auf dem Pferde. "Jahrbuch für kleinasiatische Forschung". Bd. II, Hft. 1, 1951. Для обоснования индоевропейского характера этого хеттского божества и его этимологической связи с гот. fairguni 'скала', слав. Perunъ 'Бог Грома' кроме фактов, приводившихся ранее (В. В. И в а н о в, В. Н. Т о п о р о в. Указ. соч., стр. 10, 84), следует особенно подчеркнуть то, что теофорное имя Pirwa, совпадающее с названием горы, является самым частым именем Канеса (E. L a r o s h e. Les noms des hittites, pp. 146, 288, 294; N. G o n n e t. Les montagnes d'Asie Mineure d'après les textes hittites. RNA, t. XXII, 1968, f. 63, стр. 132, № 109), который, как окончательно доказано благодаря новым находкам древнехеттских текстов, тождествен древней столице Несе (H. O t t e n. Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa, Studien zu den Boğazköy - Texten, 17, Wiesbaden, 1973) - центру распространения древнехеттского (неситского или несийского, то есть канесийского) языка. Предполагаемое рядом авторов (ср. O. S o r n i l et R. L e b r u n. La tablette KBo XVI 98 (=2211/c) "Nethitica, 1", ed. par G. Jucquois, Louvain, 1972, стр. 13-14) синкретическое отождествление этого божества с образом Иштар на коне (J. L e s l a n t. Astarté à cheval. "Syria", v. 37, 1960, стр. 60 и след.) может представлять особый интерес для выяснения корней греческого мифа об амазонках, давно уже связываемых с хеттами (W. L e o n - h a r d. Nethititer und Amazonen. Berlin-Leipzig, 1911, ср.: И. М. Д ъ я к о н о в. Предыстория армянского народа, Ереван, 1968, стр. 114), в частности, в связи с хеттским изображением женского божества-воительницы (J. G a r v t a n g. Указ. соч.,

в разных частях балканского ареала⁴¹. Учитывая, что в греческих словах иноязычного происхождения нередко чередуются гласные *i* и *u* типа мик.греч. *mo-ri-wo-do* (КН 259), *μῆλιβρος*, гом. *μῆλιβρος* 'сви-нец' (Л 237), *μῆλυβρος*, мик. греч. *u-ta-no* = (D, 562, 589, ср. хурритск. *Uḫḫara - Iḫḫara* и т.п.), с хеттским именем божества на лошади *Piḫwa-* можно отождествить коринфское имя мифологического коня *Πυρρος*⁴², сопоставленное с кносскими именами быка *pu-wo*⁴³ и мужчины *pu-wo* (КН 38, С 912, МУ 106) = *Purwos*, с кносским женским именем *pu-wa* (КН Ар 639) = *Purwā*, *pu-wi-no* (Р 61, 62) = *Πύρρινος*.

стр. 36; разбираемый Гарстангом символ руки связан с подобными изображениями в хетто-лувийской традиции и смежных ареалах, см. В.В. И в а н о в. Об одном типе архаичных знаков искусства и пиктографии. "Ранние формы искусства". М., 1972). Истолкование этого божества как двуполого (амбивалентного) хурритского образа Иштар - *Sausga* подтверждается хурритскими текстами, где в качестве атрибутов этого божества указаны *aḫḫaḫi taḫaḫi* 'женственность-мужественность', Е. L a r o c h e. *Etudes de linguistique anatolienne*. III, II, *Bilingues hourro-hittites*. - RHA, XXVIII, 1970, стр. 61. Ср. также в этом плане об амазонках: Е. С a v a i g n a c. *Hépat de Comana et les Amazones*. "Jahrbuch für kleinasiatische Forschung", Bd. I, 1950, Heft 1, стр. 48-55, и обширную литературу, указанную в статье: В.Н. Т о п о р о в. К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями. "Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов". М., 1975, стр. 28 и след. (там же см. о Телефосе и Телепине). См. об отражении образа хурритской Иштар на лошади: М. W e i p r e r t. *Über den asiatischen Hintergrund der Göttin "Asiti"*. "Orientalia", vol. 44, 1975, fasc. 1, стр. 12-21.

41 Д. Н и к о л и њ. Коњ у веровањима нашег народа. "Жива Антика", IX, 1-2, Скопје, 1959, стр. 279 и след.; В.В. И в а н о в, В.Н. Т о п о р о в, Указ. соч., стр. 210-211, стр. 81-85 и др.

42 E. S c h w y z e r. *Dial.*, 123, 15.

43 См. сопоставление кносских имен быков с позднейшими именами коней: М. L e j e u n e. *Mémoire de philologie mycénienne*. Deuxième Série (1958-1963), Roma, 1971, chapitre XXXIV. *Noms propres des boeufs à Spawos*, стр. 382-384. Допущение *-s- после -r-, нужное только для объяснения -rr- в позднейших формах, не принимается Чедвиком (D). См. о культе *Πυρρος*: J. F o n t e n e r o s e. *The Cult and Myth of Pyrrros at Delphi* (University of California Publications in Classical Archeology), Berkeley - Los-Angeles, 1960. Ср. также имя города *Πύρρα* на Лесбосе.

Историческую преемственность между Хеттским царством и микенскими ахейцами можно проследить на примере острова Кипра (хет. Alašiya, акк. Alašī-, ср. кносское мужское имя A-ra-si-jo KN D f 1229, F h 369, X 1463), который был завоеван хеттами⁴⁴, по данным хеттского текста Маддуватаса испытал набег Аттарияса — "человека из Ahhiya" и был заселен микенскими греками в основном после крушения Хеттского царства — в XII в. до н.э.⁴⁵, когда микенские поселения обнаруживаются в Энкоми, Синде и Китионе. Позднее ахейская традиция микенского времени сохраняется на Кипре очень устойчиво: показательна близость позднейшего кипрского греческого диалекта к языку микенских табличек линейного письма В, сходство принципов (и даже отдельных знаков) кипрского слогового письма с микенским линейным письмом В; отражение на кипрской терракоте VI в. до н.э. критского мотива человека в маске быка⁴⁶ и т.п. Сопоставление данных о морском могуществе (Θαλασσοκρατία) Кипра в IX в. до н.э. в античной хронике со свидетельством о кораблях Кипра (Киттима), кото-

⁴⁴ H.G.G ü t e r b o c k. The Hittite Conquest of Cyprus Reconsidered. — "Journal of Near Eastern Studies", vol. 26, 1967, No. 2. Ср. также договор хеттского царя с Кипром КВо XII, 39, O.O t t e n. "Mitteilungen der deutschen Orient-Gesellschaft", 94, Berlin, 1963, стр. 10 и след. Относительно археологических свидетельств контакта Кипра с Киликией ср. K.B i t t e l. Воğazköy III, 1957, стр. 39, прим. Anm. 12; G.N e u m a n. Указ. соч., стр. 36, прим. 2. О иероглифической лувийской печати, найденной на Крите, см. P.M e r i g g i. Alasia, 1 p., Mission archéologique d'Alasia, IV, Paris, 1971, стр. 147 и сл.; ср. [Рец.]: E.L a r o c h e. RHA, t. 30, 1972 (1973), стр.134.

⁴⁵ P.E.P e s o r e l l a. I micenei nel mediterraneo orientale. — "Studi micenei ed egeo-anatolici", fasc. XV (Incunabula Graeca, vol. LV), Roma, 1972, стр. 203–208. В Китионе обнаружено микенское поселение XIII в. до н.э. Karageorghis. Fouilles de Kition. "Bulletin de correspondance hellénique", vol. LXXXIII, 1963, стр. 303–370; K.N i k o l a o u. Archeological News from Cyprus, — AJA, vol. 77, 1973, No. 1, стр.53; No.3, стр.427.

⁴⁶ W. 56, n.1. Предположение о том, что на минойском Крите "царь носил маску быка", высказано еще в кн.: Дж. П е н д л б е р и. Археология Крита. М., 1950, стр. 250. Ср. также о связи сюжета кносской фрески, изображающей женщину, которая выглядывает из окна, с подставкой из Энкоми: P.A s t r ö m. The Middle Cypriote Bronze Age. Lund, 1957 (там же указаны хеттские параллели другой кипрской подставки со сфинксами).

рче должны прийти и смирить Ассура и Евера, в ветхозаветной книге "Числа" (24, 24) позволило сравнить киприотов IX в. с "народами моря" XII в.⁴⁷, к которым, судя по позднеехетским текстам примыкала и Аххиява, отторгшая Кипр от поверженного хеттского царства⁴⁸. Самое название Кипра kittim, употребляемое в этом месте книги "Числа", соответствует частому в кумранских текстах термину Ktu'um, ktuum, в поздней еврейской традиции обозначающему "полчища врагов, приходящих преимущественно с Запада, с моря"⁴⁹. Для выяснения происхождения этого названия острова существенны данные Иосифа Флавия, который, ссылаясь на название кипрского города Κίτιον, писал: "Хетимос (Χέτιμος) завладел островом Хетима (именуемым теперь Кипром), по имени которого евреи называли все острова и большую часть прибрежных районов Хете" (Иосиф Флавий. Древности иудейские, I, 6, 1, § 128)⁵⁰. Представляется возможным поставить вопрос о сохранении в самом этом названии острова и в соответствующей легенде следов его былой принадлежности царству хеттов — Hatti⁵¹, ср. с именем

⁴⁷ F. D o r n s e i f f. Antike und Alter Orient. Interpretationen (Kleine Schriften, I). Leipzig, 1956, стр. 283–286 (впервые написано в 1936 г.). В более ранней литературе это место понималось расширительно, см. обзор сведений древнееврейских текстов "Ветхого Завета" и их традиционных толкований: J. M a s p h e r s o n. Kittim. "A Dictionary of the Bible", ed. by J. Hastings, vol. III, New York, 1911, стр. 6–7; T. G. P i n c h e s. Kittim. "The International Standard Bible Encyclopedia", vol. III, Grand Rapids, Mich. 1955, стр. 1814–1815.

⁴⁸ Позднее, однако, и сама миценская культура гибнет в связи с движением народов моря, если принять гипотезу Чедвика: J. C h a d w i s k. Aegean History 1500–1200 B.C., стр. 17–18.

⁴⁹ "Тексты Кумрана", вып. 1, перевод с древнееврейского и арамейского, введение и комментарий И. Д. Амусина (Памятники письменности Востока, XXXIII, 1). М., 1971, стр. 166.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Для объяснения передачи начального согласного (Kittim в отличие от hittim) существенно то, что это название вошло в древнееврейский из кипрской греческой традиции, ср. гипотезу о происхождении из слова Hatti, *kātē гомеровского имени Κήτιοι (λ 521) *кетейцы, племя в Мизии': P. V. A n d r e u s. Указ. соч., стр. 18; E. L a r o s h e. Bulletin de la Société de linguistique de Paris (далее — BSL), 1963, стр. 71, аналогична передача Κίλιμис при Hīlakku, Κάβραи при Hārran, а также ниже о Hazzī = Κάσιον, К ε в Χέτιμος ср. аналогичные передачи имени хеттов в древнееврейских текстах при параллельном i в hittim.

Хеттос суффикс -(u)-ma в хеттских именах типа Suppiluliuma, дув. в Piya-ma- и т.п.

Предполагаемый длительный контакт носителей хетто-лувийских языков с ахейцами был непосредственно связан с ранним вхождением их в сферу воздействия всего переднеазиатского комплекса древних цивилизаций, влиявшего уже и на общеиндоевропейский праязык, как показывает выявленный В.М.Иллич-Свитычем пласт семитских заимствований в общеиндоевропейском. Недавно обнаружен большой слой слов семитского происхождения в греческом⁵², который может датироваться временем до середины 2 тысячелетия до н.э., так как значительное число таких слов встречается уже в микенских текстах, ср., например, ki-u-ro-i (PY, 324) при др.-евр. kiyyōr 'горшок, сосуд' (D, 555), ku-ru-wo (KN 231, PY 224, 247) = krusoi 'с золотом' (гом. Χρυσός) или kⁿrusiyo 'золотой' (W. 53), др.-евр. ударит. harūš (D, 558), ku-mi-no (M 105), греч. κῆρυκος (Hipp.), угар. kmn, др.-евр. kamṣōn, акк. kammina (D, 557), ka-no-ni-pi (KN 229, PY 244) 'перекладины', вав.акк. qanu и т.д. Поэтому представляется возможным объяснить как древние кальки семитских оборотов такие специфические конструкции гомеровского языка, по самой семантике возводимые к более ранней микенской ахейской традиции, как υἱες Ἀχαιῶν 'сыны ахейцев' = 'ахейцы', μοῖραι Ἀχαιῶν 'сыны ахейцев'⁵⁴ (A 473, Γ 339), в точности совпадающее с типом др.-евр. Ibr'1 umzr' 'сыновья Израиля' (Дан. I, 1 и след.), акк. mār Bābili 'сыны Вавилона' = 'вавилоняне'⁵⁵ при возможном более отдаленном источнике в шумерском обороте типа dumu lagas^{ki} 'сын Лагаша' в смысле 'жители

⁵² E. M a s s o n. Recherches sur les plus anciens emprunts sémitiques en grec. Paris, 1967. Результаты этого труда учтены также в кн.: P. C h a n t r a i n e. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots, I-II, Paris, 1968-1970. Ср. о культурно-исторических связях: M. C. A s t o u r. Helleno-semitica. Leiden, 1965. Детальные библиографические данные о новой литературе (в том числе и касающейся греческо-анатолийских лексических связей) см.: O. S z e m e r é n y i. The origins of the Greek lexicon: Ex Oriente Lux, "The Journal of Hellenic Studies", vol. XCIV, 1974, стр. 144-157.

⁵³ G. N a g y. Указ. соч., стр. 143.

⁵⁴ См. о значении этих оборотов: H. P. G a t e s. The Kinship Terminology of Homeric Greek (Supplement to "International Journal of American Linguistics", vol. 37, No. 4, October 1971), стр. 66, 67, прим. 28, 30.

⁵⁵ F. D e l i t z s c h. Assyrisches Wörterbuch. Leipzig, 1896 (2 изд. 1968), стр. 391.

Лагаша⁵⁶. По этому же типу построено и хеттское DUMU MEŠ URU *Nat-ti* 'сыновья Хатти', которое засвидетельствовано уже в древнехеттских текстах, см. НАВ, II, 68 и 76, и в то же время может быть прообразом для обозначения 'сыновей Хета' – хеттов, книга "Бытие", 23, 3. Не исключена возможность того, что в греческом калькировался не непосредственно семитский тип обозначения, а хеттский, в свою очередь являвшийся калькой семитского (а в конечном счете шумерского). Сходство внутренней формы обширной семантической группы выражений, связанных с заключением и нарушением договоров, в языках Древнего Востока (в частности, аккадском и древнееврейском), включая хеттский, с одной стороны, и в греческом языке, с другой⁵⁷, позволяет думать о возможной посреднической роли хеттского языка в калькировании этих оборотов, связанных с международной юридической практикой.

Некоторые из древних семитских и египетских заимствований являются общими для хеттского языка (где семитские заимствования могли иметь место уже в эпоху контакта с жителями староассирийских торговых колоний в Каппадокии) и микенского греческого, ср., в частности, хет. *šam(m)am(m)a* 'вид орехового дерева', 'маслина' (?)⁵⁸, греч. мик. *sa-sa-ma* (M 105-Ge 602, 605, 606) – *sasama* 'кунжутное семя' (им.п.мн.ч.ср.р.), греч. *σάσαα*, акк. *šammašammu* угарит. *ššmn* (D, 582). Особый интерес представляет греческое название 'канала' *σάρα*, несомненно, заимствованное из египет. *mr* 'канал', 'оросительный водоем' и поэтому относящееся к уже значительному числу ранее выявленных египетских заимствований в греческом⁵⁹. Но

⁵⁶ А.П. Р и ф т и н. Из истории множественного числа. "Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук", вып. 10, 1946, стр. 38. Типологическую параллель представляет эве *ere-ví* 'человек (буквально ребенок) народа эве': D. W e s t e r m a n n. Wörterbuch der Ewe-Sprache. Berlin, 1954, стр. 720.

⁵⁷ M. W e i n f e l d. Covenant Terminology in the Ancient Near East and its Influence on the West. "Journal of the American Oriental Society" (далее – JAOS), vol. 93, 1973, No. 2, стр. 190–199. В этой связи представляет интерес и заимствование хетт. *išīul* 'договор' в староассирийский язык торговых колоний в Малой Азии начала II тыс. до н.э.

⁵⁸ H. G ü t e r b o c k. Plants in Hittite Anatolia. – JAOS, vol. 88, 1968, No. 1, стр. 68, n. 10 (KUB XII 26 III 14; KUB XVII 10 II 13 и др.). Ср. также ^{gis} *šēšan(n)a* 'миндальное дерево (?)': O. R. G u r n e y. Annals of Archaeology and Anthropology, 27, Liverpool, 1940, стр. 112 и сл.

⁵⁹ См. о них П. В. Е р н ш т е д т. Египетские заимствования в гре-

в то время как для Египта характерно раннее развитие искусственно-го орошения, определившего ирригационный ("гидравлический") характер всей социальной структуры⁶⁰, для Греции и островов Эгейского мо-

ческом языке. М.-Л., 1953; Он же. "Море" и "мореплаватели" в словарных египтизмах ахейской речи. "Древний мир". М., 1962, стр. 513-519. Египетские источники о Крите микенской эпохи (J. V e r s o u t t e r. L'Egypte et le monde égéen préhellénique. Cairo, 1956; ср. также M. C. A s t o u r. Aegean Place-Names in an Egyptian Inscription. - AJA, vol. 70, 1966, стр. 313-317) и археологические свидетельства связей в области материальной культуры (Дж. П е н д л б е р и. Указ. соч., стр. 249 и сл.; R. S. M e r i l l e s. Aegean Bronze Age Relations with Egypt. - AJA, vol. 76, 1972, стр. 286 и след.), в свете которых становятся реальными и ранее отмеченные черты сходства духовной культуры, см. уже F. D o r n s e i f. указ. соч. Ср. также E. I v e r s e n. The canonical tradition. "The legacy of Egypt" ed. by J. R. Harris, 2 ed., Oxford, 1971, стр. 55-82; A. A. V a r b. Mysbery, Myth and Magic, там же, стр. 138-169. В частности, для интерпретации божества Ветра (anemon) в микенское время (ср. о почитании ветра - anemon ijereja в микенское время и позднее: D. P a g e. Folktales in Homer's Odyssey, Cambridge, Mass. - 1973, стр. 75 и след.) представляются существенным совпадающее с ним терминологически позднейшее (древнеорфическое, отраженное в "Птицах" Аристофана и косвенно у Аристотеля) греческое обозначение мирового яйца, оплодотворенного ветром (βλητέμλον), связанное с воздействием египетских мифов: S. M o r e n z. Ägypten und altorphanische Kosmogonie. - "Aus Antike und Orient", Leipzig, 1950, стр. 64-103. Более широкие типологические параллели в Африке см.: В. Н. Т о п о р о в. К реконструкции мифа о мировом яйце. "Труды по знаковым системам", т. 3, Тарту, 1967.

60 "Здесь находился ключ к государственной организации": Н. К е е s. Das alte Ägypten. Eine kleine Landeskunde. Berlin, 1955, стр. 21. Ср. в этой связи типологические наблюдения о роли искусственного орошения в бассейнах таких великих рек, как Нил:

M e t c h n i k o f f. La civilisation et les grandes fleuves historiques, Paris, 1889, стр. 365-366 (ср. пер.: Л. И. М е ч н и - к о в. Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ, Пг., 1918); эта специфическая проблема не затронута при новом критическом рассмотрении теории: В. П. А л е к с е е в. География человеческих рас. М., 1974, стр. 41; В. Г. Т а н - Б о г о р а з. Распространение куль-

ря (как и для Малой Азии) в силу экологических условий искусственная ирригация не играла столь существенной роли. Но и в Греции искусственное водоснабжение (в частности, города) развивалось под влиянием соответствующей техники древнего Востока, ср. значения $\delta\alpha\alpha\alpha$ 'водовод для наводнения лугов или высушивания их, для отведения нечистой воды из города'. производные $\delta\alpha\alpha\alpha\beta\omega$ 'стекать, отводиться', $\delta\alpha\alpha\alpha\beta\epsilon\iota\alpha$ 'отводимая вода', 'отведенная нечистота', $\delta\alpha\alpha\alpha\iota\alpha\tau\omicron\varsigma$ ($\delta\beta\alpha\alpha$) ('вода'), проведенная через ров'. Производное от этой основы имя 'Αμαρυνεύος относилось к одному из водных каналов, снабжавших водой Эретрию на острове Евбея⁶¹ (в восточной части Эгейского моря, ср. также имя 'Αμαρυνεύος в Египте); именно эта форма засвидетельствована для микенской эпохи⁶² в пилосских текстах: a-ma-ru-ta (PY 119) = Amaranthai (дат.пад.), a-ma-ru-ta-o (PY 114) род.пад., ср. также сочетание вин.пад. с аллативной энклитикой-de: a-ma-ru-to-de (TH Of 25), которое может относиться к тому же каналу на Евбее (D, 530). Эта микенская форма важна для установления древности фонетического облика греческого слова, более сходного с

туры на земле. Основы этнографии. М., 1928; K. W i t t f o - g e l. Oriental Despotism. New York, 1957; Сб. "Irrigation Civilizations. A Comparative Study" (Pan-American Union Social Science Monographs, No. 1). Washington, 1955; В. В. С т р у в е. Некоторые аспекты социального развития древнего Востока. "Вопросы истории", 1965, № 5, стр. 102-104; И. М. Д в я к о н о в. Проблемы экономики. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. "Вестник древней истории", 1968, № 4, стр. 23; Б. В. А н д р и а н о в. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969; М. К. Г е т е ш и д з е. Ирригация и орошение как факторы социального развития (VII Международный социологический конгресс. Варна, 1970, Болгария). М., 1970; J. N e e d h a m. The Grand Tradition. Science and Society in East and West. London, 1969, стр. 204, 209, 181-182; "28th International Congress of Orientalists", Canberra, 1971, West-Asia, Seminar A.

⁶¹ W. M e r l i n g e n. "Linguistique balkanique", V, 2, стр. 14; Ср. стр. 11, 18, 40; там же, IV стр. 30. Употребление гом. $\delta\alpha\alpha\alpha\eta$ δ 259 является образным, ср. об ирригации в материале образных уподоблений Гомера W, 222.

⁶² К проблематике искусственных сооружений типа плотин в микенское время ср.: J. M. В a l c e r. The Mycenaean Dam at Tiryns. - AJA, vol. 78, 1974, № 2, стр. 141 и след. (там же ср. об отражении в позднейших традициях, связанном с подвигами Геракла).

египетским источником, чем заимствованное из последнего же хет. *amiyara* 'канал'⁶³, представленное уже в древнехеттских текстах (в частности, в хеттских законах, § 109, где оно чередуется с идеограммой RA₅ в дубликаты KUB XXIX 23, 12), и поэтому относимое к числу древних слов, общих для египетского и хеттского⁶⁴ (в последнем терминология искусственного орошения, которое и в Малой Азии не было определяющим для всей социальной структуры, почти целиком является заимствованной).

Не менее существенные фонетические расхождения, заставляющие предположить либо независимое общее заимствование из какого-либо (еще не отождествленного) языка Древнего Востока, либо очень раннее заимствование из хеттского в греческий, предшествующее микенской эпохе, можно обнаружить и в названии 'слоновой кости', общем для обоих языков (и в каждом из них являющемся заимствованным) мик.греч. *e-re-pa* (KN Sd 4412, PY 249) = *elephans*, им.п.ед.ч., гом. *ἐλέφας* (Δ 141, δ 73), род.пад. *e-re-pa-to* (KN V 684, PY 287) = *elephantos* (гом. *ἐλεφαντος*), дат.-твор.пад. *e-re-pa-te* (KN 163, 266, PY 239) = *elephantei*, вин.пад. *e-re-pa-ta* (KN Og 7504), ср. также производное прилагательное (относящееся к столам и частям коллекции из сло-

⁶³ О сходстве хеттского слова с греческим (без учета их общего египетского происхождения) и об объяснении хет. *-iy-* см.: G. N e u m a n n. Указ. соч., стр. 91-92 (там же обсуждение фонетических трудностей и предшествующая литература вопроса). Другие предлагавшиеся сопоставления (в том числе с алб. *amë* 'русло реки', где вызывает трудности фонетическая трактовка исхода слова) суммированы в словаре: P. C h a n t r a i n e. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*, I, стр. 70.

⁶⁴ О других таких словах см.: В. В. И в а н о в. О возможном отражении одного литературного термина в хауса (хауса *birni* 'город'). "Языки Африки". М., 1966. - В частности, егун. *ědm* 'слышать', хет. *ištamaš-* 'слышать', *istamana-* 'ухо' может рассматриваться как особенно архаическое ввиду параллели последнему в сван. *ědim* 'ухо' (< общекартв. **s₁tim-*). О реальности древних хетто-египетских связей говорит также явная связь клинописного написания названия города Хатти посредством идеограммы KÙ.BAVBAR 'серебро' с египетским *ḥd* 'серебро' (*-*ḥad*, судя по позднешему коптскому чтению), что согласуется и с тем, что в хеттском ритуале K Bo IV 1 сообщается о происхождении серебра из Куша (хет. *Kuzza*). Относительно ранних свидетельств египетско-хеттских связей в изобразительном искусстве см. V. W i l s o n. *The iconography of Bes with particular reference to the Cypriote evidence. "Levant"*, vol. VII, 1975, стр. 83.

новой кости) e-re-pa-te-jo (KN 265, PY 239) = elephanteios (ἐλέφαν-
 τειος, Diosc.), e-re-pa-te-ja (P 240) = elephanteiā (ж.р.), e-re-pa-
 te-ja-pi (PY 242) = elephanteiāphi, твор.пад. мн.ч.ж.р., e-re-pa-
 te-jo-pi (KN 276) = elephanteiophi, твор.пад. мн.ч. (D, 545), при
 хет. laḫra- 'слоновая кость' (ср. в шумеро-аккадско-хеттское сло-
 варное соответствие шум. zū = акк. šinnu = хет. la-aḫ-ra-aḫ)⁶⁵. От это-
 го слова в хеттском языке была теоретически возможна и активная
 одушевленная форма *laḫrant-, совпадающая с суффиксом греческого
 слова. Хет. laḫra- встречаются в шумеро-аккадско-хеттском
 трехязычном тексте мифологического содержания KUB XXXVI 25 I 4, где
 оно относится к праздничному столу из слоновой кости, как и при-
 веденное мик. греч. e-re-pa-te-jo. О значении (в том числе ритуаль-
 ном) подобных изделий для микенской культуры свидетельствуют как
 перечисленные выше тексты⁶⁶, так и многочисленные археологические
 открытия, в частности недавно обнаруженная в доме-цитадели в Мике-
 нах мастерская мастера-резчика по слоновой кости рядом с алтарем
 и фреской богини Potnia⁶⁷, что удостоверило сакральную значимость
 работы мастера (D, 411, 509), ср. помещение аналогичного мастера
 в "Доме щитов"⁶⁸ а также находки изделий из слоновой кости в
 склепе Спаты (XIV - начало XIII в. до н.э.)⁶⁹, в гробнице в Афинах
 (W, 28). на Делосе (W, 27, table 2), в Кноссе (W, 102).

Эти произведения микенских мастеров всегда предположи-
 тельно рассматривались как результат обработки привозного материа-
 ла; несомненно, что привозным материалом слоновая кость была и у
 хеттов, что согласуется с тем, что слово laḫra, судя по своей фо-
 нетической структуре (группа -ḫr-, если -pa не суффикс типа пред-
 ставленного в daḫra- 'одежда': ɰes) и по его употреблению с глос-

65 E. L a r o s h e. Sur le nom grec de l'ivoire. "Revue de philo-
 logie, de littérature et d'histoire anciennes", 1965, No. 1.
 e-re-pa-te-jo ср.: G. N a g y. Указ. соч., стр. 191. См. Publica-
 tions de la Mission archéologique de Ras Shamra, f. XVI, стр.
 310 и сл., 773 и сл.

66 Ср. также: P. C h a n t r a i n e. Termes mycéniens relatifs au
 travail d'ivoire. "Revue des études grecques", 70, 1958, стр.
 201-211.

67 W. D. T a y l o r. Mycenae, 1968, "Antiquity", vol. 43, 1969,
 стр. 91-92; О н ж е. New Light on Mycenaean Religion. "Antiqui-
 ty", vol. 44, 1970, стр. 270-280.

68 Т. В. Б л а в а т с к а я. Указ. соч., стр. 118. Ср. также:
 A. J. V. M a s e. Ivory carvings from Mycenae. "Archaeology",
 7, 1954, № 2, стр. 149-155.

69 Т. В. Б л а в а т с к а я. Указ. соч., стр. 112.

совым клином определяется как иноязычное. Для определения вероятных путей заимствования может представить интерес сопоставление с лат. *ebur* 'слоновая кость', возводимым к егип. *bw* (на основании коптского восстанавливается **(j)ebu*)⁷⁰, что можно подтвердить и указаниями на ввоз слонов и слоновой кости в Рим из Эфиопии в "Сатирах" Ювенала — "*tursus ad Athiopum*", *populos aliosque elephantos?*" "вплоть до племен Эфиопии и мест, где еще больше слонов!"⁷¹ (X, 148–15; ср. XI, 124; XII, 103–104), но ср. также и возможное сближение егип. *ḫbw* с др.-инд. *ībhaḥ*⁷², которое в свою очередь согласуется с возведением эфиоп. *naḡē* 'слон' (мн.ч. *naḡēyāt*, *naḡayāt*, вариант в книге Еноха 86, 4, *nāḡayāt*) к др.-инд. *nāga* 'слон'⁷³.

⁷⁰ См.: Е. М а с с о н. Ук. соч., стр. 82; Е. Л а р о с н е. *Sur le nom grec de l'ivoire*, стр. 56–57. Исход латинского слова сопоставим и с мик. *e-re-pa-i-ro* (KN Vc 212), *e-re-pa-ro* (KN Vc 212). В южные и юго-западные (лувийские) области Малой Азии в среднехеттскую эпоху изделия из слоновой кости привозили из Египта; это доказывается письмом, в котором египетский фараон (Аменхотп III, именующий себя *Ni-mu-ut-ri-ya*) обещает правителю Арцавы прислать среди прочих даров 10 престолов из черного дерева и слоновой кости, что может служить доводом в пользу сближения *laḫra* с афро-азиатскими терминами типа котоко **Ar(Λ)pa* 'слон', кушит. **Ar(Λ)b-* (по А. Б. Долгопольскому, см. его доклад "Новые афразийские этимологии" на конференции в честь И. М. Дьяконова в Ленинграде 6 февраля 1975 г.).

⁷¹ Ср.: Е. Л а у г х т о н. *Juvenal's Other Elephants*. "The Classical Review", NS, vol. VI, 1956, № 3–4, стр. 201, ср. там же о связи названия Элефантины (упоминаемой Иосифом Флавием в "Иудейской войне", IV, 61) со слонами, о чем также: F. Д а м е в. *La civilisation de l'Égypte pharaonique*, Paris, 1967, стр. 598–599; ср. о слоне как эмблеме первого нома Верхнего Египта (Элефантины): Г. Ч а й л ь д. *Древнейший Восток в свете новых раскопок*. М., 1956, стр. 129–130.

⁷² М. М а у р н о ф е р. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*, Bd. 1. Heidelberg, 1956, стр. 90. Предполагавшееся для **jebu* дальнейшее сближение с др.-инд. *ībhaḥ* показательно в свете данных о восточном происхождении (из Индии?) слоновой кости в микенской культуре, см.: Л. А. С т е л л а. *La civiltà micenea nei documenti contemporanei*. Roma, 1965, стр. 199–200.

⁷³ J. Н а л е в у. *Traces d'influence indo-parsie en Abyssinie*. "Revue sémitique d'épigraphie et d'histoire ancienne", t. IV, 1896, стр. 258; Е. Л и т т м а н н. *Indien und Abissinien*. "Beiträge zur Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte Indiens. Festgabe

Но конкретный источник хет. laḫra и мик. e-re-ra- = ἐλέφας (с утратой согласного перед rh и появлением протетического e- перед начальным λ - еще в период до появления микенских текстов) остается загадочным.

Несомненным является заимствование из хеттского по отношению к другому микенскому термину, важному для соотнесения с памятниками материальной культуры: мик. ku-wa-no (PY 239, 244) = kuanoi, твор. пад., '(выложенному) стеклом синего цвета'⁷⁴, ср. ku-wa-no-wo-ko-i (MYO1 703) = kuanoworghoihi (дат. пад. мн.ч.) 'мастерам, работающим над стеклом синего цвета', происходит из хет. kuḫanna- 'драгоценный камень' (в частности, в хеттском переложении хурритского эпоса "Песнь об Улликумми", KUB XXXIII 96 I 9-10), 'купоросно-синий, медь'⁷⁵, лув. kuḫanzu 'медь', прилагат. kuḫanzuna/i- при возможных

Н. Jacobi". Bonn, 1926, стр. 408, 414; М. М а у р h o f e r. Указ. соч. Lief. 10, Heidelberg, 1958, стр. 150-151; J. V e r s o u t t e r. Un palais des "Candaces" contemporaine d'Auguste (Fouilles à Wad-ban-Nage 1958-1960). "Syria", t. 29, 1962, b. 3-4, 285.

⁷⁴ R. H a l l e u x. Lapis-lazuli, azurite ou pâte de verre? A propos de kuwano et kuwanoko dans les tablettes mycéniennes. "Studi micenei ed egeo-anatolici". fasc. 9. (Incunabula graeca, vol. XXXIX). Roma, 1969, стр. 47-66; D, 559.

⁷⁵ A. G o e t z e. Contributions to Hittite Lexicography. - "Journal of Cuneiform Studies", vol. I, 1947, стр. 307-310; E. L a r o s h e. Mots grecs d'origine anatolienne. - BSL, t. 51, 1955, стр. XXXI-XXIV; О н ж е. RHA, fasc. 7, 1966, стр. 180 и сл.; G. N e u m a n n. Указ. соч., стр. 19 (в двух последних работах см. и о других словах, заимствованных в греческий язык через посредство анатолийских); упомянутое в кн. G. Neumann, там же, стр. 20, сопоставление греч. ὀβρούζη 'чистое золото' и хурр. (и хет.) ḫubruḫiḫi 'сосуд', предложенное Бенвенистом, согласуется с возможностью объяснения из хурр. uḫu 'серебро', лат. aurum и др. названий золота. Ср. также с хетт. kuḫanna-. R. H a l l e u x. [Рец.] J. D. M u h l y. Copper and tint. The Distribution of Mineral Resources and the Nature of the Metal Trade in the Bronze Age. "Journal of the Economic and Social History of the Orient", vol. XVII, 1974, pt. 1, стр. 103. Н. G u s - m a n i. Указ. соч., стр. 8 (ср. там же о проблеме соответствия гр. ὀβρος и хет. ḫulai). Анатолия в древности была одним из главных производителей меди. Ср. также в этой связи о древней роли Кипра (Alaiim): A. R. M i l l a r d. Cypriot Copper in Babylonia, c. c. 1745 B. C., JNES, 1973, № 4, стр. 211-212. К проблематике

дальнейших сближениях с шум. KÙ.AN 'металл (цвета?) неба' ('железо?') или акк. uqnu 'ляпис-лазурь', угарит. iqu. Значения хет. kuwana позволяют объяснить и семантическое соотношение между микенскими терминами и гомеровскими словами, которые отчасти сохраняют следы значения 'синий' (позднее 'темный' $\mu\acute{\alpha}\nu\epsilon\omicron\varsigma$, соответствующее ku-wa-ni-jo, РУ 244 'с синим стеклом', $\mu\alpha\upsilon\text{-}\acute{\alpha}\lambda\mu\varsigma$ 'синеглазый', μ 60), отчасти же обнаруживают развитие значений 'медь' > 'сталь', объясняемое изменением характера металлургии между микенским временем и гомеровским⁷⁶, в связи с чем употребление слова $\mu\acute{\alpha}\nu\epsilon\omicron\varsigma$ и

распространения металлов и металлургии на древнем Ближнем Востоке ср. также: J.D. M u h l y and T.A. W e r t i m e. Evidence for the sources and use of tin during the Bronze Age of the Near East. "World Archaeology", vol. 5, 1973, стр. 111-122; J.D. M u h l y. Tin Trade Routes of the Bronze Age. - "American Scientist", vol. 61, 1973, стр. 404-413; T.A. W e r t i m e. Pyrotechnology: man's first industrial uses of fire. - "American Scientist", vol. 61, 1973, стр. 670-682; О н ж е. The Beginnings of metallurgy: a new look. "Science", 182, 1973, стр. 875-887. Проблема связи хет. kuwana- со славянским и балтийским названием 'свинца' сложна фонетически, так как *ku- должно быть хет. \check{u} - , но ср. формы типа хет. zanankur 'борода' и т.п.

76 См. о Гомере: В. N e u m a n n. Die ältesten Verfahren der Erzeugung technischen Eisens (Freiberger Forschungshefte, Kultur und Technik, D 6). Berlin, 1954, стр. 48, 55; Н. W i l s d o r f. Historische und archäologische Quellen zur Geschichte des Eisens, там же стр. 72-75 (синхроническая таблица), 76 (ср. о хеттах там же, стр. 78-79); D. F. H. G r a y. "Journal of Hellenic Studies", v. 74, 1954; W, стр. 105, 140, 166, 222, 290. Возможная связь значений 'медь' и 'железо, сталь' позволяет с большей определенностью высказаться в пользу гипотезы (Н. F r i s k. Griechisches Etymologisches Wörterbuch, Lief. 22. Heidelberg, 1970, стр. 1071); о возможности возведения греч. гом. $\chi\alpha\lambda\mu\beta\acute{\omicron}\varsigma$ 'медь, изделие из металла' (мик. како ср. kakeu 'кузнец'), в котором всегда предполагается заимствование, к одному источнику с хет. $\check{h}apalki$ 'железо' (из хатти), ранее сравнивавшемся с греч. $\chi\acute{\alpha}\lambda\upsilon\beta\epsilon\varsigma$ Н. W i l s d o r f. Указ. соч., стр. 78-79. Ср. о хеттском и хаттском слове, проникшем в аккадский и хурритский: В. В. И в а н о в. Хеттский язык. М., 1967, стр. 19-20; Е. Л а р о с х е. Etudes hourrites. - "Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale", v. LXVII, № 2, 1973, стр. 130, прим. 2. Отсутствие рефлекса -p- (-b-) в $\chi\alpha\lambda\mu\beta\acute{\omicron}\varsigma$ можно связать с известным чередованием -p- , -w- в хатти. К историческим причинам заимствования:

его производных в гомеровских описаниях (в частности, щитов Ахилла и Агамемнона) отличается от микенского (W, 29, 212, 219), хотя в описании стола (τράπεζα) Нестора с ножками, выложенными синим

ср. C. Z a s s a g n i n i. KBo I 14 e il "monopolo" hittita del ferro. "Rivista degli studi orientali", v.45, 1970, № 1-2, стр.11-20. Вместе с тем следует учесть и вероятные (скорее всего более поздние в свете хеттской формы) восточноазиатские связи этого миграционного термина. Kun Chang. Sino-Tibetan 'Iron': *q^hleks, - JAOS, vol. 92, 1972, стр. 436-446 (представляется весьма вероятным, что славянское название 'железа' также связано с этим миграционным термином; вопреки высказывавшимся в последнее время сомнениям ср.: О.Н.Трубачев. Славянские этимологии. 2. "Вопросы славянского языкознания", вып. 2. М., 1957, стр.31-34, ср. также: М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и дополнения О.Н.Трубачева, т. II. М., 1967, стр. 43; следует вернуться к той точке зрения, которую защищал Мейе, см.: А.Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 408, § 578). - Происхождение греческого (как и других индоевропейских и евразийских вплоть до тибето-китайских) названий металла-стали из хатти ḫaralki 'железо' кажется вероятным в свете недавно установленной древности производства железа в Анатолии, см. T.A.W e r t i m e. Pyrotechnology, стр. 674, 676, 682, прим. 17; О н ж е: The beginnings of metallurgy: a new look, стр. 875, 882; R. M o w e l l - H u s l o p. The metals amūtu und asi'u in the Kültepe texts. "Anatolian studies", vol. XXII, London, 1972 стр. 158. В греческом языке хатти (и хет.) ḫaralki (фонетически [xalk-]) отразилось в нескольких фонетически преобразованных формах, объясняемых разной хронологией заимствования, связанного с восточным происхождением греческой металлургии железа (см. библиографию: R. P l e i n e r. Iron working in Ancient Greece, "Sborník národního technického Muzea u Praze", 7, Praha, 1969): в названии стали (χαλκός), производившейся народом халибы (χαλυβες), обитавшим на черноморском берегу Малой Азии, в более раннем общем названии металла (и основного металла века меди) мик. ka-ko, греч. χαλκός, и - с закономерной диссимилиацией по закону Грассмана (ср. о ее действии в древних заимствованиях W. D r e s s l e r. Zur Rekonstruktion phonologischer Prozesse in Altgriechischen. Grassmans Gesetz. "Bereiche der Slavistik. Festschrift zu Ehren von Josip Hamm", Wien, 1975, стр. 64-65) - в обозначении колхов и Колхиды, в названии изобретателей кузнечного дела тельхинов, допускающем сближение с именем адийского бога Тлепса (Тлепша) - покровителя кузнецов и железа.

стеклом (μιαυό-πεξα, А 628-629), можно еще видеть прямой след словоупотребления микенской эпохи (W, 112), совпадающего с хеттским.

К числу хетто-лувийских заимствований, связанных с обозначениями предметов материальной культуры (в том числе и ритуальных) в языке микенских текстов, по-видимому, следует отнести мик. di-ra KN 232, P) = dipas 'сосуд' (ср. аналогичное архаическое употребление гом. βέλας, имеющего соответствие и в некоторых более поздних текстах, в А 632, κ 316, D, 540, W, 112), мн.ч.⁷⁷ di-ra (KN 230), им.п. дв.ч. di-ra-e (PY 236); ритуальное употребление этого слова могло бы объяснить и гипотетическую его связь с дат.пад.мн.ч. di-pi-si-ji-i (PY 307) в качестве обозначения сосуда для масла с возможной позднейшей народно-этимологической внутренней формой 'для жаждущих' (духов мертвых)⁷⁸ (греч. гом. δίψα 'жажда', А 642, δίψαυον 'жаждущий' λ 584). Чередование i/e⁷⁹, наблюдаемое в мик. di-ra, гом. βέλας, уже ранее приводилось как аргумент в пользу иноязычного происхождения этого слова, которое можно сопоставить с хеттским названием сосуда tariṣana- (к суффиксу ср. также βέλαστρον) и с, по-видимому, сходным лувийским иероглифическим словом⁸⁰. К тому же

⁷⁷ M. L e j e u n e. Essais de philologie mycénienne. XII Les neutres en -as-. "Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes", 1968, стр. 230-232. У Гомера βέλας обычно означает кубок, который держат в руках. Но в указанном месте XI песни "Илиады" это сосуд, в котором изготавливается напиток, причем сосуд этот с четырьмя ушками (см. мик. di-ra me-wi-jo qe-to-ro-we = βέλας μεφιων q^w ετροφες). Сравнение со сходным местом в "Одиссее" (X песня), где речь идет о приготовлении Цирцеей питья для Одиссея, позволяет думать, что βέλας - у Гомера явно традиционный микенский штамп, возможно, реликт прогомеровского микенского эпоса. Как обнаружил Коллиндж, следы такого употребления (по отношению к солнцу и Гераклу) обнаруживаются и у Стесихора.

⁷⁸ W. K. G. G u t h r i e. Early Greek Religion in the Light of Decipherment of Linear B. "Bull. London Inst. Classical Studies", 6, 1959, стр. 45; другое объяснение ср.: S. M a r i n a t o s. Πυλῶβιον Ἄργος. "Proc. Cambr. Coll. on Mys. Stud.", Cambridge, 1965, стр. 265-84; F. K. A d r e d o s. di-pi-si-jo-i yel mas dipsio de Farsalo. "Minos", 9, 1969, стр. 187-191 (сопоставление с фессалийским названием месяцев Δίψιος D, 546, 479).

⁷⁹ Ср. о других микенских примерах: D. A. H e s t e r. The i/e Alternation in Mycenaean Greek. "Minos", 1960, стр. 24-36.

⁸⁰ P. M e r i g g i. Listes des hiéroglyphes hittites. - RHA, f. 27, 1937, стр. 93, n. 8; В. В. И в а н о в. Проблема ларингаль-

кругу ритуальных предметов, обозначения которых могли быть заимствованы греческим из хетто-лувийских языков принадлежит греч. $\upsilon\rho\sigma\sigma$ 'тирс, жезл вакханок, увитый плющем', возводимое к иер. лув. $tuwarsa$ 'виноградная лоза'⁸¹. Аномальное фонетическое развитие $-\rho\sigma-$ объединяет это греческое слово с греч. $\beta\rho\sigma\alpha$ 'шкура, кожа', предположение о том, что оба они заимствованы из одного источника⁸², подтверждается сравнением $\beta\rho\sigma$ с хетт. $kur\check{s}a-$ 'кожа, шкура, руно, щит'⁸³ (как хеттское заимствование обыч-

ных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии. "Вестник московского университета", 1957, № 2, стр. 24-25, примеч. 6; E. L a r o c h e. Les hiéroglyphes hittites, 1. Paris, 1960, стр. 96, 97; V. P i s a n i. "Annali dell'Istituto Orientale di Napoli", 7, 1966, стр. 44 и след; R. G u s m a n i. Указ. соч., стр. 33, 84 (там же о других названиях сосудов и некоторых других предметов, общих для анатолийских языков и греческого); G. N e u m a n n. Указ. соч., стр. 20. Археологическое подтверждение наличию связей между соответствующими малоазиатскими и эгейскими типами керамики дает P. S r a n o s. Untersuchung über bei Homer $\beta\acute{\epsilon}\lambda\alpha\varsigma$ $\alpha\mu\phi\iota\kappa\iota\mu\epsilon\lambda\lambda\omicron\nu$ genannten Gefäßstypus. Tübingen, 1972.

31 I. G e l b. Hittite Hieroglyphs; I. Chicago, 1931; стр. 10, 86; H. Th. V o s s e r t. Die phönizisch-hettitische Bilinguen vom Karatepe. - Jb. Kl F, Bd. II, Hft. 2, 1952, стр. 177-181. Ср. также: G. N e u m a n n. Указ. соч., стр. 86-87 (сопоставляется также с $\tau\upsilon\beta\alpha\rho\iota\varsigma$ - вид винограда); A. H e u b e s k. Praegreca. Sprachliche Untersuchungen zum vorgriechisch-indogermanischen Substrat (Erlanger Forschungen. Reihe A. Geisteswissenschaften, Bd. 12). Erlangen, 1961, стр. 80. См. также: E. L a r o c h e. - BSL, 1963, стр. 71 и сл. (приводимое там же греч. $\acute{\alpha}\rho\epsilon\nu\omicron\varsigma$ при хетт. $harrinant-$ 'богатый' является скорее "догреческим", а не хеттским заимствованием, так как иначе необъяснимо было бы отсутствие передачи начального $h-$).

82 K. F o r b e s. Medial Intervocalic $-\rho\sigma-$, $-\lambda\sigma-$ in Greek. - "Glotta", Bd. 36, 1956, Hft. 3-4, стр. 271-272. Ср. о диалектном (неаттическом) характере $\beta\rho\sigma\alpha$: P. C h a n t r a i n e. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire de mots, t. 1, стр. 202.

83 E. L a r o c h e. Recherches sur les noms des dieux hittites. Paris, 1947, стр. 75, n. 4; J. F r i e d r i c h. Hethitisches Wörterbuch, Heidelberg, 1952, стр. 119. Если для лув. $kur\check{s}a\check{s}e-$ правильно определено значение 'военный' (P. M e r i g g i. Testi luvi. - "Athenaeum", Nova Serie, vol. XXXV, 1957, fasc. I-II, стр. 63-

но рассматривается и строассирийское kursannum 'меха, кожаный сосуд для жидкости' в текстах из колоний в Малой Азии XX-XVIII вв. до н.э., ср. угарит. krsn с тем же значением⁸⁴). Датировка этого заимствования микенской эпохой подтверждается трактовкой начала (греч. мик. *kursa > βύρσα), сходной с именем города Βύρσος, время заимствования которого относится к периоду до 1200 г. до н.э., после которого исходная форма Gubla изменяется в Gubál⁸⁵.

Доказываемое всеми приведенными фактами (и рядом других, им подобных) положение, согласно которому Греция и весь Эгейский мир составляли по существу часть культурно-языкового ареала Древнего Ближнего Востока, имеет исключительное значение не только для истории греческого языка и материальной культуры, но и для исследования истоков греческой мифологии и эпоса, испытавших глубокое воздействие хурритских мифологических поэм (видимо, через хеттские переводы).

64; E. L a r o s h e. Dictionnaire de la langue louvite, стр. 60), то это слово может иметь первоначальную внутреннюю форму 'относящийся к щиту' и этимологически связано с хет. kurša-. Последнее слово часто встречается в сакрализованном контексте, который может быть важен для интерпретации причин заимствования. В частности, бог-защитник руна (^dLAMA kurša-aš) постоянно упоминается в списках хеттских богов в государственных договорах, а также в ритуалах типа КВо XVII 105 (см. транслитерацию и перевод: В.В.И в а н о в, В.Н. Т о п о р о в. Указ. соч., стр. 51, ср. стр. 35, где разбирается использование слова kurša в ритуале Телепинуса).

84 I. J. G e l b. Cappadocian Tablet supposedly from the Neighborhood of Carchemish. "Athenaeum", n.s., v. XLVII, fasc. I-IV, 1969 ("Studi in onore di Piero Meriggi"), Pavia, 1968, стр. 122-123; Ср. G u s m a n i. Указ. соч., стр. 32.

85 W. F. A l b r i g h t. Some Oriental Glosses on the Homeric Problem. - AJA, vol. 54, 1950, стр. 165-166. Предположенная в этой статье ранняя датировка усвоения греками семитского алфавита в настоящее время может быть сопоставлена с эпиграфическими данными, на основании которых высказывается гипотеза о дате этого усвоения около 1100 г. до н.э. (т.е. во время возможных контактов греков на Эгейских островах с семитами уже после утраты микенского письма В). J. N a v e h. Some Semitic Epigraphical considerations on the Antiquity of the Greek Alphabet. - AJA, vol. 77, 1973, No. 1, стр. 1-8. Ср. о происхождении ф βύρσος в связи с вопросом происхождения письменности у греков.: F. D o r n s e i f. Указ. соч., стр. 32. Ср также: J. D. M u h l y. Homer and the Phoenicians. "Berytus", 19, 1970, стр. 19-64.

Как и по отношению к некоторым приведенным лексическим фактам, при сравнительном изучении древнегреческой мифологии и эпоса наряду с хеттским и хурритским влиянием допускается и воздействие других переднеазиатских традиций, в частности опосредованной шумеро-аккадской и непосредственно угаритской⁸⁶. Поэтому особое значение могут иметь возможные лингвистические доказательства, что именно хеттский язык (или другие анатолийские) мог оказать влияние на язык раннего греческого эпоса. В этом отношении особый интерес представляет гомеровское название крови богов $\iota\chi\acute{\alpha}\rho$ (E 340 и 416), которое самим Гомером разъясняется как $\kappa\alpha\iota\beta\acute{\alpha}\rho\sigma\tau\omicron\nu\ \alpha\tilde{\iota}\mu\alpha\ \theta\epsilon\omicron\sigma\omicron$ 'кровь бессмертных богов' (E 339), что можно рассматривать как своего рода глоссу к этому слову. Сопоставление этого слова с хет. $e\check{s}har$ (др. хет. e-es-har), $i\check{s}har$ свидетельствует с несомненностью о заимствовании этого слова в греческий язык из анатолийских (скорее всего из хеттского) ввиду а в родственной лувийской основе $a\check{s}har-$), причем е (вероятно, закрытое) передано как \check{i} (ср. позднихеттское $\check{i} < \underline{e}$, что, быть может, позволяет уточнить время заимствования, отнеся его ко 2-й половине II тысячелетия до н.э.), тогда как хет. n соответствует греч. χ , как и в названии $A\check{h}hiyawa$ ⁸⁷.

⁸⁶ F. D o r n s e i f. Указ. соч., стр. 35 и сл. (где допущение египетского влияния согласуется с приведенным выше, см. 59, данными, ср. также ниже); A. H e u b e c k. *Mythologische Vorstellungen des alten Orients im archaischer Griechentum*. "Gymnasium", 62, A. L e s k y. "Saeculum", 5, 1955; G. S t e i n e r. *Griechische und orientalische Mythen*. "Antike und Abendland", 6, 1957, W, особенно раздел 3 (Eastern Poetry and Mycenaean Poetry), стр. 64-90; P. W a l c o t. *Hesiod and the Near East*, University of Wales. Cardiff, 1966; W. L. W e s t. *Early Greek Philosophy and the Orient*. Oxford, 1971. Ср. G. S t e i n e r. *Die Unterweltbeschwörung des Odysseus im Lichte hethitischer Texte*. "Ugarit-Forschungen", Bd. 3, 1971, стр. 265-283; O. S z e m e r é n y i. Указ. соч., стр. 157 (с дальнейшей литературой). Особый интерес представляет допущение влияния недавно дешифрованной древнехурритской музыки (и лирики) Угарита на греческую: A. D. K i l m e r. *The cult song with music from Ancient Ugarit; another interpretation*. "Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale", vol. LXVIII, 1974, No, 1, стр. 82.

⁸⁷ В. В. И в а н о в. Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии, стр. 24-25, там же предшествующая литература вопроса; P. K r e t s c h m e r. *Hettitische Relikte im kleinasiatischen Griechisch* (Abh. d. Österreichisch.

Это заимствование из хеттского в древнегреческий представляет интерес потому, что гомеровское $\iota\chi\alpha\rho$ относится к особым словам, отличающим "язык богов" от "языка людей"⁸⁸; аналогии подобного противопоставления были обнаружены Фридрихом в хеттских текстах, Дорнзейфом в египетских⁸⁹. Но в настоящее время параллели различению словаря богов и людей найдены и в других индоевропейских традициях, в частности древнеирландской⁹⁰. Поэтому по отношению к языку Гомера само это различие может быть объяснено не только воздействием хеттской традиции (вероятнее всего, через посредство хеттской) на греческую, так как последняя, как и сходная древнеирландская, может восходить к общеиндоевропейским истокам. Но и в некоторых других отношениях вероятно влияние туземной анатолийской (хеттской) традиции на греческую. В частности, давно уже обращалось внимание на параллелизм Телепина и Телефа⁹¹ и на разительное сходство мифа о борьбе Зевса с Тифоном и известного в хеттской передаче хеттского мифа о схватке бога Грозы с демоном-змеей (хет. *illujan-kaš*)⁹².

Akad. d. Wissensch, No. 25), Wien, 1951. Указанные Г.Нейманом трудности, связанные с наличием группы фонем $\check{e}h$ в хеттском слове (G.N e u m a n n. Указ. соч., стр. 18), не представляются непреодолимыми ввиду того, что в самом хеттском языке эта группа в данном слове, вероятно, заменяется одной фонемой, если с ним связан как его вариант *eššar*, наряду с которым вполне реально предположение варианта $*ešhar > *išhar$ (где \check{e} может быть графическим отражением \check{o}), ср. также развитие $\check{e}h > h\check{e}$ в хурр. *hi-ya-ru-uh-hé* 'золото': E.S p e i s e r. Introduction into Hurrian. New Haven, 1940, стр. 46.

⁸⁸ K.G ü n t e r t. Die Sprache der Götter und der Geister. Halle, 1921.

⁸⁹ Дорнзейф в цикле своих статей, существенных для темы настоящей статьи, ссылается на наличие особой крови богов как на черту, параллельную наличию у них особого языка: E.D o r n s e i f. Указ. соч., стр.66-67 и 210.

⁹⁰ C.W a t k i n s. Language of Gods and Language of Men: Remarks on Some Indo-European Metalinguistic Traditions. "Myth and Law among the Indo-Europeans. Studies in Indo-European Comparative Mythology", Berkeley-Los Angeles, 1970.

⁹¹ W, 67. Ср., в частности, широко проведенное исследование В.Н.Топорова. В.Н. Т о п о р о в. Указ. соч.

⁹² W.P o r z i g. Illujankaš und Typhon. "Kleinasiatischen Forschungen", I Bd., Hft. 3, 1930, стр.379-387. Об этимологии *il-*

Но, как установлено в целой серии работ, для использования последнего греческого сюжета существенны и другие древнеближневосточные параллели, прежде всего хурритский эпос об Улликумми, дошедший в новохеттском переложении⁹³, которое можно с определенностью датировать эпохой Нового Царства, когда особенно велико было число хурритских рапсодов в хеттской столице⁹⁴.

Для отождествления двух версий – греческой и хеттской особенно существенно то, что в поздней греческой традиции (у Аполлодора) сохраняется приурочение битвы с Тифоном к горе *Kάσιον βρος* (в северной Сирии угаритская гора Цафон⁹⁵ – место пребывания богов в угаритском мифологическом эпосе), почитавшейся в качестве священного места бога Грозы (Зевса). Та же гора (*Ḫazzi*) как место пребывания бога Грозы, куда он переходит под натиском чудовища Улликумми, упомянута в "Песне об Улликумми" (ср. также хурритский ритуал этой горы в Богазкейском архиве КВо VIII 86, 88, Cat. № 785). К числу отдельных важных совпадений, объединяющих греческий вариант мифа с хеттским, принадлежит мотив резака, который отделил небо от земли. Последний мотив в "Песне об Улликумми" связывается с гигантом Упелдури, держащим на своем плече небо и землю и представляющим собой точное

luuankañ и сравнительном объяснении всего змееборческого сюжета см.: В.В. Иванов, В.Н. Топоров. Указ. соч., стр. 134–135 и др.

⁹³ H.G.G ü t e r b o s k. The Song of Ullikummi. – JCS, vol. V, 1951, No. 4; vol. VI, No. 1, 1952, см. также комментированный перевод эпоса, выполненный автором, в издании: "Поэзия и проза Древнего Востока" ("Библиотека всемирной литературы", серия первая, 1). М., 1973, стр. 234–245 и 684–686; J. F o n t e n e r o s e. Python: A Study of Delphic Myth and its origins. Berkeley – Los Angeles. 1959. Ср. также об отражении хеттского змееборческого мира в иконографии: H.G.G ü t e r b o s k. Narration in Anatolian, Syrian and Assyria Art, AJA, vol. 61, 1967, No. 1, стр. 64.

⁹⁴ Характерно, что, согласно списку лиц, обслуживавших один из храмовых центров литературной и музыкальной деятельности в Хаттусаи, из общего числа 208 служителей 10(4,8%) были "певцами, певшими по-хурритски" (т.е. рапсодами, исполнявшими хурритские поэтические сочинения): K. B i t t e l. Boğazköy. The excavations of 1967 and 1968. "Archeology", vol. 22, 1969, No. 1, стр. 278.

⁹⁵ Ср. уже O. E i s f e l d. Baal Zaphon, Zeus Kasios usw. Halle, 1932.

соответствие греческого Атласа⁹⁶. Отрезав с помощью резака подножье Кункунуцци (Улликумми) от плеча Упелдури, держащего на себе Небо и Землю, За лишает Кункунуцци его силы (что также имеет параллели в греческой мифологии, в частности в мифе об Антее). В греческой мифологии такое же орудие выступает как способ отделения от Земли (Гайи) Неба (Урана) и оскопления последнего — главного бога второго поколения главным богом третьего (следующего) поколения (Кроном), что (по их ролям в аналогичном эпизоде и по синтагматическому месту в ряду из четырех поколений⁹⁷) позволяет отождествить с Кроном и Ураном соответственно хетто-хурритских Кумарби и Ану (в конечном счете от шумер. An 'Небо', что по внутренней форме совпадает с греч. гом. οὐρανός 'Небо'). В хеттско-хурритском цикле о царствовании на небесах Ану, спасаясь от Кумарби, его оскопляющего, взлетает к небу (возвращаясь в свою стихию), тогда как в предшествующем эпизоде Аладу, спасаясь от Ану, бежит в Нижний Мир. Предлагаемая интерпретация хеттско-хурритского мифа⁹⁸ дает окончательное (недостававшее ранее)⁹⁹ доказательство тождества главных богов первого поколения —

⁹⁶ Ср. A. L e s k y. — "Anzeiger für Alttertumswissenschaft", 1950, стр. 148; О н ж е. Zum hethitischen und griechischen Mythos. — "Eranos", 52, 1954; О н ж е. Gesammelte Schriften, стр. 369; M. L. W e s t. Указ. соч., стр. 369; О н ж е. Hesiod. Theogony, 1966, стр. 517.

⁹⁷ Ср. E. F o r r e r. Göttergeschichte als Weltgeschichte im alter Orient. "Forschungen und Fortschritte", 11, 1935, стр. 398 и след. H. G. G ü t e r b o c k. Kumarbi. Mythen vom churritischen Kronos, Zürich-New York, 1946; P. Meriggi. Miti di Kumarpi, il Kronos currico. "Athenaeum", N.S. vol. XXXI, 1953; ср.: P. W a l c o t. Указ. соч., стр. 1-16 (глава 1. "Theogony and the Hittite Material").

⁹⁸ См. комментированный русский перевод, выполненный автором: "Поэзия и проза Древнего Востока", стр. 246-247 и 686-687. Намеченная там же в комментарии параллель с египетским мифом о Горе и Сете независимо от автора развита в более новой статье: E. S. M e l t z e r. Egyptian Parallels for an Incident in Hesiod's Theogony and an Episode in the Kumarbi Myth. "Journal of Near Eastern Studies", vol. 33, 1974, стр. 156. Ср. литературу о влияниях египетских мифов, указанную выше, сн. 59 и 86 и ниже, сн. 100.

⁹⁹ См. F. V i a n. [Рец.] J. R u d h a r d t. Le Thème de l'eau primordiale dans la mythologie grecque. "Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes", t. 56, 1972, f. 2, стр. 285. Можно думать, следовательно, о греческом четы-

Алалу и Океана, которые оба представляют Нижний мир (ср. об $\Omega\mu\epsilon\alpha - \nu\acute{o}\varsigma$ и 512 и др.). Наконец, в четвертом поколении богов главный из них – бог Грозы Тешуб совпадает по своей функции с громовержцем Зевсом (греческое имя, которого, впрочем, первоначально восходило к имени бога ясного неба), в связи с чем особое значение приобретает отождествление Зевса с $\zeta\acute{\alpha}\varsigma \text{ Ζηντός}$ и лув. $\check{S}anta\check{s}$ (богом Грозы)¹⁰⁰, что и в данном случае позволяет предположить лувийское посредничество между греческой и хеттской традициями. Поскольку в этих последних, следовательно, совпадает не только мотив различения поколений богов и мотивы оскопления главного бога старшего поколения (Ану, Урана) главным богом, приходящим ему на смену, и мотив проглатывания одним из старших богов (Кроном, Кумарби) других богов (или семени, от которого зачаты другие боги), потом из него выходящих, но и семантическая значимость и синтагматические функции в соответствующих сюжетах каждого из четырех главных богов, исключительный интерес представляет то, что эпитет титанов у Гесиода – $\pi\rho\acute{\tau}\epsilon\rho\alpha\iota \theta\epsilon\omicron\iota$ 'прошлые боги'¹⁰¹ является точной калькой хет. $Karu-$
 $me\check{s}$
 $ile\check{s} \check{s}iune\check{s}$ (идеограмма DINGIR), выступающего в различных хеттских текстах религиозного содержания (в частности, в гимнах Богу Солнца).

Можно отметить также и некоторые повторяющиеся в древнегреческом эпосе поэтические приемы, совпадающие с хеттскими (и с египетскими), в частности разговор человека с душой¹⁰² как обозначение размышлений героя (регулярно используемое

рехчленном ряде: Океан (ср. Нижний Мир – Темная Земля у хеттов) – Небо – Время ($\chi\rho\acute{o}\nu\omicron\varsigma$) – Гром.

¹⁰⁰ M.L.W e s t . Early Greek Philosophy and the West, стр. 51. Однако отождествление Зевса не с Тешубом, а с Кумарби можно предположить на основании эпизода в хеттской Теогонии (Кув XXXIII 120 II 37–38), где божество, подобно Афине, выходит из головы (tarna 'череп', возможно, лувийское существительное, имеющееся в шумеро-акадско-хеттских словарях) Кумарби, см. E.L a r o - c h e. Etudes de linguistique anatolienne. II -RHA, vol. XXIV, fasc. 79, 1966. Ср. также египетскую параллель: J.K a s t e r. Wings of the falcon, New York, 1968, стр. 250–251.

¹⁰¹ M.L.W e s t. Hesiod. Theogony. Oxford, 1966, стр. 301; J.P.V e r n a n t. Mètis et les mythes de souveraineté. "Revue de l'histoire des religions", t. CLXXX, 1971, No. 1, стр. 39, n. 6.

¹⁰² Ср. о разговорах с душой ($\Psi\upsilon\chi\acute{\eta}$) в греческом эпосе: J.L a n g. The Concept of Psyche: its Genesis and Evolution. "Acta ethnographica", t. 22. Budapest, 1973, No.1–2, стр. 190.

в "Песне об Улликумми" и в то же время давшее название известному египетскому папирусу).

С хурритскими литературными произведениями, известными в хеттских переводах, совпадают и некоторые другие мотивы гомеровских поэм: победа хурритского героя Гурпанцаху над соперниками в стрельбе из лука (Кув XXXVI 67), очень близка к эпизоду столкновения Одиссея с женихами Пенелопы, причем роль мужа в микенский период позволяет достаточно точно определить время этого заимствования¹⁰³.

В свете указанных языковых и сюжетных свидетельств влияния хеттской эпической литературы на древнегреческую представляется возможным допустить влияние метрической формы хеттского, лувийского или хурритского эпоса (в частности, таких поэм, как "Песнь об Улликумми"), на греческий эпический гекзаметр. Еще Мейе, реконструируя древнейшие индоевропейские истоки греческого стиха, предположил, что гекзаметр мог быть формой заимствованной¹⁰⁴. Намеченные в классической филологии (в частности, Бергком) более века назад характерные черты греческого "прастиха" (Urvers), отраженного в позднейшем паронимическом стихе пословиц, обнаруживают общие черты с такими индийскими метрами, как гятри, и с аналогичными семи- и восьмисложными размерами в других индоевропейских традициях (славянской, ирландской, латинской, хеттской), позволяющими реконструировать общеиндоевропейский семи- и восьмисложник¹⁰⁵, структурно близкий к общекартвельскому¹⁰⁶. Выводы сравнительно-исторического стиховедения о вторичном характере гекзаметра на гречес-

¹⁰³ L.A.S t o l l a. Il poema di Ulisse, стр. 146; W.p. 84; ср. об этом хеттском тексте H.G.G ü t e r b o s k. "Zeitschrift für Assyriologie", NF, Bd. 44, 1939, стр. 84 и след.

¹⁰⁴ A.M e i l l e t. Origines indo-européennes des metres grecs. Paris, 1923.

¹⁰⁵ R.J a k o b s o n. Slavic Epic Verse. Studies in Comparative Metrics. - "Selected Writings", IV, Slavic Epic Studies. The Hague-Paris, 1966; C.W a t k i n s. Indo-European Metrics and Archaic Irish Verse. - "Celtica", vol. VI, 1962; В.В.И в а н о в. Заметки по индоевропейской поэтике. "To Honor Roman Jakobson", vol. 2. The Hague, 1967; T.C o l e. The Saturnian Verse. "Studies in Latin Poetry" (Yale Classical Studies, vol. XXI). Cambridge, 1969; M.L.W e s t. The Indo-European Metre. "Glotta", LI Bd., 3-4 Hft, 1973 (ср. там же, стр. 169, о возможных объяснениях вторичного происхождения гекзаметра).

¹⁰⁶ Г.В.Ц е р е т е л и. Метр и рифма в поэме Руставели "Витязь в барсовой шкуре" (на груз. яз.), Тбилиси, 1973, стр. 19, 52-53, 99-100. Ср. Г.В.Ц е р е т е л и. "Контекст, 1973". М., 1974.

кой почве подтверждаются метрическим исследованием языка микенских табличек линейного письма В. Заголовки некоторых из них (KN Og 0467; PY An, 1, 35) могут быть интерпретированы как паронимический стих (ἐρέται πλευρώναδ' ἴοντες; τοιχοδόμοι βερεβντες = to-ko-do-mo de-me-o-te) или как ему подобные формы¹⁰⁷. Еще более существенно то, что метрика микенского времени, по-видимому, несовместима с теми правилами, которые необходимы для функционирования гекзаметра, объяснимого из языковых правил значительно более поздней эпохи¹⁰⁸. Не исключено, что греческая метрика испытала влияние как восточных образцов II тысячелетия, включивших и литературу на анатолийских индоевропейских языках, так и их продолжения (в частности в лидийском стихе, продолжавшем хеттскую и в конечном счете общеиндоевропейскую традицию¹⁰⁹). В этой связи значительный интерес представляет греческое гомеровское название 'песни, воспевания' οἴμη, сопоставляемое с хет. iṣḫamai- 'песнь'; это греческое слово рассматривается "как доказательство малоазийского влияния на греческую поэтику, так как греч. οἴμη, как хет. iṣḫamai -, является обозначением, исходящим из образа "связывания воедино" разных частей песни"¹¹⁰, ср. хет. iṣḫamina 'шнур', родственное iṣḫamai. - Здесь, как и в некоторых других случаях¹¹¹, плодотворности контак-

107 T. B. L. W e b s t e r. Homer and the Mycenaean Tablets. "Antiquity", No. 113, 1955, стр. 10; J. K u r y I o w i c z. L'apophonie en indo-européen, Kraków, 1956, стр. 283.

108 См. J. K u r y I o w i c z. Указ. соч., стр. 273-285; C. G a l l a v o t t i. Tradizione micenea e poesia greca Arcaica. - "Atti e memorie del Congresso Internazionale di micenologia", 1, Roma, 1969.

109 D. G. M ü l l e r. Traces of Indo-European Metre in Lydian. "Studies Presented to Professor Roman Jakobson by his Students", Cambridge, Mass., 1968; M. L. W e s t. "Kadmos", 11, 1972, стр. 165-175, ср.: W. B r a n d e n s t e i n. Metrisches in epichorischen Texten des grossägäischen Raums. "Europa. Festschrift für E. Grumach", B. 1967, стр. 23-31.

110 K. L a z z a r o n i. [Рец.] K. S c h m i t t. Dichtung und Dichtersprache der indogermanischer Zeit. "Studi e saggi linguistici", VII (supplemento alla rivista "L'Italia dialettale", vol. XXXI, NS VIII), 1968, стр. 228.

111 Ср., в частности, о сходстве употребления в одинаковых ритуальных контекстах, связанных с тождественными жертвоприношениями, хет. ṣpant- 'совершать жертвенное возлияние' и греч. σπένδω у Гомера в комбинации с названием вина: В. В. И в а н о в.

та анатолийской традиции с греческой могла способствовать первоначальной общности их индоевропейских истоков.

Из особенно разительных гомеровско-анатолийских сходов следует указать на совпадение мотива Цирцеи, запирающей в 'свиной хлев' (συφείβος) спутников Одиссея (ῥα βδω πεπληγυῖτα κατὰ συφεύσειν ἔεργον 'заперла в свином хлеву, коснувшись жезлом', к 238) и богини Иштар, запирающей (хет. ištār-) как свинью 'в хлеву' (ḫumma) Урхитешупа ("Автобиография Хаттусилиса", IV 26). Название 'свиного хлева' SAH-aš ḫu-um-ma-aš встречаются в хеттских текстах с глоссовым клином и фонетически напоминает образование на -ma- от и.-е. названия свиньи *su- с развитием *su->hu-(ср. греч. ⁵-).

О методах изучения истории индоевропейского праязыка и его диалектов. - "О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков". М., 1960, стр. 141-142. Последнее в обоих языках является, видимо, если не общеиндоевропейским наследием, древним заимствованием праязыкового времени, дающим одинаковые производные (ср. о топонимах: хет. Wiyawawanda- гр. Οἰνωῦσσα E. L a r o c h e. Etudes de toponymie anatolienne, стр. 62), ср. J. P. B r o w n. The Mediterranean vocabulary of the vine. "Vetus Testamentum", 19, 1969, стр. 146-170. Кроме других сходств, рассмотренных выше, следует обратить внимание на многократно отмечавшееся совпадение хеттских царских погребальных обрядов с гомеровскими греческими, в частности описанными в "Илиаде", см.: L. C h r i s t m a n n - F r a n c k. Le rituel des funérailles royales hittites. - RHA, t. XXIX, 1971, стр. 60-64 и др. - Из отдельных возможных сближений социальных терминов можно отметить возможную связь мик. креч. do-e-ro 'раб', гомер. δοῦλος 'раб' (δοῦλιον ἥμαρ 'день рабства'), для которого уже Бенвенист предполагал малоазиатское происхождение; с малоазиатской "истанувийской" формой ḫutarla- (KUB XXXV 136 Verso IV 16), лув. ḫutarli- 'раб' (-r1- может быть передачей одной плавной фонемы, как в хеттской передаче имени хурритов ḫurla-, тогда форма [ḫutal-] отличается от δοῦл- только наличием h и начальным u-, из метатезы которого могло произойти δοῦ).

К ДРЕВНЕБАЛКАНСКИМ СВЯЗЯМ В ОБЛАСТИ ЯЗЫКА И МИФОЛОГИИ

В этой статье предпринимается попытка на примере анализа ряда частных явлений лингвистического и культурного характера, относящихся к Балканам, подчеркнуть ту идею, что именно в этом ареале скрещивались многочисленные этнокультурные элементы, имеющие свой исходный локус в других районах. Поэтому анализ древнебалканских культурно-языковых явлений должен в будущем сыграть важную роль и в решении проблемы индоевропейских миграций в последние тысячелетия до н.э.

Значение Балкан (как отчасти и Апеннинского полуострова) в истории Древнего мира определяется их включенностью в связи двух разных типов - с древними центрами средиземноморской культуры, прежде всего с Малой Азией и Ближним Востоком, и с носителями археологических культур, находившихся к северу от Балкан (трипольская, лужицкая, протобалтийская, германские культуры I тыс. до н.э. и т.п.). В первом случае Балканы выступали в основном как заимствующая сторона, причем контрагентом являлись неиндоевропейские этнокультурные комплексы, локализирующиеся к востоку от Балкан. Во втором случае Балканы были той стороной, у которой заимствуют. При этом в качестве реципиента (и, возможно, передатчика) выступали индоевропейские племена. Обобщающие работы последних лет по археологии древней Европы подчеркивают особую роль Балкан в ранней истории индоевропейских племен¹ и дают основание, в частности, считать, что во 2-й половине III тыс. до н.э. ахейцы и хетты находи-

¹ Ср. P. V o s c h - G i m p e r a. Les Indo-Européens: problèmes archéologiques. Paris, 1961; M. G i m b u t a s. The Prehistory of Eastern Europe. Cambridge, 1956; The Bronze Age Cultures of Central and Eastern Europe. The Hague - New York - London, 1965; The Relative Chronology of Neolithic Chalcolithic Cultures in Eastern Europe North of the Balkan Peninsula and the Black Sea. "Chronologies in Old World Archeology". Chicago, 1965; Proto-Indo-European Culture; The Kurgan Culture during the Fifth, Fourth, and Third Millennia B.C. "Indo-European and Indo-Europeans". Philadelphia, 1970; R. W. E h r i c h. Some Indo-European Speaking Groups of the Middle Danube and the Balkans; Their Boundaries as Related to Cultural Geography through Time. Там же, и др.

лись в восточной части Балкан, в непосредственной близости с Малой Азией; в середине II тыс. здесь уже находились фракийцы (и фригийцы, которые на рубеже I и II тыс. были уже в Малой Азии, где, между прочим, отмечены и венеты, о которых следует помнить в связи с иллиро-венетскими племенами Балкан и северо-восточной Италии). Стоит напомнить, что позже отчасти сходный путь проделали отдельные кельтские племена (заслуживает внимания сам факт детерминированности определенных этнических миграций структурой данного пространства).

Уже сам факт преемственности указанных этнических комплексов в этой части Балкан весьма показателен и едва ли мог не оставить по себе следов. Вместе с тем в переходный период между бронзой и железом началась усиленная инфильтрация элементов лужицкой культуры в сторону Черного моря, Дуная и Балкан ("понтийская" миграция), не оставшаяся без последствий в конечном счете и для Малой Азии (ср. падение Хеттского Царства, разрушение Трои и т.п.). В более поздние времена примеры связей между южной Прибалтикой, Балканами (и Италией) все более умножаются (ср. путь готов от устья Вислы на юг и т.д.). Средневековая историографическая традиция сохраняет много указаний на такого рода связи (ср. *Geatas* в "Беовульфе" и *геты*; герулы на берегах Балтийского моря и на Балканах; ряд других общих этнонимов, в частности с корнем **prūs-*, **sēl-* и т.п., о чем см. в другом месте; сведения о прусском посольстве в Рим в V в. н.э. в "Хронике" Симона Грунау и т.п. — вплоть до ряда данных такого рода в сочинениях писателей XVIII и даже начала XIX в., ср. Августа фон Коцебу). Пренебрежительно-отрицательное отношение к этой ранней традиции сейчас уступает место более внимательному подходу с тенденцией к доверию. В этих условиях сама проблема балтийско-балканских культурных и языковых связей не должна вызывать возражения.

В настоящее время возникла не только возможность, но и потребность в рассмотрении этих связей и введении их в более четкий пространственный, этнический и хронологический контекст. Такая возможность открылась благодаря новым обширным собраниям фракийского и иллирийского языкового материала (ср. труды Дечева, Краэ, Майера и др.), его дифференциации и более углубленному толкованию на фоне развивающихся исследований древнейших языков Балкан, Малой Азии (отчасти Италии). Потребность же в изучении балкано-балтийских связей возникла как из попыток дальнейшего уяснения места фракийского и иллирийского языков среди других индоевропейских, так и из открытия многочисленных следов гидронимии и топонимии "балтийского" типа на широких пространствах, примыкающих к историческому ареалу балтийских языков (восточнославянские зем-

ли, территории к западу от Вислы, к югу от Нарва и т.д.)², или соответствий между балтийскими и балкано-адриатическими ономастическими данными³. Преимущественное значение имеют те соответствия, которые засвидетельствованы не только на периферии (Прибалтика, Балканы), но и на территориях между ними. Особенно существенны параллели, обнаруживаемые между названиями смежных ареалов

² Помимо старых работ Кочубинского, Буги, Фасмера и др. ср. исследования последних полутора десятков лет (Шаль, Принц, Фальк, Трубочев, автор этих строк и др.). Из последних работ см. также W. S c h m i d. Baltische Gewässernamen und das vorgeschichtliche Europe. "XI Congrès International des sciences onomastiques. - Résumés des communications". Sofia, 1972.

³ Инициатива в разработке этой темы принадлежала ученым балтийских стран (Басанавичюс и Каспарсонс). Особенно велика в этом отношении была роль Й. Басанавичюса, привлекая еще в конце XIX - начале XX в. для решения этой проблемы данные лингвистики, фольклористики, мифологии, истории, археологии и давшего начало идее "фракизма" в Литве, популярной в свое время в кругах литовской интеллигенции. К. Буга считал необходимым энергично выступить против этой теории; при этом он исходил из критики многочисленных параллелей, приводимых Басанавичюсом, и общего духа дилетантизма. После II мировой войны идея балто-балканских связей возникла снова, но уже на совсем других основаниях. Ср. H. K r a h e. Vorgeschichtliche Sprachbeziehungen von den baltischen Ostseeländern bis zu den Gebieten um den Nordteil Adria. "Akad. d. Wiss. u. Liter. Abhandl. d. Geistes- und Sozialwiss. Kl. M a i n z". 1957, No. 3; G. A l e s s i o. Un'oasi linguistica preindoeuropea nella regione baltica? "Studi Etruschi" 19, 1946-1947; I. D u r i d a n o v. Thrakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969; L'ethnogenèse des peuples balkaniques. "Studia balcanica", N 5, Sofia, 1971 (ср., однако: К. В л а х о в. Към въпроса за трако-дако-балтийските езикови отношения. "Годишник на Софийския Университет. Филологически факултет", т. 64, 1970-1971, № 1, стр. 57-109); S. K a r a l i ū n a s. Trakiškios lietuvių kilmės teorija. "Pergalė", 1971, N 1, стр. 140-150; Dar karta apie lietuvių kilmę "Mokslo ir gyvenimas". 1971, N 1, стр. 17-19; В. Н. Т о п о р о в. Несколько иллюзийско-балтийских параллелей из области топониматики. "Проблемы индоевропейского языкознания". М., 1964; О н ж е К фракийско-балтийским языковым параллелям. "Балканское языкознание". М., 1973 и др. В последнее время ряд работ на эту тему подготовлен В. Римшей.

Карпат и Правобережной Украины, с одной стороны, и Балканами, с другой⁴. Повторяемость именно таких названий не только дает гарантию надежности данного соответствия, но и позволяет в ряде случаев установить детали процесса распространения названий этого типа. Ср. такие ряды, как Buteliten в Восточной Пруссии (при прусских личных именах Butele, Butil, Buteliūnų kaimas в Литве, Бутельский в басс. Днестра (ср. Бутывия), фрак. Vital-costa (с i из u), иллир. Βουτ-ε-λι- (при Butua, легшее в основу мак. Битоль). Или: прусск. Gobrio (из Gabrio), лит. Gabrinė, Gābrio, Gabriškių upėlė, Gabrelių kaimas (ср. имя Gabrys)⁵, лтш. Gabrani, Gabris, Gabri; Gabrelin, Gobrowo в басс. Вислы; γαβρήτα ὄλη как название Чешского леса у Страбона и Птолея, Габрово, Габрит в Болгарии; фрак. Gabranus. Или: лит. Garūnupis (но и Gaīnupis, Garnūnupis и т.п., возможно, обнаруживающие иные связи), лтш. Garena pļava, Garaipa-pļava, Garaste; верхнеднепр. Гариста, Гараставка; Goryń, Goryńskie Jez. в басс. Вислы; Горынь в басс. Припяти; Герыня, Джурьнь в басс. Днестра; иллир. Γερρούν, Gerunium; фрак. Gerastus, Γεράστος, Γέρραι и др. Таких параллелей уже сейчас можно насчитать десятки. Весьма интересно, что многие из соответствий продолжают и в Малой Азии. Ср. "Ἐδέσσα (Эпир, Македония - Фригия) при лит. Vedosa, верхнеднепр. Ведоса, Вадоса; Καῦνος (Крит - Кария) при прусск. Kawnyne, Kawniten, лит. Kaunas, Kaunių km., лтш. Kaunata и т.п.⁶ Даже недавно исследованные анатолийские названия на -nd-⁷, согласно считавшиеся неиндоевропейскими, в ряде случаев находят удивительные (правда, не всегда пока объяснимые) соответствия в поясе между Балтийским морем и Балканами (ср. анат. Mammaranda при словацком мифологическом имени с далеко идущими связями Ma(r)murien(d)a).

Эти топонимические изоглоссы приобретают еще большее значение в свете совпадений апеллятивной лексики между Прибалтикой и Балка-

⁴ См. О.Н. Трубачев. Названия рек правобережной Украины. М., 1968.

⁵ Хотя некоторые из этих названий обнаруживают связь с известным библейским именем, вся совокупность относящихся сюда фактов не может быть объяснена этой связью. Ср. на территориях к югу: Gabrelin, Gobrowo, Гобрелино, Гобричь, Габрино и т.п.

⁶ Ср. списки балкано-малоазийских топонимических соответствий; J. V. N a l e y, C. V. B l e g e n. The Coming of the Greeks. "American Journal of Archaeology". Vol. 32, 1928; Ю. В. О т к у п - щ и к о в. Балкано-малоазийские топонимические изоглоссы. "Галканское языкознание". М., 1973 и ряд других недавних работ.

⁷ См.: B. R o s e n k r a n z. Fluss- und Gewässernamen in Anatolien. - ВНФ 1 (NF), 1966, стр. 124-144.

нами. Причем речь идет не столько о "Wanderwörter", сколько об общих словообразовательных и семантических моделях, нередко воплощающихся в сходных звуковых формах⁸. Забегая вперед, можно сказать, что именно наличие общего фонда языковых и культурных моделей (без сколько-нибудь очевидных заимствований в ту или другую сторону) характерно для всего этого меридионального пояса. Этот вывод ни в коей мере не противоречит заметной изменчивости этих моделей в зависимости от того, в какой более широкий культурно-языковой контекст они включены. Наличие локальных и хронологических вариантов общих в своей основе схем как раз и является удобным поводом как для решения задач стратификации, так и для последующих реконструкций тех или иных культурных феноменов и определения этапов их последующего исторического развития.

Здесь уместно остановиться только на некоторых соответствиях, оставляя пока в стороне более общие выводы, для которых потребовалось бы значительно большее число материалов. Имя главной богини Норика Noreia, видимо, иллирийского происхождения. Суффикс -eia, широкое распространение имен этого корня с разным вокализмом в иллирийских источниках⁹, наконец, географические и исторические соображения говорят скорее в пользу иллирийской (чем кельтской)¹⁰ принадлежности слова, пока остающегося необъясненным. О том, что Noreia была, несомненно, богиней плодородия, свидетельствуют некоторые детали, относящиеся к ее почитанию и изображению в искусстве (ср. рог изобилия, козел как культовый символ, связь или даже отождествление ее с Исидой и/или Фортунной в votивных надписях типа Noreiae Isidi F/ortunae/... и под., см. СІІ ІІІ, 4809, 4910, 5300 и др.). Общие соображения и ряд частных говорят о связи этой богини с подземным царством (в о д о й), ср., например, весло как атрибут Нореи (известная статуя Нореи из Клагенфурта), противопоставление Юпитеру-небу (ср. обычные последовательности богов-покровителей всех царств): J(ovi) o(ptimo) m(aximo)... et Noreiae sanctae (СІІ ІІІ, 5188) или даже Марсу: Marti A(ug.)t N(oreiae re)g... (СІІ ІІІ, 5300); Marti... Victoriae Noreiae (СІІ ІІІ, 5193); ср. в

⁸ В другом месте были проанализированы с этой точки зрения некоторые наименования растений и животных общих этим двум ареалам: К древним балкано-балтийским связям. "Античная балканистика. Первый симпозиум по балканскому языкознанию", М., 1972, стр. 28. и .28

⁹ Ср.: Narestini, Ναρήνσιοι, Νάρων, Ναρώνα, Νάρωνος, Nerate, Neritanus, Neritus, Nertilla и т.д.

¹⁰ Ср., однако, Paul-Wissowa Realencyclopädie. 33. Halbb. 1936, стр. 963-967. Гривну-торквес с подвеской на изображении Нореи обычно считают кельтской.

Фрагменте Эниды Nerienen Mauortis (ann. 104) при том, что Neria, Neriena (или Nerio, Nerienis) — сабинская богиня, супруга Марса. Совместная встречаемость Mart- и Noreia требует разъяснения. Сочетание Марса и Noreia можно, видимо, объяснять не только их сходством как военно-победоносных божеств, но и более основательными соображениями. В последнее время все большее число аргументов в свою пользу набирает этимология имени Марс, исходящая из более старого Māvors 'qui terram vertit; ср. (Terra) ma(ter) и vert(ere). Супружеские отношения Марса и Нериены (очевидно, генетически связанной с Noreia) хорошо объясняют указанный мотив, обусловивший имя Марса. То, что имя Noreia того же корня, что и название страны (Noricum), как и ряд других свидетельств, давно уже привели к заключению, что Noreia в римское время почиталась "als göttliche Landesmutter", т.е. в конечном счете, видимо, как персонификация Матери-Земли, которую, как видно из упомянутой этимологии, *Māvors vertit. Сам глагол vertere 'вертеть', 'поворачивать' в этой формуле, помимо чисто технического значения (в применении к женщине-земле), не мог не вызвать ассоциаций с идеей круговращения жизни и смерти, времен года, изменений (ср. имя итальянского бога изменений и превращений, смены времен года — Vertumnus, архаич. Vortumnos, ср. фразеологию типа anno vertente 'в течение года', annus vertens 'текущий год' или обороты вроде septimus jam vertitur annus '(вот) уже пошел седьмой год' и, конечно, Vertumnalia)¹¹, а Noreia как

¹¹ Ср. употребление этого глагола и в связи с Марсом в военной функции — лат. verso Marte, об измене военного счастья. В более широком смысле лат. vert- кодирует процесс превращения, метаморфозы, трансформации (ср. овидиевское versis ad prospera fatis или проперциевское omnia vertuntur, ср. также vector in contrarium, о превращении в свою противоположность, и эпитет Венеры Verticordia 'обращающая (на путь добродетели) сердца', день которой падал на 1 апреля (с 114 г. до н.э.), ср. др.-греч. Ἀφροδίτη Ἀλοστροφία). Впрочем, высказывается мнение, что связь имени Vertumnus с verto "n'est que fantaisie populaire", см. A. G r e n i e r. Les religions étrusque et romaine. "Mana. Introduction à l'histoire des religions". 2, III. Paris, 1948, стр. 45. (ср. E. V e n e n i s t e. — "Studi Etrusci", VII, стр. 258: азиатические истоки -umn-). В таком случае, исходя из указания Варрона (Vertumnus, deus Etruriae princeps. L. L., V, 46) и почитания Вертумна в этрусском городе Volturni, реконструируют имя этого бога в виде Volturna (ср. Veltune, на зеркале из археологического музея во Флоренции). Учитывая сочетание Mart- & vert- (verso Marte, *Māvors и т.д.), приобре-

богиня плодородия не могла не связываться и с весной, годом, как показывают имеющие универсальное значение типологические аналогии.

Исходя из другого материала и преследуя иные цели, Джмезиль установил связь Марса с корнем *ner- ("la parèdre de Mars/est Nerio") в противоположность Quirinus - Virites, *uro-) ¹². Несомненно, что эта связь должна толковаться не только (и даже не столько) в военном смысле, сколько в аспекте плодородия и жизненной силы. Уместно напомнить, что имена итальянского Марса (Māuors, Mauors, Mamers, Marmar, Marv и под., ср. также Mamurius, Mamercus и др.) весьма близки к уже упоминавшемуся имени славянского женского мифологического персонажа, связанного именно с плодородием и жизненной силой, приобретаемой ценой жизни, - Mamuriena, Mamurienda, Marmurien(d)a, Marena, Morena, Mara и т.п. ¹³. Еще интереснее, что в умбрийских текстах имя божества Šerf-, Šerf- 'Cerrus' (ср. оскск. Kerrī 'Cererī', adj. kerrīfī 'Gerriō', 'Gereālī', пелигн. cerfum 'Cererum', лат. Cerus manus 'creator bonus', Cerēs 'Церепа', богиня плодородия) ¹⁴

- тает особое значение указание Проперция на военные функции Vertumnus'a: Arma tui quondam et, meminī, laudabar in illis (V,27).
- ¹² G. D u m é z i l. Remarques sur les dieux Grabovio- d'Iguvium. "Revue de Philologie, de Littérature et d'Histoire anciennes", t. 28, 1954; О н ж е: Notes sur le début du rituel d'Iguvium. "Revue de l'Histoire des Religions", t. 147, 1955 и др. Ср. также V. N. Т о р о в . Some Remarks about Iguvine Triad. "Studia indoeuropejskie". Kraków, 1974.
- ¹³ Ср. ведийские редулицированные формы от глагола "умирать" - mamā-, mam-, mamvas/mamru-, с одной стороны, и такие названия, как Morimarusa 'mortuum mare' у Плиния (Nat. hist. IV, 95), удивительно напоминающее венг. Marmaros, румынск. Maramureş (ср. далее тур. Marmara как название Мраморного моря), с другой стороны, о чем см. О. Н. Т р у б а ч е в. К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья. "Античная балканистика 2". Предварительные материалы. М., 1975, стр. 42. К названиям со структурой *M-r-m-g-s- ср. мараморох в употреблении Андрея Белого: Словами тайными обманет;| ... он волит:| То м а р а м о р о х а м и зол,| То добрым делом соглаголет ("Первое свидание").
- ¹⁴ Корень *kers-, содержащийся в именах Šerf-, Šerf-, Cerēs и т.д., родствен др.-инд. kaṣ- 'вспахивать', 'проводить первую борозду', авест. kaṣ- (возможно, хеттск. harēzi) и т.д. В связи с этим ср. лат. vertere в значении 'вспахивать', "'взрыхлять" плугом', а также - применительно к морской теме - vertere freta lacertis 'проплывать моря на веслах' (т.е. "взрыхлять" их веслами', ср. весло у Noreia: весло-плуг).

сопровождается всегда эпитетом Martius (т.е. 'марсова/мартовская Церера'), ср. verfe martie. Игув. табл. VI в. 57 и др.

Из сказанного следует, что Noreia как мать-земля естественно сопоставляется с герм. Nerthus, terra mater, о которой писал Тацит ("Germania", сар. 40)¹⁵, и ее мужским партнером, морским богом эддического пантеона Njördr (ср. отражение в скандинавской топонимике следов противопоставления Nerthus: Tyr, т.е. земля: небо)¹⁶; ср. также этруск. Nortia(?), примечательную в том отношении, что она, как и Vertumnus - Volturna, почиталась в Вольсиниях (ср. у Тита Ливия: Volsiniis quoque clavos, indices numeri annorum fixos in templo Nortia e, Etruscae deae, comparere, diligens talium monumentorum auctor Cincius affirmat [VII, 3, 7]¹⁷. В свете этих данных не вызывает удивления, что и Noreia также связывается как с обозначением жизненной, плодородной силы (*enér-)¹⁸, так и с обозначением низа (Земли, воды). К п е р в о м у семантическому кругу помимо др.-инд. nar- и других обозначений мужчины-мужа, героя-воина (в отличие от vīra- как обозначения мужчины в связи с хозяйственными функциями)¹⁹ относятся лит. norėti 'хотеть' (ср. 'желать' в сексуальном смысле; ср. также такие контексты, как užsinorėjo susiženyt su ja), noras 'желание', paįvas 'храбрость', 'ярость', 'сильный гнев', narvis и т.п. (ср. слав. *norvъ). Но самым непосредственным образом значение жизненной силы отражено в этом комплексе в хеттск. innaraṣatar, ср. также innara- "сила", "мощь", innaraṣant-, innaraṣes-, in(n)arabḥ-, ср. Innara(ami), соответствующее божество; лув. annarummi- 'сильный', annaru(m)maḥit- 'сила', annari- и т.д.²⁰. К о в т о р о м у

¹⁵ Существенно, что и она связана с водой - ср. посвященный ей остров и святилище среди Океана.

¹⁶ Ср.: Е.Р о л о м ё. A propos deladéesse Nerthus. "Latomus", t. 13, 1954; О н ж е. Nerthus-Njördr. "Handelingen der Zuidnederlandse Maatschappij vor Taal- en Letterkunde en Geschiedenis", V, 1951.

¹⁸ Ср.: др.-инд. nar- 'мужчина', 'человек', авест. nar-, арм. air (Gen. air), н.-фриг. avar, др.-греч. ἄνθρωπος, алб. njer, оскск. nerum (Gen. Pl.), кимр. ner и т.п. Ср. др.-сев. njard-gjördr 'пояс силы' и пояс на статуе Noreia.

¹⁷ О Nortia см. А.Г р е н и е р. Op. cit., стр. 46, 53, 70, 77, 130, 132, 138.

¹⁹ См.: G. D u m é z i l. Ner- et viro- dans les langues italiques. "Revue des Études Latines", 31-е année, 1953.

²⁰ См.: J. F r i e d r i c h. Hethitisches Wörterbuch, Heidelberg, 1952, стр. 82-83; Ё. L a r o c h e. Dictionnaire de la langue

кругу следует отнести др.-инд. naraka- 'дыра', 'подземное царство', nārah 'воды', др.-греч. νέρτερος, тох. ñare 'infernum, слав. *nora, лит. ner̃ti 'нырять', nārdyti, nerbōvė 'русалка' (ср. Νηρέυς, Νηρηΐδης, nereиды, н.-греч. νερό 'вода'), nāras 'гагара' и т.п.²¹ Учитывая частое наличие у мифологических персонажей такого рода соответствующих хтонических животных (ср. в близкой области Мишин ден в связи с днем Св. Петки-Пятницы, христианской замены языческого воплощения земли, плодородия), показательно, что тот же корень; что в имени Noreia, кодирует прусск. naricie, сл.-слав. норѣць, русск. норица, норец, чеш. nořec, ср. нем. Nertz. Норка, мышка-норушка русских сказок сохраняет не только свое архаичное имя, но и старые функции, связанные с подземной жизненной силой, плодородием²². С мышами связаны также русск. Мокошь и ее историческое продолжение Св. Параскева и, наконец, тот же упоминавшийся женский персонаж, который называется Mamuriena, Mamurienda, Marmurien(d)a, Marena, Morena, Mara и т.п. Этот факт вызывает двойную ассоциацию, уводящую нас к мифу: ср., с одной стороны, мифологему об обращении Громовержцем своих детей в хтонических животных (мыши, кроты, черви, змеи и т.д.), а с другой стороны, этруск. Maris Isminēians 'Mars Sminthianus' (ср. зеркало из Больсены)²³, мышиного Марса (ср.

louvite. Paris, 1959, стр. 26-27; B. R o s e n k r a n z. Beitragē zur Erforschung des Luvischen. Wiesbaden. 1952, стр. 21, 64.

О неясном отношении Inara- к хаттск. Inar (ср. абхаз. Аинар-жьи) см.: В. В. И в а н о в. Общеиндоевропейская, праславянская, анатолийская языковая системы. М., 1965, стр. 17.

²¹ Др.-греч. νέρτος (Aristoph. Av. 303), объясняемое как ἰέρῃς (Nesych.), считается заимствованием из егип. nrt 'стервятник' М., А. Г. М с Г р е а д у. Egyptian Words in the Greek Vocabulary. "Glotta", Bd. 46, 1968, стр. 249.

²² См.: Н. Г. Р é g о i r e (avec la collaboration de R. Goossens et de M. Mathieu). Asklépios, Apollon Smintheus et Rudra. Études sur le dieu à la taupe et le dieu au rat dans la Grèce et dans l'Inde. Bruxelles. 1949. Ср. тему Асклепия, ставшего богом-кротом после того, как он был поражен молнией Зевса за оживление мертвых, а также мотив Залмоксиса, периодически нисходящего в подземное жилище.

²³ См. G. D u m é z i l. Etrusque Maris Isminēians. "Revue de Philologie", t. 28, 1954. - На основании того, что один из атрибутов этруск. Maris - к о п ь е (то же у италийского Марса, который может вообще замещаться копьем), В. Георгиев (V. G e o r g i e v. Die Herkunft der etruskischen mythologischen Namen, - BNF 8, 1973, 141 и след.) понимает Maris как "dieser

Ἄπλολλον Σμινθεῖς), т.е., видимо, Марса, уничтожающего мышей с целью охраны урожая. Этруссские изображения Марса и его атрибутов (ср. копы), как и вторые элементы²⁴ сложных имен с первым членом Maris-, делают правдоподобным предположение о совмещении в этом образе двух прежних ипостасей одновременно- Громовержца²⁵ и его противника. Интересно, что при всех перипетиях эволюции этих образов комплекс *mer-/*mor-/*mr- снова и снова входит в сочетания с *ner-/*nor-. Так, Noreia, связанная с Марсом, оказывается соотносенной с русскими формулами Морена умерла, Морена нырнула (о ритуальном потоплении соответствующего женского персонажа)²⁶ и их славянскими параллелями, несмотря на перевернутость отношений в последней формуле по сравнению с Marti... Noreiae. В заключение этих рассуждений, начавшихся с рассмотрения иллир. Noreia, можно напомнить, что главным центром Норика было кельтско-иллирийское поселение на Дунае Carnuntum (название неримское, ср. галльское племя Carnūtēs, Carnūti), один из основных транзитных пунктов на "янтарной дороге", соединявшей Прибалтику с Италией. Актуальность торгово-экономических связей между этими двумя регионами дополняется общими языковыми и мифологическими элементами - от использования корня *ner-/*nor- в апеллятивной лексике и в именах собственных до наличия мифологических персонажей, служителей культа²⁷,

(=der Gott) der Lanze" (через стяжение iva > ia), видя в этом название копья, ср. хеттск. maariyas. Gen. от maari-. Mavors объясняется из этруссск. *mari-vert-s или *mari-verta(n)s 'hastam vertens', ср. хеттск. (anda) uart-, лат. verto, vorto; Mammers - из этруссск. *mari-mera(n)s, -(n)t- 'hasta occidens', ср. хеттск. mer- (mir-) 'исчезать' и т.д., merrant-, Partic. Весьма спорно.

²⁴ Ср. Halna 'iuvenilis', hursna, возможно, то же.

²⁵ Показателен образ Марса как сына Геркулеса (одной из трансформаций Громовержца) на этруссском зеркале из Флоренции - Mars hercles. Ср. вместе с тем образ кузнеца Mamurius'a, сопоставимый с кузнецом, помощником Громовержца.

²⁶ И даже норушка мырнула при мышка нырнула в норку (из сказок) с обратным соотношением звуковых комплексов. Трансформации такого рода в конечном счете и создают исключительно устойчивые конструкции, сохраняющие инвариантное ядро.

²⁷ М. Преториус в "Deliciae Prussicae" (1703) сообщает: Wandlüluti iten Udones, Wasserdeuter, weissagen aus dem Wasser, dessen Schäumwellen usw. Einige von ihnen sind N e r u t t e i. Diese pflegen unter das Wasser zu gehen und Bescheid zu sagen, was von Fischen darin und ob ein gut oder schlimm Gewässer vorhan-

мифологической топографии, включая сюда и гидронимии и т.п., кодируемых тем же корнем.

Разобранный пример, разные версии и фрагменты которого позволяют восстановить общую схему для всего пространства от Прибалтики до Балкан, дает основание видеть в нем отражение мифа о Боге Грома и его жене, интерпретируемого прежде всего в аспекте мотивов плодородия, процветания, урожая. По-видимому, в этих же ареалах есть и другие отражения того же мифа, причем иногда более непосредственные, в частности, сохраняющие в трансформированной форме имя Громовержца. Обращаясь вкратце к этим данным, следует подчеркнуть,

den sei, auch sollen sie die Fische besprechen können, dass sie sich nicht fangen lassen, und ebenso den Zauber wieder zurücktreiben. См.: W. M a h n h a r d t. Letto-preussische Götterlehre. Riga, 1936, стр. 552, ср. 549. Ср. в связи с этим н е р е и д (Νηρηίδες Hom. Il. XVIII, 38, 49, 59; Pind. Pyth. XI, 2; Nem. V, 7), а также обозначение р н б как Νερεΐα τέκνα (Euphoro 8, 2), ср. νερός 'свежий (о рыбе)'. [Остаются спорными Nom. propr. типа ликийск. Ναρις (Dat. Ναρει, Ναρι, Ναριδι), Ναροια, см. L. Z g u s t a. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964, стр. 355.] Интересно и другое балто-балканское соответствие из той же области: др.-греч. Ἀχέρων, название целого ряда рек в Греции, М. Азии и Италии (ср. Ἀχερούσια ὕδατα ἑλάδη... Невуч.); Χάρων, сын Эреба и Никты, перевозчик мертвых в преисподнюю, связанный с водой (см.: A. J. v a n W i n d e k e n s. - BNF 9, 1958, 172; Χάρων 'celui du cours d'eau, du fleuve'), при прусск. Azara (от assaran 'озеро'), лит. Ežeraī, Ežerinis и т.п.: Ezer(i)-nim, lacuum Deum в свидетельствах Ласицкого о жемайтских верованиях (ср. Ežerinis, озерный дух). Ср. также этрусское имя Charun, о котором см. A. J. P f i f f i g. Über neues etruskisches Sprachmaterial. - "Die Sprache" 19, 1968, стр. 147. - Весьма показательно, что калабр. Caronte (из формы, аналогичной τὸν Ἀχεροντα у Страбона) в Италии продолжает соотноситься с именем черта Caronte, продолжающего античного Харона. Ср. G. R o h l f s. Flußnamen im heutigen Kalabrien, - BNF NF 4, 1969, стр. 120. Вероятно, к этой же цепи следует подключить и фрак. Αζαρατης - из *ag'heros (: Ἀχέρων и т.д.), см. I. D u r i d a n o v. - BNF 3, 1968, стр. 36-37, при б.-сл. *ežeran, см. E. P. H a m p. - BNF 5, 1970, стр. 301. Впрочем, предлагаются и совершенно иные решения. Так, В. Георгиев (BNF 8, 1973, 145-146), сравнивая Харона с этрусск. Charun, Nom. pr. демона, указывает, что у последнего птичья голова, откуда отнесение этого имени к тому же корню, что и хеттск. ḫaran - 'орел'.

во-первых, что именно в Прибалтике (Литва, Латвия, Белорусия) и на Балканах наиболее полно отразились старие мифологические представления о Боге Грома, и, во-вторых, что оба указанные региона в отношении трактовки этих представлений находятся как бы в дополнительном распределении друг к другу. В частности, балтийские данные подчеркивают аспекты п о е д и н к а, преследования; главным героем является Г р о м о в е р ж е ц, женский же персонаж в сюжете, строго говоря, не участвует; основным источником — сказочные, мифологические т е к с т ы и записи анкетного характера, являющиеся ответами на вопросы о Перкунасе — Перконсе²⁸. Напротив, балканские данные относятся прежде всего к аспекту п л о д о р о д и я, главный персонаж — д е в у ш к а (мужской же практически отсутствует)²⁹, основным источником — данные о сезонном р и т у а л е. Многие из относящихся сюда вопросов разобраны подробно в другой работе³⁰. Поэтому здесь придется остановиться лишь на соотношении балтийских и славянских названий основного действующего лица с древнебалканскими, древнемалоазиатскими и древнеиталийскими данными.

Р.О.Якобсон высказал предположение³¹, что в названии персонажа вызывания дождя на Балканах скрывается напоминание об имени Бога Грома и Грозы *Per(k)dn-. Речь идет о с.-хорв. Прпоруша, Преперуша, Прпац; болг. Папаруна, Пеперуна, Преперуна, Пеперуда, Преперуда, Пеперуга, Преперуга, Пеперунга, Пемперуга; рум. Păpărudă, Păpărugă, Păpălugă; арум. Pirpirună, Păpărună, Porpiriță; алб. Perperonë, Н.-Греч. Перперовна, Перперива, Перпериа, Перперитса, Плериа и т.п., которые в зависимости от ситуации и контекста колеблются между именем собственным и апеллятивом. Оставляя сейчас в стороне уже известные индоевропейские связи этих слов, уместно обратить внимание на имя дочери Деметры Персефоны, владычицы пре-

²⁸ Ср.: J. V a l u s. Perkūnas lietuvių liaudies tikėjimuose, "Tautosakos darbai" 3, 1936; Griauštinis ir velnias baltoskandijos kraštų tautosakoje. — Там же, 4, 1939; P. S k a r d ž i u s. Dievas ir Perkūnas. Brooklynas, 1964; В.В. И в а н о в, В.Н.Т о п о р о в. Исследования в области славянских древностей. М., 1974 и др.

²⁹ Другой вариант — женщина как продолжение (в конечном счете) образа жены Громовержца. См.: Т.Н. С в е ш н и к о в а, Т.В.Ц и в ъ я н. К исследованию семантики балканских фольклорных текстов. "Структурно-типологические исследования". М., 1973.

³⁰ См. В.В. И в а н о в, В.Н. Т о п о р о в. Указ. соч.

³¹ См. Р.О. Я к о б с о н. Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии. — МКАЭН, т. V. М., 1970.

исподней, богини произрастания и земного плодородия, каждую весну появляющейся на землю. Специалисты считают это имя, дошедшее до нас во многих вариантах (Περσεφόνη, Περσεφασσα, Φερσεφασσα, Φερρέ-φатта, Πριφόνα, Πρεφόνεα и т.д.) неясным, вероятно, догреческого (возможно, местного балканского) происхождения³². Имя римской богини плодородия, дочери Громовержца Юпитера и Цереры (см. о ней выше), *Proserpina*, кажется, не может быть полностью выведено из древнегреческих форм. То же относится и к этрусским вариантам *Phersipnai* (CIE 5091), *Phersipnei* (гробнице Orco, Tarquinia), которые могут отражать, как предполагают, **Pr̥s̥ep-ona* > **Pr̥serpa* (> **Ph̥rsip-na*)³³. Бросается в глаза, что эти формы (как и вполне мыслимые варианты с другими типами перестановок, огласовок и расширений) чрезвычайно близки к указанным именам общебалканского персонажа, во многих отношениях изофункционального Персефоне-Прозерпине. Ср.: *Прпроуша* <**Pr̥(s)por-*, что весьма близко к стадии **Pr̥s(e)p-*, **Pr̥s(e)-gr-*, предполагаемой для классических имен. Ср. также имя (иллир.) нимфы *Percerner* (CIL XIII, 1329), в котором видят соответствие гойдельск. *Querquerni* (от названия дуба, дерева Громовержца). Сам принцип названия жены, дочери и т.п. Громовержца тем же корнем, которым обозначается и его имя, хорошо известен во многих традициях (о чем см. в другом месте); в этой связи заслуживают особого внимания два факта: во-первых, параллелизм Персефоны и Параскевы и Анастасии (ср. *ἄναστασις* 'возвращение к жизни', 'воскресение' в сопоставлении с этим мотивом как ключевым в образе Персефоны) как в отношении функций, так и в отношении художественного типа (ср. римские изображения Прозерпины и образы Параскевы в русской иконописи), и, во-вторых, звуковое сходство имен Персефоны-Прозерпины (см. выше) и Параскевы (ср. *Παρασκευή*) - *p-r-s...* и т.д. - по образцу других аналогичных замен *ἄλλος* - *Власий* - *Волос/Велес*

³² См.: U. von Wilamowitz - Möllendorff. Der Glaube der Hellenen. Bd. 1. Berlin, 1931, стр. 108 и сл.; M. P. Nilsson. Geschichte der griechischen Religion. Bd. 1. München, 1941, стр. 474; H. Frisk. GEW. Lief. 16, стр. 517 (ср. "пеласгское" объяснение: A. J. van Windekens. - BNF 8, стр. 168 сл.).

³³ См.: G. Radke. Die Götter Altitalien. Münster. 1965, стр. 263 сл.; см. также: A. J. P. P. F. "Die Sprache". Bd. 14, 1968, стр. 50-55; - о соотношении с этр. *persee*, *perse* ср. также E. F. I. e. s. e. l. Namen des griechischen Mythos im Etruskischen. Göttingen. 1928, стр. 33 сл.; H. L. S. t. o. l. t. e. n. b. e. r. g. Etruskische Gottnamen. Leverkusen. 1957, стр. 32; A. J. P. P. F. F. i. g. Etruskische Bauinschriften. Wien, 1972, стр. 36 и др.

и т.п. (ср., кстати, совместное изображение Параскевы Пятницы и Власия на новгородской иконе XV в.). Таким образом, устанавливаются отношения тождества в цепи Персефона=Прозерпина=Богородица = Параскева = Анастасия = Мокошь = Прпоруша = Преперуша = П(р)еперуна = П(р)еперуда = итал. parpaglione 'бабочка' и т.п. Учитывая малоазиатскую прародину этрусков и такие же связи греков, можно высказать предположение о том, что сходное имя могло существовать и в малоазиатском культурно-языковом ареале. Тем самым лишний раз подчеркивалась бы идея, согласно которой на Балканах скрещивались влияния, распространявшиеся как в меридиональном, так и в широтном направлении³⁴.

Наконец, исследования последних лет, основанные на новых материалах, позволяют говорить и о других случаях отражения имени Громовержца и связанных с ним сюжетов в балканском и малоазиатском ареалах. Здесь речь идет прежде всего о хеттском теофорном имени Pirva (Perva), засвидетельствованном в староассирийских табличках. Портрет Pirva изображается не раз и отличается большим однообразием. Существенно, что он конный бог, что у него предметы из серебра, что с ним связаны бич и сосуд³⁵. Уже это дает основания, во-первых, для сравнения Пирвы с хеттск. peruna 'скала' (ср. также NA⁴hekur ^Dpirva 'дом вершины бога Пирвы' с детерминативом "камень") и, во-вторых, для предположения о связи Pirva с индоевропейским Богом Грозы типа лит. Perkūnas, снабженным теми же характеристиками

³⁴ Остается вопрос о дальнейшей связи с этих имен - с разными вариантами имени Бога Грозы (Перун и под.) или с глаголом, обозначающим обрызгивание водой, порошок дождем (ср. чеш. pršetí, хеттск. parav-, др.-инд. parṣ-, тох. pārs-, др.-сев. fors- и т.п.).

³⁵ Ср. ^[D]i-ir-va-aš ^{URU}zi-pa-ri-va ALAM LÚ KUBABBAR GAR. RA | [A-NA] ANŠU. KUR. RA UD. KA. BAR GUB GAM - ŠU ^{GIS}GIR | UD. KA. <BAR> KUS KA. TAB. ANŠU KUBABBAR | ḥar-zi ^{GIS}SUG-ia-aš-si ŠA ^{GIS}ŠI pi-an | x-an A-NA ^Dpi-ir-va ^{URU}zi-pa-ri-va ki-i-pát Ú-NU-TUM
 "Pirva der Stadt Zipariva, Bild eines Mannes, mit Silber belegt; [auf einem] Pferde aus Bronze stehend, darunter eine bronzene Standfläche, silberne Zügel [...] hat er. Ein SUG-Gefäß aus Holz steht vor ihm [...] dem Pirva von Zipariva eben diese (Opfer-) Ausrüstung..." Orakeltext 647/f. IV.8 ff. См. Н.О т т е н. Pirva - der Gott auf dem Pferde. "Jahrbuch für kleinasiatische Forschungen". Bd. II, 1951, стр.64. Ср. также Во 5693 I 1 ff, где, помимо уже известного, сказано, что в правой руке Пирвы-а du-ra-ú-x, а в левой он держит бич из серебра (KUBABBAR ḥar-zi).

(верх, камень, бич, чаша или рог, конь, серебро и т.п.)³⁶. Не исключено, что за образом хаттского Бога Грозы Tāru (= ^DIŠKUR в хеттских текстах), вошедшего позднее в хеттский пантеон, некогда мог скрываться персонаж с теми же функциями, но индоевропейского происхождения (ср. появление нового наименования для Бога Грозы — Tarhunt-, созвучного с Tāru). В таком случае Pirua мог бы рассматриваться как то божество, которое позднее было вытеснено³⁷. Еще одна гипотеза напрашивается в связи со сказанным: главный бог, изображенный в галерее Язылькая стоящим на каменной скале и снабженным атрибутом молнии (слева от него стоит солнечная богиня Arina), по крайней мере типологически мог бы соотноситься с Pirua. Наличие иероглифических подписей под этими изображениями, содержащих имена хурритских богов³⁸, бесспорное влияние хаттской религиозной традиции, как и некоторые другие неясности, строго говоря, не могут опровергнуть предположения, что в хеттское время язылькайский образ мог связываться (хотя бы как поздняя субституция) с именем Pirua. Уместно также напомнить, что вероятная ипостась этого божества, персонафицированная скала Peruna родила сына богу Кумарби, а отношения Бога Грозы и Arinna засвидетельствованы целым рядом текстов.

Указанные мотивы, связанные в текстах и в язылькайском изображении с Богом Грозы и Pirua ой на коне, в совокупности весьма сходны с изображениями Нрвс'а, знаменитого в восточной части Балкан, особенно во Фракии и Мезии. Основные черты этих изображений — всадник на коне, каменное возвышение, копье или какое-либо другое оружие в правой руке и т.д.³⁹ — явно соотносимы с характеристиками

³⁶ См. также J. B a s a n a v i č i u s. Žirgas ir vaikas. Tilžė. 1885 и соответствующий тип литовских народных игрушек из дерева. В свое время Басанавичюс ("Lietuvių tauta" II, 4, стр. 519, сл., 526) высказал мнение, согласно которому прототипом герба Литовского государства был фракийский всадник.

³⁷ Например: Pirua & Tarhunt- > Tarhunt-: Tāru. Ср. Perkūnas & Dundulis > Dundulis и т.п.

³⁸ См. H. O t t e n. Zur Datierung und Bedeutung des Felsheiligtums von Yazılıkaya. Eine Entgegnung. — ZfAssyr. NF 24 (58), 1967; E. L a r o c h e. Les dieux de Yazılıkaya. "Revue hittite et asiatique", t. XXVII, 1969.

³⁹ Ср. о хересе: Н. В у л и ħ. Трачки коняник и друга иконе из античког доба. Споменик САН. XCVIII. Београд, 1941—1948; R. M a r i ć. Der thrakische Reiter — eine heilige Gottheit. — R. Int. Et Balk. III, 1938; G. Ć a z a r o w. Die Denkmäler des thrakischen Reitergottes in Bulgarien. "Dissertationes Pannonicae". Ser. II, fasc. 14; The Thracian Rider and Saint George. "Anti-

анатолийских божественных персонажей, а дополнительные детали – жертвенник, дерево, часто змея, бычок (ср. бык как атрибут Бога Грозы у хеттов), – несомненно, укладываются в общую схему мифа о поединке Бога Грозы со змеем. Более того, все эти мотивы фракийского *Нрѡс'а* могут считаться достаточным доказательством того, что в соответствующих изображениях представлена трансформация основного мифа. Мотивы фракийского всадника и соответствующие ритуалы исключительно прочно укоренились на Балканах. Общая схема, втягивая в свой круг все новых и новых персонажей (Георгий Победоносец, Федор Тирон и т.п.), удержалась до сих пор в целом ряде обрядов типа "Тодорица", "Zeleni Juraj", румынские *sălugari*, болгарские *калушари* и т.п. Помня, что фрако-фригийские племена появились в восточном углу Балкан непосредственно вслед за хеттами⁴⁰, можно высказать

quity", 12, 1938; М.А. А б р а м и њ. Нови вотивни релефи оконених божанстава из Далмације. "Hoffilerov zbornik". Zagreb. 1940; В. Ч а ј к а н о в и њ. О српском врховном Богу. Београд, 1941; Д.Д е ч е в. Тракийският херос като бог ловец. – Спис. БАН LXX, 1945; М.С.Ф и л и п о в и њ. Трачки коњаника у обичајима и веровањима савремених балканских народа. Нови Сад, 1950; А. Ц е р м а н о в и њ – К у з м а н о в и њ. Споменици трачког коњаника, у нашој земљи. "Старинар", XII-XIV, 1962-1963; J.G e o r g i e w a. Der wildtragende thrakische Reitergott. "Eirene IV. Studia Graeca et Latina". Praga, 1965; H.D а и с о в и с и u. Dacii. București. 1965; D.В e r o i u. Arta traco-getică. București. 1969; Е.К.Т е о д о р о в. Древнотракийското наследство в българския фолклор. София, 1972 и др.

40 Можно назвать и ряд других сходных культурных явлений в этих двух местах (вост. угол Балкан и Анатолия). Ср., например, начальную формулу в хеттском тексте мифа об Элькунирсе, восходящую к заговорной традиции: "Моим словом я усмирю тебя (*GAM-ta ta-ma-aš-/mi/*), моим веретеном я пронжу тебя (*ḫat/ta/rai-*)" при точно совпадающей заключительной формуле румынских заговоров: *Te tai cu cuvîntu mîeu* (или *Cu limba te-am descîntat*)... *Cu fusurile țî-oi strapunge* и т.п. Другой общий мотив – так называемое "связывание" в румынских заговорах и в хеттских ритуалах, ср. *șal-li-iș ȚD-aș ḫu-un-ḫu-ma-az-zi-și-it ḫ a - m i - i [k - t a]* ... КВо III B III 1 "Der große Fluß hat seine Flut (magisch) gebunden" и т.д. с постоянно повторяемым *ḫa-mikta*, которому далее противопоставлен мотив "развязывания" (*CAL-iș ȚD ḫu-un-ḫu-ma-az-și-it EGIR-pa l a-a - a t-t a-a t...* 20). Ср. Н.К р о н а с с е р. Fünf hethitische Rituale. – "Die Sprache". Bd. 7, 1961 (IV. Ritual).

предположение, что образ Pirya как конного Бога Грозы (в реконструкции), поражающего соперника, и образ фракийского $\epsilon\pi\rho\omega\varsigma$ 'а представляют собой варианты одного и того же мифологического персонажа. Можно пойти еще дальше, обратив внимание на фонетическую близость этих двух слов. Как известно, др.-греч. $\epsilon\pi\rho\omega\varsigma$ не имеет вполне надежной этимологии, и большая часть специалистов склонна относить это слово к догреческому или негреческому слою. Существенно, что некогда слово могло принадлежать к основам на -u- (или во всяком случае имело расширение -u-), ср. такие формы, как эл. $\epsilon\pi\rho\omega\delta\iota\omicron\iota$, $\eta\rho\omega\varsigma$ -, личное имя $\epsilon\pi\rho\omega\lambda\lambda\alpha$ и т.п. Как объяснить близость Pirya (Pirya) и $\epsilon\pi\rho\omega\varsigma$ - случайностью, звуковым притяжением функционально близких персонажей, общим происхождением (ср., например, судьбу p- в армянском как одном из фригийско-армянских диалектов: het 'след': $\lambda\acute{\epsilon}\beta\omicron\nu$, ср. $o\tau n$ 'нога'), позволившим бы и для $\epsilon\pi\rho\omega\varsigma$ постулировать в конечном счете $\ast\text{Peru-}$, или каким-либо иным образом, - сказать, конечно, трудно. Но исключать a priori возможность общего происхождения не следует. В частности, любопытно, что имя жены Зевса, Бога Грозы, - $\epsilon\pi\rho\alpha$, кипрск. $\epsilon\pi\rho\alpha$, микенск. E-ra(?)⁴¹. Если учесть пары типа Перун-Перынь или Perkunas-perkuniya, естественно реконструировать $\epsilon\pi\rho\omega\varsigma$ как имя супруга Геры, т.е. Зевса. Следует обратить внимание и на то, что Богу Грозы на высшем уровне (в пантеоне) обычно соответствуют на более низких уровнях другие персонажи, которые могут так или иначе отражать исходное имя (ср. бог, воитель-герой в эпосе, дух плодородия в текстах весеннего цикла и т.п.). Поэтому нельзя пройти мимо таких имен,

⁴¹ Микенское E-ra содержит, однако, ряд трудностей формального и содержательного характера. Орфография e-ra (как и такие производные, как e-ra-jo, e-ra-ja, adj.), кажется, делают излишней реконструкцию в виде $\ast\epsilon\pi\rho\omega\alpha$. см. Documents in Mycenaean Greek. First Edition by M. Ventris and J. Chadwick. Second Edition by J. Chadwick. Cambridge, 1973, стр. 126, 289. Вместе с тем, хотя E-ra и выступает совместно с Зевсом в PY 172 = Kn O2, женский партнер Зевса (di-we, dat. = $\ast\text{Diwei}$) — di-u-ja, di-wi-ja (PY 28 = An 42), т.е. $\ast\text{Diwja}$, $\ast\text{Diwia}$ (ср. gen. Diwias doela), сопоставимая с именем богини в памилийской надписи - $\Delta\omega\epsilon\lambda\alpha$, аналогичной, видимо, Magna Mater. См. Op.cit., стр. 125 сл. Тем не менее ситуация, отраженная в микенских надписях, лишь усложняет картину, позволяя думать о возможности реконструкции двух пар имен божественных супругов - $\ast\text{Diwjos}$: $\ast\text{Diwja}$ и $\ast\text{Er(u)-os}$: $\ast\text{Er(u)\bar{a}}$. К типологии Геры ср. теперь A, J. P f i f f i g . Uni-Hera-Astarte. Studien zu den Goldblechen von S. Severa/Pyrgi mit etruskischer und punischer Inschrift. Wien, 1965.

как $\epsilon\pi\alpha\iota\lambda\epsilon\tau\sigma, -\alpha\lambda\tilde{\eta}\varsigma$ ⁴², с одной стороны, и таких имен, как Ярило и под. (ср. допускаемому некоторыми этимологическую связь $\eta\rho\omega\varsigma$ с и.-евр. *iēer- "год", ср. $\epsilon\pi\rho\alpha$), с другой стороны. Как бы то ни было, содержательное сходство и звуковое подобие имен Perca (Pirca) и $\epsilon\pi\eta\rho\omega\varsigma$ заслуживает внимания и дальнейших исследований. В более ранней работе была высказана мысль (в общем виде) о потенциальной допустимости (исходя прежде всего из типологических соответствий) видеть в $\epsilon\pi\eta\rho\omega\varsigma$ трансформацию старого персонажа типа Perkūnas'a, Перуна, т.е. Громовержца. Сейчас это предположение в значительной степени может быть подкреплено эпиграфическими данными греческих надписей из Болгарии, относящихся часто именно к фракийскому материалу⁴³. Так, на одном из изображений фракийского всадника (Mihailov 283 bis) имеется надпись: $\epsilon\pi\eta\rho\omega\iota\ \text{Περικωνει}\ \text{Μενανδρος}\ \epsilon\pi\alpha\iota\mu\tau\omicron\rho\omicron\varsigma$; другое сходное изображение сопровождается надписью (283): $\epsilon\pi\alpha\rho\tau\epsilon\mu\epsilon\lambda\omicron\upsilon\rho\omicron\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \text{Πολεμαρχος}\ \omicron\upsilon\ \theta\epsilon\omicron\zeta\epsilon\upsilon\omicron\upsilon\ \text{Περικω}\ \epsilon\pi\eta\rho\omega\iota\ \epsilon\pi\lambda\eta\kappa\omega\upsilon$. Значение этих сочетаний, относящихся к фракийскому всаднику, трудно переоценить. Оказывается, что на Балканах (во фракийском?) также засвидетельствовано имя Perkōn-, Perk-, точно отвечающее балтийскому имени Громовержца и относящееся к конному всаднику в контексте уже описанной схемы⁴⁴.

⁴² Некоторые важные аргументы можно извлечь из: A. J. Rutgers. Hera and Heracles. "Numen", V. 17, 1970.

⁴³ См.: Inscriptiones Graecae in Bulgaria Repertae. Edidit G. Mihailov. Vol. 1. Serdicae. MCMLXX, стр. 273 и табл. 283-283 bis. Ср. также D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, стр. 200: $\epsilon\pi\eta\rho\omega\varsigma$, $\epsilon\pi\eta\rho\omega\varsigma$, Heros, $\epsilon\pi\eta\rho\omega\iota\varsigma$, Heron, Eron и др.; интересен эпитет Героса $\omicron\upsilon\tau\alpha\sigma\pi\iota\omicron\varsigma$ (см. G. Kazarov. Die Denkm. 78: Avren): $\epsilon\pi\eta\rho\omega\iota\ \omicron\upsilon\tau\alpha\sigma\pi\iota\omega$, где $\omicron\upsilon\tau-$ нулевая ступень к Вет- , Ouet- , ср. Вет-εσπιος , Ouet-εσπιος ; следовательно, $\omicron\upsilon\tau\alpha\sigma\pi\iota\omicron\varsigma$ равнозначно др.-греч. $\epsilon\pi\epsilon\tilde{\iota}\lambda\pi\iota\omicron\varsigma$ (к мотиву коня). К Перк- ср. D. Detschew. Op. cit. 539; K. Vlahov. Nachträge und Berichtigungen zu den thrakischen Sprachresten und Rückwörterbuch. "Годишник на Софийския университет. Филологически факултет", т. 57, 2, 1963, стр. 280; ср. Bulletin de la Société archéologique à Varna" XI, 1960, 46, прим. 23; см. еще: Ž. Velkova. Nachträge zu den Thrakischen Sprachresten. "Балк. език.", XVII, 2, 1974, стр. 72. - В связи с этими формами следует напомнить об этрусск. Nom propr. percuni(15).

⁴⁴ Также заслуживает внимания исключительная близость румынских народных представлений о св. Илье (Sf. Ilie), отраженных в фольклорных текстах, иконописи и т.п., к данным о балтийском Громо-

Сама возможность таких двусторонних связей Балкан в древности с Прибалтикой и Малой Азией слишком существенна, чтобы не видеть за ней по крайней мере некоторых определяющих тенденций в древней истории этого ареала (возможно, сюда же следует отнести и некоторые исключительно близкие по структуре имена в этрусском, ср. perce[na 'Percenna' или perckna; percu- и percu[ni 'Pergonia', наконец, perp[erni 'Perpernius', perp[erna 'Perperna' и т.п.¹⁵ при болг. П[р]еперуна, арум. Pirpirunã, алб. Perperonë, н.-греч. Перлероува и т.п.). Именно здесь открываются, может быть, наиболее интересные возможности для перехода от доисторических реконструкций к фактам (языковым и культурным) раннеисторической эпохи. Иногда эти этнолингвистические данные допускают проверку свидетельствами, относящимися к области материальной культуры⁴⁵.

К о р р е к т у р н о е п р и м е ч а н и е. К удвоенным формам корня *mar- ср. хеттск. GIS ma(r)-mar-ra- 'болото'.

вержце — начиная от внешнего вида и конкретных характеристик (ср. рум. duduie, dudãie, durduie и т.п. как обозначение основного действия св. Ильи — греметь, громыхать, при лит. Dūdy senis, Dundulis, эпитет Перкунаса, ср. также ю.-слав. додола) вплоть до включенности в сходные мифологические сюжеты (конфликт с женой, ее убийство по наговору змея, преследование детей, связь со скотом и т.д. в румынских версиях в связи с балтийскими аналогиями). То же относится к трансформациям св. Ильи, ср. мотив Йоргован и змей (La nedeia de Sf. I l i e din m u n - ț i i Tismanei apare un b a l a u r uriaș care sorbea oamenii și vite..., ср.: I.M u ș l e a, Ov.V î r l e a . Tipologia folclorului. București, 1970, стр. 545, ср. также стр. 389 сл.). Румынские данные отчасти соотносимы и с характеристиками других воплощений балтийского Громовержца или его противника (одноногость, хромота, сухорукость (левша), двуपालость, одноглазость и т.п.). В этой связи показательна формула, согласно которой св. Илья "murea (stãra) corilul în femeie și vițelul în vacã", соотносимая со старой иранской мифопоэтической формулой о рождении ребенка во чреве матери и т.п. (Rivayat, Bundahišn и др.). Таким образом, речь идет как бы о разных концах единой цепи.

⁴⁴ См. Н.Л.С т о л т е н б е р г. Etruskische Gottnamen, стр. 31-32.

⁴⁵ См. к проблематике пчеловодства: В.Н. Т о п о р о в. К объяснению нескольких славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближне-восточными параллелями. "Славянское и балканское языкознание". М., 1975.

К ФРАКИЙСКО-БАЛТИЙСКИМ ЯЗЫКОВЫМ
ПАРАЛЛЕЛЯМ IIΛ - γ¹

Λαβεφοί, племенное название, относящееся к тинам (θυνοί, Thynii), обитавшим как в Европе (выше Перинтоса и Селимбрии, между Салмидессосом и Аполлонией), так и в Малой Азии (от реки Ребас до устья Сангария), см. Hdt. 1, 28; Xen. Anab. 7, 2, 22; 7, 4, 2; Strab. 7, 3, 2; 12, 3, 3; Stob. Anthol. 3, 37, 37; Schol. Apoll. Rhod. 2, 140; 2, 181; Plin. NH 4, 41; 5, 145; 5, 150; Steph. Byz. 320, 8; 320, 10; 702, 3 и др.; ср. также Detschew Thr. SR 211-213; Данов Др. Трак. 136, 138, 147; Фол Ист. Трак. 40, 54, 62, 116, 133, 136, 140; Златковская Возн. 137-138, 151, 173, 178, 231 стл., 238 сл., 249 сл. и др. - Steph. Byz. 406; 1: Λαβεφοί καὶ Τρανιφοί, ἔσθη θυνοῦ Tomaschek Thr. II, 2, 69 восстанавливает название соответствующего места в виде *Λαβεφα. - Сложное слово. В первой части Λαβ(ε), возможно, отвечает прусск. Ladegarbe, 1352 (но: Laydegarbe, 1366, см. Gerullis Apr. ON 80: к laydis 'глина', ср. Layde, 1334 и др.), Ladeune, 1339, Lodeyn, 1419, позже - Lodehnen (Gerullis Apr. ON 80: к ladis 'лед'?); лтш. Lada, Ladde, Ladi(ki), Ladiņš, Laduma (ср. Lodumas-ēzērs); Lāde, Lādēni, Lādiņi и др. (Endzelīns LV I: 2, 245, 285, но с разными ограничениями: -а- < -е-? для Lada; эст. Ladina > лтш. Ladiņš? и т.п.); лит. Ladiškės км. (LATS 778). Во второй части фракийского слова содержится обозначение воды, реки в форме с расширением -s- (ср. -ηφος при более обычных -ατα, ара, -αλιον, -ετα, -ηλος, -οτα, -ωλες, о последних см. Detschew Thr. SR 19 стл.), представленным в Γαληφος, Galepsus (Hdt. 7, 122; Steph. Byz. 197, 11; Strab. 7, frg. 35; Nesych.; Liv. 44, 45, 14 и др.), см. Thr. SR 98; может быть, сюда же 'Αφίνιοι, 'Αφύνιοι, племенное название (к сев. от фрак. Херсонеса), *'Αφινφос, *'Αφυνφос, название реки и места (Hdt. 6, 34; 9, 119; Dion. Perieg. 575; Steph. Byz. 153, 8; Strab. 7, frg. 58), см. Thr. SR 39-40; эта вторая часть сопоставима с лит. Apsinge, Apsingis, Apsuonà (LUEV 7); Apsingiu км. (LATS 620), которые, однако, возможно трактовать и в связи с названием осины (см. Vanagas Liet. hidr. 168), и с лит. Ārso ēžeras, Ārsas (ср. Būga TŽ 1, 1923, 385); лтш. Arsa, Orsas-ēzērs, Arsas, Arse, Arsev, Aršu-plava, Aršas, Arši, Arsenas, Arsene, Arsenes pl., и т.п. (Endzelīns I: 1, 38-41). К этому кругу относит-

¹ Начало (А-К) см. в сб. "Балканское языкознание" (М., 1973, стр. 30-63).

ся и Иллир. *Ἀφός (Strab. 7, 5, 8; Plut. Flam. 3; Ptol. III, 12, 2; Dio Cass. 41, 47), Αρῦος (Caés. B.C. III, 13, 19, 30; Liv. 31, 27; Lucan. V, 462, 463), см. Mayer. Spr. Ill. 52; *Ἀφίος (Бруциум), см. Krahe GL. 20, 1932, 188-192; Würzb. JB. 1, 1946, 84-87; Spr. Illyr. 1955, 92; Karg WS 22, 1941-1942, 174. - Если указанные балто-фракийские параллели верны, то особое значение имели бы такие двучастные соответствия Λαβεφοί, как лтш. Lad-upre, Lād-upīte (Endzelīns LV I: 2, 245, 285): *Λαβ-επ-σ-.

Ἀλλης, Ἀλλος, мавс., Ἀλα, Ἀλοα, fem., антропонимы (ср. IG 12, 8, 277 из Тасова, A 14: Ἀλλης 'Αρτυσίλω и др.). См.: Detschew Thr. SR 275. Помимо малоазиатских и некоторых других параллелей, приводившихся уже ранее (ср. исавр. Nom. propr. Ἀλας, Ἀλλας, Ἀλλοα, лик.-писид. Ἀλλα, Ἀλλη/Sundwall LN 133; Kretschmer Einl. 108; Zgusta Kleinas. PN 265-266;/этр. lalu, lalus, объясняющие лат. Lal/l/ius, Lallo и др. /Schulze ZGLE 266-267, 358/ и кельтск. Lal/l/us, Lalla и др. /Holder AC 2, 127-128;/ ср. лид. lalē 'говорить' и под.), ср. также прусск. Nom. propr. Lalutte, 1398 (Trautmann APN 51, ср. Lolike 53 при топонимическом Loliken 1508, см. Gerullis Apr. ON 91 и лит. Nom. pr. Lūola и гидрон. Luolūs, Luolelis. LUEV 96); куршск. Lale, 1355-1362 (Kiparsky KF 300: здесь же сопоставление с лит. lalīs 'caprimulgus europaeus'); лтш. Lālis; топоним. Lālas, Lālis, Lāle, Lāļani, Ļāļāni; Lāļi, Laļu-kapi (Endzelīns LV I: 2, 253, 285); лит. Lolyta (Būga RR III, 787), Lolycia (LUEV 94, ср. Vanagas Liet.hidr. 142, 180, ср. Liōlinga); Laļu km., Laļuicių km. (LATS 779) и т.п. Следует, однако, помнить об ономастической природе lal-.

Λαμνεις, место (BSH 24, 1900, 415, Nr. 111), ср. ἐν Λαμνευσιν (в связи с Вифинией); см.: Detschew Thr. SR 274. - Не исключены связи с балт. Lam-, часто расширенным с помощью -n-. Ср. прусск. Lameunen, 1419, Lamaunen, 1423; Lamen-se, 1294, Lamun, 1419; Lamasila; Lamegarben, 1919 (позже - Lamgarben); Lammoten, 1450; Lamotte (Gerullis Apr. ON 81); куршск. terra Lammato, 1231, Lammethin, 1252, Lamenan, 1291; Nom. propr. Lammathe, 1355-1362, Lamath, 1541, Laminghe, 1310, Lamine, 1582-1585 и др. (Kiparsky KF 116, 300); лтш. Lami, Lamiņu (ср. Loma-purvs); Lāma pl., Lāmes-leja, Lāmas-purvi, Lāmenieki, Lāmiņa, Lāmiņš pl. (Endzelīns LV I: 2, 253, 254, 286, 340), ср. Lamatas-mežs и др.; лит. Lomà, Lomenà (по Gerullis Apr. ON, 81: из *Lom-mena), LUEV 94 (ср. Lamēstas 86); ср. Vanagas Liet. hydr. 36, 59, 184; Lomių km., Lomenių km. (LATS 794, ср. Lamatių vk. 779). Ср. также: Ломна, Ломня, Ломенка (Лавп 193); Вомне, Вомно (HN 586); Воме, Вомен, Вомене и др. (MH 95, 96; EOSON II, 95); Лама (Топоров Есл. Сб. 233). Может быть, сюда же иллир. Lamatis и др. (Mayer Spr. Ill. 204). Ядро сопоставления образует па-

ра *Lam-n-: *Lam-in/ *Lam-en-. Для балт. примеров правдоподобна связь сапеллятивами типа лтш. lāma 'низина', 'лу́жа', лит. loma (ср. lošius 'низкий'), которые в свою очередь неотделимы как от архаичного болг. лам 'яма', 'ров', так и от русск. диал. лом 'болото' (тверск., псковск.; ср. здесь же ломы 'пойменный луг'); к семантике ср. нем. Bruch 'болото' и 'ломка' (: brechen). Ср. Фасмер (ЭСР II, 515-516; Fraenkel LEM I, 385, ME II, 438).

Лале- в Лалелорис, антропоним (Meb. 18, 1901, 766 №66: Προκίλιος Лалелорис). См.: Detschew. Thr. SR 274; Vlahov. Nachtr. 231, 276. - Ср. прусск. Lap- в Lapaunen, 1405; Lapkaumen, 1419 (Lapkeum, 1476); Lappegarbe, 1331; Lapvalov, 1322; М.б., Lapask, 1388 (есть предположение и о польском происхождении), Gerullis Apr. ON 82-83 (здесь же сопоставление с lare 'лиса'), ср. также Lopino, 1312 (Apr. ON 91); лит. Lapainios km., Lapalių km., Lapeikių vk., Lapelių km., Larėnų km., Lapeliskių km., Lapienių km., Lapyņų km., Lapiškių km., Lapių km., Lapy km., Lapakalnio km., Lapavardių km., Lapgaudzių km., Lapgirių km., Lapkalnio km., Lapkasių km., Laplėgių km., Lapupio km., Lapvardių km. и др. (LATS 779-780); Lapainia, Lapiėnė, Lapišė, Lapšius, Lāpiskė, Lapojà, Lapūkas, Lapūkis, Lāpių upėlis, Lāpupis, Lapūpis, Lāpkasis, Lāpravis и др. (LUEV 87; Vanagas Liet. hydr. 74, 144, 171-172, 177, 192, 199 и др.); Nom. propr. Lāpinas (Būga RR I, 205); лтш. Lapaina; Lapa, Lapas-mežs, Lapas-ežers, Lapu-ežers, Lapu-kalni, Lapu-lejas, Lapu-līcis; Lap-āre, Lap-kašas, Lap-mezs, Lap-plāvaņa, Lap-upe; Lapaine pl., Lapaini, Lapenes pl., Lapens pl., Lapiņa, Lapiņu-dīķis, Lapiņ-āre; Lapiške strauts, Lapiena-mežs, Lapuote pl., Lapūksnite pl. и др. (Endzelīns LV I : 2, 259-161); куршк. Lappeune, 1338, Lappaine, Lappeine, Lappekalsten, 1422 [Lappekalwen], Lappemes, 1510, Lappizenne, 1340 (Kiparsky KF 116-117: к лтш. lapa 'лист'), Lapsmesenn, 1560, Lapsemeddien, ок. 1560, Lappes mesen, 1571 (KF 117: "прутенизированная" форма латышского имени; иначе - Bielenstein Gr. 217; Blese Kur. 310); Nom. pr. Lappatt, 1579-1596 (к lapa), Lapse, 1355-1362, Laps, 1540 (к lapva) и др. (KF 300-301). Ср. также верхнеднепр. Лапуга, Лапуня, Лопанка и др. (Лавп 157, 192-194), Lapuškis jez. (HW 817, ср. также Лора, Лоріенка, Лоріен и др., 176, 305; ср. еще Rospond Sl. PZP 176). - Иллир. Lorsica (Plin. NH III, 140), Абфиха (Ptol. II, 16, 2), Lorsis (Plin. NH III, 139) возводят к *lub- (Mayer Spr. ILL. 212-213), что неочевидно. Из других параллелей указывают lare в кельтских топонимах Are-lare и Tergo-lare (Holder AS 2, 143). - Учитывая значение -лорис (второй части в Лалелорис) - к и.-евр. *per- 'рождать' (см. Detschew Thr. SR 374), - правдоподобно в первом члене (Лале) видеть слово со значением 'лиса' (ср. другие образования подобного типа).

-λεβας (Detschew Thr. SR 3, 275), о балтийских параллелях см. Duridanov Thr.-D. St. 14; Топоров Фр.-балт. 34.

Λίγγος, название замка (Steph. Byz. 416, 5). См. Detschew Thr. SR 276. - Балтийские параллели (прусск. Lingues, Ling-war; лит. Lingė, Lingėnai и др.; лтш. Liņgas, Liņa, Liņģ'is, Linge, Ling'i и др.) указаны недавно Duridanov Thr.-D. St. 44, 88; Thracia 1, 1972, 240. Ср. также Λίγγος и под. (Zgusta Kleinas, PN 272).

Ligyrei, племенное название (Macrob.sar.sat.1,18,1) см. Detschew Thr. SR 276. - Учитывая лигурийцев в Сев. Италии и возможное выделение -yr- как суффикса, уместно думать о средиземноморских связях Ligyrei. Возможные балтийские аналогии (ср. прусск. Nom. propr. Ligeyske. Trautmann APN 52; лит. Lygeyske. PU 2, 93; Lygaitis; прусск. Lygen, ок. 1400; Ligenithen, 1419; Ligopanie, 1331-1335; Ligeden, 1332. Gerullis Apr. ON 88; лит. Ligajà, Ligajai, Ligajykstis, Lygė, Lygenė, Lygumà, Lygūtis и др. LUEV 92; лтш. Līga, Līganums, Līguti, Līdzums, Līdzenā-plava и др. Endzelīns LV I : 2, 319; куршк. Ligen, 1419. Kiparsky KF 121), стоящие довольно изолированно среди индоевропейского материала (см. Fraenkel LEW I, 370-371), исключая германские факты, остаются, разумеется, гадательными, но пока не могут быть полностью сброшены со счета (ср. типологические параллели к названиям племенных образований от корня с тем же значением, что и балт. *liġ-).

Lilaeus, река в Вифинии; Λίλλια, Λίλλα Nom. propr. fem., Λιλεόν, Λίλλιον, название торжища в Вифинии (Plin. NH 5, 149: flumina... Lilaeus; ср. BCH 24, 1900, 302; Anon. peripl. 9; Arr. peripl. 18: εἰς δὲ Λίλλιον ἐμπόριον и др.). См. Detschew Thr. SR 276. - Кроме уже приводившихся параллелей на близлежащих территориях (Λίλλια в Фокиде. Paus. 9, 24, 1; килик. Nom. propr. Λίλου, Λίλους. Sundwall LN 134; Zgusta Kleinas. PN 271; Λίλλωνος, Λίλλις. Zgusta PN griech. St. § 1063/Justi JN 183: ошибочно к авест. srīra; Keipers Die Perser des Aeschylus 86: к др.-греч. λιλαίωμα; ср. Λίλαιος Aesch. Pers. 308, 969, следует также принимать во внимание анат. lil-: lel-; ср. также кельтск. Lillus, Lilla. Holder AS 2, 222), - ср. также лит. Lūlavà (LUEV 92), Lylavenų km. (LATS 793); Lilavas (Endzelīns LV I : 2, 322) (?).

Λύγινος, река (Arr. Anab. I, 2, 1). Сопоставление с лит. Lūginas и другими балт. фактами (включая апеллятивы) дано Duridanov Thr.-D. St. 44-45 (здесь же литература). Сюда же следует отнести и иллир. Lugione (It. Ant. 244, 2; Tab. Peut.; Rav. IV, 20/220, 7/), Λουγίνων (Ptol. II, 15, 3), см. Mayer. Spr. Ill. 213.

Malva, местное название (CIL 6, 32563, 9; 3, 13704 и др.), сопоставлено с балт. (лтш. Maīvis и др.) Duridanov Thr.-D. St. 45. Сюда же иллир. *Malvus (ср. Malvi. Spom. 77, 16), см. Mayer Spr. Ill. 219.

Mamutzis. Nom. propr. (CIL III, 7477). Duridanov Thr.-D. St. 80, 98, 100 сопоставил с ст.-лтш. Mamwtze (Bliese LPV 134, 208).

Μανης, Μανις, Μαννις, Μανιτης, Manius. Nom. propr. masc.; Μανια fem. См. Detschew Thr. SR 285 (ср.: Μανιοί, племенное название, Thr. SR 286). - При многочисленных параллелях типа фриг. и пафлаг. Nom. propr. Μανης (Hdt. 4, 45; Strab. 7, 3, 12; 12, 3, 25 и др.), килик. и памфил. Nom. propr. Μανεις, ликаонск. Μανιος, Μανια (ср. также этрусск., латинск. и кельтск. факты), ср. Zgusta Kleinas. PN 287-295 и др., - ср. прусск. Nom. propr. Mane, Man; Maneyte, 1398; Manemer, Manewyth, Manie, 1357, Manigaude, Manix, Manike, Manyoth, Manioth, Manittz, 1354, Manithe, Manieth, 1347, Manoske, 1400, Manug, 1347, Mannote, 1425 (Trautmann APN 54-55); также *Mone, Monit, Monix, Monicko, Monacke, Monawdt (APN 61); лит. Nom. propr. Maneikiai, Monejko, Manewydas, 1398, Manewide, 1422, Монивидь, 1438, Maniūsis и др. (Būga RRI, 264), Manelis; ср. также топонимич. названия: прусск. Manitaw, 1396, Manithkaum, 1405 (Gerullis, Apr. ON 94); ср. также Monelaukin, 1326, Monetiten, 1301, Monitigeyn, 1419 (Apr. ON 101); лит. Maneičių km., Maneikių km., Maneityų km., Maniškių km., Maniššiu, km. (LATS 799); Manėliskė (LUEV 97); лтш. Manėli (Endzelins LV I: 2, 376) и др.

Μαντα, Manta; Μαντη, Μανταδα; Μαντας, Μαντης, Μαντις; Μαντουυ. Nom. propr. Ср. также Μαντανις, Μανταρους. Nom. propr.; -μαντοι, -μαντες, -manti в качестве второго члена в 'Обδ-μαντοι, 'Обδ-μαντες, Odo-manti; Μαντινιον, местное название и т.п. См. Detschew Thr. SR 286-287, 336. - К известным уже малоазийским параллелям (фриг. Μανταλος, местное название, ликийск. Nom. propr. Μαντασις и т.п., см. Zgusta Kleinas. PN 295-296), продолжающимися и далее (ср. др.-греч. Nom. propr. с элементом Μαντι-, -μαντις, -μαντος, Bechtel PN 294-295; лат. Mantennius, Mantius и др. Schulze ZGLE 274; этр. Mantus; ср. mantual; кельтск. Mantaius, Mantius, и др. Holder AC 2, 410-411, а также индо-иранские Nom. propr.)..можно присоединить балтийские - прусск. Nom. propr. Manto, Mantil, Mantot, 1348, Mantucke; Monte, Montedraw, Montidrawe, 1382, Monteglaude, 1419, Montel, 1419, Montemyle, 1392, Montemini, Montere, Monthe-winne, Montix, Montike, 1348, Montil, 1386, Montimand, Montynne, 1459, Montite, Montucke, 1419 и др. (Trautmann, APN 55, 61-62); топонимы Mantegarbs, 1331, Montiten, 1423, Montike, 1419, Montke, 1411-1419, Montaw, 1330 и др. (Gerullis Apr. ON 94, 101); лит. Nom. propr. Manthe-mini, 1373, Monti-widus, Монтивидь, Mantigaila, Mantautas (из *Manti-tautas), Mantivillas, Монтивиль; Vilmantas, Вольмонти, Тольмантойти, Algimantas и т.п. (Būga RR I, 264, 265, 464 и др.); лит. Mantagailiškių km., Mantušių km., Mantvilių km., Mantotų km. и др. (LATS 799); Manūpis, Mantėnis (LUEV 97); лтш. Manā, Man-

ta-kalns, Mañtu-lāma, Mantu-sala, Māntenīca и др. (Endzelīns LV I: 2, 376-377). Следует помнить и об иллир. Μαντύης (Herod. V, 12), см. Mayer Spr. Ill. 219, Ср. также слав. Nom. propr. Мути-жирь.

Μάργος (Strab. 7, 5, 12: ῥησαν... οἱ μὲν μεγάλοι Σκορδίσκοι... μεταξὺ δευτέρω ποταμῶν ἐμβαλλόντων εἰς τὸν Ἰστρον, τοῦ τε Νοῶρου τοῦ παρὰ τὴν Σεγεστικήν βέοντος καὶ τοῦ Μάργου /τι-νὲς δὲ Βάργον φασίν/). См. Detschew Thr. SR 90, 287; Vlahov Nachtr. 252, 277. - Оставляя в стороне вопрос о дублетах (Βρόγγος, Βάργος) и считая Μάργος самостоятельной формой (теперь - Морава), следует указать сходные балт. факты: прусск. Margis, 1312 (позже - Margen), Markaym (если из *Marg-). Gerullis Apr. ON 94; Nom propr. Margis, 1399; Nytcze Margynne, 1386 (Trautmann APN 55); ЛИТ. Margā, Margē-lis, Mařginis, Marginỹs, Mārgis, Mařgių upelis, Mārgupis, Mařgupis, Margōtė и др. (LUEV 98; Vanagas Liet. Hidr. 65,, 117, 161, 164, 190, 243); Margių km., Margynės km., Margučių vk., Margupių vk., Margutiškių vk., Margų km., Margiškių km., Margiškės vk., Margionių km., Marginių km., Margininkų km., Margėnų km., Margelių km., Margeliskiu vk., Margeliškio vk. (LATS 800-801); Nom. propr. Margis; ЛТШ. Marg'es, Mařgi, Mařg'ene, Marg inu-upite, Mařgites pl.; Mařguži(?) Mařgas, Mařgas-leja, Mārg-ežers, Mařg-upe (Endzelīns LV I: 2, 378); ЛИТ. mārgis, mārgas 'пестрый', mārgis 'пестрота', mārgti, marguoti 'пестреть' и др. Ср. также верхнеднепр. Морожа, Мороги (Лавп 196), м. б., Моржевка; повисл. Margen See, Margelfliess (HW 448, 452, 489). Слова этого корня, несомненно, представлены и в иллирийском. Ср. Margus (Marcell. com. chron. ad 505; Chron. min. 2, 96; Iord. Get. 300; Rav. IV, 16/212, 4/), Margum fl. (Tab. Peut.), Margis (Plin. NH III, 149), Margum (CIL III, 8141), Margi (CIL III, 8253) и др. См. Mayer Spr. Ill. 219 (в отношении ряда примеров разграничение между фракийским и иллирийским более или менее произвольно). О фрак. Margos см. Georgiev. Stud. Balc. 5, 1971, 161.

Marene, название местности недалеко от побережья Эгейского моря (Liv. 42, 67, 4). См. Detschew Thr. SR 287. - Ср. прусск. Maraw, 1411-1419, Marum, 1282; Morrenn, 1507, Moreyne, 1303 позже - Morainen, Moriten, 1405, Marithen, 1423, Maritten, 1445, Mariten, 1419 (позже - Moritten); Morungen, 1340, Marungen, 1364, Maring, 1364 и др. (Gerullis Apr. ON 94, 101); ЛИТ. Marā, Marūgā, Mariugė (Vanagas Liet. hidr. 192); ЛТШ. Mariėne pl. (?); Māra, Māras-plava, Māras-upe, Māre; Mārenes, Māruōnis pl. и др. (?) (Endzelīns LV I: 2, 379, 399-394); КУРШСК. Marra, 1338, 1506 (?) (Kiparsky KF 124; ср. Būga KS 233; LKZ XCIII: к лит. marės, прусск. maru и т.д.). Уже Jokl ERL 13, 285 сравнивал фрак. Marene с и.евр. *mari- 'море' (иначе Tomaschek Thr. II, 2 66: к др.-греч. μαρμαίρω, русск. мар, марево). Ср. также иллир. Marinianis (It. Ant. 130, 5; Tab. Peut.), Marinianus

(Rav. IV, 19/215, 8/); Μάρδος (Strab. 3, 304; 7, 3, 13); Marusio (It. Hier. 608, 5) и др., см. Mayer Spr. Ill. 220. Высказывались предположения об отнесении сюда же фрак. Μάρρις, Μάρριος, Marus, Marisia, Μορήσης (ср. Mladenov SBA 10, 1915, 54 и др.).

Μαρκέλλαι, местное название. Балт. параллели см. Duridanov. Thr.-D. St. 45-46: прусск. Marken, лит. Markijà и др.

Μασκας, замок в Дардании; Μασκιοβρια, местное название. Сравнение с прусск. Maskarit, Maskeryten, лтш. Māskas предложено Duridanov Thr.-D. St. 46. Ср. также малоазийск. Μασκυς, не имеющее очевидных связей (Zgusta Kleinas. PN 302).

Μέβκα, название замка. Сопоставлено с топонимами и апеллятивами, восходящими к балт. med- 'дерево', 'лес', см. Duridanov Thr.-D. St. 46-47. Ср. ЛАВП 197; Slav. Prag. VIII, 261; БСЛСб. 243.

Meldia, местное название. Балт. параллели типа прусск. Mildio, Milde, лит. Meidė, лтш. Meldine (как и соответствующие апеллятивы) указаны Duridanov. Thr.-D. St. 47. Ср. также: Топоров. Slav. Prag. VIII, 261 (Mildeniz и др., ср. МН 105; EOSON I, 178).

Melentiana, местное название (TP 9, 1), ср. также Melanthias, Μελαντιάς, Melant(h)iada, Μελετιάς. См. Detschew Thr. SR 291-292. Не исключена связь с балт. материалом. Ср. прусск. Melenten, 1374-1379 (ср. судавск. Nom. propr. Melins, из *Melints, ср. лит. Meilincius). Gerullis Apr. ON 97. Иные словообразовательные типы представлены прусск. Meluken, 1411-1419, Meladen, 1374-1379 (Apr. ON 97); Nom. propr. Meleyke, Melecz (Trautmann APN 57); лит. Meletinis, Meletinėle, Meletinė; Mėlynė, Mėlinis, Mėlynis, Mėlupis, Mėlupis и др. (LUEV 100-101); Meletà; ср. LATS 809-910, 812 (Mėlėny km., Mėlėnių km.); лтш. Mėlene pl., Mėlins, Mėlienes pl., Mėlais-purvs и др. (Endzelins LV I: 2, 429-430); куршск. Meluppe, 1434 (Kiparsky KF 126); ср. Nom. propr. Melewsz, 1582-1585, Melousz и др. (KF 308). Возможно, сюда же верхне-днепр. Мелань, Меленка (ЛАВП 195), ср. Меленка в Тверск. губ. Ср. также иллир. Μελίτη (Теперь хорв. Mljēt), см. Mayer Spr. Ill. 224-225.

Melta; Meletinus; Μελτο-, Μιλτο-; Μελτοκουζος, см. Melentiana, Μιλτοκούης.

Μένδα, Μένδα, Mendaeum, Mendae, Mende местное название (Hdt. 7, 123; Thuc. 4, 121, 2; Strab. 7 frg. 27; Steph. Byz. 444, 15: Μένδα, πόλις θράκης ἀπὸ Μένδης γυναικός. Ἀπολλόδωρος Μένδιν (=Μένδαν αὐτὴν φησι. τὸ ἐθνικὸν Μενδαῖος οἶνος; Liv. 31, 45, 14; Plin. NH 4, 36; Pomp. Mela 2, 33 и др.); Μενδαῖοι, Μινδαῖοι, этническое название (Thuc. 7, 4; Paus. 5, 26, 1; 5, 27, 12 и др.); Μενδας, Nom. propr. masc., Menda, fem. (CIL 3, 3144; Epigr. Byzant. I, 69, Nr. 50 и др.); Μενδηῖς, имя нимфы (Conon. narr. 10); Μενδίδωρος, Nom. propr. (Coll. 3058). См. Detschew Thr. SR 293-

294. - Возведение к и.-евр. *bhendh- (ср. фрак. Βένδης), см. Thomaschek Thr. II, 2, 66, необязательно; ср. также илиир. Mendae Oriae f. matri (CIL III, 3144) и др., из *mend- (Mayer Spr. III. 226). В таком случае ср. прусск. Mendern, 1303, Manden, 1379, Min-den (Gerullis Apr. ON 97); Nom. pr. Mandio (?); Mindota (?) (Trautmann APN 60, 144); лит. Mandeikių vk. (LATS 99); Nom. pr. Mendutis, Мендучонис (Вiга RR I, 226) и др.

Μεντης, Μεντις, Μενθης Nom. propr. (Il. P. 73; Odys. α 180; ADB 265 и др.). Μεντουτραίς, Nom. propr. (BSAB 4, 1914, 92 Nr. 5) См. Detschew Thr. SR 294; Vlahov. Nachtr. 231. Ср. Μέντωρ (Odys. β 225; Il. N 171). - Ср. прусск. Nom. propr. Mente, Mentedrauwe, Mentemyl, 1365, Mentim, Mentuo, 1297 (Trautmann APN 57, 144; ср. также Leskien IF 34, 1914-1915), а также Montedraw, Muntidrauwe, Monteglaude, Montemyle, Muntemil, Montemini, Montimand; Eumant, Eumunt, Noremunt, Wyssemanth; Mantiko, Montix, Muntix, Mantil, Montil, Muntil, и т.п.; лит. Nom. propr. Mantigaila, Mañtvigas и т.д., как и соответствующие топонимы. Ср. Duridanov Thr - D. St. 80, 90. К примерам с огласовкой a см. фрак. Μαυτα и др.

Μεσημβρία, местное название, при более обычных вариантах Μεσαμβρία, Μεσημβρία, Mesembria, Messembria, Μενεβρία (ср. соответствующие этнические названия Μεσαμβριανοί, Μεσημβριανοί, Μεταμβριανοί, Mesembriacus). - К исконности *Mels- ср. Steph. Byz. 446, 15: Μεσημβρία, πόλις Ποντικής. Νικόλαος πέμπτω. ἐκλήθη ἀπὸ Μέλσου. βρία γὰρ τὴν πόλιν φασὶ θραῖνες. ὡς οὖν Συλυμβρία ἢ τοῦ Σήλους πόλις... οὕτω Μεσημβρία ἢ Μέλσου πόλις, καὶ διὰ τὸ εὐφωτότερον λέγεται Μεσημβρία. Помимо сопоставления с лат. Nom. propr. Melsonius (Schulze ZGLE 164 к этр. mulsuma), ср. прусск. Malsowangus (т.е. Malso- и wangus 'Damerau'); Malsobin, 1411-1419, Malsobe, ок. 1420 (т.е. Mals- и sobe, см. Soben), сильно напоминающие по типу фрак. Μελο- и βρία 'город'; Malsicken (Gerullis Apr. ON 94: сравнение с лит. malšyti необязательно), ср. также Вiга RR III, 126, 677; лит. Malsi (Endzelīns LV I: 2, 375). Видимо, сюда же прусск. Molweyn, 1396, Malseyne, 1405, Mulweyn, Moelseyn, 1418 и особенно Melsein, 1458 (Apr. ON 100: едва ли оправдана отсылка к лит. Mulželiai; правда, со знаком вопроса); верхнеднепр. Молшенка (Лави 196). Вызывает сомнения прусск. Milsen, 1328 (Apr. ON 99). Ср. также повисл. Małszeweckie Jez., Małszewko, Malschower See, Malschowerbruch See (HW 530).

Μέστος, Mestus, название реки (теперь Mesta). (Corolla numism. f. Head 1906, 220 f; Head HN 207, на монетах римского времени; Zonar. 9, 28; Anna Comn. 18, 1; Plin. NH 4, 40; 4, 42: Mesti amnis ostium; 8, 45 и др.); κλίμα Μεστικόν, соседняя местность (Const. Porphyrogen. de them. 3, 47, 10; Hierocl. Synecd. 640, 8).

Detschew Thr. SR 299-300; Vlahov Nachtr. 277. — Другое название этой реки — Néστος, Nestus, Neσσος, Nessus. Учитывая, что эти последние формы засвидетельствованы раньше (ср. Hesiod. Theog. 341; Hdt. 7, 109), нередко склонны видеть в Mest- результат модификации более старого *Nest-. Впрочем, такое предположение, будучи вероятным, не дает решительных оснований для дискредитации Mest-, корня, отраженного в многочисленных фраз. Nom. propr. (ср. Μεσταρω, Μεσταρος, Μασταρους; Μεστιανός; Μεστικενθος, Μεστικεντιος; Μεστας, Μεστεις, Μεστις, Mesto, Mestus, Μεστος; Μεστα; Μαστα; Μαστος, Μαστους, Mastus; Μαστω; Μεστικόν; Mesticus; Mesti-us, Mestus, Mastutus; Μεστοης; Μεστυλος, Μεστυλας, Μεστυλης, Mestylus, Mestula; Μεστυλα; Μεστυλαιβης и др., см. Thr. SR 269-300), имеющих аналогии в малоазийск., иранск., кельтск. Nom. propr. (Zgusta Kleinas. PN 302-303; PN griecn. St. 146; Justi IN 200; Vasmer ISR 44; Holder AC 2, 456, 577; Bechtel PN 606). Исходя же из фраз. *Mest-, *Mast-, напрашивается сравнение с балт. фактами. Ср. лит. Māstis (: фраз. Μαστος, Μεστις), Māstupis (: фраз. *Mast- & *āpa, *Mest- & *āpa; следует помнить, что Μέστος как раз р е к а), Mastūlupis (: фраз. Μεστυλος и т.п.), LUEV 98; Vanagas Liet. hydr. 197, 243 (ср. Masčiukas); Mastaičių km., Masteikių km., Masčionių km., и др. (LATS 803); лтш. Masts, Garaļs-masts, Kap-masts, Mazais-masts, Masta-purvs, Mastu-biŗze, Mast-kalns, Mast-leja pl.; Mastēns, Mastiņi pl., Mastene, Masten-pļava и др. (Endzelīns LV I: 2, 381). Ср., наконец, иллир. Masthitae (Plin. NH III, 143). Mayer Spr. Ill. 221.

Meticus, Maeticus. Nom. propr. (CIL 16, Dipl. 45, 139); Μετοκος, Μητοκος, Μιττοκος, Μηθακος, Μητακος, Μηθοκος, Μηθοκης. Nom. propr. (Ryl. 2, 119, 39 и др. См. Detschew Thr. SR 280, 300, 301-302. — Вероятно, часть этих форм связана с отражением названия мидийцев (Μηδ-); тем не менее, правдоподобно и наличие антропонимического корня *Met-, сравнимого в таком случае с прусск. Nom. propr. Mete, Methem, Metyn, 1396, Metim (Trautmann APN 58, 145); Pometio, Svsemethe (?) (APN 78, 101); ср. также имена с огласовкой a: Mattulle, 1346; Matto, Matho, 1260, Mattyl, Mattel. APN 56 Matūlis, Matūtis и др.); Metkeim, 1277, Metekayme, 1352; Pometitten (Gerullis Apr. ON 98, 130; ср.: Matiten, 1343; Matūlen, 1321. Apr. ON 95); ятв. Mete, 1402 (Būga RR III, 146); лит. Metelỹs, Metylytė (LUEV 102; Vanagas Liet. hydr. 124, 179); Metelių km., Metylių km., Metsodžių km. (LATS 812); лтш. Nom. propr. Metums; Metani, Metenis pl., Metenitis pl.; Mette; Metis-pļava; Metūli; Metums pl., Mētumiņš pl., Mētum-dīķis и др. (Endzelīns LV I: 2, 423-424). Ср. верхнеднепр. Метелка (Buga TZ 1, 1923, 31; ЛАВН 195-196), Матолка и др. Ср. также иллир. Μέτουλον (Strab. IV, 6, 10; VII, 5, 4; Dio

49, 35 и др. Mathis, Ματάς и др. (см. Mayer Spr. III, 222, 229-300; Krahe Spr. Illyr. 88).

Μηνιος, Μηνις, Menis. Nom. propr. См. Detschew Thr. SR 303, ср. также 286. - В связи с названиями с корнем *Man-, о чем см. выше (s.v. Μανης). Формы на *Mēn- обильно представлены в малоазиатск. Nom. propr. (ср.: Μήν, Μήνις, Μηνίς, Μηνῶς, Μηνίᾶς, Μήνιος, Μήνοι-τος и др. Zgusta Kleinas. PN 312-314; Heubeck Lyd. 31 сл. Вместе с тем заслуживают внимания и балт. названия того же корня с вокализмом e, неосмысленно связанные с формами с огласовкой a (Men-: Man-). Ср. прусск. Nom. propr. Menayko; Menike, 1353; Menynte, Meninte, Menite; Menit; Menute, 1347 (Trautmann APN 57, 145); Alkemenne, 1392; Komenne; Pomene, Pomens, Pomen; Omenne.-APN 12, 48, 72, 78; лит. Nom. propr. Menulis; Mėnupis (LUEV 101) и др. Нулевая ступень представлена, видимо, в прусск. Nom. propr. Minate, Mynaute; Mine, 1334, Myne, 1409; Mineko, 1370, Mineke, 1386, Myneke, 1389; Mynnegayle, 1391, Minigal; Mynito; Minnegaude, 1353; Mynethe, 1387, Mynotte, 1399 (Trautmann APN 60, 146); Gaylemynne; Gantemynne; Montemini; Pomyne, 1353; Surmynne, 1345; Tollemynne; Wuymyns, 1339, (APN 28, 42; 62, 78, 101, 121); ср. лит. Nom. propr. Mynegayl, Gailiminas, Minidaugas; куршск. Mynneuke, 1355-1362; Mynnethe, 1355-1362; Mynnynghe, 1355-1362 (Kiparsky KF 310-311) и др. Топонимические примеры, обнаруживающие *Men-: *Man-: *Min-, должны толковаться иначе.

Meritus, Μηριός; Μήριζος, Μόριζος, местные названия (Suid.; Plin. NH 4, 50; Const. Porphyrogen. de Them. 3, 47, 3); м.б., сюда же Μερίλλον κώμη, Μεριλούκωμις, место в Вифинии (Acta SS. Nov. 2, 362, 423); Μερόπη, горная местность (Cantacuz. 2, 402, 403, 421, 530). См. Detschew 294-295, 303. - Ср. также mons Meropus (Liv. 32, 5, 11) на территории Албании; μέροπος βροτοί (H.V.285); μέροφ..., ἡ νῆσος Μεροπιδ (Steph. Byz. 446, 11) и др., включая φρίγ. Μήρος (Hierocl. Synecd. 677, 13 и др.). Неясность в истолковании корня этих слов не позволяет предлагать сколько-нибудь надежные сравнения, но в то же время оправдывает потенциальное привлечение таких балт. фактов, как прусск. Merekyn, 1339; Merunen, 1353; Meruniska, 1325 (Gerullis Apr. ON 97-98); Nom. propr. Merawe, Merow, 1405; Meriko, Merike; Merite, Merithe, 1359; Merit, 1336; Meron, 1340; Merune, 1346 (Trautmann APN 57-58); лит. Merā, Meraitis (LUEV 101; Vanagas Liet, hydr. 76), м.б., Marūniškė (?) (LUEV 98); лтш. Mericis (Endzelīns LV I: 2, 422); верхнеднепр. Мерея (Мирея), Мерейка (Вѣга ТЖ 1, 1923, 305; ЛАВП 195); в басс. Нарева Mieruńskie, Mieruniszki, Grosser Meruner See и др. (Топоров БНар. 291-292) и др.

Micia, местное название (CIL, 3, 7853; 3, 7847; 3, 7868); Mi-
censes, этническое название (CIL 3, 7852). См. Detschew Thr. SR

304. - Обильные малоазиатские, балканские и др. параллели (ср. малоазийск. Μίκκος, Μίκκα, Μικίλος, Μικκαλος. Sundwall LN 148, трактуемые Zgusta Kleinas. PN 315 как греческие, наряду с Μικκας, Μικκας и др. Bechtel PN 485, ср. кельтск. Micius, Micia, Micianus, Micinus и др. Holder AC 2, 583), возможно, могут быть дополнены балтийскими. Ср. прусск. Miken, 1430; Mickeling, 1419, Mickelnick, 1508; Nom. propr. Micke, 1437, Myke, 1352; Micko, Miko; Mykor; Mickutte (Trautmann APN 58; Micalle, 1419(?); Mycol, 1315 (?), если не из Michal); ЛИТ. Mikenų km., Mikių km., Mikonijų km., Miky km. (LATS 815-816); Mikūčių upėlis, Mikasa, Mikasa (LUEV 103; Vanagas Liet.hidr. 95, 179); Nom. propr. Mikutis, Mikuczionis (Būga RR I, 226); ЛТШ. Mika, Mikaine, Mykainisi, Mikuli, Mikuts, Mikuzs, Mikuži, Mikuzene, Mikes, Mikites, Mikėni, Mikėnitis и др. (Endzelins LVI: 2, 434-436). Ср. также Топоров БСЛ. Сб. 254.

Milicutus. Nom. propr. Не исключено, что сюда же фрак. Μιλλα-ρεμα, название замка; Milolitos (если эта форма вообще правильна, см. Melalicus, Micolitos, Mitholiton, Mitoliton). Учи́тывая Cutius, Cuties, -cutus, -κυθος корень первого члена -Mil-. См. Detschew Thr. SR 304-305; ср. Vlahov. Nachtr. 253. - В качестве параллелей приводились писид. Μιλικου [ας]. Sundwall LN 148 и этр. milei, milaei с латинскими продолжениями Milenius, Milionius, Milo. Schulze ZGLE 361. Ср. также Zgusta Kleinas. PN 315-316: Μιλος, Μιλικουας, Μιλουρος, Μιλ(λ)αξ; Zgusta PN griech. St. § 1085: Μίλιος; Justi IN 206: Miles, Milas. Не следует игнорировать и прусск. Mile, 1363; Mileke, 1419; My Luke, 1396; Milune, 1367; Milotis, 1357; Milige, 1340; Milikante, 1424; Mylemunt; Mylligeyde, 1330; Milegaude, 1361; Milawko; Milassie, 1341, Millescne, 1363; Milagids, 1319; Milagede; Milade, 1313 и др. (Trautmann APN 58-60; ср. еще: Montemyle, 1392 Tautemille (APN 62, 104); Milegedyn, ок. 1400 (Gerullis Apr. ON 98); ЛИТ. Nom. propr. Milkantas, Mileika и др.; возможно, и в ряде гидронимов и топонимов (ср. Mylė, Miliotė, Milys; Miliušā, Milupe. LUEV 103 и др.); ЛТШ. Mila, Milupe и др. (Endzelins I: 2, 436-437); куршск. Nom. propr. Myleck, 1540; Milike, 1355-1362, Milicke, 1582-1585; Mylis, 1540; Myleck, 1554; Milothe, 1355-1362, Milum, 1582-1585 (Kiparsky KF 310), ср. Mylen se (UB I, 5, 788). KF 128. Может быть, сюда же верхнеднепр. Миленка, Милец (ЛВП 195-196).

Μιλικωρος, город; Μιλικωριοι, его жители (Steph. Byz. 453, 11: Μιλικωρος, Χαλκιδική πόλις ἐν Θράκη. ὁ πολίτης Μικωριος). См. Detschew Thr. SR 304. - Корень *Milk- (ср. -ωρος в *Αξ-ωρος, *Αλ-ωρος, *Ελ-ωρος, Πλ-ωρος и др., см. Thr. SR 535 и др.; ср. также Μιλικων. Athen. 8, 354 d) сопоставим с прусск. Milkenn, 1507 (Gerullis Apr. ON 99); ЛИТ. Milkūny km., Milkuniškės km., Milkintų

км., и др. (LATS 817); Milkai; лтш. Milka (Endzelīns LV I: 2, 437); м.б., сюда же верхнеднепр. Милча, Милеча/Мелечь и др. (ЛДВП 196); Milkener See, Mil'kowskie Jez. (HW 489) и др.

Μιλτοκύνης. Nom. propr. (Xen. Anab. 2, 2, 7; Demosth. 23, 104; 23, 169). См. Detschew Thr, SR 305. - Duridanov Thr.-D. St. 81 сравнивает первую часть с ст.-лтш. Nom. propr. Meltin (Blese LPV 210); лит. Miltėnis (Būga RR I, 241); лтш. Miltis (Plāksis LVV I, 10) и др.; а вторую - с лит. Kutaī, Kučiaī, Kuciōnyš; лтш. Kuti, Kutėni.

Μίνας, Μίνας и др. Nom. propr. Ср. выше Μηνιος, Μηνις.

Μοκας, Μοκκας, Μοκκος, Μοσα; Μοσαβορα; Μοσαζια; Μοκαπορις; Μοκασσοκος; Μοσαβυρα; Μοκκιανός, Μοκιανος и др. Nom. propr. См. Detschew Thr. SR 310, 316; Μοκκата, местное название (Steph. Byz. 455, 3: Μοκκата, πλῆις Βιθυνίας ... τὸ ἐπιτιμὸν Μοκκатиνός). - Интерпретация корневого гласного составляет проблему. Ср., с одной стороны, более многочисленные дублетные формы с Μοκκ-, Μυκ-, дающие основания для предположения об исконном *μuk- > *мок- (нередкая трактовка открытого фрак. u), а с другой стороны, случаи, когда этимологическому а во фракийском отвечает о ("гречизированные" формы) и, следовательно, позволяют исходить из корня *mak-. В первом случае напрашивается сравнение с прусск. Nom. propr. Μυκκο, 1324, Μυκκε, 1338 (Trautmann APN 62); Μυκкен, 1338 и др. (Gerullis Apr. ON 102); лит. Μυкулий км., Μυкуškiу км. (LATS 823); лтш. Μυкулес, Μυкути, Μυкаусу-езерс, Μυкас, Μυкани и др. (Endzelīns LV I: 2, 455); куршск. Nom. propr. Μυкутт, 1540 (Kiparsky KF 311). Этот ряд балт. соответствий, видимо, соотносился бы и с Μυγδονία (Thuc. I, 58, 2; II, 99, 4; Ptol. III, 12, 33), Μυγδονίη (Hdt. VII, 123, 124, 127), Μυγδονίς (Strab. VII, frg. 41), Μυγdonia (Plin. NH IV, 38) в интерпретации Duridanov Stud. Balc. 5, 1971. 200 (из *Μυκο-ghdhōm 'Sumpfland', ср. лтш. μυκα, вид болота, μυκls, лит. μυκlūs, Μυкė, речное название, и т.п.). - Во втором случае внимание должно быть обращено на прусск. Nom. propr. Μακιε, Μακιεке, Μακкуне, Μακкунне, Μακке, Μακкес, Μακкерow (Trautmann APN 54, ср. также: Μοке, Μοкethe, Μοкиl, Μοкуне. APN 61; Νευμοσο, 1318, Νεμοκ, 1374; Νιμοκун, 1419; Νορмоке, 1337; Преумох, 1419. APN 69, 71, 72, 80); Μακкуткаум, ОК. 1400; Μοкаум, 1355; Μοскелкаум, 1519; Μοскера, 1326 (?) (Gerullis Apr. ON 93, 100); лит. Nom. propr. Μακус, Μακaytis; Μαкиу км., (LATS 797); Μαкүс, Μαкиūкас (LUEV 97); лтш. Μαкiς, Μαқėni, Μαкiši и др. (Endzelīns LV I: 2, 372); куршск. Nom. propr. Μαкус, 1582-1585; Μαкull, 1582-1585 (?) (Kiparsky KF 305) и др.

Μουσαῖος, Μουσεός название реки (теперь - Βυζευ) См. Detschew Thr. SR 320. - Если исходить из *Μυс- (иначе Tomaschek Thr. II, 2, 95), то возникает возможность сравнения с прусск. Μusing, 1351;

Mussenyk, 1387; Mussneyn, 1326, Museyne, 1352 и др. (Gerullis Apr. ON 103, ср. Nom. propr. Musicko, Tulemvse. Trautmann APN 63, 109); лит. Mūsė, Musė, Musėlė, Musià, Musinė, Musinis и др. (LUEV 106); куршск. Musenick, 1581 (Kiparsky KF 129) и т.п. Сложнее обстоит дело с включением сюда балт. названий с долгим вокализмом (ср. лит. Mūsa или лит. Mūsis) или случаев типа лит. Mūsa. Балтийские параллели указаны Duridanov Thr.-D. St. 47-48 (с ними он связывает и фрак. Μουσπινοί). Μυγδονία, Μυγδονίη, Μυγδονίς, Mygdonia, см. выше - Μοκας и др.

Náparis, река в Скифии (Hdt. 4, 48: εἰσὶ δὲ οἷδε οἱ μέγαν αὐτῶν Ἀίστρον/ποιεῦντες... τὸν τε Σκύβαι Πόρτα καλέουσι, Ἕλληνες δὲ Πυρετόν, καὶ ἄλλος Τιαραντὸς καὶ Ἀραρός τε καὶ Νάπαρις καὶ Ὀρθησόος). См. Detschew Thr. SR 327. - Заслуживают внимания в этой связи балт. факты, остающиеся не вполне ясными. Ср. прусск. Napratte, 1362, Napratien, 1379 (позже - Napratte); Nappirgawde, 1374; Napyrke, 1419; Neppergauwen, 1379 (Gerullis Apr. ON 105, 107), ср. Panawpern, 1325, Panauperin, Ponopern; 1427. Apr. ON 114; Nom. propr. Napratio, 1336, Napprattio; Naprot, 1338, Naprat, Naproc, 1378; Napragaudo, 1349; Nyppergaude, 1346; Napirgawe, 1408; Napirgaw, 1350, Nippergawe 1341; Nepirgawe, Nepirgaw (Trautmann APN 66, 147: *Na-pra-gawa, что вызывает серьезные сомнения); лит. Nīpras, Nēpēras, Nepēra, Nepiriaī, Napiriaī (LUEV 107, 109, 110; см. Vanagas Liet. hydr. 217); Napreliū km., Napriū km., Napriūny km., (LATS 825); Napriūsis и др.; лит. Napriki; Niperi (?) (Endzelīns LVI: 2, 469, 480). И на территориях к югу встречаются некоторые формы, подозреваемые в близости, - русск. Непра, Непрушка; Непарень, Неперевский (см., однако, Трубачев НПУ 258); м.б., Непрское (из Непр- или к Нара, Нерское, см. Топоров ЕСл.Сб. 255 и др.); повисл. Neprys, Nepryska, Niepryska, Nepryszka /?/ и др. (NW 274). Причудливость всех этих форм в вокализме не должна смущать (ср. близкие по форме, а может быть, и по происхождению, Днепр. лит. Dniēpras, Dunēpras, Doniēpras и др.). Наконец, следует помнить и о том, что Náparis лишь условно относится к фракийским названиям. В этих условиях любая попытка морфологического членения слова гадательна. Ср., однако, Duridanov Thr.-D. St. 48; иначе - Georgiev Acta Antiqua 10, 1962, 117; Stud. Balc. 5, 1971, 160.

Náparion στόμα, Náparion στόμα, Naracustoma, Náparios, один из рукавов Дуная (Ptol. 3, 10, 2: τὸ μὲν μεσημβρινώτερον τὸ ἐκ τοῦτου του περιστεμοῦ ἐκβάλλει εἰς τὸν Πόντον στόματι καλουμένῳ Naracustoma Arr. Peripl. 35; Plin. NH 4, 79: secundum ostium Naracustoma appellatur; Apoll. Rhod. 4, 312). См. Detschew Thr. SR 327-328. Уже Jokl ERL 13, 295 сравнивал илипр. Náparion в Далмации (там же Na-

rona) с мессапск. Neretum, прусск. Narus, лит. Naĩpurė и др. (иначе - Vasmer ISR 60-61). Этот круг сопоставлений можно легко расширить (в частности, за счет более точных параллелей типа лит. Narakys и под.). Ср. прусск. Narus, 1306; Narasow, 1306; Nareyten, 1383-1387; Narayte, Norrayte, ок. 1420, Nereythe, 1411-1419; Narigen, 1352, Narge, 1337; Nerey, 1248 и др. (Gerullis Apr. ON 105, 107); лит. Narakys, Narakėlis, Narañtis, Narasà, Narõtis, Narupis, Narutis; Nerys, Neris, Nerinis, Neretà, Nėrotas и др. (LUEV 107, 109; Vanagas Liet. hidr. 82 и др.); лтш. Nāružas; Naripi (?) (Endzelins LV I: 2, 469). Сюда же относятся и многие другие примеры. В частности, этимологически с ними связаны и балт. Nom. propr. типа прусск. Naryko, 1382, Noriko, Noryke; Narim, 1469; Narioth; Narune, 1348; Nore, Norim, Noryn, Noron, Norune (Trautmann APN 66, 72); ср. composita Nartawt, 1398, Nartawte; Narwais, 1386; Normans, 1342; Normoke, 1337; Nerman, 1384; Nermede, 1281; Nermox, 1334; Nergaut; Nergunde, 1381; Nerdingis, 1241; Nergune, 1361; Nerwyde, 1370; Nerwille, 1419; Nyrginde; Nirglände, 1416; Nirglinde, 1396; Nirgunde, 1339; Waysnar, 1340, Wayssenore; Wissenor, Wissenar; Sanarie, 1339 и др. (APN 66, 70-72, 86, 114, 120, 147); лит. Nom. propr. Nõrtautas, Nõrvaišas, Norvaišis, Norvilas, Normantis, Noreika и др. (Leskien IF 34, 1914-1915, 323). Этот же корень отмечен и на смежных территориях: верхне-днепр. Наровля, Нератовка, Нересна, Нересно; Неропля, Нертка, Неруса и др. (Лявп 197-198); подмоск. Нара, Нерское, Понар и др. (Топоров БСл. Сб. 242-243 и др.); повисл. Narew, Neretwa и др. (HW 374, 411 и др.) и т.п. Таким образом, и фракийский и балтийский ареалы свидетельствуют общую форму Nar-ak- (ср. также фрак. Narcos < *Naragos. Thr. SR 328). Интересно иллир. Nārσσος (πβλις Παννονίας. Steph Byz., см. Mayer Spr. Ill. 244). Далее см. Топоров. Др.-балк. 6-8. Интересны малоазийск. Nom. propr. Ναρσια, Ναρις (Zgusta Kleinias. PN 355).

*Naruža, речное название, относимое к дакийскому и восстанавливаемое по рум. Nāruja. - Duridanov Thr.-D. St. 49 сравнивает с прусск. Narussa, лтш. Nāruža и т.д. См. выше Ναρσκιον στρμα, Nārσς и др.

Nasta, Ναστας, Νεστος, Nom. propr. (Petron. 53; CIL 6, 7971; 6, 14037; 10, 926 и др.; Jamb. Vita Pythag. 267; Stud. 3, 408 и др.). См. Detschew Thr. SR 329, 331. - При том, что остается неясным вид корня (*nes-, *nas-; *ned-, *nad-; *net-, *nat-), ср. прусск. Nom. propr. Nastico (Nistico) (Trautmann APN 67)? Ср. и другие фрак. имена (Νεσταβος, Nastabus; Νεστιδα; Νεστις; Νεστορις; Νεστοκράτης; Νεστοпорις и др.). Ср. иллир. Nestus (в Далмации), см. Georgiev, - Thracia 1, 1972, 143; Stud. Balc. 5, 1971, 160.

*Nestla, речное название, восстановленное по болг. Несла. - Составляется с верхнеднепр. Несла, видимо, балт. происхождения. См. Duridanov Thr.-D. St. 49 (к *ned-).

Néστος, Nestos, Νέστος, речное название (Hdt. 7, 109; 7, 126; Thuc. 2, 96, 4; Scyl. 67; Arist. Meteor. 350a, 16; Diodor 31, 8, 8; Scymn. 673; Strab. 7, 7, 4; Mela 2, 17; 2, 30; Ptol. 3, 11, 2; 3, 11, 5; 3, 11, 7; Steph. Byz. 171, 6; 470, 10; Paus. 1, 10, 2 др.). См. Detschew Thr. SR 330-331; Vlahov. Nachtr., 254. Ср. более ранние обозначения этой реки Néσσος, Nessus и обозначение римского времени Μέστος (Thr. SR 329-330). - Если исходить из *ned-/*nad- (ср. выше *Nestla), то ср. прусск. Nadeyn, 1388; Neudowe, 1332, Nedwe, 1438, Nedowen и др. (Gerullis Apr. ON 104, 107); Nom. propr. Neuduse (Trautmann APN 69) ?; лит. Nedingis (LUEV 108; Vanagas Liet. hidr. 168); куршск. Nedighen, 1253, Nedingen, 1300 (Kiparsky KF 130-131: к балт. названию крапивы). Сюда же, видимо, верхнеднепр. Надва, Недно (ЛДВ 197, 198); повисл. Nede, Neden? (HW 494). Следует помнить и об иллир. Νή δινον (Ptol. II, 16, 6), Nedino (Tab. Peut.), Nedinon (Rav. V, 14) и др., ср. теперешний Nadin (Mayer Spr III. 239-240), Νέβα в Аркадии и др., о чем см. Топоров Илл.-б. 56.

Νετίμβαλα (вар. Νευτίμβαλα), местное название (Ptol. 3, 8, 4). - См. Detschew Thr. SR 330, - Сравнение со ст.-лит. Netupa, польск. Nothes, Но́с и др. см. Duridanov Thr. SR 49-50.

Νόης, Novas, речное название (Hdt. 4, 49: διὰ δὲ θρηίκης καὶ θρηίκων τῶν Κροβύζων βέοντες Ἄφρως καὶ Νόης καὶ Ἀρτάνης ἐκβιβούσι ἐς τὸν Ἰστρον; Val. Flacc. 4, 718-720: non seipemgemini memorem quas exitus Histri, quas Tanais flavusque Tyres Hypanis-que Novasque addat opes; 6, 100). См. Detschew Thr. SR 332 (как и Tomaschek Thr. II, 2, 96: к и.-евр. *sneu-, *snou-, ср. др.-греч. νέω; νόα πληγή Λάκωνες. Hesych.). Сюда же - Novae, Novae, Νοῦαί Νόβοι, местное название. (Ptol. 3, 10, 5, TP 7, 3 и др.), ср. этническое название Novensis (Thr. SR 332-333). - Ср. прусск. Nawen, 1507; Nawenynen, 1405; Nawnithen, 1458; Nawekeyn, 1419; Nawunseeden, 1350 (Gerullis Apr. ON 106-107); лит. Nóva, Novėlė, Novenà, Növetas (LUEV 111; Vanagas Liet. hidr. 131, 139; ср. Navá и др.

LUEV 108); лтш. Náve, Náves-bedre, Náves-tēce, Návite pl., Návenes-darzs и др. (Endzelīns LV I: 2, 474-475); ср. верхнеднепр. Навля (ЛДВ 197), Навлици (Витебск. губ.). Из других возможных аналогий ср. иллир. Novae (Tab. Peut.; Rav. IV 16 и др.), Novicianum (It. Hieros. 563, 12), см. Mayer Spr. III. 244; малоаз. Ναυης (?) (Zgusta Kleinas. PN 355).

Νόγето, название замка (Proc. ae. 4, 4). См. Detschew. Thr. SR 333; ср. Vlahov. Nachtr. 254. - При всей неясности фракийского наз-

вания ближайшее сходство обнаруживают, кажется, балтийские примеры типа прусск. Nogothin, 1326 (Gerullis Apr. ON 108); лит. Negātne (Endzelins I: 2, 475); повисл. Nogat, Nogata (NW 763, 788, 789, 795, 797), Nogothin (NW 488); днепровск. Нагатъ, Негатъ и др.; московск. Нагатино (Ногатинское и др. ДДГ 8, 9, 46, 48, 72, 196), см. Топоров БСЛСб. 226.

Ὀδησσός, Ὀδεσσός, Odessos, Odyssa, Odissos, Ὀδησόπολις, Ὀβυσσός, Ὀβυσο(ύ)πολις местное название (теперь - Варна); Ὀθησ(σ)ίται, Ὀθησ(σ)εῖται, Ὀβυσηνοί, Odessitani, Odyssitani, этническое название (Strab. 7, 6, 1; 7 fgr. 48; Ptd. 3, 10, 3; Diodor 19, 73, 3; 20, 112, 2; App. Illyr. 30; Scymn. 748; Arr. Per. P. Eux. 35; Steph. Byz. 483, 12; Suid.; Plin. NH 4, 45; Ovid. Trist. 1, 10, 37; Amm. Marc. 22, 8, 43; Scyl. 67 и др. См. Detschew. Thr. SR 335-336. - Tomaschek Thr. II, 2, 57: *oid- 'набухать'. Едва ли верно. Скорее - к *uod- 'вода', чередующемуся с *ued- (ср. фрак. *Ебесса, *Ебеса, Edessa/Strab. 7, 7, 4; 10, 1, 15; Steph. Byz. 260, 20; Just. 7, 1, 7 и др./, *Ебессαῶς, *Ебессηνός, Edessaeus и др.; см. Топоров Фр.-балт. 51-52). К суффиксу -ева/-ова при этом корне ср. верхнеднепр. Водоса, Вадоса, Ведоса (Лави 115, 178); лит. Ведоса (Спрогис ГСЖЗ 37), Vedesa (Vanagas Liet. hidr. 137). К вокализму о, помимо уже указанных Вадоса, Водоса, ср. прусск. Wadangen, 1337; Wadekaune, Wadekaum; Wadekin, 1312; Wadunethen, 1419, Wodunethen (Gerullis Apr. ON 191); лит. Vadā, Vadaksnis, Vadakstā, Vadakstis, Vadaktā, Vadaktis, Vadavė, Vadėikio ravas, Vadinėlis, Vadinis, Vadoksnas, Vaduksta, Vadū upėlis, Vaduvā, Vāduva, Vadva и др. (LUEV 182; Vanagas Liet. hidr. 38, 72, 107, 216 и др.), ср. LATS 984. Остается неясным толкование иллир. Vedulia (It. Hier. 563, 6), см. Mayer Spr. Ill. 354.

Ὀδρύσης, речное название (Strab. 12, 3, 22: ... ἐπὶ δὲ *Ἀλαζία πόλις ποταμοῦ Ὀδρύσης βέων διὰ Μυγδονίης πεδίου ἀπὸ δύσιος ἐκ τῆς λίμνης τῆς Δασκυλιτιδος ἐς Φυνδακὸν ἐσβάλλει); ср. также Ὀδρῦσαι (Sg. Ὀδρύσης, Ὀδρυσίτης), Odrysaе, Odrussaе, племенное название (по течению Гебра); Odrysius, *Ὀδρυσατος. Adj.; *Ὀδρυσα, Ὀδρυσία, местное название (Steph. Byz. 484, 3: Ὀδρῦσαι, ἕνος θράκης. Στράβων ἔβδομη. λέγεται Ὀδρῦσιος καὶ Ὀδρυσία καὶ Ὀδρυσίδαи καὶ Ὀδουσίαδες νηλυκῶς καὶ Ὀδρυσίς. ἔστι δὲ καὶ Ὀδρυσα πόλις αὐτῶν, [ἣ καὶ Ὀδρυσία. λέγεται. Καὶ Ὀδρύσης λέγεται καὶ Ὀδρυσίτης; Mart. Cap. 6, 656: Hebrum Odrysiæ nives complent; Hdt. 4, 92: Δαρειὸς δὲ ἐνθεῦτεν ὀρυσιεῖς ἀπὶ κέτο ἐκ' ἄλλον ποταμὸν τῷ ὀνομα Ἀρτησιός ἐστι, ὃς διὰ Ὀδρυσέων βέει; Thuc. 2, 29, 2; 2, 29, 3; 2, 95, 1; 2, 96, 1; 2, 97, 1; и др.). См. Detschew Thr. SR 336-339. - Jokl ERL 13, 285 возводил эти слова к *o-dru-s (ср. Dru-geri), причем, в o- видел префикс,

а общее значение определял как 'Waldbewohner'. При таком подходе сюда, видимо, можно было бы прибавить верхнеднепр. Адров, Одров, Одровка, Одра при Друть, Друць, Друец, Дрьуть (другие варианты - Odruczk, Odrwac) с надежными балт. параллелями типа прусск. Drawe, Druteyn, Drutthen, лит. Drutiškiai и т.п. (ЛАВП 175, 185). Однако такое понимание 'Oδpυccς и под. не кажется наиболее целесообразным. Путь к другому решению открывает то весьма правдоподобное мнение, что под 'Oδpυccς αλιccς, соответственно 'Oδpυccίa, понималась Uscudama, т.е. Адрианополь (ср. Ruf. Fest. 9: Mareus Lucellus... Uscudamam, quae modo Hadrianopolis nominatur, in dicionem nostram redegit; Ann. Marc. 14, 11, 15: Hadrianopolim., urbem Haemimontanam, Uscudamam antehac appellatam; 27, 4, 12: Haemimontanus Hadrianopolim habet, quae dicebatur Uscudama; Iord. Rom. 221: Uscudama quae Adrianopolis vocitantur и др. См. Thr. SR 349), а первую часть в Uscudama связывают с ирл. usce, uisce 'вода', и в таком случае все слово в целом значит 'Wasserburg' (Thr. SR 349). Уже в силу этого можно предположить, что Uscudama есть калька 'Oδpυccς, во-первых, и что исходная форма восстанавливается как *uod-r-(us-), во-вторых. В таком случае 'Oδpυccς внутри фракийского соотносится с названиями без элемента -r- типа 'Oβηccccς, проанализированными выше, а вне фракийского - с такими балт. фактами, как прусск. Wedru, 1419; Vederaw 1419; Wedere, 1344; Wedernn, 1508; Wedirkaym, 1374 (Gerullis Apr. ON 197-198); лит. Ведера (Спрогис ГСЖЗ 37), Vedreikė (LUEV 189; Vanagas Liet. hidr. 108; Вiга RRI, 142, 466), ср. Неведро (Витебск. губ.); вероятно, сюда же и верхнеднепр. Ведра, Ведречь, Ведриц (*Ved-r-es-: фрак. *Vad-r-us-?), Ведерка и др. (ЛАВП 178). Не исключено, что в этот же ряд следует отнести и названия с другим вокализмом - ср. лит. Vėdrupys (LUEV 189) и особенно, конечно, Vādrė (LUEV 182; Liet. hidr. 108) и, может быть, даже верхнеднепр. Адров, Одров и под. (из *Vod-r-)? Не ясно, как толковать малоаз. Nom. propr. Oδpυccς (Zgusta Kleinas. PN 370; ср. балт. *Vadr- и *Ved-ug-).

'Oλγaνccς, речное название (Steph. Byz. 452, 1). См. Detschew Thr. SR 340; Vlahov Nachtr. 255. - Tomaschek Thr. II, 2, 94 сравнивал с др.-в.-нем. wolchan 'дождевая туча', а Jokl ERL 13, 297 - с лтш. valge, ст.-сл. ВЪЛГЪТЬСЯ, ирл. folc (ср. Волга). Из гидронимических параллелей ср. лтш. Valga; Воложинка в басс. Немана (Вiга TŽ 1, 1923, 42); ятв. Welzowe (?); верхнеднепр. Воложовка (ЛАВП 180); ср. Волженка (м.б., сюда же Волшня < Волжня?; иначе - Топоров БСЛ.Сб.237) и т.п., дающие возможность восстановить *Volg-: *Volg-in-.

'Oρβηccccς, Ordeevos, речное название (теперь - Ardziš), также название города (Hdt. 4, 48; Ptol. 3, 5, 14; Plin. NH, 4, 82). См. Detschew Thr. SR 344. - Duridanov Thr.-D. St. 50, 93 сравнивает с

лит. Ūrdupis, Urdenà, лтш. Urdava (и апеллятивами - лит. urdulỹs 'горный ручей, поток', лтш. urdavina и т.д.). Иначе - Russu LTD 114; к *erd-. Тем не менее, как и в целом ряде других случаев, приходится считаться с фрак. о (не только а) на месте и.-евр. о и, следовательно, с возможностью связи с прусск. Arðapren, 1423; Arde-lauches, 1284; Ardinghenen, 1364 и др. (Gerullis Apr. ON 10; Ср. Nom. propr. Arðan, Arðete? Trautmann APN 13); лит. Aĩðaraišcio upėlis, Arðamėliu upėlis и др. (LUEV 8); куршск. Arðus, 1230, *Arðon, 1253, Arðen (Kiparsku KF 79). Ср. лит. Arðaišciu km., Arðiškiu km. и особенно Arðosu km.? (LATS 621). Следует помнить и об иллир. *Αρβεία, *Αρβάζανος. См. Топоров Илл.-б. 53. Впрочем неясности весьма существенны. Иначе - Georgiev Stud. Balc. 5, 1971, 161 (к *Arg-esy-, см. Arzos).

*Ορκελίς, местное название (Ptol. 3, 11, 7). См. Detschew Thr. SR 344. - Указывают на связь с кельтск. *Ορκελίς в Hispania Tarragonensis (Ptol. 2, 6, 60). Трудность в интерпретации начального гласного объясняет наличие разных цепочек возможных соответствий. Ср. прусск. Arkeliten, 1359-1370 (Gerullis Apr. ON 11; ср. Nom. propr. Arketh, Arkete, Arkeyticz, 1335 (?). Trautmann APN 13); Nom. propr. Arckellis, 1554 (Kiparsku KF 261), имеет другое объяснение; ср. также Аркуловка, в Подмосковье (Топоров БСЛ.Сб. 238). Второй ряд соответствий предполагает *Vork-, ср. прусск. Warkiten, 1419; Worken, 1387 (Apr. ON 196, 208); верхнеднепр. Варка, Воркынец (Лави 178, 181). Третий ряд (*Urk-) - лит. Ūrka, Ūrkis, Ūrkupis, Uĩkupis (LUEV 180); Urkuvėny km. и др. (LATS 977).

Orni, *Ορνοί, местное название (Her. Alcib. 7, 4; Hierokl. Synecd. 632, 6; Const. Porphyrog. de them. 3, 47, 3). См. Detschew Thr. SR 344. - Учитывая двусмысленность начального гласного, ср. прусск. Arnou, 1322 (Gerullis Apr. ON 11); Nom. propr. Arnike, 1437; Arnez (Trautmann APN 13); лит. Arniškis (Vanagas Liet. hidr. 173); Nom. propr. Arnyš; Arneny vk., Arnioniu km. (LATS 622); м.б., лтш. Arnika (Endzelĩns LV I: 1, 42); куршск. Nom. propr. Arnicke, 1582-1585 и др. (Kiparsku KF 262). Ср. иллир. *Αρνίσα (Thuc. IV, 128, 3; Ptol. III, 12, 17).

*Οσκιος, Σκίος, Oescus, Euscus (Теперь - Iskär); Οϊσκος, Oescus, Yscos, Aescus, Euscus, *Γοσκός, Niscus, Uscus, название города в устье реки (Thuc. 2, 96, 4; Hdt. 4, 49; Plin. NH 3, 149; TP 8, 1; Ptol. 3, 8, 2; 3, 10, 5; CIL 3, 6190 и др.). См. Detschew Thr. SR 345-346; Vlahov. Nachtr. 255. - Ср. также Uscudama (Thr. SR 349). Mladenov SBA 10, 1915, 49-53: к ирл. usce, uisce 'вода'. Судя по многочисленным вариантам, целесообразнее всего исходить из формы *Oisk- (:*Eisk-), с которой сопоставимы прусск. Eyskitin, 1350 (Gerullis Apr. ON 33); лит. Eiškėnas (LUEV 39; Vanagas Liet hidr.

202: aiškùs, éiškùs); ср. прусск. Nom. propr. Ayscut (Trautmann APN 11), лит. Eyschell и др. Georgiev Stud. Balc. 5, 1971, 160: к *ud(e)skyo-, ср. др.-исл. u(i)sce 'вода'.

*Oстаφος, местное название (Ptol. 3, 11, 7). См. Detschew Thr. SR 346. - Duridanov Thr.-D. St. 12, 50, 90, 93 исходит из фрак. *Ūst-apus, или *Ūst-apus, которые отвечают лтш. Uost-upe и т.д.

Ostudizo, Ostodizo, Ostidizo, mansio. См. Detschew Thr. SR 346. - К первой части ср. *Oстаφος; см. Duridanov Thr.-D. St. 51.

Vevocasenus vicus, местное название. См. Detschew Thr. SR 347. - Duridanov Thr.-D. St. 51-52 сопоставляет первую часть с прусск. Wouwe, 1260, Wewa, 1292, лтш. Vaiva, Vaive и т.д.

Ucasus, речное название. См. Detschew Thr. SR 348. - Duridanov Thr.-D. St. 52 сравнивает с лит. Ūkis, Ūkõjas, лтш. Ūkis.

Οὐρδῶος, название замка и др. См. Detschew Thr. SR. 348. - Duridanov Thr.-D. St. 52: к лтш. Urdava, речное название, urdavina 'ручей'.

Uscudama, см. выше.

Πάγγαιον ὄρος, Παγγαῖον ὄρος, Pangaeus mons, Pangaea, название горы (Aesch. Pers. 494; Hdt. 7, 112; Eur. Rhes. 408, 982; Thuc. 2, 99, 3; Strab. 7, frg, 34, frg. 41; Ptol. 3, 11, 1; Steph. Byz. 331, 7; Plin. NH 4, 40; 4, 42; Verg. Georg. 4, 462; Ovid, Fasti 3, 739 и др.). Сюда же Nom. propr. (IG 2², 8920). См. Detschew Thr. S Sr 350. - Ср. прусск. Bangityen, 1304 (Gerullis Apr. ON 16: к лит. bangùs); Nom. propr. Binge, 1286 (Trautmann APN 19); лит. Bingis, Bingùte (LUEV 19; Vanagas. Liet. hidr. 64, 210); Bingelių km. (LATS 646); Nom. propr. бога Bangputỹs; лтш. Vaĩgas, Bãngas-sala; Biĩgalis, Biĩgulis и др. (Endzelĩns I: 1, 84, 111).

Παλιόρα, название замка. См. Detschew Thr. SR 350. - Первую часть слова Duridanov Thr.-D. St. 52, 91 сравнивает с прусск. Pa-dis, 1372, Padysze, 1413.

Παλιουληνός, эпитет Зевса, предполагающий местное название Πα-σουλα (ср. Il. E 612: ἐν Πισσῷ и т.д.). См. Detschew Thr. SR 353. - Duridanov Thr.-D. St. 52-53 сопоставляет с прусск. Paissyn, 1419; лит. Paĩsiotai; лтш. Paisnĩte и др.

Πολαβελνηος, эпитет Героса. См. Detschew Thr. SR 354. - Duridanov Thr. - D. St. "29: к лит. Palà; ср. pãlios 'большое болото'.

Palae, местное название. См. Detschew Thr. SR 354. - Duridanov Thr.-St. 53, 93: к лит. Palà и др., см. выше.

Palma, местное название. См. Detschew Thr.-SR 354. - Duridanov Thr.-D. St. 53-54, 93: к лит. Palminỹs, лтш. Paĩmuota и т.п.

Palmatis, Πάλματις, местное название. См. Detscher Sr 354. - Duridanov Thr.-D. St. 54, 93; См. выше Palma.

Πάωξ, название ручья; сюда же Павлов, местное название, Panisos, речное название; Pannysis, Πάνυσις, речное название; ср. Панега, река в Болгарии. См. Detschew Thr SR 354-355. - Duridanov Thr.-D. St. 54, 90; к прусск. Panyen, 1267, Panyn, 1339, русск. Поня и т.д. (ср. Pannonia). ср. также Georgiev Stud. Balc. 5, 1971, 161; Gindin. Ibid. 241.

Παυριος, речное название. См. Detschew Thr. SR 359. - Duridanov Thr. D. St. 54-55; к прусск. Speriti, 1282, Spyrenen, 1419 и др.

Πίρσα, местное название (Steph. Byz. 509, 11: Πίρσα, πόλις θρησκή). См. Detschew Thr. SR 359. - Ср. прусск. Passen, 1374, Passen, 1419; Passeln 1372 и др. (Gerullis Apr ON 116-117)?

Παυτάλια, Pautalia и др., местное название. См. Detschew Thr. SR 360-361. - Duridanov Thr.-D. St. 10, 55, 90; Thracia 1, 1972, 240; к прусск. Pauten, Pauta, 1242, лит. Paūtupis, лит. Paut-upite и др.

Pelendova, местное название (TR 7, 4). См. Detschew Thr SR 362. - Если в -dova видеть дублетную форму к -dova (Thr SR 151), то первую часть естественно сопоставить с прусск. Pellen, 1423; Peleyen, 1327, Pelin, 1389 (Gerullis Apr. ON 118-119, ср. примеры с другими расширениями); лит. Pelà (LUEV 121) и др.; Pelenés km., Peleniškių km., Pelenių km. и др. (LATS 876).

Περικων, имя, определяющее *Πρωσ (Mihailov Inscr. 283 bis: *Πρωσ Περικωνε); ср. также Перк- (Inscr. 283: Περκ *Πρωσ); ср. Vlahov Nachtr. 280; не исключено, что тот же корень представлен в местном названии Περικώτη, Percote (позже - Πολυπερικώτη) и в соответствующем этническом названии Περικώσιος, Percosius (Il. В 835 сл.; Hdt. 5, 117; Strab. 13, 1, 7; 13, 1, 20; Steph. Byz. 517, 21; Plin. NH 5, 141, Val. Flacc. 2, 621; Il. 831; Z 30 и др.). См. Detschew Thr. SR 364. - Сопоставление Перк(ων) в балт. Perk(ūn/on-) см. Топоров Др.-балк. 14 (лит. Perkūnas, лит. Perkons, прусск. percunis 'гром' и т.п.); ср. также прусск. Perkune 1374 (Gerullis Apr. ON 120); лит. Perkūnūpis, Perkūnravis, Perkūnlūpis (LUEV 122); Perkūniškės km., Perkūnkiemio km., Perkūny km., Perkūniškių km. (LATS 878); куршск. Percunecalve, 1253 (Kiparsky KF 136); Нем. propr. Perkun, 1540, Perkonn, 1541, Perkune, 1582-1585 и др. (KF 321). Другие параллели см. Иванов, Топоров Иссл. Ср. повисл. Perkun, Perkuhn See (HW 624). Ср. Гиндин.

Πέρνη, местное название (Steph. Byz. 517, 24: Πέρνη, πόλις θρησκής ἄντικρὺ θάλασσης, τὸ ἐθνικὸν Περναγός καὶ Περναία См. Detschew Thr. SR 364. - Помимо ранее указывавшихся исавр. Πέρνας, карийск. Πέρνη (Sundwall LN 175, 288), ср. не вполне ясные балт. факты ти-

па прусск. Pernen, 1258, Pernyn (едва ли из *Per-nen-, ср. Nene, как думает Gerullis Apr. ON 120; лит. Pernava, Pérnokė (LUEV 122; Vanagas Liet. hidr. 103, 187), для которых возможны и иные интерпретации. Ср. также Перновка (Витебск. губ. Būga RR III, 562), обычно выводимая из финно-угорского материала. Русск. Перница, Перенка, Перанка, Проня и т.п. предполагают близкую связь *Pern-: *Per-en-, *Per-in-, *Pir-en и т.п.

Πίζος, Pizus, Πίζος, местное название. См. Detschew Thr. SR 369. - Duridanov Thr.-D. St. 55, 89: к прусск. Pissa, Pissen, 1406, лит. Pisa ežers, Pis-upite и др.

Πίνων, местное название (Ptol. 3, 8, 4). См. Detschew Thr. SR 369. - Ср. прусск. Руннов, 1342, Рунуове, 1285 (Gerullis Apr. ON 123); лит. Piniava, Piniavos km. (IATS 884), а также к западу от Вислы Pinnow (Pinnowe, 1226; Pinnowe, 1265, Руннов, 1482, stagna Pinnow, 1284, Pinnau, XVIII в. и др.), см. Топоров Slav. Frag. VIII, 107. Ср. также прусск. Nom. propr. Руннего (Trautmann APN 77); лит. Pinno и др., переключившиеся с илиир. Pinenta, Pinneus, Πιννης (Mayer Spr. Ill. 269).

Πύστιρος, местное название (Theogn. An. Oxon. 2, 71); варианты Πύστιρος, Βίστιρος, Πύστειρ, Πύстиρος, Κύστιρος. См. Detschew Thr. SR 370. - Справедливо выделяют среди этого многообразия форм две исходных - *Beist-/*Bist- (см. фрак. -βειστας, -βιστας, -βιστος) и *Pust-, подкрепляемую карийск. Πύστος (Ptol. 5, 2, 15) или названием о-ва в Эгейском море Pystira (Plin. NH 5, 138). К *Pust- восходят и балт. названия типа прусск. Pusteniken, 1405 (Gerullis Apr. ON 137: к pausto?); лит. Pustāšilė, Pūstežeris и др. (LUEV 130; Vanagas Liet. hidr. 250, 251), ср. Pūstlaukiai; сюда же, видимо, и прусск. Pawsteniken, 1419 (Apr. ON 117), верхнеднепр. Пустометижка (ЛВВП 203), м.б., повисл. Pustnickie Jez., Pustnick See и др. (HW 499). Суффикс -ir- известен и в балт. топонимике, см. Liet. hidr. 171.

Πιττας Nom. propr. (SIG 2749); сюда же Πιτταχός, Pittacus, Φιτταχος; Πιτταλος, Φιτταλος; Πιττάχμος. Nom. propr., производные от Πιττας, См. Detschew Thr. SR 371-372; Vlahov Nachtr. 257. - Указывалось на связь с употреблявшимся еще в византийское время словом πιτιχός 'карлик' (Haggerty-Krapp RA 1931, 2, 143). Что, однако, не выходит за пределы гипотического. Вместе с тем заслуживает внимания сходство с прусск. Nom. propr. Pittalis, 1354 (: Πιτταλος), Pyton (Trautmann APN 77); Pyttenen, 1419 (Gerullis Apr. ON 124); куршск. Pytwe, 1258, Puytwe, Pitwe, 1503 (Kiparsky KF 139; Būga RR III, 233, ср. Питвейнай. Спрогис ГСЖЗ, s.v.); впрочем, последние примеры могут указывать на *peit-, ср. лит. Piėtvė, Pietupis (Vanagas Liet. hidr. 214).

Pomodiana местное название (Tab. Peut., но: Cumodiana, Rav. IV, 7) Duridanov Thr.-D.St.56, 91, 98; прусск. Pomauden(:Mauden) и т.д.

Πόντος. Pontus, речное название (Arist. mir. ausc. 841 a 27; Diosc. mat. med. 5, 146; Isid. 16, 4, 8). См. Detschew Thr. SR 374. - Tomaschek Thr. II, 2, 95 связывал с *pent- 'находить путь'. Равным образом можно думать и о продолжениях и.-евр. *pen- 'тянуть', 'прясть', 'слетать' с элементом -t-. Учитывая эту двусмысленность, возможно, устраняемую на более ранних этапах, ср. прусск. Pantenow, 1419; Pantum, 1258; Pantelac(?), 1411-1419, с одной стороны, и Pentkynne, 1515; Pentlawken, 1419 (Gerullis Apr. ON 114, 119); не исключено, что сюда же лит. Pintakis, остающееся в целом не вполне ясным (Vanagas Liet. hydr. 82).

Porsulae, Porsolae, местное название (TP 8, 4; GR 183, 6 и др.). См. Detschew Thr. SR 375. - Tomaschek, Thr. II, 2, 65 сравнивает с лат. porcula, др.-в.-нем. farheli, др.-греч. πόρμος и т.д. Если это верно, то сравнение могло бы быть расширено за счет примеров типа лит. Paršėlių km. (LATS 866); Paršėlis, Pařšėžeris, Pařšupis, Pařšupys (LULV 118); прусск. Parstlawke, 1419 (Gerullis Apr. ON 115). Впрочем, осторожнее было бы обратиться к сравнению с балт. *Pars- (фраг. *Pors-ul-): прусск. Parve, 1340; Paršwe, 1476 (*Pars-uv-); Parswyt, Parowite (Apr. ONN 115); куршск. Parsepurwe, 1470 (Kiparsky KF 135); лит. Paršvėtas, Paršvėtis, Paršvetaitis (LUEV 118; Vanagas Liet. hydr. 140) и т.д. Сюда же, конечно, и прусск. Perselen, 1419 (*Pers-el-); Persem, 1405; Perses, 1326; Persink, 1425 1425 и др. (Apr. ON 120); лит. Persas (LUEV 122; Liet. hydr. 140); лтш. Perses upe, Persēja (ZfslPh 11, 1934, 127) и названия на смежных территориях: Persante, река в Померании (Krahe, Alt-Preußen 8, 1943, 43-44); верхнеднепр. Пересна, Першница (ЛВЛП 201), а также Persētis в Паннонии (Mayer Spr. Ill. 264; Топоров Илл.-б. 56, "Baltistica" I, 2, 1966, 106).

Potelense, местное название (CIL 6, 32567, 5-7: cives prov. Tra-cie reg. Serdicens/isaemidne Potelense); возможно, сюда же Potula (GR 204, 6); Ποτουλᾶτῆνσιοι, дакийское племя (Ptol. 3, 8, 3); едва ли сюда Ποτούς, Nom. propr. с малоаз. связями (Sundwall LN 189: лийск. Ποττεῖς, писид.-фриг.-лидийск. Ποτεύς, Ποτήος)? См. Detschew Thr. SR 376-377. - Tomaschek Thr. II, 2, 63 восстанавливает *Potela и сравнивает с Nom. propr. Ποτάλος (SIG 2675, 10), Ποντάλος (IG 9, 2, 517, 89). Сравнение с балт. фактами возможно лишь при доказательстве префиксального характера По-(что и предполагается некоторыми). В этом случае ср. прусск. Potollen, 1351-1382, Patollen, 1433 (Gerullis Apr. ON 132-133); Nom. propr. Patulle, Patolle, Patol, 1407; Patulne, 1348 и др. (Trautmann APN 75), имя бога Patols и др. Весьма гипотетично.

Πουσιών, название замка (Proc. ae. 4, 11). См. Detschew Thr. SR 377. - Tomaschek Thr. II, 2, 65: к лит. pušūnas 'сосновый лес' (из *peuk-: *puik-). Duridanov Thr.-D. St. 57, 88 развивает это сравнение за счет топонимов типа лит. Pušynės km., Pušinė и т.п.

Πρασιάς λίμνη, название озера (Hdt. 5, 15; 5, 17 и др.). См. Detschew Thr. SR 377-378; Vlahov Nachtr. 257. - Duridanov Thr.-D. St. 57, 88 (вслед за Loewenthal ZONF 5, 1929, 59): к прусск. Prausen, 1378; лит. Praustuvė.

Πρέϊδες название замка (Proc. ae. 4, 11). См. Detschew Thr. SR 378. - Duridanov Thr.-D. St. 57, 91: к лит. Priēdes, Priēdes. лит. Preidžių km., прусск. Preyd-azare, 1348 и др. Ср., однако, Vlahov Nachtr. 257; Russu LTD 46; Dacia 2.

Πρηπλων κώμη, местное название (AM 12, 1887, 172 № 3, Tuzla: τῆ κώμη Πρηπλων): См. Detschew Thr. SR 378-379. - Tomaschek Thr. II, 2, 65; префикс, родственный прусск. prei-, слав. pri- и и.-евр. *ap- 'вода'. Дечев склонен видеть во второй части корень *pan-, обозначающий болото, грязь. Это последнее объяснение весьма правдоподобно. Известная сложность связана с постулированием соответствующего фрак. префикса, хотя несколько примеров, кажется, склоняют к признанию его. Если это так, то восстанавливается (с некоторыми допущениями) *Pr(e)i-pan-, сопоставимое с прусск. Panyen, 1267, Pany, 1933 и др. (Gerullis Apr. ON 114: к pannean 'болото'), ср. Prey-buten, 1258 (Apr. ON 134) и т.п. О топонимических отражениях корня *Pan- см. выше.

Prisosta. Nom. propr. (Anuarul com. mon. istor. 1930-1931, 85); ср. Prosostus, Nom. propr. (Germania 21, 1937, 168-171 и др.). См. Detschew Thr. SR 380. - Учитывая Sostica (Nd. or. 42, 40-41), Siosta (Thr. SR 447), приходится членить Pri-(Pro-) sost-. Корневая часть (едва ли справедливо объясняемая как кельтская, см. Holder AC 2, 1576) может быть соотнесена с лит. sóstas 'престол', sóstinė 'столица', sóstė, namisóstas, pasóstė (pasóstė), прусск. sosto (к *sed-/*sod-). Префиксальный тип (pa-sost-; pri-sėsti и т.п.) еще более увеличивает возможность связи. Не исключено, что сюда следует отнести и прусск. Sestin, 1357 (Gerullis Apr. ON 156: к Seia?)

Προύσα, Προυσιάς, Prusa, Prusias, местные названия; Προυσαεύς, Βρουσαεύς, Prusensis, Προυσιεύς, Προύσιος, Prusiensis, соответствующие этнические названия. - Город в Мизии, теперь - Бурса (Ptol. 5, 1, 14: Προύσα πρὸς τὸν Ὀλύμπῳ τῷ ὄρει. Athen. 2, 43a; ἐν δὲ Προύσῳ τῇ πρὸς τὸν Μύσιον Ὀλύμπῳ τὰ βασιλικὰ καλούμενα; Strab. 12, 4, 3: Προύσα δὲ ἐπὶ τῷ Ὀλύμπῳ ἴδρυται τῷ Μυσίῳ, πόλις εὐνομούμενη, τοῖς τε Φρυγῶν δημορὸς καὶ τοῖς Μυσηοῖς, κτίσμα Προυσίου τοῦ πρὸς Κροῖσου πολεμήσαντος; Hierocl. Synecd. 692, 5; Head HN 517 (на монетах римского времени); Steph. Byz. 537, 8; CIG 3, 4155; Plin. NH 5, 148:

a Cio intus in Bithynia Prusa a Hannibale sub Olympo condita; Plin. epist. 10, 70, 1; 81, 1; Oros, 6, 2, 23; CIL 3, 6996 и др.); - город на малоазиатском берегу Пропонтиды, также Κίος теперь - Ghemlek (Ptol. 5, 1, 2: Βιθυνίας τὸ πρὸς τῷ στόματι τοῦ Πόντου ἄκρον, ἐφ' ᾧ... Προυσίας Schol. ad Theocr. 13, 30 : Κιανῶν. < Κιανοί > οἱ τὴν Κίον κατοικοῦντες γεωργοί. ἔστι δὲ πόλις τῆς Μυσίας, ἥντιν καλουμένη Προῦσα ἀποτοῦ < τῶν > Βιθυνῶν βασιλέως Προυσίου; Strab. 12, 4, 3; Steph. Byz. 537, 5: Προῦσα ἢ μὲν γὰρ Προυσίας Βιθυνίας ἀπὸ Προυσίου τοῦ Ζηίλα τοῦ Βιθυνῶν βασιλέως, ἢ Κίος πρότερον ονομασθεῖσα, ἧς ὁ πολίτης Προυσιεύς IG 2², 10118, 3-4; IGRP 1, 139 (из РИМА): Prusienses ab mare - Γρουσιεῖς ἀπὸ θαλάσσης Strab. 12, 4, 3; 12, 4, 9; Guarducci. Inscr. Gret. 2, 18, Nr. 413, 4-5; Head HN 513 (на монетах: Προυσιέων τῶν πρὸς θαλάσση); Etym. M: Προῦσιοι Plin. NH 5, 148; Plin. epist. 10, 81, 6; Mart. Cap. 6, 687; TP 9, 2; GR 108, 18 и др.); - город на реке Гипиос, также Κίερος, теперь - Üskübü (Ptol. 5, 1, 13: Προῦσα πρὸς τῷ Ἰπίῳ ποταμῷ. Memnon 27, FGr.H 434, F. 19, 1: Προυσίας ὁ τῶν Βιθυνῶν βασιλεύς δραστήριος ὢν καὶ πολλὰ πράξας μετὰ τῶν ἄλλων καὶ Κιέρον πόλιν Ἐρακλεωτῶν οὖσας ὑφ' ἑαυτὸν ἔθετο τῷ πολέμῳ, ἀντὶ Κιέρου Προυσίαδα καλέσας; F. 32, 1; Hierocl. 694, 5; Const. Porphyrogen, de them. 6, 29; IGRP 1, 139; Head HN 518; Plin. NH 5, 148 и др.); - Προυσίας Prusias, Prusia. Nom. propr. двух вифинских царей (235-183 и 182-149 до н.э.), сына или брата Никомеда II, а также частных лиц (Strab. 12, 4, 3; Polyb. 3, 2, 5; 18, 44, 5, App. Syr. 11; Memnon FGr. 434 F 19, 1; Steph. Byz. 537, 5; Schol. ad Theocr. 13, 30; Head HN 519; Liv. 28, 7, 10; 29, 12, 14; 32, 34, 6; 33, 30, 4; 37, 25, 4; 39, 46, 9; 39, 51, 1; Cic. de divin. 2, 52; Nep. Hann. 10, 1; Pomp. Trog. prol. 32; Eutr. 4, 5; Val. Max. 5, 1, 1; - App. Mithr. 2, 6; Strab. 13, 4, 2; Ditt. OG 341; Ditt. Syll. 632; SIG 2855; Liv. 44, 14, 5; 44, 24, 5; 45, 44, 4 и др.; - Tzetz. Chil. 3, 951 ff.; Val. Max. 1, 8, 12; - IG 9², 24; 12, 5, 790). - Ср. также Adj. Prusiacus (Sil. Ital. Pun. 13. 888. См. Detschew Thr. SR 380- 385. - Поразительное сходство обнаруживается с названием пруссов, соответствующей территории и, возможно, исходного Nom. propr. Ср. Bruzi, Bürs, Pruze, Прюси, terra Prussiae, прусск. prūsiskan, лит. prūsai, лтш. prūsi, русск. пруссы, польск. prusy, нем. Preussen (из *Prūzzen), лат. prussi и т.д. См. Būga RR III, 120-121; Mažiulis РКР 13-15 и др. Подробнее о сопоставлениях с балт. Prūs- см. в другом месте. Вместе с тем заслуживают внимания и этрусск. имена типа prus[e] 'Prusius', prus[ni] 'Prusinus', prusc- к pruscena-, prusadne 'Erstgeborener' (?), связываемые в конечном счете с этр. pūr-, pr- 'vor'. См. H.L.S t o l t e n b e r g. Etruskische Namen für Personen und Gruppen. Leverkusen, 1958, 26. Не следует уцус-

коть из виду и зап.-европ. связей: зап.-герм. Frūsa-, кельтск. Frausi, название народа в Галлии (Страбон), см. О.Н.Трубачев. - "Материали II наради з питань ономастики". Київ, 1965, 18; ВЯ 1974, № 6, 56.

Πόβνα, Pvdna, местное название (другие варианты - Cydna, Kúβna); Πόβνατοι, Pvdnaei, этноним (Thuc. 1, 61, 3; Strab. 7 frg. 20; 7 frg. 22; Ptol. 3, 12, 12; Steph. Byz. 390, 8, 538, 16; Liv. 44, 6, 3; 44, 45, 6; 44, 46, 4; Pomp. Mela 2, 35). Detschew Thr. 385. - Поскольку Kúβna обычно рассматривают как вторичную форму, а Πόβνα правдоподобно выводят из *bhuhdnro- (см. Porzig WS 15, 1933, 129), - целесообразно сопоставление этих форм (как и ликийск. Πόβναι. Ptol. 5, 3, 4; критск. Πόβνα, Πύνα. Strab. 10, 3, 19; Steph. Byz. 328, 4) с обычным балт. вариантом, представляющим собой метатезу смычных, - *Dub-n-, *Dug-n-, *Daub- и т.п., отраженных в топонимии и гидронимии всех балт. территорий. Возможно, к этому же ряду относится и фраг. Πόβια, место для купания в Вифинии (Steph. Byz. 309, 19: ἔστι καὶ Βιθυνίας θέρμα τὰ μὲν Πόβια, τὰ δὲ ἐν Προύση βασιλικὰ λεγόμενα и др., см. Thr. SR 385), ср., однако, Russu Dacia " NS; Vlahov. Nachtr. 257.

Pupe(n)sis vicus, местное название (CIL 6, 32543 и др.). См. Detschew Thr. SR 377. - Duridanov Thr.-D.-St. 56, 88: к прусск. Purkaum, 1374, Puraup, 1376; лит. Purėnai; лтш. Pura и т.п. (лит. purà 'боб', лтш. pura и др.).

Purdae, местное название (IH 603, 6). См. Detschew Thr. SR 377. - Duridanov Thr.-D.-St. 56, 57, 89, 99: к прусск. Purde, ок. 1420; жемайтск. Пурдякснис; ст.-лтш. Nom. propr. Purde, Purden и др.

Πυρετός, речное название, теперь - Прут (Hdt. 4, 48, : τὸν τε Ἐμβόαν Πυρετὰ καλεῖσσι, "Ἕλληνας δὲ Πυρετόν). См. Detschew Thr. SR 385. - Обзор точек зрения на этимологию этого названия см. Фасмер ЭСР III, 390. Остается неясным этнолингвистическое приурочение названия и, следовательно, его исходная форма. Если исходить из фраг. Πυρετων-как первичного (для этого, кажется, есть серьезные основания), напрашивается сравнение с лит. Pūrupis, Pūras, Puryš, Pūrupis, Pūrupys (LUEV 129-130; Vanagas Liet. hidr. 242, 244); Puriškių km., Puraičių klt. и др. (LATS 894); м.б., прусск. Puringo, 1310 (Gerrullis Apr ON 137); куршск Pure, 1230, Puren, 1387, 1407, Dorf Puhren, 1495 и др. (Kiparsky 143). Не исключена общая фракийско-балтийская реконструкция типа *Pur-et-.

Putina. Nom. propr. (CIL 6, 2933). См. Detschew Thr. SR 377. - Duridanov Thr.-D.-St. 81, 91, 100: к ст.-лтш. Nom. propr. Putte, Puttin и т.п. (Schulze ZGLE 215 указывает на этрусск. putinas, putin и их латинские соответствия - Putinia, Potinia).

Πυτρος. Nom. propr. См. Detschew Thr. SR 387. - Duridanov Thr.-D.-St. 81, 88, 99; Thracia 1, 1972, 240: к ст.-лит. Nom propr. Putre, Puttre; ст.-лит. Putr, Putraitis и др.

Πυκίτος, Πυκίτος, местное название (Acta SS. Maii 4, 323: ἐν τῷ λεγομένῳ Πυκίτῳ (ср. in villan quam Copetum dicunt); Propyl. ad Acta SS. Nov. 322, 27). См. Detschew Thr. SR 387-388 - Не исключена связь с прусск. Rakutiten, 1286 (Gerullis Apr. ON 113); лит. Rakutenių km., Rakutuvėnų km. (LATS 856); Nom. propr. Rakutatis; лит. Rackull (Bliese LPV 219); подмоск. Почь, Пока (Топоров БСЛСб. 235, 248, 253). Несмотря на наличие и других объяснений, заслуживают внимания верхнеднепр. Пакуль, Пакулька, Покулька (ср. Raculent, к зад. от Вислы; см. Krahe, Alt-Preussen 8, 1943, 34-44; Rakulis-kių vk. LATS 856 и др.), Покоть (но: Накоть) (?) (Лавп 200, 202, 219).

Ραβών, речное название (теперь - Iiul) (Ptol. 3, 8, 2). См. Vlahov. Nachtr. 280; Георгиев Българ. етим. и оном. 113. - М.б., сюда же первая часть в Nom. propr. Rabocentus, Raebocentus, Ρηβουκενθος (Cic. in Pis. 84; CIL 3, 14206; KDP 710 и др.). См. Detschew Thr. St. 388. Помимо упоминаемых в этой связи лат. Rabilius, Rabuleius, Rabirius (Schulze ZGLE 9), кельтск. Rabilus, Rabiacus (Holder AC 2, 1069) и т.д., стоит отметить иллир Ραβεστον, замок в Дардании (Prok., aed. IV, 4), см. Mayer Spr. III. 282. Возможно, сюда же и балт. факты типа прусск. Rabusen, 1304; Robotthen, 1455 (Gerullis Apr. ON 137, 143; Rababen, 1389 (?); Nom. propr. Rabil, 1342; Robe, 1287; Robutte, Rabutte, 1385, Robuth 1400 (Trautmann APN 81, 83); Robuse; лит. Robatà, Robâté (LUEV 136; Vanagas Liet. hidr. 97); Georgiev Stud. Balc. 5, 1971, 160 связывает дак. Rhabōn с лат. rabies, др.-инд. rabhas.

Ραιδέστος, Ρεβεστός, Resisthos, Resistos, местное название (теперь - Rodosto); Ραιδέστηνος, этноним (Proc. ae. 4, 9, 17; 4, 9, 20; 4, 10, 1; Plin. NH 4, 48; IH 601, 8 и др.). См. Detschew Thr. SR 388. - Вероятно, фрак. *Raid-est может быть соотнесено с прусск. Râydekaume, 1419; Reyditen, 1331 (Gerullis Apr. ON 137, 1140); м.б., Raydez, 1259(?) (Apr. ON 138).

Ραικίλος, Ραίκλος, местное название; Ραίκίλιος, этноним (Aristot. Athen. pol. 15, 2; Lycophr. 1236; Steph. Byz. 543, 2). См. Detschew Thr. SR 388 (ср. Ραικλανών κόμη, Ραικλών κόμη Thr. SR 389). -

Если исходить из *Raik-ēl-, допустимо сравнение с прусск. Rouko, 1419 (Gerullis Apr. ON 144); Nom. propr. Roukeniko, 1419, Roukenike, 1426 (Trautmann APN 83); лит. Raikėnų km. (LATS 899). Ср. иллир. Raecius (Mayer Spr. III. 283).

Raimullus, эпитет Аполлона (CIL 6, 32571 и др.). См. Detschew Thr. SR 388. - Duridanov Thr.-D.St. 58: к ятв. Раимоче, лит. raimas, raimas. Ср. Vlahov. Nachtr. 257.

Ραίστινη. Nom. propr. дочери речного божества Селина (AM 39, 1914, 153 из Делаоса: Ῥάιστινος 'Ἡβ... καὶ Ραίστινης τῆς Σελ/ινοῦντος/ τοῦ ποταμοῦ'): См. Detschew Thr. Sr 389. - Вероятно, сюда же Nom. propr. Ραίστη (Thr. SR 389; Vlahov. Nachtr. 257). Учитывая мифологический мотив "болото как творение (порождение) персонажа, связанного с водой", можно высказать гипотезу о связи с прусск. Raustopelk, 1284; Reisten, 1419 (Gerullis Apr. ON 138, 140); лит. Raistinis, Raistinis ežeriukas, Raistinės upėlis, Raistežeris, Raistėlis, Raīsbalė, Raisto ež. (LUEV 131; Vanagas Liet. hidr. 118, 161, 238, 271, 274); Raisto vk., Raistu vk., Raistinių km., Raistinės km., Raisteilių km., Raistelio km. и др. (LATS 899). Вероятно, сюда же верхнеднепр. Реста, Риста (ср., впрочем, ЛАВП 204-205 и указанную здесь литературу).

Ῥακοῦλη, название замка (Proc. ae. 4, 11). См. Detschew Thr. SR 389. - Duridanov Thr.-D.St. 58, 88: к лит. Rākija, Raketālis, Rakeņi km., Rakališkio km., прусск. Rokelawken, 1494 и др. Можно добавить прусск. Nom. propr. Racole, 1300. (Trautmann Apr 81). Впрочем, вокализм корня внушает известные сомнения, ср. выше Ῥαίμηλος: Ῥαηλος и др.

Rhame, местное название (IH 568, 12). См. Detschew Thr. SR 389. - Duridanov Thr.-D.St. 58, 59, 93: к прусск. Ramio, 1355; лит. Rāmys; лтш. Ramata и т.п. Сюда же дакийск. Ῥαμίδαυα (см. ниже), иллир. Ramista (Mayer Spr. Ill. 283), кельтск. Rama, не говоря о верхнеднепровских соответствиях (ЛАВП 167, 204, 241) и др. Ср. также куршск. Ramessif (Kiparsky KF 144).

Ῥαμίδαυα, местное название (Ptol. 3, 8, 4). См. Detschew Thr. SR 389. - Duridanov Thr.-D.St. 58, 93: см. Rhame.

Ranilum, местное название (TP 8, 2; GR 191, 4). См. Detschew Thr. SR 389; Vlahov. Nachtr. 280. - *Ran-il- допускает гипотетическое сопоставление с лит. Rōninis, Rōnupis (LUEV 137; Vanagas Liet. hidr. 164); м.б., сюда же прусск. Renus, 1339; Rennotwarten, 1305 (Gerullis Apr. ON 141) и др.

Remisiana, Ῥεμισιᾶνα, Romesiana, Romansiana, Ῥομισιᾶνα, местное название; Ῥεμισιανισια (IA 135, 1; IH 566, 6; TP 7, 4; Hierocl. Synecd. 654, 7; Const. Porphyrogen. de them. 3, 56, 7; Proc. ae. 4, 4; 4, 1, 32). Сюда же, вероятно, первая часть слова в названиях Remetodia, Remetodion; Remothalcianus. См. Detschew Thr. SR 391-392; Vlahov. Nachtr. 257. - Видимо, к этому же ряду нужно отнести Ῥαμίδαυα, Rhamae (см. выше). Из балт. фактов ср. лит. Remeikių km. (LATS 904); верхнеднепр. Ремистово, Ремество, Ремиствянка и др. (ЛАВП 204, при Рамасуха и др.); м.б., прусск. Nom. propr. Remune (Trautmann APR 82), а также формы с корнем вида *Ram-; ср. особенно прусск. Ramestow, 1349, Ramstaw,

1345, Ramesto, 1349 и др. (Gerullis Apr ON 138) и др. *Rem-es-: *Rom-es- как во фракийском, так и в балтийском.

Ῥεβιδίνα, название замка (Pros. ae. 4, 4). См. Detschew Thr. St. 392. - Duridanov Thr.-D.St. 29, 99: к прусск. Resedynen, ок. 1400; Resow, Resen и др. Иначе Thr. SR 392. Ср. Vlahov. Nachtr. 258.

Ῥήβας, Ῥηβαῖος, Rebas, Rheba, речное название (теперь - Riva); Ῥηβαῖοι, этноним; Ῥηβαγνία, соответствующая область (Ptol. 5, 1, 5; Apoll. Rhod. 2, 349; 2, 649; Steph. Byz. 544, 10, Plin. NH 6, 4; Amm. Marc. 22, 8, 14 и др.). См. Detschew Thr. SR 392-393. - См. выше Ῥαβών

Rimesica, местное название (TP 8, 3). См. Detschew Thr. SR 397. - См. выше Rhama, Ραμίδαα, Remisiana и др.

Ῥοβόλη, Ῥοβόλα, Rhodope, Rhodopa, название гор и соответствующей провинции. См. Detschew Thr. SR 398-400. - Duridanov Thr.-D. St. 10, 59, 90: к лит. Rūdūrė, лтш. Rudupe и др.

Rhocobe, местное название (Plin. NH 4, 44). См. Detschew Thr. SR 403. - Duridanov Thr.-D.St. 59, 91: к лит. Rōkupė, Rokė и т.п. (?).

Romaestas. Nom. propr. (CIL 16 Dipl. 3). См. Detschew Thr. SR 403. - См. выше о продолжениях *Ram-, *Rem-, а также прусск. Nom. propr. Ramico, Romiko; Ramotis; Romeyke, 1413 (Trautmann APN 81, 83). Фрак. *Rom-est- соотносимо с прусск. Ram-est- см. выше).

Ῥουκόνιον, местное название (Ptol. 3, 8, 4). См. Detschew Thr. SR 404. - Обычно считают кельтским, ср. Nom. propr. Rucco(n), Ruccus, Rucconius (Holder AC 2, 1239; Schulze ZGLE 431). Ср., однако, балт. факты - лит. Rukonių km., Rukiškio km., Rukiškės km., Rukelių km., Rukaičių km. (LATS 911); Rūkainė, Rukai, Rukis, Rukupis (LUEV 139; Vanagas Liet. hidr. 47, 94 74); прусск. Ruckelkaum, 1419 (Gerullis Apr. oN 145).

Rumbodona, местное название (IH 603,4). См. Detschew Thr. SR 404-405. - Ср. объяснение Tomaschek Thr. II, 2, 69. Ввиду членения Rumbo-dona первая часть может быть соотнесена с прусск. Rum-bing, 1331, Rumbow, 1347; Rumbytin, 1347 и др. (Gerullis Apr. ON 146); Nom. propr. Rumbith, 1419 (Trautmann APN 84); лит. Rumbū urpėlis (LUEV 139); Rumbų vk., Rumbonių km., Rumbikių km. (LATS 912); лтш. Rumbā и др., м.б., куршск. Rumpellen, 1516 (Kiparsky KP 148). Разумеется, сюда же относятся и примеры с корнем *Ramb- и т.д. См. Duridanov Thr.-D.St. 59-60, 88, 97, 99; Thracia 1, 1972, 240.

Rusidava, местное название (TP 7, 5). Сюда же, видимо, Ῥούσιον (другое название Ῥβλεῖα, ср. Hierocl. Synecd. 634, 9; Const. Porphyrogen. de them. 49, 19); Ῥυσιή. См. Detschew Thr. SR 405, 512. - Duridanov Thr.-D.St. 60, 93: к прусск. Russa, 1284; Russe, 1251; лит. Rusių km. и др.

Ῥύνδακος, Ῥύνδακος, Ῥύνδαξ, Ryndacus, Rhyndacus, речное название; Ῥύνδακος местное название; Ῥύνδαξ, Nom. propr.; ср. Rundacio (Strab. 12, 3, 22; 12, 8, 10; Schol. Apoll. Rhod. 1, 1114-1115, 1165a, B; Steph. Byz. 127, 11; 453, 8, 548, 1; CIL 3960; Mela 1, 99; Plin. 5, 142; Amm. Marc. 18, 6, 18, и др.). См. Detschew Thr. SR 405-406. - Если исходить из *Rund-ak-, уместно обратить внимание на прусск. Rundeniken, 1407 (Gerullis Apr. ON 146); лит. Rundine (LUEV 139; Vanagas Liet. hidr. 156; из Nom. propr. Rundys, ср., однако, ruñdas); Rundelės km. (LATS 912); лтш. Rundāni (Bielenstein Grenz. 16. Ср. также Топоров Есл. Сб. 257. Следует учитывать и названия с корнем *Rand- (прусск. Randoin, 1388 (Apr. ON 138); лит. Rāndiškių ežeras (LUEV 132 и др.)).

Σαβινίριβες название замка (Proc ae. 4, 4); сюда же, вероятно, Saboces, Σαβωκοι племенное название (Script. hist. Aug. 4, 22, 1; Ptol. 3, 5, 8); более спорно отнесение сюда Sabatium, Sabation, Sabatun, местное название (TP 8, 1), и Σαβατταρας Nom. propr. (Ditt. Syll. 269), которое обычно связывают с Σαββα и т.д. См. Detschew Thr. SR 406-407, 427; Vlahov. Nachtr. 258. - Еще сложнее обстоит дело с Σαβος (в связи с Βακχομ) (ср. Demosth. Περὶ τοῦ στεφάνου 313, 25; Strab. 417, 18). См. Vlahov. Nachtr. 280 (с литературой). - Σαβινί- до сих пор сопоставлялось с Nom. propr. типа этр. sapini, лат. Sabinus (Schulze ZGLE 223); ср. писид. σάβινα (Sundwall LN 192), а также Σαβαλας, Satlaś, Sebela, Σάβαρας, Σαβις, Σαβυς, Σάβωνις, Σαρωγας (Zgusta Kleinas, PN 448-449). Приводились и иллир. параллели - Sabbo (CIL III, 13984: Δαβα Sabbonis), см. Топоров Илл.-б. 56. Не менее убедительны и балт. аналогии. Ср. прусск. Sabenowe, 1258; Saboniten 1411-1419; Soben, 1352; Sobis, 1262, Soben, 1287, Sobin, 1411-1419 (Gerullis Apr. ON 147-148, 167); Nom. propr. Sabine. 1295, Sabin, Sabyne, 1384; Sabune, 1396; Sabot; Zobin и др. (Trautmann APN 84, 96); лит. Sabinė (м Savinė), Sabeinė (LUEV 140; Vanagas Liet. hidr. 108, 164); Sabines km., Sabonių km., Sabonėlių km. (LATS 914); Nom. propr. Sabonis, Sabas, ср. также куршск. Zabele, 1253 (Kiparsky KF 149; Endzelīns TN 1, 163); м.б., повисл. Sobacz, Sobonsch See (HW 774); к зап. от Вислы - Sabene, 1307, Sabenize, 1230, Sabenitz, 1496, Sabow, 1327, Sobbein и др. (Топоров Balt*st. I, 2, 108), Во всяком случае форма *Sob-in-/*Sab-in- общая для балт. и фрак. ареалов.

Sagadava, местное название (TP 8, 3), См. Detschew Thr. SR 407. - Первая часть переключается с прусск. Sagageden, 1373, Sageden, 1400, Saggen (Gerullis Apr. ON 148); м.б., сюда же относятся и Sagatithen, 1374; Zagelana, 1478; Sagezow, 1420; Sogobrost, 1406, Sogabrast, 1419 и др. (Apr. ON 148, 167: с иным объяснением); Nom. propr. Sage (Trautmann APN 84); Sāgavas, Sāgavo upėlis (LUEV 140;

Vanagas Liet. hidr. 103, 168: ср. Nom. propr. Sagaitis, Sagatys - при прусск. Sagathien); Sagavo км. (LATS 915); м.б., куршск. Sagot-he, 1338 (Kiparsky KF 150: иначе); Nom. propr. Sagath, 1540-1541 и др. (KF 335-336). Сага, Сагала на правом берегу Днепра объясняется иначе (Трубачев НИУ 78, 139).

Σαγγαριος, Sangarius, Saggarium, Sangaris; Σάγαρις, Sagaris, речные названия (теперь - Sakaria); ср. Σαγγαριος, местное название; Σαγγία; Nom. propr. Σάγγας, (фригиец), Σαγγάριος (Il. II 719; Hes. Theog. 344; Strab. 12, 3, 7; App. Rhod. 2, 722; Steph. Byz. 549, 16; Liv. 38, 18, 8; Plin. NH 5, 147; 6, 4; Amm. Mar. 22, 8, 14; PS.-Plut. de fluv. 12, 1; Mart. Cap. 6, 687 и др.). М.б., сюда же Saggarius sinus (Plin. NH 4, 82)? Ср. также Σανγίδαρα (Ptol. 3, 8, 4). См. Detschew Thr. SR 407-408, 420. - В качестве корня выделяется *Sang-, который уже сравнивался с лат. Nom. propr. Sanga, Sangurius, карийск. Σαγγυβος и т.п. К элементу -ar- ср. Βαρβαριος, Ιουδαριος, Βελισαριος, Βαρβουβριος и др. Заслуживают внимания и примеры типа прусск. Sangelin, 1439; Sangelauken, 1374; (Gerullis Apr. ON 150-151); Nom. propr. Sangal, Sangol, Sangulle, Sangele, ок. 1400; Sangite, 1297, Sangit; Sange, 1284; Sangon, 1409; Sangote, Sangoth и др. (Trautmann Apr 87-88); лит. Sangaliskiu км. (LATS 917); Nom. propr. Sangals; м.б., верхнеднепр. Сенжа (ЛВЛП 207) и др. *Sang-ar-: *Sang-al-.

Σαδαλας, Sadala. Nom. propr. (Dio 41, 51, 2; Head HN 285 и др.). См. Detschew Thr. SR 408-409; Vlahov. Nachtr. 158. Russu Dacia 2NS - семитск., Masson Kratylos 2, 1960, 107 - фракийск. Не ясно, какова связь с Σαδαλος, Sadaeus (IPE 1, 57; RM 6, 1891, 217 Mr. 75), см. Vasmer ISR 49; -σαδης, -σαδας, в Βηρι-σαδης, Βηρει-σαδης, Μηδο-σαδης, Μαλ-σαδης, Παρει-σαδης, Παρυ-σαδης, Παρι-σαδης; Σάδομος (Thr. SR 408-410), и т.п., подозреваемыми в родстве с иранск. именами на sad- (см. Justi IN 510; Zgusta PN griech. St. § 324, § 570 и др.) и/или малоазийск. Σαδας и др. (Zgusta Kleinas PN 459). Если говорить именно о Σαδαλας, то целесообразно выделить *Sad- и суфф. -al-, а корневую часть сравнить с прусск. Nom. propr. Sade, 1385; Sadune, 1400; Sadeluke, 1298, Sadeluci, 1310, Sadluke, 1331; м.б., Sodeko, 1339 (Trautmann APN 86-96); м.б., сюда же Saddel, 1426; Dowpsadel, 1419, Doupsadil, 1426; Kurksadel, 1255, Kurksadil, 1374 и др. (Gerullis Apr. ON 30, 77, 148: с иным объяснением); лит. Nom. propr. Садкгайловичь (Būga RR I, 245); Sadaičiai, Sadeikiai; Sadūny км., Saduniškių км., Saduniškės км., Sadeliškių км., и др. (LATS 914-915); Sadūpis, Sadupys (LUEV 140), м.б., сюда же и верхнеднепр. Сажелка (ЛВЛП 206: *Sadj-el-?). *Sad-al-: *Sad-el-. Sacidaba, Sacidava, местные названия (GR 188, 13; TP 8, 3; Ptol. 3, 10, 5 и др.). См. Detschew Thr. SR 411. - Отношения с Nom. propr.

Σακεδαλλος и с элементом -σακος, -σηκος, Σακε-, Saci и т.п. неясны (Thr. SR 172, 411). К этим последним относят и местные названия Σακος (Steph. Byz. 550, 7: Σάκος, κώμητις ἐν Μακεδονίᾳ Περίας. τὸ ἔθνικόν Σάκιον). Σάκισσος. (Proc. ae. 4, 11), которые в свою очередь, вероятно, связаны с Saci-. Реально приходится иметь дело с корнем *Sak-, который, помимо иранских данных (Justi IN 509), возможно, соотносим с прусск. Soke, 1258 (Gerullis Apr. ON 167); Nom. propr. Soke, 1338 (Trautmann APN 96); Sakiškių km., Sakučių km., Sakutėlių km., Sakų vk. и др. (LATS 915); Sakuotis, Sakuona, Sakuonupis и др. (LUEV 140-141; Vanagas Liet. hidr. 205, 207). Куршск. данные (Sacke. 1253; Nom. propr. Sakuth, 1540 и др. Kiparsky 150, 336) двусмысленны.

Φαλας, Φαλλας, Nom. propr. (KDP 82, 85; IPE 2, 28 и др.). Detschew Thr. SR 412; Vlahov. Nachtr. 258. - Вероятно, сюда же относятся имена на -σαλα, -sala-, -σαλος, Σαλε-, Σαλου- и т.п. (Thr. SR 172-173), Salia и др. (Thr. SR 414). Помимо малоазийск. Σαλας, Σαλος, Σαλης и др. (Zgusta Kleinas. PN 451), ср. прусск. Nom. propr. Sale, ок. 1327; Salicke, Salike; Saluke, 1359, Saluce, Salucke; Salukim, Salucine; Salanx (?) и др. (Trautmann APN 85). Σαλλας некоторые считают иллир. словом (Krahe PN 99; Mayer Spr. Ill. 290-291).

Sald-, Σαλδ- b Saldae-caputenus (KDP 318, 333); Σαλδηνός, Σολδηνός, эпитеты Асклепия, Гигеи и Артемиды (KDP 309, 311, и др.); Σαλδηνοιοι, название племени (Ptol. 3, 8, 3; однако см. Mayer Spr. Ill. 389); Σαλδοβουσηνός, Σαλδοβουσσουός, Σαλδοοισσηνός и др., эпитеты Асклепия (KDP 320, 328, 331, 374 и др.); Σαλδομελινός, эпитет Асклепия (KDP 307, 326, 329). См. Detschew Thr. SR 412-413; Vlahov. Nachtr. 258. - Вероятно, эти примеры должны рассматриваться дифференцированно. Эпитеты, относящиеся к Асклепию, учитывая данные относящиеся к нему в Глава Панега и само это сочетание болг. Г л а в а Панега, источник на реке З л а т н а Панега (ср. фрак.-лат. гибридное образование Saldae-caputenus 'златоглавый' - о Геросе и Сильване), - уместно сравнить с фрак. Zálda и под. (ср. Thr. SR 173; Георгиев Тр.ез. 57, 61; Топоров Фр.-балт. 52), т.е. с продолжением и.-евр. *g^hhel-t-, *g^hhol-t-. Балтийские соответствия см. Фр.-балт. 52. Напротив, Σαλδηνοιοι, как и иллир. Saldis (Tab. Peut.; Rav. IV, 19; ср. Saldae, на нижн. Саве), см. Mayer Spr. Ill. 289; Jokl ERL 13, 284, скорее восходит к и.-евр. *sal-d- и, следовательно, находит параллели в лит. Sáldus, Sálduškis, Saldupis, Saldeikis (LUEV 141; Vanagas Liet. hidr. 69, 108, 109, 209, 248). Saldenės vk., Saldutiškio m-lis (LATS 915); куршск. Sal-den, 1253 (Kiparsky KF 151, ср. Salda-pils - Frauen-burg < *Liebrauen-burg; ср. также Blese FBR 13. 1933, 112; Endzellins. Ibid

157-158); Nom. propr. Saldenix, 1587, Soldenick, 1582 (KF 336) м.б., сюда же и прусск. Soldaw, 1349 (Gerullis Apr. ON 167) и верхнеднепр. Соложа, Саложя (из *Sald-ja; иначе ЛАВП 206).

Σαλη, Salē, Salēi, местное название (Hdt. 7, 59; Liv. 38, 41, 8; IH 602,,9; Σαληῶλοι, племенное название (Steph. Byz. 551, 10); Σάλων, Σαλώνεια, Σαλωνία, Σάλωνα, Σαλώναι, Σάλωνες, Salona, colonia Salonitana, Salonae, местное названия; Salonitani, их обитатели (Strab. 7, 5, 5; 12, 4, 7; Steph Byz. 552, 8, 11; Diod. 20, 109, 6; Dio 42, 11, 1; 55, 29, 4; 56, 12, 3; App. Illyr. 11; Ptol. 2, 16, 3; Plin. NH 3, 141; Luc. 4, 404; TP 7, 3; CIL 3, 1933, 10; 2019; 3, 2066; 3, 2098 и др.). Σαλωνιάνα, Salluntum, местные названия (Ptol. 2, 16, 7; TP 7, 1; IĀ 338, 8; GR 4, 16). См. Detschew Thr. SR 413, 416; Vlahov Nachtr. 258. - Holder AC 2, 1318, 1319 рассматривает Salona в Далмации как кельтск., а Krahe BIN 96, Mayer Spr. Ill. 291 (Russu Dacia 2 NS - Salluntum) как иллирийск. название. Ср. иллир. Salin, Salona, Salon fl., Σαλωνιάνα, Saluntum (Spr. Ill, 290-292); ср. совр. Salonta в Трансильвании. Duridanov Thr.-D.St. 9 сравнивает Σάλη, с лит. salà, указывая, что это соответствие не является исключительно фрак.-балтийским. Видимо, к указанным фрак. названиям могут быть приведены и более точные балт. параллели. Ср. прусск. Salle, 1402-1408; Salow, 1339; Saloniten, 1402-1408; Saloweyten, 1395 (?) (Gerullis Apr. ON 149; иначе - Būga Draugiĵa 83, 270); м.б., Solen, 1411-1419; Solicke, 1419; Solyo, 1305 (Apr. ON 167, 168); лит. Salà, Saladis, Salaičiai, Salaičiukas, Salaitė, Salakai, Sālantas, Saliētis, Salinė, Salinėlis, Salinis, Salytė, Salių upėlis, Saločių ežeras, Saločius, Salōs ežeras, Salōs upėlis, Salōs ūpis, Salōtas, Salōtė, Salōtė, Salōtis, Salūke, Salūpis и др. (LUEV 141; Vanagas Liet. hidr. 36, 71, 79, 81, 93, 144, 159, 161, 162, 185, 190, 194, 265, 271; Skardžius Liet. vand. 30-31); Salos km., Salų km., Salupių vk., Salučių km., Salių km., Salinių km., Saliniškio km., Salininkų km., Salėlis km., Salantų m., Salako m-lis (LATS 914-916). Сюда же, видимо, следует отнести Солучка в верховьях Днестра см. Трубочев НПУ 131-132: к *salantja/*salanta; здесь же указывается Salontia в Швейцарии); верхнеднепр. Салита, Соля, Соленка, Солица (ЛАВП 132, 208-209); подмоск. Солинка (Топоров ЕСлСб. 243) и др. Следовательно, фрак. и балт. имеют две сходные модели *Sal-: *Sal- и *Sal-on/-ont-: *Sal-on/-in/-ant-. Связь с тем же корнем в Nom. propr. остается темной.

Samus, название местности (CIL 3, 7633) по которой протекает одноименная река (теперешн. - Szamos). Вероятно, сюда же Σάμος Θρητική, соотв. Θρακία, Θρητῖσσα, Σαμοθητική, Σαμοθηκή, Σαμοθρακη, Σαμοθράα, Samus Threicia, Samothracia, Samothraca, Samothrace, Sa-

mothrese, название острова: Σαμοθρήικες, Σαμοθράκιες, Samothraces, его обитатели; Σαμοθρήϊκιος, Σαμοθράκιος, Σαμοθρακικός, Samotraci-us, Samothracicus. Adj. (Il. N 12; 78; Strab. 7 frg 48; 7, frg. 50; 10, 2, 17, Diod. 5, 47, 1-2; Hdt. 2, 51; 7, 59; 7, 108; Ptol. 3, 11, 8; Steph. Byz. 553, 9; Verg. Aen. 7, 208; Liv. 42, 50, 8; 42, 25, 6; 44, 46, 10; Plin. NH 37. 181; 4, 74; Pomp. Mela 2, 106; Lucr. 6, 1042 и др.). См. Detschew Thr. SR 417-420; Vlahov. Nachtr. 258 (иначе - Russu Dacia 2 NS: знейск.). - Возможно, что подобно корню *Карп-(at)-, отмеченному и в Прибалтике (лит. Karpočius, Kárpentis, Kárpis и т. д.), и в Карпатах (Карпаты, Καρπίτης ὄρος), и на Балканах (Καρπύς, Карпов и т. п.), и даже в Эгейском море (ср. mare Carpathium, Κάρπαθος), ср. Carpetāni в Испании, корень - *Sam- выступает в Эгейском море (здесь особенно важны названия о-ва Самоса и о-ва Самофракия, соединительного звена между юго-вост. Балканами и сев.-зап. М. Азии; ср. также кабиров и знаменитые самофракийские мистерии - Hdt. 2, 51; ср. еще о-в Самофраки в Ионическом море, к зап. от Балкан), в Малой Азии (ср. Nom. propr. Σάμος, Σαμῆς и др., см. Zgusta Kleinas. PN 452-453; Bechtel PN 551; Robert Carie II, 78 и др.). в Карпатах (рум. Сомеш - венг. Самош) и к западу от них (ср. иллир. Nom. propr. Samanna, Samuntius, Mayer Spr. III. 293), на территории Польши и в Прибалтике - ср. прусск. Samelauken, ок. 1400, Samlawken, Somelauke 1303; Samnicz, 1321 (из *Sam-an-, см. Gerullis Apr. ON 150, 168); лит. Sāmė, Sāmis, Samavā, Samāvas, Samānė, Samanėlis, Samaninė, Samaninis, Samany-no ėžeras, Samānis, Samanių ėžeras, Samānius, Samanūpis и др. (LUEV 141-142; Vanagas Liet. hidr. 63, 66, 91, 102, 126, 157, 220, 227, 268), возможно, верхнеднепр. Сомина, Соминка (ЛавП 208: с иным объяснением); повисл. Samín (HW 638) и др. Особый вопрос - Nom. propr. тип прусск. Same, Szame, Samayte, Samane 1352, Samone, 1327, Sammon, Samicke, 1395; Samils, 1306, Samile, 1410, Samyle, 1337, Zamile, 1418, Samyl, 1381; Samoke, ок. 1306, Samox; Sami-on, 1335 (Trautmann APN 85-86); лит. Romiejko Somiłowicz (из Samila/s), ср. Сомилишки и др. (Vūga RR I, 226-227. 268). Отношение их к фрак. Nom. propr. Σάμος, Sammus, Σαμυλος, как и к другим примерам такого рода (ср. их перечень Detschew Thr. SR 417), остается далеким от ясности.

Σάνδανος, речное название (Plut. Mor. Parall. 8). См. Detschew Thr. SR 420. - Помимо малоазиатских параллелей (лидийск. Σανδαινα, карийск. Sandalion и др., Nom. propr. лидийск. Σανδανίς, клик. Σανδανος. Sundwall LN 248; Σανδα, Σανδας, Σανδης, Σανδος, Σανδιος, Σάνδων, Σάνδατις, Σανδωνης и др. Zgusta Kleinas. PN 454-455), ср. прусск. Sandil, 1338; Sandilo, 1337; Sandolis, 1312, Sandekow, 1320; Sondithen, 1405, Sanditen, ок. 1405 (Gerullis

Apr. ON 155, 168); Nom. propr. Sande, ок. 1360; Sandelobs, 1354; Sandike, 1413; Sandinge, 1325(?); Sandow, 1354; Sanducke; Sandunis, 1354; Sandam, 1300 (Trautmann APN 86-87). Относится ли сюда днепр. Суда, Судость, Судка, Судинка, Судынка (ЛВЛ 209-210), сказать трудно.

Σανη, местное название (Hdt. 7, 22; Thuc. 4, 109, 3; Steph. Byz. 554, 17; Strab. 7 frg. 27 и др.); Σανῶτος, этническое название. См. Detschew Thr. SR 420. - Внешние связи темны. Как некий резерв можно иметь в виду верхнеднепр. Сана (ЛВЛ 206), Сан, приток Венты. Прусск. Sonnaw, 1482; Sonne, 1371; Sonnekaum, 1343 (Gerullis Apr. ON 168) обычно объясняются иначе. Также в резерве остаются многочисленные речные названия - как в бассейне Вислы - San (Sian), Sanica, Sanna, Sona (Sonia) (HW 37, 50, 140, 165, 166, 290, 291 и др.), так и к югу - ср. Санок (в басс. Ворсклы), Сана в Боснии, Sann в южн. Штирии, Sanna в Тироле, не говоря о зап.-европ. продолжениях (см. Rozwadowski Nazwy 189-195 и др.). Трубочев НПУ 202-203 высказал мнение об иллир. происхождении польск. San. Это правдоподобное заключение позволяет связать San с фрак. Σανη и говорить об ареале, включающем в себя юго-вост. Балканы, Карпаты и юго-вост. часть Польши, вост. отроги Альп. В этой перспективе балт. факты выглядят как инфильтрация указанного типа в северном направлении.

Sanraeus rivus, речное название (Histria 4, 1916, 563 16). См. Detschew Thr. SR 421. - Duridanov Thr.-D.St. 12, 61, 91: *San-apa, *San-ura, ср. лит. Samp̃e < *Sanp̃e < *San-up̃e. Если сопоставление фрак. *Samp- с балт. *Samp- (ср. еще лит. Samp̃ut̃e и т.п.) заслуживает внимания, то в деталях, объясняющих Samp̃e, приходится сомневаться.

Σαλαῶτος, Σαρασι, Σαλατ, племенные названия; Σαλαῶμη, соответствующая территория (Hdt. 7, 110; Steph. Byz. 413, 8; 555, 10; Paus. 7, 10, 6; Strab. 7 frg. 44; 7 frg. 48; Plin. 4, 40; Ovid. Fasti 1, 611 6, 33610; Ptol. 3, 11, 6; Σαλαῶμη и др.). См. Detschew Thr. SR 421-422. - Возможно, сюда же Sappo, Σάπων. Nom. propr. (Suid.; АЕМ 17, 1894, 84 № 7, 12-13). Thr. SR 422. В качестве соответствий указывались Nom. propr. типа этр. sapini и лат. Sapius, Sappienus, Sapienus, Saponius (Schulze ZGLE 223). Duridanov Thr.-D.St. 81 сопоставлял Sappo, Σάπων с лит. Nom. propr. Sap̃ins, прусск. Sapon (позже - Sapuhnen), прусск. Nom. propr. Сапунь, 1588. Эти соответствия могут быть продолжены (тем более, что Sappo, Σάπων должны быть объединены с указанными выше фрак. названиями), ср. прусск. Sapoliten, 1405; Sapoten, 1402-1408, Sapoythen, 1413; м.б., Sopelyn, ок. 1400, Soplyn, Sopelen, 1419 (Gerullis Apr. ON 151, 168); Nom. propr. Sapelle, 1299 (Trautmann APN 90; ср. Soporine ?

96); лит. Sariškis (LUEV 142; Vanagas Liet. hidr. 175: от имени Sāras); Sapatiškių km. (LATS 917) и др. Ср. польск. Sopot.

Σαρκεντίος, Σαρκετίος, речные названия (Tzetz, Chil. 6, 470 ff; Dio 68, 14, 4), См. Detschew Thr. SR 423. - Tomaschek Thr, II, 2, 99: к прусск. Pasarge, Sargente. Ср. также прусск. Sargin-se, 1294, Sargen, 1323; Sarguttinstabs, 1331; м.б., Sargyn, ок. 1405, Sorgin, 1405; Sorgiten, 1396 (?) (Gerullis Apr. ON 152, 168); Nom. propr. Sarginus (Trautmann APN 90); Sařgupè, Sařgupis, Sargūtè (LUEV 142; Vanagas Liet. hidr. 211); Sargelių km., Sargėnų km., Sarginės km., Sargūnų km., (LATS 918); куршск. Sargis, 1461; Sargamitten, 1253 (Kiparsky KF 153); м.б., верхнеднепр. Сєргуч (Вуга TZ 1, 1923, 36: *Sir-gantiā ?); повисл. Sarg See, Sargen, Sargen See, Sargense, Sargin (HW 422, 500, 793). *Sarg-e(n)t-; *Sarg-en-, *Sarg-in-, *Sarg-it- и т.п.

Σαρδες, Sardes, местное название (IGRP 1, 651, A5-6). См. Detschew Thr. SR 423. - Сюда же Σαρδοί, Σερδοί, Σερδοιοι, племенное название Σαρδική, Sardica, Σαρδος, Σερδική, Serdica, Sertica, соответствующая территория; στратηγία Σαρδική, regio Serdica, область; Sardicensis, Serdicensis. Adj. (Dio 51, 25, 4; BCH 48, 1924, 376 Nr. 6; Cinnam. Hist. 5, 14, и др.). Thr. SR 430-432. Согласно Mayer Spr. III 294, Σάρδος и Σαρδηνοί. Steph. Byz. суть илир. названия (см. Vlahov. Nachtr. 259); ср. также Sardeates (Plin. NH 3, 142), Σαρδιώται (Ptol. 2, 16, 5). Spr. III. 293. См. также Топоров Илл.-б.56. Из балт. параллелей ср. прусск. Sardengodi, 1284; Sardotlawken, 1418 (Gerullis Apr. ON 152); лит. Sařdupis (LUEV 142), Sardokų km., (LATS 918); куршск. Sarde, 1253, Sarden; Sardnelke, 1334; Sarde uppe, 1425 (Kiparsky KF 158: с иным объяснением).

Σαρτη, местное название; Σαρταῖοι, этническое название (Hdt. 7, 122; Steph. Byz. 557 и др.). См. Detschew Thr. SR 425 - Наряду с этр. sartage, zarta, лат. Sartagus, Sartarnius (см. Schulze ZGLE 224, 287, 369) заслуживают внимания балт. параллели, указанные Duridanov Thr.-D.St. 61, 68, 99; Thracia 1, 1972, 240 - лит. Sařtè, лтш. Sārte, куршск. Zarte и т.д.

Sausa (CIL 3, 14507). - Duridanov Thr.-D.St. 82, 92, 100: к прусск. Nom. propr. Sause, а также Sawseyne, Sause-kert; лит. Nom. propr. Sausgaila; лтш. Sausz(e) и т.д.

Sautes (CIL 10, 3590). - Duridanov Thr.-D.St. 82, 88, 99: к ст.-лтш. Sautte и др.

Σεγετινή, название местности (Dio 51, 23, 4). См. Detschew Thr. SR 428. - Неясно. Из балт. фактов, возможно, окажутся небесполезными прусск. Segeniten, 1310; Segelen, 1344; Segilken, 1359 (Gerullis Apr. ON 154; ср. Sagatithen, 1374, Sogařytten, 1389; Sagageden, 1373 / Apr. ON 148/ лтш. Sėg'enieki; прусск. Nom. propr.

Segelik, 1339 (Trautmann APN 91). *Seg-et-: *Sag-at-, *Seg-en и др.

Seietovien[us], эпитет Героса (KDP 1026). См. Detschew Thr. SR 428. - Duridanov Thr.-D.St. 61: к прусск. Seia, ср. Setovia в Далмации, Σετούια в юго-вост. Германии и т.д.

Σεινολαζιης, эпитет Героса (KDP 802). См. Detschew Thr. SR 429. - Duridanov Thr.-D.St. 61-62: к прусск. Sayn, лит. Sainà и т.д., с одной стороны, и к лтш. Lāžas, Lāziņa, лит. Lažų km. (ср. лтш. laža, lāžns, лит. pālažas и т.п.), с другой стороны.

Σειτη, Σειτας, Σειτης (другие варианты: Σιτᾶς, Σίττας, Sita, Σιτα). Nom. propr.; Σειταλικης (при более обычных Σιτάλικης, Σιτάλικας и др.). Nom. propr.; Σειταουενις. Nom. propr. См. Detschew Thr. SR 429, 450, 452-453. - Если исходить из начального *Seit- следует иметь в виду и прусск. Nom. propr. Seytvne, 1395 (Trautmann APN 91); Seyte, 1448; Seytkaym, ок. 1400 (Gerullis Apr. ON 154); лит. Sietas, Sietuvà, Siētuvos, Sietuvėlės, Sietuviškis (LUEV 145; Vanagas Liet. hidr. 39, 128, 175) - из *Seit-; куршск. Nom. propr. Zeytune, 1355-1362 (Kiparsky KF 340: с альтернативным решением); ср. днепр. Ситовка (басс. Припяти. ЛАВП 233); м.б., откуда же подмоск. Сетунь, Сетовка, Сетка и др. (Топоров БСЛСб. 242 и др.); впрочем неясность корневого вокализма допускает и иные объяснения (см. ниже).

-σελις. См. Detschew Thr. SR 181, 429. - Балтийские сопоставления см. Duridanov Thr.-D.St. 78; Топоров БСЛСб. 53 (-zelmis, ζελις и т.д.).

Serinis, речное название (Plin. NH 5, 149). См. Detschew Thr. SR 432. - Помимо других сопоставлений (ср. кельтск. Sera. Holder AC 2, 1521), ср. особенно прусск. Seringe, 1331-1335; Seria, 1388, м.б., Serenappe, 1420; Serappin, 1400 (Gerullis Apr. ON 155-156; Serenappe: к лит. šėrnas?); м.б., Syreyn 1263, Serons (Apr. ON 157); лит. Serė, Serenėlė, Serentà (LUEV 144-145; Vanagas Liet. hidr. 129, 214); Sereikių km., Sereikonių km., (LAT 922); куршск. Serendorp ?), 1561 (Kiparsky KF 158; иначе - Endzelins TN 1, 164); м.б., верхнеднепр. Серижа (ЛАВП 207) и др. *Ser-in-: *Ser-en-.

Σερμη, терма (по названию источника); Σερμαῖοι, Σερμαιεῖς, Σερμεῖς, этническое название; Σερμή, Syrmus, речное название (теперь - Strema) (Plin. NH 4, 50 и др.); Σερμόβλη, Σερμουλία, Σερμουλιον, местное название; Σερμουλιεῖς, Σερβυλιεῖς, этническое название (Nat. 7, 122; Steph. Byz. 561, 14; Thuc. 1, 65, 2; 5, 18, 8 и др.). См. Detschew Thr. SR 432-433. - Duridanov Thr.-D.St., 93 Stud. Balc. 5, 1971, 202; к лит. Sėrmas и т.д. (речь идет о Σέρμη и Σερμαῖοι; то же можно распространить и на другие названия этого корня).

Σετίδαυα, местное название (Ptol. 2, 11, 13). См. Detschew Thr. SR 434. - Jokl ERL 13, 295 сравнивал с Σετούια. В первом члене

предполагали Nom. propr. *Σετις (ср. писид. Σετας, Sundwall LN 247). Не исключена связь с прусск. Sethyn; Zetyn, 1377; Setlauken, 140, лит. Sėtikis, Sėtikiētis, Sėtikės upė, Sėtikės ežerėlis, Sėtenių, ežerėlis (LUEV 145; Vanagas Liet, hydr. 144, 150, 265, 267, 269); Seteny vk., Setikės km., (LATS922); м.б., откуда же подмоск. Сетунь, Сетовка, Сетка (Топоров БСЛ.Сб. 242 и др. Не исключена связь с вариантами, восходящими к корню *Sat-: прусск. Satho, 1398; Sattenicken, 1357 (Gerullis Apr. ON 152); лит. Satà, Сатуня (ГСЖЗ 287); лтш. Satiki куршск. Sathen, 1422, Saten, 1513; Saterpurwe, 1439; Sateken, 1387, Satiken 1422 (?) (Kiparsky KF 153-154); верхнеднепр. Сатунь (ЛяВП 206); подмоск. Сатовка (Топоров БСЛ.Сб. 242).

Σηλυνηος этническое название (IGB IV, 2230). - Duridanov Thr.-D.St. 62: к лит. Šėkynė, Šėkinis и т.п. Спорно. Возможны и другие сопоставления (*Šėk-in-).

Σηλυς. Nom. propr. (Strab. 7, 6, 1: τοῦ Σηλυος πόλις Σηλυμβρία προσηγόρευται; Steph. Byz. 562, 9: Σηλυμβρία, πόλις θρωάκης. κέκληται δὲ ἀπὸ Σηλυος). Следовательно, откуда относятся и Σηλυμβρία, Σηλυμβρία, Σηλυβρία, Σαλυμβρία, Σαλυβρία, Σαλαμβρία, Salambria, Selymbria, название города (теперь - Selivria); Σηλυμβριανοί, Σηλυβριανοί, Σαλυμβριανοί (наряду с Σαλυπριανος этноним, Hdt. 6, 33; Xenoph. Anab. 7, 2, 28; 7, 5, 15; Ptol. 3, 11, 4; Scyl. 67; Scymn 715; Strab. 7, 6, 1, 7 frg. 56; Steph. Byz. 562, 9; Proc. ae. 4, 9, 12; Liv. 33, 39, 2; Plin NH 4, 47, и др.). См. Detschew Thr.Sr 437-438. - В связи с Σηλυμβρία указывают сходное название каппадокийского города Σαλαμβρία ἢ καὶ Σαράβρακα (Ptol.: 5, 6, 1), которое в ТРХ, 1 передается как Salaberina. Существенно иметь в виду чередование *Σηλ=: *Σαλ= и вторичность η. Корень Σηλ= точно соответствует названию балт. имени селов, ср. лат. Selones, castrum Selonum (у Генриха Латыша XI, 6), нем. Sēlen, Selen (в римованной Хронике) и т.д.; ср. Selburg, лит. Sėlpilio m. и т.д. (см. Vūga RR III, 267-274). Ср. также прусск. Sellen 1507 (Gerullis Apr. ON 155); Nom. propr. Selune (Trautmann APN 91); лит. Nom. propr. Selėnis; лтш. Sėles muiža и др. Σηλυμβρία, букв. 'город селов', но значение соответствует как лат. castrum Selonum, так и лит. Sėlpilio m., нем. Selburg. Если вспомнить соответствие Prūs-: Прусс-, то связь *Sēl-: Σηλ- приобретает еще большую достоверность. Интересно, что откуда же относится и иллир. Σελλοί (Mayer Spr. Ill. 298), ср. также Selio, Σελινω; о балт. соответствиях см. Топоров Илл.-б. 56.

Σηστος, Sestos, Sestus, местное название (Hdt. 4, 143; Thuc. 1, 89, 2; Strab. 7 frg. 56; Steph. Byz. 563, 1; 417, 11; Liv. 33, 38, 9; Plin, NH 4, 49; Amn. Marc. 22. 8, 4; Ovid. Trist. 1, 10, 28 и др.). См. Detschew Thr. SR 439. - Tomaschek Thr. II, "2, 44,

относит сюда же *Nom. propr.* *Ἐηστε* (SIG 2, 2009). Возможно, что связь с др.-греч. *σεστός* 'просеянный' чисто внешняя. Ср. прусск. *Sestin*, 1357, *Seesten* и др. (*Gerullis Apr.* ON 156)?

Ἐητοί, местное название (*Steph. Byz.* 563, 7; *Ἐητία*, πόλις Ἰταλίας. τὸ ἔθνικόν Ἐητινοί. εἰσὶ δὲ καὶ Ἐητοί [*Βιθυνίας*] πόλις. τὸ ἔθνικόν τῶν Ἐητῶν τῶν ἐν Βιθυνίᾳ Ἐηταῖος. λεγόνται καὶ Ἐητοί, ὡς Δελφοί καὶ Λοκροί), ср. *Nom. propr.* *Ἐητή* (*Steph. Byz.* 169, 17). См. *Detschew Thr.* SR 439. — Указывают критск. *Ἐηταῖται*, килик. *Ἐητός*. Из балт. соответствий с корнем **Set-*/**Set-* см. примеры выше (с. в. *Σετίδαια*).

Σίγγος, *Siggos*, местные названия; *Σιγγιτικὸς κόλπος*, *Σίγγιοι*, *Σίγιοι*, *Σιγγαῖος*, этнические названия (*Hdt.* 7, 122; *Ptol.* 3, 12, 9; *Strab.* 7, fgr. 31, 32, 33; *Thuc.* 5, 18, 6; *Steph. Byz.* 564, 7). См. *Detschew Thr.* SR 440. — Сюда же *Σιγγίδουον*, *Singidunum*, *Singiduno*, *Σιγγιδόνος*, *Σιγγιδών*, *Σεγγιδών* и т. д., местные названия (теперь — Белград) (*Ptol.* 3, 9, 3; *Zos.* 4, 35, 6; *CIL* 3, 6328 и др. *Σιγγίδαια* (*Ptol.* 3, 8, 3). *Thr.* SR 443-444; *Vlahov Nachtr.* 259. Ср. также *Σίγγνα*, πόλις Πμφυλίας (*Steph. Byz.* 564, 9). Фрак. **Sing-*, возможно, соотносится с балт. **Seng-*/**Sing-*, предполагаемым в верхнеднепр. *Сенжа* (Лавп 207, ср. подмоск. *Сежа*, *Сижка?*) и восходящим к и.-евр. **seng^h-*: **snq^h-* 'болото' (*Georgiev RNF* 8, 1957; 149 сл.). Полнее представлен этот корень с иной огласовкой — прусск. *Sangele*, лит. *Sangališkiai* и т. п. Прусск. *Singoren*, 1299; *Singurbrast*; 1343 (*Gerullis Apr.* ON 157) связаны с названием щегла — *singuris*. Ср., однако, *Nom. propr.* *Singe*, 1352, наряду с *Singor* (*Trautmann APN* 92), а также *Queysinge*, 1420; *Nasing*, 1318; *Passinges*, 1396, *Passings*, 1397 (*APN* 50, 67, 74, 150).

Σικελία, местное название (*Herzsch.*: *Σικελία*, χώρα Θράκης); *Σικελος*. *Nom. propr.* (*Diod.* 5, 50, 7); *Σικис*, *Σικους*, *Sicu*. *Detschew Thr.* SR 442-445. — В качестве параллелей обычно указывают название известного острова *Σικελία*, *Sicilia*, а также этр. *Nom. propr.* *sicles*, лат. *Sicil(1)ius*, *Sicilius* (*Schulze ZGL* 231), лидийск. *Σεϊκιλος* (*Sundwall I* 249), карийск. *Σεικιλος* (*Zgusta Kleinas PN* 459) и др. Ср. также прусск. *Syke*, 1296; *Siken*, 1346 (*Gerullis Apr.* ON 156); лит. *Sikià*, *Sykūnė*, *Sykūnis* (*LUEV* 144; *Vana-ggas Liet. hidr.* 202); *Nom. propr.* *Sikas*; М.б., верхнеднепр. *Сиканка* (Лавп 207) и др.

Σίлта, местное название; *Σιλιτική*, область (*Strab.* 7, frg. 56, *Hier. Synecd.* 633, 4; *Const. Porphyrogen. de them.* 2, 1 и др.). См. *Detschew Thr.* SR 443. — *Duridanov Thr.-D.St.* 63, 89, 86, 99: к лит. *Siltums*, *Siltais*, *Siltie*, *Siltene*; лит. *Šiltupis* и т. п.

Σινθος, *Sinthos*, местное название (*Hdt.* 7, 123; *Steph. Byz.* 570, 6); *Συνδοναίου*, племенное название (*Steph. Byz.* 570, 3). См. *Det-*

schew Thr. SR 444. - Указывают писид.-памфил. Σινδα, ЛИКИЙСК. Σινδα, КАРИЙСК. Σινδησος, КАПАДОК. Σινδιτα и СХОДНЫЕ Nom. propr. (Sundwall LN 195; Zgusta Kleinas. PN 465-466 и др; ср. также Georgiev BNF 8, 1957, 160; Duridanov Stud. Balc. 5, 1971, 202). Ср. также прусск. Syndow, 1331 (Gerullis Apr. ON 157: с ИНЫМ ОБЪЯСНЕНИЕМ); ЛИТ. Nom. propr. Sindikis; Sinlaukis (< *Sind-laukis)?

Σιντοί, Sinti, племенное название; Σιντίας, Σιντία, Σιντική, Sintice, Sentice, соответствующая область; Ἡράκλεια Σιντική, Heraclaea Sintica, Sintice, Sentica, Σιντία, город (Thuc. 2, 98, 1; Strab. 7, frg. 36; Appian. bell. Mithr. 55; Liv. 42, 51, 7; Ovid. Trist. 4, 1, 21; Suid. Ptol. 3, 12, 27; Plin. NH 4, 35 и др.); ср. также Σιντιες, племенное название; Σιντηίς, эпитет о-ва Лемноса; Σιντιοός. Adj. (Il. A 593-594; Odysse. v 294; Strab. 7, frg. 46; 10; 2, 17; Orph. Arg. 471 и др.); Sintula. Nom. propr. (Amm. Marc. 20, 4, 30. См. Detschew. Thr. SR 445-447. - ПОМИМО других параллелей, достойны внимания некоторые балт. факты. Ср. прусск. Sinthen, 1419 (Gerullis Apr. ON 157); Nom propr. Sintese, 1348 (Trautmann APN 92); ЛИТ. Sintautiškis (LUEV 146; Vanagas Liet. hidr. 175; Nom. propr. Sifिताута из *Sint-aut-?).

Σιρα, Σιπια, Sippia, Σίππας, Sipo Nom. propr. (CIL 3, 12014; Diod. 28, 12, 2 и др.). См. Detschew Thr. SR 447-448; Vlahov. Nachtr. 259-260. - По мнению Mayer Spr. III. 306, ИЛЛИР. название. Duridanov Thr.-D.St. 82 : к прусск. Nom. propr. Sure, Suraune; Nom. propr. Sipe; куршск. Nom. propr. Sippe; прусск. Suraun, лит. Sipu km. и др.

Σίρης, Σίρα, Sirae, Σέρραι, поселение Σιροπαιονες, теперь - Seres; Σιρραιοί, этническое название (Hdt. 8, 115; Steph. Byz. 572, 9; 572, 16; Liv. 45, 4, 2; Hier. Synecd. 639, 10; CIG 2, 2007). См. Detschew Thr. SR 448-449; Vlahov. Nachtr. 260. - Mayer Spr. III. 306: ИЛЛИР. Не исключены балт. параллели. Ср. прусск. Syreun, 1263, Syrien, 1279, Syreun, 1383 (Gerullis Apr. ON 57); Nom. propr. Sirotte (Trautmann APN 92); ЛИТ. Sirija, Sirutišké (LUEV 146; Vanagas Liet. hidr. 146); Siraičių km., Sirutėnų km., Sirutiškių km., Sirutiškių km., Siriškės km., Siručių km., Sirūniškių km. (LATS 924); куршск. Sirien, 1253, Syrien, Zirren, 1640 (Kiparsky KF 162: с другим объяснением); ср. предположение о связи верхнеднепр. Стрячи с ЛИТ. Sirinčia (Būga TŽ 2, 1924, 28, 114).

Σίρμιον, Sirmium, местное название (Ptol. 2, 15, 4; Strab. 7, 5, 2; Plin. NH 3, 148; Tab. Peut.; CIL. 3, 9576). - О балт. параллелях см. Duridanov Thr.-D.St. 62 (s.v. Σέρμη), здесь же зап.-европ. соответствия.

Εκάβαλα, местное название; Εκαβαλαίοι, Εκαβαλοί жители (Steph. Byz. 573, 8; Meritt. Athen. trib. 1, 406). См. Detschew Thr. SR 453. - Сюда же Εκαβης, Εκαβητος. Nom. propr. (IGB 1, 133), о чем см. Du-

ridanov Thr.-D.St. 82, 92, 100. Уже Tomaschek Thr. II, 2, 82 сравнивал с лит. skabūs. Ср. прусск. Scabelle, 1390 (Gerullis Apr. ON 159); Nom. propr. Scabeike, 1380, Skabeyke, 1410, Schabeyke, 1396; Schabyn, 1470; Schabuns, 1371 (Trautmann APN 92); лит. Skabei-kių km., Skabučių km., Skaborų km., (IATS 924); Скабийнѡва (ГСЖЗ); Nom. propr. Skabéilis, Skabiks и др.; лтш. Skābe; Nom. propr. Schabe, Schabbe. Biese LPV 242, 312); куршск. Schabpur, 1525 (Kiparsky KF 163) Nom. propr. Skabe, 1585-1587 (KF 346). *Skab-ai-: *Skabel-.

Ἐκαλοί, Σ(υ)καβαίαι, Ἐκαίβααι, племенное название; Ἐκαλος ποταμός, река Ἐκαίον τεῖχος, местное название; Ἐκαίαι πύλαι, Scaea porta, главные ворота в Трое, ведущие в скайскую область (Steph. Byz. 573, 10; Polyae. 7, 22, Strab. 13, 1, 21; Il. 145; Z 307; I 354; X 360; II 712; Σ 453; Etym. M.; Verg. Aen. 2, 612); Skaidava, Σκαεβά, местное название (IA 222, 1; Proc. ae. 4, 4). См. Detschew Thr. SR 453-454. - Пржежие сопоставления с др.-греч. εκαλός, лат. scaevus и соответствующими именами малодоказательны. К корню *Skai- ср. прусск. Scauboth, 1364, Schaybotten, 1380 (Gerullis Apr. ON 159); Nom. propr. Schayboth, Schaywoth, 1359 (Trautmann APN 92), т.е. *Skai-but-.

Ἐκαλλιός, эпитет Асклепия (KDR 565). См. Detschew Thr. SR 454. - Duridanov Thr.-D.St. 63: к лит. Skalbupis, прусск. Calben, Kalbe и т.п. (принимая передвижение согласных)?

Ἐκαλλιζώ, название замка (Proc. ae. 4, 4). См. Detschew Thr. SR 454. - Duridanov Thr.-D.St. 63: к лит. ekāplis и под.?

Ἐκαπτὴ ὄλη, Ἐκαπτησούλη, Skaptensula, золотые копи (Hdt. 6, 46; Plut. Cim. 4, 2; Steph. Byz. 573, 19; Lucr. 6, 810 и др.). См. Detschew Thr. St. 454-455. - Duridanov Thr.-D.St. 64, 89: к лит. Skaptutis, Skaptotai, skaptuoti.

Ἐκαπτοπαρῆνοι, этническое название (Ditt. Syll. 888, 3-4). См. Detschew Thr. SR 455. - Ἐκαπτὴ ὄλη.

Ἐκαρες, название замка (Proc. ae. 4, 4); Ἐκαρίπαρα, название замка (Proc. ae. 4, 4); Ἐκαρίς. Nom. propr. (BIAV 8, 1934, 459; KDR 890); Ἐκαριπτασαλουικρα, название замка (Proc. ae. 4, 11); Ἐκαρικαζες. Nom. propr. (BIAV 7, 1932-1933, 418). См. Detschew Thr. SR 455. - Duridanov Thr.-D.St. 82, 90 сравнивает Ἐκαρίς с лтш. Nom. propr. Skaris, ятв. Schare < *Skare, лит. Nom. propr. Skarà, Skarēlis и т.д. С фрак. стороны это сравнение должно быть расширено за счет вышеприведенных названий.

Ἐκαρσινή, эпитет Геры (ADB 135). См. Detschew Thr. SR 456. - Duridanov Thr.-D.St. 64: к прусск. Skarsin, Skarsaw, ст.-лтш. Scharsen и т.п., включая продолжения *Skers-, *Skirs-.

Scatre, местное название (TP 8, 3 и др.) См. Detschew Thr. SR 456. - Duridanov Thr.-D.St. 64: к Скетры (Спрогис ГСЖЗ 291), лтш.

Skatrumi. Вероятно, сюда же Σκατρίνα, замок (Proc. ae. 4, 11). Thr. SR 456. Ср., однако, этр. scatrnial, лат. Scaterius.

Scaugdae, племенное название (Plin. NH 4, 41), См. Detschew Thr. SR 456. - Duridanov Thr.-D.St. 72, 91, 99: реконструкция дакийск.

*Skaudgedai и сравнение о прусск, Skawdegede лит. Skaudgedas и т.д.

Σκελαβρια, местное название (ADB 34, 1, 12). См. Detschew Thr. SR 457. - Вероятно, сюда же Σκελετος (SB 186, 7);

Σκελεντινή, эпитет Матери богов (BSAV 3, 1912, 22, 20); Σκελης, Nom. propr. (ADB 34, III, 48, 49, 60, 65; GRP 1, 709, и др.); Σκέλλης, Nom. propr. (Parth. narr. amat. 19). Thr. SR 457-458. В СВЯЗИ с Σκελεντινή указывали название города в Мизии Σκέλεντα (Hierogl. Synecd. 662, 16). Корень *Skel- (прежде всего в Σκελαβρια) сопоставляли с прусск. Schelanz, 1316 (Gerullis Apr. ON 160); м.б., Nom. propr. Schellen (или = Schelde/n/). Trautmann APN 93; ср. также многочисленные названия с корнем *Skal-: прусск. Scalune, 1398 (Apr. ON 159); лит. Skalà (LUEV 146; Vanagas Liet. hidr. 37, 214); Skališkių km., (LATS 925); куршск. Skallapurwa, 1566; ср.м.б., иллир. Skaladis (Rav. IV, 19; см. Mayer Spr. Ill. 309; из *Skal-at-?). Следует помнить и о балт. названиях на *Skil- (см. ниже).

Scenope(n)sis vicus, местное название. См. Detschew Thr. SR 458. - Указывают на связь с иллир. Nom. propr. Sceno, Scenobarbus, Scenua, Scenus (Mayer Spr. Ill. 312-313; Krahe PN 101). Duridanov Thr.-D.St. 64-65: дакийск. *Skenopa - к *Sken-ura, ср. лит. Skinurpė и др.

Σκεπτων κόμη, местное название (ADB 34, II, 12). См. Detschew Thr. SR 458. - М.б., к Σκαπτή ὄλη и под. (см. выше).

Scerulo. Nom. propr.; -οκєра в Χερβούοκєρα, название замка (Proc. ae. 4, 4). См. Detschew Thr. SR 458, 534. - М.б., фрак. *Skер- соотносимо с прусск. Schirgal, 1413; Schiris, 1385,

Skyre, 1387, Schire (Trautmann APN 93); Skirin, 1339; Schirlauken, 1347-1359; Skyrow, 1405, м.б., Scherlauken, 1363 (Gerullis Apr. ON 160-161); лит. Skirālė, Skirupis, Skirūtė (LUEV 149; Vanagas Liet. hidr. 88, 210; ср. Skėrupis. Liet. hidr. 230); Skerių km., Skirgailių km., Skirgailių km., Skirgailynės km., Skireliškės km., Skirelių km., Skiržemių km., и др. (LATS 926, 927); Nom. propr. Skirgāila, Skirgalus, Skirgēla, СКИРЯТЬ, СКИРИКГАЙЛО (Būga RR I, 229, 238, 245, 254; II, 16; III, 46); м.б., куршск. Nom. propr. Skirutt, Schkyrotr, 1540, Schkyrutt, 1540 (Kiparsky KF 346).

Σκιλας. Nom. propr. См. Detschew Thr. SR 458. - Duridanov Thr.-D.St. 82, 88, 99: к лит. Skylē, куршск. Nom. propr. Schille и т.п. См. выше. Σκελαβρια.

Σκίτωες, название замка (Proc. ae. 4, 11). Возможно, сюда же Σκίτωαι, местное название (Steph. Byz. 574, 17: Σκίτωαι, πόλις Ἰσθμίου

πλήσιον Πυτιδαίας. δ πολίτης Σκιθαίος). См. Detschew Thr. SR 458, 459. - Holder AC 2, 1398: к кельтск. Scitiacum. Ср. также прусск. Skiten, ок. 1420; лит. Skiturių km., (LATS 927)?

Σκομβρός (Thuc. 2, 96, 3; Arist. Meteor. 350 1в и др.). См. Detschew Thr. SR 459. - Сюда же Σκομβροι, племенное название (Hesyeh.; Steph. Byz. 9, 3). Duridanov Thr.-D.St. 65, 93: к лит. Kumbrupis, лтш. Kuĩbri и др.

Σκοντις. Nom. propr. (BIAВ 13, 1939, 130, 3). См. Detschew Thr. SR 459. - Ср. прусск. Nom. propr. Schantele, 1347, Scantitho, 1284 (Trautmann APN 93)?

Σκουάεο, название замка (Proc. ae. 4, 4). См. Detschew Thr. SR 461. - Duridanov Thr.-D.St. 65-66, 91: к лтш. Skujene, Skuaine и др.

Σκοῦμβρο, название замка (Proc. ae. 4, 4). См. Detschew Thr. SR 461. - Duridanov Thr.-D. St. 66, 93, 96: см: Σκοῦμβρος.

Σκοῦποι, Scup(p)i, Scupus, Scopi, местное название, теперь - Скопје; Σκουπινοί, Scupini, Scupenses, этническое название (Ptol. 3, 9, 4; Hierocl. Synecd. 655, 8; Cod. Just. 8, 44, 28; 12, 23, 3; Cod.Theod. 12, 1, 119; CIL 3, 8203, 8204 и др.). См. Detschew Thr. SR 461-462; Vlahov. Nachtr. 260. - Вероятно, сюда же Σκουπινα. Nom propr.; Σκουπιόν, название замка (Proc. ae. 4, 4); Scupus. Nom. propr. (CIL 6, 37232). Thr. SR 4 460-462. Согласно Mayer Spr. Ill. 316, местные названия илир. происхождения; согласно Georgiev Top. anc. 32, - фригийского. Если исходить из корня *Skup-, то возникает возможность сравнения с прусск. Skupaun, 1405, Skupaunns, 1424; Scuplawke. 1419 (Gerullis Apr. ON 164); лит. Skupu km., (LATS 929); ст.-лит. Nom. propr. Skupain. Ср. также Топоров Илл.-б. 57.

Scretisca, местное название (IH 566, 12). См. Detschew Thr. SR 462. - Duridanov Thr.-D.St. 12, 66, 88, 96, 98, 99; Thracia 1, 1972, 240: к лит. Skrėtiške и под.

Scutio. Nom. propr. (CIL 6, 228, 2). См. Detschew Thr. SR 462. - Помимо латинизированного этр. Scutius (Schulze ZGLE 32), ср. прусск. Skuttaw, 1349; Scuttelyng, 1360 (Gerullis Apr. ON 164-165); Nom. propr. Scuczė, 1328, Skotcze, 1386 (Trautmann APN 95); Skūtulas, Skūtiškis, Skutiškėlis (LUEV 151; Vanagas Liet. hidr. 126, 175); Skutenų km. (LATS 929). Ср. вместе с тем малоазийск. Σκυταλάς, Skkulija (Zgusta Kleinas. PN 470).

Σκυβρα, Scydra, местное название; Σκυβταλος, этническое название; Κύβρα, местное название (Ptol. 3, 12, 36; Plin. NH 4, 34; Strab. 7, 7, 9; Steph. Byz. 578, 8). См. Detschew Thr. SR 462. - Вероятно достойны внимания балт. названия с разновидностями корня *Skud-, *Kudr-. Ср., с одной стороны прусск. Schudey, 1411-1419; Skudeyken, 1352; Skudewezege, 1333; Skuditen, 1312; Schudnyn, 1423; Schudenyn, 1495; Schudow, 1341 (Gerullis Apr. ON 163-164);

Skudupis, Skudūtis (LUEV 151; Vanagas Liet. hidr. 48, 201, 142) и т.п. (ср., однако, прусск. Nom. propr. Scude, Schude, 1299; Scudeyke, 1353; Scudenne, 1388; Scudete; Schudie, 1296; Schudike, 1387; Scudille, 1353, Scudir, 1388 / Trautmann APN 94-95/), а с другой стороны, балт. продолжения *Kudr-, о которых см. Топоров Фр.-балт. 59-60.

Σκῦρος, местное название (Steph. Byz. 579, 14). См. Detschew Thr. SR 463, — сюда же Σκυρμιόβαλ. — М.б., к лит. Kūrmė, Kūrmežeris, Kurminė, Kūrmis (LUEV 84; Vanagas Liet. hidr. — 11, 31, 32, 158, 231); Kurmaičių km., Kurmelėnų km., Kurmelių km., Kurmėnų km., Kurmiškės vk., Kurmiškio km., Kurmiškių km., Kurmių km. (LATS 775); лтш. Kurma, Kuřmālė, Kuřme, Kuřmis, Kurmeliskė, Kuřmene pl., Kurmiški, Kurmitis и т.п. (Endzelins I: 2, 180)?

Σμῖλα, Σμῖλλα, местное название (Hdt. 7, 123; Steph. Byz. 580, 9 и др.). См. Detschew Thr. SR 464-465. — М.б., к прусск. Smilino-kaun, 1419-1419 (Gerullis Apr. ON 166)? *Smil-.

Σολοεις, название ручья (Plut. Thes. 26, 6). См. Detschew Thr. SR 466). — Ср. выше Σόλη?

Σομβρία, местное название (Meritt. Athen. trib. 1, 411). См. Detschew. — Заслуживают внимания обычно иначе трактуемые прусск. Zambre, 1297, Sambrad, 1319, Sambrade, 1333, и др. (Gerullis Apr. ON 150). Не исключено, что членение *San-brad- (ср. лит. brādas 'брод', при прусск. brast-, ср. лит. brast-(v)à, лтш. brasls) обязано позднему переосмыслению старого названия, связанного с обозначением зубра, ср. прусск. wissambris. Учитывая неосновательность пессимистического взгляда на связь (wis)sambris с лит. stūmbras, stumbris (Ширвид), stūmbrė, лтш. stumbr(i)s, выраженного Fraenkel LEV 932, и очевидную возможность сведения к единому источнику консонантизма в анлауте (ср. лит. stirna при лтш. sirna, stīrna, слав. *szrna и т.п., см. Иванов Симпоз. 1972, 53-54, ср. осет. dombaj и т.п.) — приходится признать, что прусск. Zambre должно быть подкреплено лит. Stumbrinė, Stūmbrio ėžeras, Stumbrūs (LUEV. 156; Vanagas Liet. hidr. 68, 158, 269); Stumbrės km., Stumbrių km., Stumbrinės km., Stumbriškės km., Stumbrų km. (LATS 942); вероятно сюда же куршск. Sumbre, 1352, Sūmbre, 1503 (ср. Nom. propr. Sumber, 1425), Kiparsky KF 169-170. Ср. куршск. Stembre, 1386 (KF 167); верхнеднепр. Стябура (Лавп 209: лит. stimbras, stembras, лтш. stiebrs)? В высшей степени характерно, что балк. названия зубра (ср. греч. ζόμβρος, ζοῦμβρος, н.-греч. ζόμπρος (но и ζοῦμπρος), рум. zimbru, слав. слав. *zǫbrъ и т.п.), вопреки мнению ряда исследователей, не могут быть объяснены и с к л ю ч и т е л ь н о заимствованием из слав. Судя по всему, старая точка зрения о фраз. ζόμβρος как источнике балк. обозначений зубра должна быть реабилитирована. Ср.: ἤμεῖς

ἴδομεν τραγέλαφον ἀπὸ θράκης ἐλαθόντα εἰς τοῦ οἴκου τοῦ Καίσαρος Βάρδαθον ἐκάλουν ζόμβρον. Morelli bibl. manuscripta 1, 1802, 59; ζοῦμπρος... ζῶν κατὰ τοὺς Ταυροσκύθους... φυόμενον μάλιστα καὶ τρεφόμενον. Nicetas Chon. 41, 433, 16. См. Detschew Thr. SR 193. Фрак. Σομβρία и должно рассматриваться как одно из "зубровых" названий, перекликающихся как в балт., так и со слав. (ср. днепр. Зубер/ь/, Зубир, Зубар; повисл. Zubrzyca и др.) названиями.

Σουδῖς название узкого прохода в вост. части Хемуса (Malchi Philad. frg. 15, Müller FHG 4, 122). См. Detschew Thr. SR 466. - М.б., к прусск. Sandil, 1338, Sandilo, 1337, Sandolis, 1312, Sandals, 1319, Sandekow, 1320; Sondithen, 1405, Sanditen, ок. 1405 (Gerullis Apr. ON 150, 168; ср. многочисленные Nom. propr. на Sand-? Trautmann APN 86-87), т.е. к *Sam-d- (ср. *per-d- и т.п.).

Σουνητηνῆ, эпитет Герн. См. Detschew Thr. SR 466. - Duridanov Thr.-D. St.66: из и.-евр. *Snk-etā, ср. лит. Sunkinė и т.п. Мало-доказательно.

Σορνον, местное название (Ptol. 3, 8, 4). См. Detschew Thr. SR 466-367. - Согласно Jokl ERL 13, 285: к др.-инд. sārati, лат. se-ru и, следовательно, балт. названиям на Sar-. Возможны и другие гипотезы (ср. прусск. Surninos, 1316. Gerullis Apr. ON 177: от Nom. propr. и т.п.).

Σουδιος, Σουδῖς, Sudius. Nom. propr. См. Detschew Thr. SR 468; Vlahov. Nachtr. 261. - Σουδειμενος, Σουδιμενος, Sudicentius, Sudicintis. Nom. propr.; Sudecron, Sudecronus. Nom. propr. Thr. SR 468. - Выделяется корень *Sud-, который был правильно сопоставлен Duridanov Thr.-D. St.82-83 с прусск. Sude, Sudeke, Sudenne, ст.-лтиш. Zude и т.п. (число примеров может быть сильно увеличено; ср., в частности, KF 169). Особенно важно выделить прусск. судавов (Σουβυνοί Ptol., Sudowe, 1301, Sudaw, 1436; Sudowiten, 1353 (Gerullis Apr. ON 175-176); лит. Sudai и т.д. и Судетские горы (Σουδέητα ὄρη. Ptol.), см. Вйга RR III, 126 сл. Таким образом, Прибалтика и Балканы связываются дополнительно названием Судет. Ср. также к зап. от Вислы: *Sude, Zuda fluvius, 1167, Zuden, 1186 (Топоров Baltist. I, 2, 109). Ср. выше о балк. соответствиях к балт. prūs-, sēl-, gal-ind- (:фрак. Γαλαῖοι, племя, Γαλαϊκή) и т.п.

Σουιτουλινος, Σουητουληνός, эпитет Герн (KDP 13; ADB 202) См. Detschew Thr. SR 468. - Duridanov Thr. SR 66: к прусск. Switthe, лит. Švitinys, лтиш. Swite и др.(?),

Σουкиας, Σουκιος. Nom. propr.; Sucidava, Σουκίδαβα, Συκίδαβα, Zukídaβα, местные названия; Suc(idavenses), этническое название (Ptol. 3, 10, 5; Proc. ae. 4, 7, 10; 4, 11 и др.); Succi, Σούκιες, ущелье в Родопах (Amm. Marc. 20, 4, 18; 21, 12, 22; 21, 13, 6; 22, 2, 2 и др.); Σουκους, Συκος. Nom. propr. и т.д. См. Detschew

Thr. SR 469-470; Vlahov. Nachtr. 261. - Duridanov Thr.-d.St.67, 93: к лит. Šukis, Šukėnai, лит. Sucis, Sukas и т.д. (к лит. Šukė 'осколок', 'зарубина' и т.д.). Ср., однако, прусск. Sukyn. 1316, Sukeyn, Suken, ок. 1400 (Gerullis Apr. ON 176: с излишне жесткой этимологией); лит. Šukupis (LUEV 157; Vanagas Liet. hidr. 252). Ср. прусск. Nom. propr. Sucule, 1345 (Trautmann APN 100); куршск. Sugke (Kiparsky KF 352) и др.? Ср. к зап. от Вислы Suckow, Susowe, 1226 и др. (Топоров Baltist. I, 2, 109).

Σουλος, Sulu, Nom. propr. (CIL 3, 7437 и др.). См. Detschew Thr. SR 470. - Duridanov Thr.-D.St. 83: к прусск. Nom. propr. Sule; Sulpalwen; куршск. Szulle и др.

Σουντους. Nom. propr. (KDP 210). См. Detschew Thr. SR 470. - Duridanov Thr.-D.St. 83: к лит. Suntupiu km. и др.

Σούρας, название замка (Proc. ae. 4, 11); Σούρικων, замок (Proc. ae. 4, 4); σουρα, -sura, -sure, =ζουρα, =ζουρη в местных названиях Καράσουρα, Κουτζουσουρα, Mosaura, Diեսure, Κουρτουζουρα, Μουναζουρη. См. Detschew Thr. SR 470-472 и др. - Помимо малоазийск. Σουра, Σορα, Σωρα и т.п. (Sundwall LN 197), ср. Duridanov Thr.-D.St. 67-68, 93: к лит. Sūrupė, Sūrupis, лит. Sūrėle и др.; дакийск. Σούриков, прусск. Surik, Suriken и т.д. *Sur-ik-: *Sur-ik-. Ср. также Σουρα-, sure и т.п. в фрак. Nom. propr. и Sur- в прусск. Nom. propr. (?).

Sparata, Sparathon, местные названия (IH 567, 6; GR 191, 8). См. Detschew Thr. SR 475. Сюда же - Σπάρτακος местное название (Steph. Byz. 583, 11: Σπάρτακος, πόλις Θράκης; Σπάρτη κώμη, Σπάρτων όρος (Steph. Byz. 583, 15); Σπάρτωλος, местное название; Σπάρτωλοι, этническое название (Thuc. 2, 79, 2; Diod. 12, 47, 3 и др.). Thr. SR 476-477; Vlahov. Nachtr. 261 - Не исключено сравнение с балт. фактами. Ср. прусск. Sparteune, 1427, Sporteun, 1367, Sporthen, 1475 (Gerullis Apr. ON 171, ср. Sparroth, 1274, а также Sparraw, 1419; Sparogen, 1363; Spargint, 1340. Apr. ON 169-170); лит. Spartas (LUEV 153; Vanagas Liet. hidr. 50: spartas 'быстрый'); Spartu km. (LATS 934). Эти формы предполагают членение Spar-t-, причем параллельно употребляется и Sper-, иногда с суффиксальным -t-, ср. прусск. Speriti, 1282 (Apr. ON 170, ср. Sperlauken, 1328; лит. Spėrà. LUEV 153; Liet. hidr. 50; верхнеднепр. Сперлок, Сперша. ЛАВП 209; ср. лит. Nom. propr. Spėra и др.). К указанным фрак. названиям следует отнести и Nom. propr. Σπάρτας (Ox. 17, 2134, 2, 10, 31); Σπάρτακος, Σπάρτοκος, Spartacus, Sparticus, Isparticus, Σπάράδοκος, Σπάρτουκος, Σπάρβοκος (Ditt. Syll³. 206; IPE 2, 13, 3-4; 2, 14; 2, 15; 2, 16, 17; Head HN 503, Diod. 12, 31, 1; 12, 36, 1; Appian bell. Mithr. 109; Athen. 6, 172-273; Cic. Harusp. 26; Philipp. 3, 21; 4, 15; Liv. Perioch. 95; CIL 16, Dipl.

1; IG 12, 5, 1, 494; Herodian I, 150, 22-23; Thuc. 2, 101, 5 и др. Ἐπάρτοιων (IG 2², 1011; IPE 4, 432 и др.), иначе объясняемые Thr. SR 475-476. Спорна интерпретация Nom. propr. Ἐπάρτος (Zgusta Kleinias. PN 476). Иллир. Ἐπερέτιον (Proc. ae. 4, 4), см. Mayer Spr. Ill. сопоставлено с прусск. Speriti и т.д. Топоров Илл.-б. 57. Следовательно: фрак. *Spar-t-: балт. *Spar-t-; фрак. *Spar-at-: балт. *Spar-ot-; иллир. *Sper-et-: балт. *Sper-it-.

Ἐπαρκή. Nom. propr. (BPr 1.1942, 320, 4). См. Detschew Thr. SR 475. - Duridanov Thr.-D.St. 12, 83, 99: к прусск. Nom. propr. Sparke.

Ἐπινοβητός, эпитет Аполлона (BIAV 8, 1934, 465). См. Detschew Thr. SR 477. - Duridanov Thr.-D.St. 68: к лит. Spindžiūis, лтш. Spindags.

Ἐπινοβара, местное название (ADB 177, 4-5). См. Detschew Thr. SR 477. - М.б., сюда же лит. Spina, Spynēlė (LUEV 153; Vanagas Liet. hidr. 120)? Ср. также фрак. Nom. propr. Spinus, Ἐπιнос при лат. Spinus, Spinnius (Schulze ZGLE 236).

Ἐτάγυρος, Ἐτάγειρος, Ἐτάγειρα, Stagira, местные названия; Ἐταγυρίται, Ἐταγειρίται, Stagerites, обитатели (Hdt. 7, 115; Strab. 7, frg. 33; 7, frg. 35; Ptol. 3, 12, 8; Paus. 6, 4, 8; Steph. Byz. 584, 16; Plin. NH 438 и др.). См. Detschew Thr. SR 478. - Сюда же vicus Stagirensis, реконструированное Tomaschek Thr. II, 2, 81 по vicus Stairesis (см. Stairesis vicus. CIL 6, 32543, Thr. SR 479). Поскольку другие аналогии слишком далеки и/или спорны (ср. речное название Ἐταχερ на зап. побережье Ливии. Ptol. 4, 6, 2), фрак.

*Stag-ir-, м.б., сопоставимо с балт. *Stag-/Steg-, иногда выступающим с элементом -r-, ср. верхнеднепр. Стогородка (ЛДВП 209), при лит. stāgaras 'стебель', 'хворостина', stagarūis, stegerūis, лтш. stagars (?), русск. стожар, стежер и т.п. (но лит. stagūtė и т.д.), см. Skardžiūis LKZD 302-303; Fraenkel LEW 891-892. Учитывая στάγη карболос. Neuzch (при στάγη-р и под.), а также семантическую связь понятий 'стебель' и 'корыто', 'вьемка', 'русло', с одной стороны, и 'углубление', 'вьемка' и 'покров', 'крыца' и т.п., с другой стороны, - приходится считать возможным связь указанных фракийских названий с прусск. Stegin, 1411-1419 (Gerullis Apr. ON 173); лит. Staginė, Staginis, Steginė, Steginis (LUEV 154, 155; Vanagas Liet. hidr. 163, ср. Steg-a-raistis); Stagių km., Stagintragio km., Stagelių, Stagalių km., Stagalėnų km. и особенно Stagarių km. (LATS 935) и т.п. Ср. прусск. Nom. propr. Stagote, 1325; Stagutte, 1397 (Trautmann APN 97); лит. Stegvilas; куршск. Stegebute (Kiparsky KF 351)? *Stag-ir-, *Stag-ar-. название замка (Proc. ae. 4, 4). См. Detschew Thr. SR 479. - Не вполне ясное в словообразовательном плане слово. Учитывая Ἐπαλλυζώ и под., целесообразно исходить из *Stam-, которое в

таком случае сопоставимо с прусск. Stamen, 1419, Stamme, 1469 (Gerullis Apr. ON 172); лит. Stamaišiu km. (LATS 936); верхнеднепр. Стомять, Стомятка, Стометь (ЛавП 209).

Stelugermme, местное название (CIL 6, 32543). См. Detschew Thr. SR 479. - Сложное слово. Возможно, что Stel- сопоставимо с прусск. Stal, Stalle, 1363, Stallie, ок. 1400; Stallyn, 1459; Stalsin, 1332 (Gerullis Apr. ON 172; ср. Nom. propr. Stallie, 1384. Trautmann APN 97); лит. Stalu km., Stališkiu vk., (LATS 936) и т.д.; в germ- правдоподобно скрывается тот же корень, что и в фрак. Γερμανία, Γερμανός, Γέρμας, Γερμή, Γερμαι; Γέρματτα; Γερμίζερα, Germisara; Germetitha и т.д. (Thr. SR 102-103), которые уместно сопоставить как с прусск. Germ, 1293, Germaun, 1331, Germein, 1515; Гермунун, 1423 (Apr. ON 40); лит. Germantas, Germantupis (LUEV 46; ср., однако, Vanagas Liet. hydr. 48); Germiškiu vk., Germuoliu km. (LATS 699) и т.д., ср. Duridanov Thr.-D.St. 23, 93, 98; так и с лит. Garmiškiu km., Garmuliškiu km., (LATS 694) и т.п.

Στένβας, название замка (Proc. ae. 4, 4). См. Detschew Thr. SR 479. - Duridanov Thr.-D.St. 68, 91, 99; к лтш. Stēnde, мекленб. Stendlit и т.п.

Στενεκόρτα, название замка (Proc. ae. 4, 4). - См. Detschew Thr. SR 479. - О балт. параллелях к второй части слова см. Duridanov Thr.-D. St. 42. Первая часть может быть сопоставлена с прусск. Stenekeyn, 1343, Stenekaun, 1343 (Gerullis Apr. ON 173; ср. Nom. propr. Stenam, 1306; Stenawte, 1417; Stenebuth, 1339; Stenegaude, 1360; Steneyko; Stenenis, 1267; Stenyco, 1401; Stenilge; Stenyum; Steny-nis, 1345; Stenyo, 1398 и др. Trautmann APN 98-99); лит. Steni-oniu km. (LATS 938); ср. верхнеднепр. Стеня (ЛавП 157, 209: но Стенера)? Ср. также *Stan-: лит. Stanupys (LUEV 154) и т.д.

Στραύβα, местное название (Steph. Byz. 586, 11; Στραύβα, πόλις θρακῆς. τὸ ἐθνικὸν Σταυερίται, Στραύβατοι). См. Detschew Thr. SR 480. - Duridanov Thr.-D.St. 12; 68, 88; Thracia 1, 1972, 240; к прусск. strambo, лтш. struobs, ср. Struobas и др.

Στραμεντία название замка (Proc. ae. 4, 4). См. Detschew Thr. SR 480; Vlahov. Nachtr. 261. - Tomaschek Thr. II, 2, 82; к слав. strām; Георгиев ВВЕ 70, 76, 82, 84; Българ. ез. 1958, № 4-5, 330; слав. фрак. *Stram-ent- близко напоминает балт. *Stram-, иногда с с -n- в суффиксе. Ср. лит. Stramys; Strāmis, Stromėlė, Stromis (LUEV 155, 156; Vanagas Liet. hydr. 113); Stramyliu km., Stramyliškiu km. (LATS 940); ср. прусск. Stromke, 1389, Stromyke, 1388, Stromuk, ок. 1420; Stromkeinoth, 1388 (Gerullis Apr. ON 175), отношения которых к лтш. Straoume, Straumene, Stroeme (Blese LPV 259), как и к лтш. strāume остаются неясными. Не исключены вторичные пере-

осмысления. Возможно, заслуживают особого внимания такие периферийные названия, как моск. Стромынка, Стромынь, Стромыня, польск. Strominki, Stramínke (aqua Stromineke, 1290) и т.п. См. Топоров. Baltist. I. 2. 109; БСЛ. Сб. 226.

Страβαστα, название замка (Proc. ae. 4, 4). См. Detschew Thr. SR 480; Vlahov. Nachtr. 261. - Георгиев ВВЕ 81: слав. Скорее, однако, следует исходить из *Stram-basta к первой части см. балт. параллели выше (см. Страμεντίας); а ко второй - см. Βαστα- (Топоров, Фр.-балт. 37-38); лтш. Basta-rags, Basta-kalns, лит. Басыце и т.д. - вплоть до балт. форм с вокализмом -e- (Best).

Стρῶγγες, название замка (Proc. ae. 4, 4). См. Detschew Thr. SR 480; Vlahov. Nachtr. 261. - Георгиев ВВЕ 81: слав. Duridanov Thr.-D. St. 95, 96: к лтш. strūoga (ср. алб. shtrungë, рум. strungă).

Стρῶμβος. Nom. propr. мифологич. героя (Hesych. Illustrio Milet. FGrH 390 F 20: οὐ μετὰ πολὺν δὲ χρόνον Στῶμβος ἀνὴρ τοῦ νομα καὶ αὐτότεμ Κερροέσσης τεχθεὶς, πόλεμον ἐπιφέρει τῷ Βύζαντι, πολλὴν ἐπαγόμενος δυνάμιν): См. Detschew Thr. SR 481. ср. прусск. Nom. propr. Strambote, 1309-1310. (Trautmann APN 100); м.б., куршск. Nom. propr. Stroebin, 1547 (Kiparsky KF 352: к лтш. strūobirė). См: выше Стρῶμβαί.

Стρῶβας, название замка (Proc. ae. 4, 4). См. Detschew Thr. SR 481; Vlahov. Nachtr. 261. - Согласно Георгиев ВВЕ 76, 84; Вьлг.ез. 1957, № 4-5, 301: слав. - Ср. лит. Straujā (LUEV 155; Vanaga Liet. hidr. 203, 220), ср. Pastraujā и др., включая Srovė и под. Ср. Топоров Илл.-б. 57.

Стρουνεῖλον, Стρουνεῖλος, местное название. См. Detschew Thr. SR 481. - Duridanov Thr.-D. St. 69, 88: к лит. Strūnā и т.д.

Стρυμών Strymo(n), название реки, теперь - СТРУМА; Стρυμωνίος, Strymonius, Стρυμόνις, Strymonis, Стρυμόνος. Adj. (Hes. Theog. 337; Aesch. Ag. 192; Pers. 497; Hdt. 1, 64; 5, 1; 5, 13; 7, 75; 8, 115; Thuc. 1, 98, 1; 2, 96, 3; Schol. ad Aesch. 2, 31; Ptol. 3, 12, 7; 3, 12, 15; Strab. 7, frg 4, 34, 36, 37; Polyae. 6, 53; Scyl. 66; Liv. 44, 45, T2; 45, 29, 5; 45, 29, 7; Nep. Cim. 2, 2; Verg. Georg. 4, 508; Ovid. Metam. 2, 257; Trist. 5, 3, 22; Luc. 3, 199; Pomp. Mela 2, 17; 2, 30; Plin. NH 4, 38; Mart. Cart. Cap. 6, 655 и т.д. См. Detschew Thr. SR 483-485. - Ср. также многочисленные Nom. propr. и топонимы и этнонимы типа Стρυμόν, Strymonis, Стρυμόνιος, Стρυμόνιον, Стρυμόνιοι, Стρυμονίας, Стρυμονίης ἄνεμος (Thr. SR 482). Фрак. *Stru-mon- близко связано с слав. *Strou-men- (ср. Струмень. Трубачев НИУ 156-157 и др.) с гипотетическими балт. формами типа *S(t)rau-men-, где каждый из элементов представлен порознь достаточным количеством примеров. Ср. Georgiev Stud. Balc. 5, 1971, 160.

Стῶλος, Stolos, Стῶλοι, местное название; Стῶλιοι, обитатели

(Thuc. 5, 18, 5; Plin. NH 4, 37; Steph. Byz. 588, 18; Hierocl. Synecd. 642, 2 и др.). См. Detschew Thr. SR 485 - См. прусск. Stalle, 1363, Stal; Stallyn, 1459 и др. (Gerullis Apr. ON 172); лит. Stalu km., Stališkių vk. (LATS 936) и т.д., см. выше.

Συμβάβα, см. Σουμβας и др.

Συλεύς. Nom. propr. (Hdt. 7, 115; Diod. 4, 31, 7; Apd. 2, 132 и др.). См. Detschew Thr. SR 485-486; Vlahov. Nachtr. 261 (скорее др.-греч., чем фрак.). - Известная неясность этого имени в лингвистическом плане не позволяет оценить вполне сопоставление с прусск. Nom. propr. Sule; Sulente; Sulotelene, 1286 (Trautmann APN 100); ср. Sulpalwen; 1423, (Gerullis Apr. ON 176); лит. Suliava, Sultekis (Vanagas Liet. hidr. 102).

Syracella и т.п., местное название. См. Detschew Thr. SR 486. - См. выше Σουρας и др.

Σύρμος. Nom. propr. (Stab. 7, 3, 8; Plut. Alex. 11, 5; Arr. An. 1, 2, 2; 1, 46); См. Detschew Thr. SR 486; Vlahov. Nachtr. 261. Mayer Ill. Spr. 326: иллир. Duridanov Thr.-D.St. 83, 100 сравнивает с лит. Surmuų vk., Surmai, Surmantai, ср. ст.-русск. Сурма, Сурминь и др. Сюда же следует добавить прусск. Nom. propr. Surmanne; Surmunne, 1345 (Trautmann APN 101) и др. См. Топоров Илл.-б. 57.

Syrnota, местное название (IH 568, 5). См. Detschew Thr. SR 487. М.б., к прусск. Surnions, 1316 (Gerullis Apr. ON 177), лит. Surnaitis?

Συρταουνίνος, этническое название (SVB 38, № 1). См. Detschew Thr. SR 487. - Συρτα- сопоставимо, возможно, с прусск. Surteyenen, 1405 (Gerullis Apr. ON 177); Nom. propr. Surteyke, Surteyk, 1299; Surtel; Surtewe, 1318; Surtix, 1386, Surtex, Surtike, 1396 и т.д. (Trautmann APN 101).

Tabasis. Nom. propr. (CIL 13, 7803: Tabusi). См. Detschew Thr. SR 487. - Ср. иллир. Tabia (Rav. IV, 16), место в Либурнии, а также малоаз. параллели: карийск. Ταβια, лидийск. Ταβια, ликийск. Nom. propr. Ταβις, исавр. Ταβεις (Sundwall LM 199, 282; Zgusta Kleinas. PN 481-482) и далее, ср. Ταβρωνη в надписях из Манесии, хаттск. Tabarna (откуда хеттск. Labarna, см. Laroche Noms 105). Ср. также прусск. Tabun, 1276; Toben, 1469; Tobelauken, ок. 1400 (Gerullis Apr. ON 180, 183-184); лит. Tabālis, Tabalēlis, Tabalīnis, Tabaliūkas (LUEV 170; Vanagas Liet. hidr. 64, 126, 164, 197; Tabūnas (ср. прусск. Tabun) < tabūnas, 42?), к tabaliūoti; Tobōlis (LUEV 173); Tabalių km., Tabalių km. (LATS 963, ср. Tabunėlio km.), Tobalių vk. (969) и др. Фрак. *Tab-u-: балт. *Tab-(u).

Ταδηνός, Tadenus, эпитет Аполлона (CIL 3, 13585 и др.) См. Detschew Thr. SR 487-488. - Mayer Spr. Ill 327 считает (Apollini) Tadeno иллир. словом, ср. Tadius. Существенно иметь в виду умбск.

Tadinates (в Игувинских таблицах), Tadinum; ИТАЛ. Nom. propr. Tad(d)ius, Tadiates (Schulze ZGLE 425, 559); др.-греч. Ἐπι-τάδης (Bechtel PN 158); малоазийск. Ταδους (Zgusta Kleinas. PN 482). Ср. к зап. от Вислы Todin, Todendorp (ср. к составу: (ῥ)Απόλλωνι Ταδοικωμείτη!); подмоск. Таденка (Топоров БСЛСб. 253)? *Tad-en-.

-ταλκας, -ταλκης, -talca, -talces, -thalcas, -thalcus в Nom. propr. Ῥοιμη-τάλκας, Ροιμ -ταλκας, Ροιμε-ταλκας, Ροιμη-ταλκης, Rom(a)e-talca, Roeme-talces, Rumi-talca, Σι-ταλκας, Σι-ταλκης, Sitalces и т.п. См. Detschew Thr. SR 488. - Сл. лит.

Talkotas, Patalkurys (*Talkurys; LUEV 119, 170, ср. Talksã; Vanagas Liet. hidr. 191-221); Nom. propr. Talkõcius; Talkiškių km., Talkonių km., Talkotiškių km., (LATS 964); прусск. Tolkynen (Gerullis Apr. ON 184) ОБЪЯСНЯЮТ ИНАЧЕ - *Tulk- (?); ср. Nom. propr. Tolk, 1419, Tolck, Tolke (Trautmann APN 106).

Ταμισίδαα, местное название (Ptol. 3, 10, 8). См. Detschew Thr. SR 488. - Сюда же Ταμονβαρί, замок (Proc. ae. 4, 11); Tamitenus, эпитет Кипитера; с фрак. Tam- сравнивают этр. taminai, tamnia, лат. Taminus (Schulze ZGLE 240), к которым можно добавить малоазийск. Ταμανυς, Ταματις, Ταμεις, Ταμων, Ταμως (Zgusta Kleinas. PN 485-484). Ср. также прусск. Tamissis, 1288 (Gerullis Apr. ON 181); лит. Tameliukas (LUEV 171; Vanagas Liet. hidr. 194); Tamėliai и под.; м.б., куршск. Nom. propr. Tammut, 1581 (Kiparsky KF 355). Впрочем следует помнить о многочисленных неясностях (фрак. слово обычно предпочитают возводить к *dam-; прусск. Tamissis может быть ошибочным прочтением Tanussis; куршск. Tammut, возможно, из *Tan-mut-, ср. лит. Nom. propr. Tanmantas, см. Leskien IF 34, 1914-1915, 327 и т.д.). Георгиев ВВЕ 76, 83, 84, 86 считает Ταμονβαρί слав. словом.

Τάλαι, Tarae, теперешние Железные Ворота (Cass. Dio 67, 10; 1, 68, 8, 1, Lord. Get. 63, 74). См. Detschew Thr. SR 489. Указывают на сходство с малоазийск. Ταλασσος, Ταλαδιδα, Κερε-ταλ и т.п., этр. tarsina, лат. Tarvenna, Tarro, Tarrius и др. Ср. также прусск. Tariow, 1255, Tariom, 1258, Tario, 1290, Tariaw, 1299; Tarilkaume, 1409 (Gerullis Apr. ON 181; Tapelawke, 1388 и т.д. следует объяснять особо из-за Tarlawken, 1440 "Warmfelt genant", слав. topiti, topľ, tepiľ); Nom. propr. Topir, Topper? (Trautmann APN 106); лит. Nom. propr. Tarilius; Tapėlių ežeras (LUEV 171; Vanagas Liet. hidr. 265); Tapėliai.

Tara, Taras, Ταρας, Ταρης, Ταρος. Nom. propr.; ср. Tarasis, Tarasus. Nom. propr. и т.д. См. Detschew Thr. SR 489, 490; Vlahov. Nachtr. 261. - Mayer Spr. Ill. 328 считает Tara иллир. Duridanov Thr.-D.St. 83, 93; к прусск. Nom. propr. Taroth; лит. Nom. propr. Tarūtis, Tariotas, Tarvydas и т.д.

Tarabostesei, дакийск. знать (Iord. Get. 40; Dio Cass. 68, 9; Dio Chrysost. or. 72, 3). См. Detschew Thr. SR 489-490. - См. объяснение Tomaschek Thr. II, 1, 20-21. Вместе с тем не исключено, что в фразе Tara-bost- первая часть соотносится с балт. Tar- (см.), а вторая - с балт. Bast- (см.). Семантика целого зависит от значения составных частей (одна из возможностей толкования - по логике с лит. tarybininkas, tarybos liaudis, т.е. 'люди совета', 'члены совета').

Tarantos, местное название (город в Вифинии, связанный с культом Zeús Tarantaíos). (Steph. Byz. 603, 1: Táρας, πόλις Ἰταλίας καὶ ποταμὸς ὁμώνυμος παρὰ γάλασσαν... ἔστι δὲ καὶ Τάραντος ἀρσενικῶς λεγομένη πόλις Βιθυνίας, ἕνεα τιμᾶται Ταρανταῖος Zeús) См. Detschew Thr. SR 490. - Помимо Иллпр. Tarus, Táρας, Tariona (Mayer Spr. III. 328; Krahe Spr. III. 88; IF 65, 1960, 113 сл. и др.), ср. лит. Tarūtis (LUEV 171; Vanagās Liet. hidr. 49: от Nom. propr. Tarūtis /?/); верхнеднепр. Tapa, ср. Tаруса в басс. Оки и др. (см. ЛАВН 210; Топоров Илл.-б. 57). Фраз. *Tarrant- отвечает балт. модели того же вида, хотя составные элементы ее отмечены лишь порознь. Ср. также использование корня *tar- (с расширениями) в связи с именем Громовержца в балт. мифологии.

Tарουντινος, Tарουντινας, Tарουίννας, Tарουσинаς. Nom. propr. См. Detschew Thr. SR 491; Vlahov. Nachtr. 261. - Zucker Stud. 20: малоазийск. происхождения. Учитывая принципиальную возможность членения *Tar-ut-in (при обычном *Taru-tin-) и вторичную спонантизацию t(> θ, s), возникает соблазн сравнения с балт. *Tar-ut-(in-); ср. Тарутино и под.

Tарουλας, Tарουλα, Tarula; Tарουλος, Tарουλλος, Tarulius, Tarullius, Tаролλος и др. Nom. propr. См. Detschew Thr. SR 491-492. - Duridanov Thr.-D.St. 83, 93: к лит. Nom. propr. Tarūlis. *Tarul-.

Tarpodizos, Tarpudizus, Tarpudison, местные названия. См. Detschew Thr. 492. - Duridanov Thr.-D.St. 69, 89: к лит. Tarpija, Tarpiskij km., лтш. Tārpī, Tarpene и др. Ср. также лат. Tarpa, Tarpeius, Tarpeia (Schulze ZGLE 273).

Tάρπιρον, название замка, (Proc. ae. 4, 4). См. Detschew Thr. SR 492. - Duridanov Thr.-D.St. 69, 89; См: Tarpodizos и др.

Tάρσας, Tarsa; Tarse; Tарсе; Tarsus; Tharsa, Tharsus. Nom. propr. Tarsanius. Nom. propr.; Tarsinus, Tarsinnius. Nom. propr. См. Detschew Thr. SR 492-494; Vlahov. Nachtr. 261. - Duridanov Thr.-D.St. 84, 88: к прусск. Nom. propr. Tarsel, лит. Tersilis (?).

Tauzix. Nom. propr. См. Detschew Thr. SR 495. - Duridanov Thr.-D.St. 84: реконструкция *Taus-ig-s и сравнение с куршск. Nom. propr. Tausze, лит. Tausėnių km.

Tautomedes. Nom. propr. (Cod. Theod. 15, 1, 13). См. Detschew

Thr. SR 4895. - Сюда же дакийск. Tautimosis vicus. Duridanov. Thr.-D.St. 84, 92, 100: к первой части - прусск. Taut-, к второй - прусск. *Med- и т.п.

Темпура, Темпура название места (Strab. 7, 48; Liv. 38, 41, 5; Ovid. Trist. 1, 10, 19, и др.). См. Detschew Thr. SR 496. - Ср. прусск. Nom. propr. Temprvne, 1396, Temprune, 1397, Tampryn, 1407; Temperbucz 1349, Temperbut, 1339, Tamperbuth и др. (Trautmann APN 103, 104, 152: к tēmpran). *Temp-ur-: *Tempr-.

Τερπυλλος, местное название (Ptol. 3, 12, 33). См. Detschew Thr.-SR 496. - Ср. Иллир. Τερπωνος (App. Illyr. 18), см. Mayer Spr. Ill. 334. Из балт. аналогий ср. лит. Terpinė, Terpežūs, Teĩrpedupis (LUEV 172; Vanagas Liet. hidr. 42, 160, 254); Terpinij км., Terpežio км., Terpeikių км. (LATS 967); прусск. Terpin, 1405, 1463 (при Torpine, 1339. Gerullis Apr. ON 184); м.б., Верхнеднепр. Терешпа (ЛАНП 210: *Terp-usa; ср. Терепка - из Теребка. ЛАНП 221 или из *Terp-ik-?). Разумеется, *Terp- связано с *Tarp- (см. выше). Ср. Duridanov Stud. Balc. 5, 1971, 202-203.

Τιβίσκος, местное название (Ptol. 3, 10, 6); сюда же Τιβίσκος, Tibiscum и др., речное название. См. Detschew Thr. SR 503. - Duridanov Thr.-D.St. 98: к суфф. лит. -isk-.

Τιλатаίον, племенное название (Thuc. 2, 96, 4; Steph. Byz. 624, 9); Τιλλιτω, название замка (Proc. ae. 4, 11); Τιλλιβόρας. Nom. propr. и др. См. Detschew Thr. SR 505. - Фрак. *Til(-at-, -it-) напоминает прусск. Tylen, 1272; Tiligen, 1284 (Gerullis Apr ON 183); Nom propr. Tyle (Trautmann APN 105); лит. Nom. propr. Tyła; Tilių км., Tiliūniškio км. и др. (LATS 968).

Timachus, речное название, теперь - Тимок; Timacum maius, Timacum minus, Timagon, Тимаков, поселения; Timachi, Timacenses, обитатели (Plin. NH 3, 149; TP, 7, 4; 8, 4-5; Ptol. 3, 9, 4 и др.). Сюда же Тима(олов), замок (Proc. ae. 4, 4); Τιμασοχιάς, замок (Proc. ae. 4, 4); Τιμένα, замок (Proc. ae. 4, 4); Τιμίνα, замок (Proc. ae. 4, 4); Timogittia, местное название. См. Detschew Thr. SR 505-506; Vlahov. Nachtr. 262. - К Иллир. происхождению Timachus ср. Krahe Spr. Illyr. 3, 89; Mayer Spr. Ill. 338; иначе - Georgiev Stud. Balc. 5, 1971, 160. Duridanov Thr.-D.St. 96: к лтш. tima 'тьма' (?) ср. русск. Тьмака?

Τιριστις, Tiristis, Tirissa и др., местное название (Strab. 7, 6, 1; Ptol. 3, 10, 1; Pomp. Mela 2, 22 и др.). См. Detschew Thr. SR 508. - Duridanov Thr.-D.St. 69-70, 91: к прусск. Tyrow, Tirawe, лит. týras, tyrūs. Ср. также фрак. Τιριστασις, Tiristasis; Τιρισκον, местные названия (Thr. SR 508).

Τιρσκι, местное название (Steph. Byz. 625, 14). См. Detschew Thr. SR 508. - М.б., к прусск. Nom. propr. Tirsone; Tirsko, 1255

(Trautmann APN 106), ср. Tersile при Tersunen? (см. выше); Tirskaymen, 1411, Dirschkeim, 1515, Tirschaym, 1339 (Gerullis Apr. ON 183); Tirkšlių km., (LATS 968) Ср. Duridanov Stud. Balc. 5, 1971, 202-203.

Тόπαρον; Тόπερα, названия замков (Proc. ae. 4,4); Тόπειρα, Тόπεрос, Тόпρος, Тόпейрос, Топирос, Топирон, местное название (Strab. 7, frg. 45; Ptol. 3, 11, 7; Proc. ae. 4, 11, 14; Hierocl. Synecd. 634, 9; Plin. NH 4, 42 и др.): См. Detschew Thr. SR 512. - М.б., к прусск. Топерин, 1503, Топпринен, 1411-1419, Топперынен, 1438 (Gerullis Apr. ON 184)? Ср. прусск. Nom. propr. Таприт, Тапритх, 1399, Таппритц, Тапприт, 1496 (Trautmann APN 103).

Торкос, Торкиос. Nom. propr.; сюда же Торкатос, Торкуатос; Торкулас, Торкулаиβης и др. См. Detschew Thr. SR 513-514. М.б., к прусск. Nom. propr. Тарке (Trautmann APN 103); лит. Tharkaytis (XVI в.), ср. Тарковский? Малоазийск. и этр.-латинск. аналогии см. Sundwall LN 214-215; Zgusta Kleinas. PN 486-489; Schulze ZGLE 95-96.

Tugugerum, местное название (IH 568, 3). См. Detschew Thr. SR 515. - М.б., к прусск. Tugeyn, ок. (Gerullis Apr. ON 187), если оно к *tug- (ср. Dawgayn); лит. Tauginų km., Tauginiškio km., Tauginaičių km. (LATS 966)?

Τουλεοῦς, название замка (Proc. ae. 4, 11); сюда же -τουληνός в Βουη-τουληνός и под. См. Detschew Thr. SR 516. - Помимо этр. tule, лат. Tullius, Tullenos (Schulze ZGLE 246), малоазийск. Тулос, Туловн и др. (Sundwall LN 218; Zgusta Kleinas. PN 527), ср. прусск. Tulen, 1405; Tuleprast, ок. 1405, Tuliten, 1300; (Gerullis Apr. ON 188); Nom. propr. Tule, 1354; Tulicke; Tuledrauge, 1361; Tuledrawe; Tulegawde, 1396; Tulegedde, 1396; Tulegerde, 1313; Tulegide, 1354; Tulekand; Tulekinste, 1299; Tulekynte, 1356; Tuleclaws, 1389, TulekoYTE; Tulemavde; Tulemvse, 1398; Tulesway; Tuleswayde, 1334; Tuletarp; Tulewirde, 1457; Tulgedam, 1387; Tylizede, ок. 1207 и т.п. (Trautmann APN 108-110); лит. Tùlė, Tùlio upėlis (LUEV 176; Vanagas Liet. hidr. 45) и др.

Τουτενας. Nom. propr. (IGRP 3, 1374); сюда же Tutius Nom. propr. См. Detschew Thr. SR 516. - Ср. прусск. Nom. propr. Tutte, 1388, Thucz, Tutte (Trautmann APN 111); Thuthin, 1371 Gerullis Apr. ON 189; с иной интерпретацией - к лит. Tūtai). Вместе с тем заслуживают внимания этр. tutna, tute, tutial, лат. Tutinius, Tutius, Tutia (Schulze ZGLE 247), кельтск. Tutius Toutius (Holder AC 2, 2023); малоазийск. Τουτας, Τουτις, Τουτω, Τυτης и др. (Zgusta Kleinas. PN 523, 528) и, конечно, иллир. Tutia, Tutorina (Krahe Lex. 121). *Tut-(-en-). Впрочем, чтение фраз. слова не вполне надежно.

Τουτης, речное название (Const. Porphyrogen. de adm. imp. 40). См. Detschew Thr. SR 516. - Ср. объяснение Tomaschek Thr. II, 2,

98: и.-евр. *teu- с расширением -t-. Duridanov Thr.-D.St. 10, 12, 70, 91: к лит. Tūtupis, Tūtaka и др.

Транурага, местное название (TP 7, 5), См. Detschew Thr. SR 520. - Duridanov Thr.-D.St. 70, 88, 98: к лтш. Trani, Tranava; лит. Tranūysi и др.

Тракоβιζύ местное название (Not. episc. 10, 669). См. Detschew Thr. SR 520. О Βιζύη, Bizye, -βιζυη (ср. Καραβιζύη и т.п.). См. Thr. SR 61 и сл. Фрак. *Трап-, видимо, сопоставимо с прусск. Trops, 1447; Troplauken, 1387; Tropyten, 1336; Tropil. 1280, Trapel и др. (Gerullis Apr. ON 186-187); Nom. propr. Tropo, 1262 (ср. Troponi prutheno), Troppe (Tcautmänn APN 107); лит. Trapelių km., (LATS 971) и др.

Траῦος, речное название (Hdt. 7, 109). См. Detschew Thr. SR 521. См. Duridanov Thr.-D.St. 73: см. ниже Траусоί.

Траусоί, Trhausi, племенное название (Hdt. 5, 3; 5, 4; Steph. Byz. 632, 1; Liv. 38, 41, 5). См. Detschew Thr. SR 521. Duridanov Thr.-D.St. 73, 89, 99: к лит. Traūsupis, Traūsūnė и т.д. Вместе с тем следует иметь в виду прусск. Truso, 890 (Gerullis Apr. ON 187); м.б., Trausen, 1469 (позже - Trausen) - при Trusden, 1374-1379; Trausdytin, 1334 (Apr. ON 185, 187); лит. Truseikiškių km. (LUEV 973) и др. Если эти фрак. и балт. названия восходят к *Traus-, то уместно вспомнить о мнении Kretschmer Glotta 24, 1936, 38-41, согласно которому Θραῦνικες, Θραῦνες выводимо из *Траувикиες (ср. Steph. Byz. 632, 1: Траусоί, πόλις Κελτοῦς. ἔθνος οὗς οἱ Ἕλληνας

Ἰαγαεῦβρους ὀνομάζουσιν). Отсюда открываются еще более заманчивые перспективы, о которых см. в другом месте. Речь идет о trujeli в млиийской части стелы из Ксанфа, сопоставимой как с др.-греч. Τροιά, ионич. Τρωίη, (ср. м.б., фрак. Τροιαληνοί, этникон. Istanb. Forsch. 14, 1941, 59, Nr. 32, 17: из Вифинии. Thr. SR 527), так и, возможно, с ликийск. *Trus-, *Τρουσαδας, карийск. Τρουσης, Τρουλης, др.-греч. Τρως, Τρώες и др. Корень *trus-, как полагают, отражен и в фрак. Τροισαίς, Τροισίης, Τροισίς, Τρωσις, Troesmis, Trosmis, местное название к югу от Дуная в Scythia minor (теперь - Иглица, ср. др.-греч. ρύον 'тростник' < *trusom, ст.-сл. тръсть, лит. trusiai, trusis, лтш. trusis и т.п.), засвидетельствованные Ptol. 3, 10, 5, Proc. ae. 4, 11; Hier. Synecd. 637, 12; Const. Porphyrogen. de them. 47, 15e; Ovid. Ex Ponto 4, 9, 79; 4, 1; 15; CIL 3, 6188 и др. См. Thr. SR 527-528. Иное объяснение - Duridanov Thracia 1, 1972, 241 (ст.-лтш. Trousz, к лтш. traušs, лит. traušus, русск. Трухлий, ср. Nom. propr. Труха, Трушь).

Trullens(es), vic(ani), т.е. vicus Trullensium (CIL 3, 14409 и др.). - Duridanov Thr.-D.St. 30: к прусск. Drulit, лит. Drūlėny km., лтш. Drulis и т.д. Малодоказательно.

Τύλις, местное название (Polyb. 4, 46, 2; Steph, Byz. 640, 20; Suid.). См. Detschew Thr. SR 528; Vlahov. Nachtr. 263 (едва ли верно). - См. выше Τουλεοῦς.

Τυντηνοί, этническое название (Head HN 199). См. Detschew Thr. SR 528. - Duridanov Thr.-D.St. 70: к лтш. Tūnti, Tūntē, прусск. Thuntlawken и др.

Ἰπ(π)ίος, Nyrius, речное название (истоки реки в Ἰπία ὄρη, Nyrius mons), ср. Ἰπία πόλις (Scymn. 979-980; Ptol. 5, 1, 3; Scyl. 91; Arr. Per. P. Eux. 18; Steph, Byz. 651, 1; Plin. NH 5, 148; TP 9, 4; GR 3, 64, 9; Schol. ad. Apoll. Rhod. 2, 795 и др. См. Detschew Thr. SR 531-532. - Уже Jokl ERL 13, 289 (вопреки Tomaschek Thr. II, 2, 93: к др.-инд. ура и т.п.) сравнивал с лит. Ἰπέ сравнение, которое может быть дополнено за счет названий типа Ἰπέ, Upele, Upeleis, Upeleiai, Upeleine, Upeleis, Upeis, Upeiai, Upeina, Upeis, Upeu и т.п. (LJUEV 178-180) (?).

Ἰρκανία, местное название (Steph, Byz. 652, 3: Ἰρκανία, πόλις Ἰρκανίας. τὸ ἑθνικὸν Ἰρκανίος... καὶ Ἰρκανιάτης. ἔστι καὶ Ἰρκανία κόμη...). См. Detschew Thr. SR 532. - Несмотря на сложность в интерпретации анлаута и наличие сходного названия в южно-каспийской области (Ptol. 6, 2, 3; Steph. Byz. 652, 9 и др.), целесообразно иметь в виду прусск. Wurkus, 1313 (Gerullis Apr. ON 210); лит. Urka, Ūrkis, Ūrkupis, Uŕkupis (LJUEV 180); Urkuvėny km., Urkionių km. (LATS 977), м.б., верхнеднепр. Воркынец (< *Urk-ūn-, иначе ЛАВП 181), подмоск. Ворча (< *Urk-ia; иначе - Топоров БСл.Сб. 221) и т.п.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Bechtel PN - F. B e c h t e l .

Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Halle, 1917.

Без. - Балканско езикознание. София.

Bielenstein Gr. - A. B i e l e n s t e i n. Die Grenzen des lettischen Volksstammes. SPb. 1891.

Blese Kur. - E. B l e s e. Die Kuren und ihre sprachliche Stellung im Kreise der baltischen Volksstämme. "Congressus secundus archaeolo-

gum balticorum Rigaе, 19-23. VIII. 1930".

Blese LPV - E. B l e s e. Latviesu personu vārdu un uzvārdu studijas. I, Rīgā, 1929.

BNF - Beiträge zur Namenforschung. Heidelberg.

Būga KS - K. B ū g a. Kalba ir Senovė. I. Kaunas, 1922.

Būga LKŽ - K. B ū g a. Lietuvių kalbos žodynas. I-II. Kaunas, 1924-1925.

Būga RR - K. B ū g a. Rinktiniai Raštai. I-IV. Vilnius, 1958-1962.

- Данов Др. Трак. - Х.М.Д а н о в.
Древна Тракия. София, 1969.
- Дечев Хар. тр. ез. - Д. Д е -
ч е в. Характеристика на
тракийския език. София, 1952.
- Detschew Thr. SR. - D. D e t -
с h e w. Die trakischen
Sprachreste. Wien, 1957.
- Duridanov Thr.-D.St. - I. D u -
r i d a n o v. Thrakisch-
Dakische Studien. I. Die
thrakisch- und dakisch-bal-
tischen Sprachbeziehungen.
Sofia, 1969.
- Endzelīns LV. - J. E n d z e -
l i n s. Latvijas PSR viet-
vārdi, I, 1, 2. Rīgā, 1956-
1961.
- Endzelīns TN - J. E n d z e -
l i n s. - "Talsu Novads".
Rīgā, 1935.
- EAL - Ebert Reallexikon der Vor-
geschichte. Berlin.
- Фол Ист. трак. - А. Ф о л. Поли-
тическая история на траките.
София, 1972.
- Fraenkel LEW - E. F r a e n k e l.
Litauisches etymologisches
Wörterbuch. I-II. Heidel-
berg-Göttingen, 1962.
- Георгиев Тр. ез. - В. Г е о р -
г и е в. Тракийският език.
София, 1957.
- Georgiev Top.anc. - V. G e o r -
g i e v. La toponymie ancien-
ne de la péninsule Balkani-
que et la thèse méditerrané-
nienne. "Linguistique Bal-
kanique" III, fasc. 1. So-
fia, 1961.
- Gerullis Apr. ON - G. G e r u l -
l i s. Die altpreussischen
Ortsnamen. Berlin-Leipzig, 1922.
- Gl. - Glotta. Wien.
- Heubeck Lyd. - A. H e u b e c k.
Lydiaka. Untersuchungen zu
Schrift, Sprache und Götter-
namen der Lyder. Erlangen, 1961.
- Justi IN - F. J u s t i. Irani-
sches Namenbuch. Marburg,
1895.
- Krahe BIN - H. K r a h e. Balkan-
-illyrische geographische
Namen. Heidelberg, 1925.
- Krahe Lex. - H. K r a h e. Lexi-
kon altillyrischer Perso-
nennamen. Heidelberg, 1929.
- Krahe Spr. - H. K r a h e. Die
Sprache der Illyrier. I.
Wiesbaden, 1955.
- Kretschmer. Einl. - P. K r e t -
s c h m e r. Einleitung in
die Geschichte der griechi-
schen Sprache. Göttingen,
1896.
- Laroche. Noms - E. L a r o c h e.
Les noms des hittites, Pa-
ris, 1966.
- LATS - Lietuvos TSR administ-
racinis-teritorinis suskyr-
stumas. Vilnius, 1959.
- ЛАВН - В.Н. Т о п о р о в, О.Н.
Т р у б а ч е в. Лингвисти-
ческий анализ гидронимов
Верхнего Поднепровья. М.,
1962.
- LUEV - Lietuvos TSR upių ir ežerų
vardynas. Vilnius, 1968.
- Маштаков Днепр. - П.Л. М а ш -
т а к о в. Список рек Днеп-
ровского бассейна. СПб.,
1913.
- Маштаков ДБ - П.Л. М а ш т а -
к о в. Список рек бассейна
Днепра и Буга (Южного). Пг.,
1927.

- Mayer Spr. Ill. - A.M a y e r .
Die Sprache der alten Illy-
rier. Wiesbaden, 1955.
- Mažiulis PKR - V.M a ž i u l i s .
Prūsų kalbos paminklai. Vil-
nius, 1966.
- ME - K.M ü l e n b a c h a u n
J.E n d z e l Ī n a Latvi-
ešu valodas vārdnīca. I-IV.
Rīgā, 1923-1932.
- Mihalov. Inscr. - G.M i h a -
i l o v. Inscriptiones Grae-
caae in Bulgaria repertae.
I. Serdicae, 1970.
- PB - W.P a p e , G.B e n s e l e r .
Wörterbuch der griechischen
Eigennamen. I-III. Graz,
1959.
- Plāķis LVV. - J.P l ā ķ i s .
Latvijas vietu vārdi un
latviešu pavārdi. I-II. Ri-
ga, 1936-1939.
- RA - Revue Archeologique. Paris.
Robert Carie - L. e t J. R o -
b e r t. La Carie. Paris,
1954.
- Rospond SXPZP - S.R o s p o n d .
Słownik nazw geograficznych
Polski Zachodniej i Połno-
cnej. I-II. Wrocław-Wars-
zawa. 1951.
- Rozwadowski Nazwy - J.R o z -
w a d o w s k i Studia
nad nazwami wod słowiańskich.
Kraków, 1948.
- Russu LTD - I. I. r u s s u . Lim-
ba traco-dacilor. Bucureș-
ti, 1967.
- СБА - Списание на Българската
Академия на науките. София.
- Schulze ZGLE - W.S c h u l z e .
Zur Geschichte lateinischer
Eigennamen. Berlin, 1904.
- Симпоз. 1972 - I-Й Симпозиум по
античной балканистике. М.,
1972.
- Skardžius Liet.vand. - P.S k a r d -
ž i u s. Lietuvių vanden-
vardžiai su -nt-. Ju dary-
ba, kilmė ir reikšmė. -"Li-
tuanistikos darbai" III,1.
1973.
- Skardžius LKZD - P.S k a r d -
ž i u s. Lietuvių kalbos
žodžių daryba. Vilnius, 1943.
- Спрогис ГСЖЗ - П.Я. С п р о г и с
Географический словарь
древней жемайтской земли
XVI столетия. Вильна, 1888.
- Stud.Balc. - Studia Balcanica
5. L'ethnogenèse des peup-
les balkaniques. Symposi-
um International sur l'ethno-
genèse des peuples balkani-
ques. Sofia. 1972.
- Sundwall LN - J.S u n d w a l l .
Die einheimischen Namen der
Lykier nebst einem Verzei-
chnisse kleinasiatischen
Namenstämme - "Klio", 1,
Beiheft. Leipzig, 1913.
- Tomaschek Thr. - W. T o m a -
s c h e k. Die alten Thra-
ker. I-II. "Sitzungsberich-
te der Akademie der Wissen-
schaften in Wien". Wien,
1893-1894.
- Thracia - I. T h r a c i a . Pri-
mus Congressus Studiorum
Thracicorum. Serdicae. 1972.
- Топоров Илл.-б. - В.Н. Т о п о -
р о в. Несколько иллирийско-
балтийских параллелей
из области топониматики.
"Проблемы индоевропейского
языкознания". М., 1964.

- Топоров БНар. - В.Н. Т о п о -
р о в. О балтийском элемен-
те в гидронимии Верхнего
Нарева. "Studia linguistica
slavica baltica". Lund, 1966.
- Топоров Slav. Prag. - В.Н. Т о -
п о р о в. О балтийских эле-
ментах в гидронимии и топо-
нимии к западу от Вислы.
"Slavica Pragensia", VIII.
Pragae, 1966.
- Топоров БСл. Сб. - В.Н. Т о п о -
р о в. "Baltica" Подмос-
ковья. "Балтославянский
сборник". М. 1972.
- Топоров Фр.-балт. - В.Н. Т о -
п о р о в. К фракийско-бал-
тийским языковым параллелям
I". "Балканское языкозна-
ние". М., 1973.
- Топоров Др.-балк. - В.Н. Т о -
п о р о в. К древнебалканс-
ким связям в области языка
и мифологии. Наст. сб.
- Трубачев НИУ - О.Н. Т р у б а -
ч е в. Названия рек право-
бережной Украины. М., 1968.
- Trautmann EOSON - R. T r a u t -
m a n n. Die Elb- und Ost-
seeslawischen Ortsnamen.
I-III. Berlin, 1948-1956.
- Trautmann MH - R. T r a u t m a n n
Die slawischen Ortsnamen Mec-
klenburgs und Holsteins.
Berlin, 1950.
- Trautmann APN - R. T r a u t -
m a n n. Die altpreußischen
Personennamen. Göttingen,
1925.
- TZ - Tauta ir Žodis. Kaunas.
- Vanagas Liet. hidr. - A. V a -
n a g a s. Lietuvos TSR hid-
ronimų daryba. Vilnius, 1970.
- Vasmer ISR - M. V a s m e r .
Untersuchungen über die äl-
testen Wohnsitze der Sla-
ven. I: Die Iranier in Süd-
rußland. Leipzig, 1923.
- Фасмер ЭСР - М. Ф а с м е р. Эти-
мологический словарь рус-
ского языка. I-4. М., 1964-
1973.
- Vlahov Nachtr. - K. V l a h o v .
Nachträge und Berichtigun-
gen zu den thrakischen Spra-
chresten und Rückwörterbuch.
- "Годишник на Софийския
Университет. Филологически
факултет". Т. 57, 2. София,
1963.
- WS - Wörter und Sachen. Heidel-
berg.
- Würzb. Jb. - Würzburger Jahr-
buch. Würzburg.
- Zgusta PN griech. St. -
L. Z g u s t a. Die Perso-
nennamen griechischer Städ-
te ber nördlichen Schwarz-
meerküste. Prag. 1955.
- Zgusta Kleinas. PN - L. Z g u s -
t a. Kleinasiatische Perso-
nennamen. Prag. 1964.
- Златковская Возн. - Т.Д. З л а т -
к о в с к а я. Возникновение
государства у фракийцев
VII-V вв. до н.э. М., 1971.
- Zucker. Stud. - F. Z u c k e r .
Studien zur Namenkunde hel-
lenischer und vorhelleni-
scher Zeit. - Sitzungsberich-
te der Deutschen Akademie de
der Wissenschaften zu Ber-
lin". 1952.
- Zwoliński HW - P. Z w o l i ń s -
k i. Hydronimia Wisły. Cz. 1.
Wrocław-Warszawa-Kraków. 1965.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К УПОМИНАНИЮ ДВУХ ГРУПП ФРАКИЙСКИХ ПЛЕМЕН В «ИЛИАДЕ»

Наличие в Илиаде двух племенных групп фракийцев — факт общеизвестный как в гомероведении, так и в фракологии¹. Проблема заключена в другом: можно ли обе данные этнические группы считать реальными участниками Троянской войны? Действительно в тексте поэмы одно племенное объединение фракийцев упомянуто в самом начале в перечне ратей, сражающихся на стороне троянцев, где они выступают под предводительством Пейроса и Акаманта; эти фракийцы обитали в Эгейской Фракии в непосредственной близости к Геллеспонту, см. В 844—845: αὐτὰρ Θρήϊκας ἤγ' Ἀκάμας καὶ Πείροος ἦρας, ὄσσους Ἐλλάσποντος ἀγαυοὺς ἐντὸς ἕέργει. В Δ 520 Пейрос назван Имбрасидом, что существенно для нашего последующего изложения, пришедшим из г. Айнос, который находился в устье Хэброна, см.: Πείρωας Ἴμβρασίδης, ὅς ἄρ' Ἀίνονεν εἰληλοῦθει. Другая группа фракийцев, фигурирующая в X песне Илиады, прибыла под Трою, предводительствуемая царем Ресом, значительно позже, возможно, на 10 год войны. Долон, отвечая на вопрос Одиссея, характеризует фракийцев Реса как "вновь пришедших, расположившихся на ночлег в стороне, с краю от других", см. К 434—435: Θρήϊκες οἳ δ' ἐπ' ἄνωγε νεφέλυδες, ἔσχατοι ἄλλων ἐν δέσπιν Ῥῆσος βασιλεύς πάϊς Ἴτιονῆος; и именно поэтому, надо полагать, последняя группа фракийских племен не перечисляется в "Каталоге кораблей". Согласно мифолого-исторической традиции, владения царя Реса, продолжавшего после смерти свое существование в качестве духа-прорицателя в пещере на горе Пангей, располагались в долине Стримона, см. Pulyaen 6, 53: "Ἀγώνες Τροίαν ἔλεμφεν ἄνδρας, οἳ τὸ Ῥῆσου σημεῖα νύκτωρ ἀνορούξαντες ἀνείλοντο τὰ δοτᾶ καὶ καταθέντες τὰ δοτᾶ ἐς χλαμύδα πορφυρῶν κομίζουσι ἐπὶ τὸν Στρυμόνα; к упомянутому гом. патронимикону πάϊς Ἴτιονῆος ср. название города в устье Стримона в окрестностях Амфиополя — Ἴτιων². Не случайно, согласно

¹ Из сравнительно новых работ по этому вопросу см.: V. Velkov. Thraaker und Phryger nach den Epen Homers. "L'ethnogenèse des peuples balkaniques. Symposium international sur l'ethnogenèse des peuples balkaniques. Plovdiv, 23-28 avril 1969". Sofia, 1971, стр. 279 сл. (с литературой).

² О локализации владений Реса в нижнем течении Стримона в районе

наиболее распространенной мифологической традиции, Рес был сыном речного потока Стримона; в трагедии Эврипида "Рес" он появляется как приемный сын стримонской нимфы. Более того, область, подвластная Ресу, простиралась, видимо, до Родоп или даже включала их западную часть, ср. Philostr. Her. 680: Ῥῆσος γάρ, ὅν ἐν Τροία Διομήδης ἀπέκτεινε, λέγεται οἰκεῖν τὴν Ῥοδόπην... λέγεται δ' ὁ ἦρως οὗτος καὶ λοιποῦ ἐρύκειν τοῦ ὄρους, πολυανθρωποτάτῃ δ' ἡ Ῥοδόπη καὶ πολλαὶ περὶ τὸ ἱερὸν αἱ κῆμαι.

Таким образом, данные этнические группировки фракийцев разграничены не только хронологически (в рамках канонизированного корпуса текстов Илиады), но и территориально (в плане географических реалий). Имеются основания предполагать, что подвластная Ресу область вообще достаточно далеко простиралась вглубь континента вверх по течению Стримона, ср., кроме цитированного выше сообщения Филострата, важное замечание Страбона относительно происхождения населения прибрежного района и окрестностей вокруг г. Датон в долине Стримона: ἔστι δ' ἡ χώρα ἡ πρὸς τὸ Στρυμόνος πέραν, ἡ μὲν ἐπὶ τῇ θαλάττῃ καὶ τοῖς περὶ Δάτον τόποις Ὀβδραντες καὶ Ἄβωνοί καὶ Βισάλται, οἳ τε αὐτόχθονες καὶ οἱ ἐκ Μακεδονίας διαβάντες, ἐν οἷς Ῥῆσος ἐβασίλευσεν (Strab. VII frg. 36)³.

В литературе по гомеровскому вопросу давно обращено внимание на разительную неадекватность сведений о фракийцах Пейросе, с одной стороны, и фракийцах Ресе, с другой, и отмечен изолированный характер X песни Илиады как по языку, так и композиционно⁴; особенно это касается самого эпизода с Ресом, где описание его замечательных коней, колесницы, доспехов и прочего вооружения (К 436 сл.) продиктовано скорее стилистико-поэтическими соображениями и противоречит

г. Эйон см.: U. W i l l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f. Homerische Untersuchungen. "Philologische Untersuchungen" 7. Berlin, 1884, стр. 27, 413. О н ж е. Die Ilias und Homer. 2. Aufl. Berlin, 1920, стр. 64; E. M i r e a u x. Les poèmes homériques et l'Histoire Grecque, II (l'Illiade, l'Odyssee et les rivalités coloniales). Paris, 1949, стр. 310; ср.: Д. П. Д и м и т р о в. Исторически мотивы в драмата "Резосъ". "Известия на историческото дружество въ София", X (1930). София, 1931, стр. 13; Д. Т. З л а т к о в с к а я. Возникновение государства у фракийцев. (VII-V вв. до н.э.). М., 1971, стр. 202 сл.

³ См. обширную сводку эксерпций, относящихся к фракийскому царю Ресу, из античных памятников в кн.: D. D e t s c h e w. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, стр. 395-397.

⁴ См.: P. M a z o n. Introduction à l'Illiade. Paris, 1942, стр. 182; E. M i r e a u x. Указ. соч., стр. 307 сл.

археологическим данным относительно уровня их материальной культуры в эпоху Троянской войны (последняя четверть II тысячелетия)⁵ и более соответствует уровню развития эгейских фракийцев в VII-VI вв. до н.э.⁶, которые экономически и социально опередили жителей континентальной Фракии, обитавших на территории совр. Болгарии⁷.

Мало того, с античных времен X песнь (в античной нотации K) не без оснований квалифицируется в качестве позднейшей интерполяции, осуществленной в процессе кодификации текста поэм при Писистрате и, возможно, по его настоянию, так как тиран проявлял особый интерес к Эгейской Фракии с ее рудниками драгоценных металлов (Пангей, Скаптесиле, Датос). В одной схолии к K (кодекс Townleyanus), прямо написано: *ἄσσι τὴν ῥαφωδὸν ἄν ὄφ' Ὀμήρου ἐδ' ἅ τετὰ χρᾶι καὶ μὴν εἶται μέρος τῆς Ἰλιάδος, ὅλο δὲ Πεισιστράτου τετὰχ θαι εἰς τὴν ποιησιν.* Многие ученые нового времени сходятся на том, что K была сочинена чуть ли не в VI в. до н.э. и отражает в эпизоде с Ресом борьбу греков с фракийцами за города Абдеру и Маронею, а также обстоятельства колонизации о.Фасос⁸. Последнее мнение, сколь оно не притягательно для некоторых построений, базирующихся на стремлении непосредственно согласовать отдельные культурно-исторические аксессуары K с уровнем социально-экономического развития Фракии в VI в. до н.э., следует признать слишком смелой и мало оправданной конъектурой. В поэтической ткани песни достаточно реалий, например, вооружение Диомеда и Одиссея, типичное для микенской эпохи, в совокупности с эолийско-ионическими чертами гомеровского диалекта, явственно присутствующими в тексте K, чтобы не сомневаться в исторически конкретной подоплеке эпизода с Ресом, соотносимой с периодом Троянской войны; именно поэтому, надо полагать, с драматической смертью, погребением и происхождением Реса связано такое большое количество

5 J. W i e n e r. Die Thraker. Studien zu einem versunken Volk des Balkanraumes. Stuttgart, 1963, стр. 33 сл.; 54 сл.

6 V. V e l k o v. Указ. соч., стр. 280, 282; Т.Д.З л а т к о в с к а я. Указ. соч., стр. 199 — оба со ссылками на работы болгарского археолога Д.П.Димитрова.

7 Хр.М.Д а н о в. Древна Тракия. София, 1969.

8 E. B e t h e. Die Sage vom troischen Kriege. Homer, Dichtung und Sage, III. Leipzig-Berlin, 1927, стр. 64; U. W i l l a m o w i t z-M o e l l e n d o r f f. Die Ilias und Homer, стр. 62 сл.; об изолированном характере K и ее позднем включении в Илиаду см. еще: А.Ф. Л о с е в. Гомер. М., 1960, стр. 54; Р. М а z o n. Указ. соч., стр. 182 сл., 277 сл.; Е. М i g e a u x. Указ. соч., стр. 310 сл.; ср. Т.Д.З л а т к о в с к а я. Указ. соч., стр. 198 сл. с литератур.

литературно-мифологических версий. Кстати, важным показателем аутентичности основы К может служить тот факт, что единственное в своем роде свидетельство об этническом составе союзников троянцев содержится как раз в этой песне (К 428-431), причем из 9 народностей, перечисленных в указанных стихах, по крайней мере 5: пеоны, кауконны, мизийцы, фригийцы и пеласги — происходят с Балканского полуострова.

Необходимо в этой связи указать на одно общее положение. С прогрессом науки — имеются в виду дешифровка крито-микенских памятников, новейшие исследования по древней истории, географии и мифологии — очевиднее становится достоверность большинства историко-культурных и этнических фактов, составляющих реальную основу поэтического текста гомеровских поэм. Естественно, этот текст хронологически разнопланов, в отдельных частях несет печать модернизации и поэтому нуждается в стратиграфическом комментарии, но это в любом случае не дает права отделять все действительное содержание отдельных песен от эпохи исторических событий, отраженных в Илиаде, по крайней мере промежутком в 5 веков, и лишать их тем самым конкретно-исторического содержания, относящегося к периоду Троянской войны. По нашему глубокому убеждению, гомеровские поэмы, будучи в полном значении слова поэтической обработкой народного устного эпоса, в конечном счете являются отражением действительного хода событий и исторических условий (см. географию и этнический состав Трои). Модернизация, наряду с сохранением некоторых очень архаических черт, например, похороны Патрокла, коснулась только отдельных деталей повествования; к их числу принадлежит, возможно, и описание коней и вооружения Реса. Думается, надо всегда помнить, что канонизированный текст гомеровских поэм — литературное произведение *par excellence* со всеми вытекающими из этого последствиями. Само же позднее включение К в Илиаду отнюдь не отвергает возможности ее самостоятельного существования и исполнения рапсодами, помимо песен, составляющих сюжетный костяк Илиады. В этом смысле К мало чем отличается от ряда других поэтических отрывков гомеровских поэм, впервые канонизированных при Писистрате.

В свете изложенного участие в Илиаде двух различных этнических группировок фракийцев, разграниченных хронологически и прибывших под Трою из достаточно отдаленных географических районов Балкан — предстает в качестве факта, отражающего реальные черты этнической ситуации доисторической Фракии, которую, согласно античным источникам, населяло около сотни родственных племен.

В дополнение к этому, некоторые языковые данные, полученные в процессе совокупного анализа фракийских лингвистических реликтов, осуществленного в подготовленной нами к печати монографии "Древ-

нейшая ономастика Восточных Балкан. (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы)" создадут конкретные импульсы для постановки вопроса, нуждающегося в дальнейшей разработке, о наличии двух топонимических ономастических поясов, отличающихся определенным диалектным своеобразием, пространственно совпадающих (в известном приближении) с Эгейской Фракией, с одной стороны, и ареалом фракийских племен, обитавших в более северных областях континентальной части Балканского полуострова, с другой, что в трансформированном виде могло найти отражение в гомеровских свидетельствах о двух группах фракийских племен.

Ниже приводится лингвистический материал.

ΟΝ Πέρραμον, Πέρραμος (оба города на западе Эгейской Фракии) = ἡ Πέρραμος, τὸ Πέρραμον, τὰ Πέρραμα, цитадель в Трое - миз. ΟΝ Πέρραμος, Πέρραμον, ср. крит. ΟΝ Πέρραμον, Περραμία, килик.-исавр. ΟΝ Πέρραμη; та же основа, производная и с другими суффиксами, соотносимая с хетт. parku- 'высокий и пр.,' чрезвычайно широко распространена в зап. Малой Азии; и.-е. *bherg'h- : *bherg'h(u)- 'высокий, возвышаться'.

Следующие моменты вынуждают нас искать причины глухого начала фракийского Πέρραμον/-ος в хетто-лувийской ономастической и апеллативной лексике Анатолии. 1. Наличие в фрак. топонимике большого и кучно расположенного пласта производных от основы, восходящей к тому же и.-е. корню, но с звонким губным в анлауте, обозначающих географические объекты, расположенные в сравнительном отдалении от побережья Эгейского моря, некоторые же в глубине континента: Βέρρη/-α - селение на зап. берегу Πρασιῶς λίμνη в 200 стадиях от Амфиополя, в владениях племени Βιάλλαται, обитавшего в верхней части нижнего течения Стримона, с производным Βερραίος (этнокон от Βέρρη, см. St. В. s.v.) - имя бизалтийского династа (400-350 г. до н.э.); Βερρέ-πολις - селение, видимо, в нижнем течении реки Неста⁹, Βέρρισον - castellum в верхнем течении реки Хеброс, Βεργούλε (Bergule, Virgolis, этнокон Vergule(n)sis) - город, ныне Люле Бургас, в Турецкой Фракии, на реке Эргенс, древнее Βερρινός. Сюда же два castellum близ Бугарака (Бугарама), округ Софии, Βρεγγε-δαβα, Βέρ-βρεγγас не совсем ясным на почве фракийского метатезным слогом ρε. 2. Невозможность объяснить непротиворечивым образом в пределах фракийского на фоне указанных фактов глухой смывный в стоящей особняком фрак. лексеме Πέρραμον/-ος а также близость западно-малоазийского ареала названий от родственной основы, содержа-

⁹ См.: В л . Г е о р г и е в. Тракийската дума рара и походит на Александър Македонски към Истрос. "Известия на Института за български език". IX, 1962, стр. 26.

щей начальный р, где оно получает закономерно по передвижению согласных в и.-е. основе, претерпевшей диссимиляцию придыхательных (и.-е. *b^herg'h- > berg'h-). 3. Обращает на себя внимание и незавидительствованность мо-производных в ортодоксальных фрак. лексемах.

При практически полном отсутствии хетто-лувийских проникновений в топонимику гомеровской Трои в совокупности с ее ярко выраженным фракийским и шире - балканским характером, как показало наше упомянутое выше исследование, гом.-троянское Πέρυαμον/-ος, Πέρυαμα (τὰ), тождественное специально изученным топонимам из Эгейской Фракии, предстает в качестве своего рода обратного заимствования.

Но *Ιβη, *Ιβακος (оба в Фракийском Херсонесе) = *Ιβη, дор. *Ιβα, гора в Трое, горная цепь на границе Мизии и Фригии, ср. тождественное название горного массива в центре Крита, - продуктивная, по большей части теофорная, ономастическая основа *Ιδα- в ряде антропонимов, хорошо толкуемых на почве анатолийских языков: лик. Ιβα-ροη, Ιβα-της, кар. Ιβα-γυος, Ιβα-κ-ος, а также топонимов: кар. Ιβυα и пр. 'Ιβαρνη; на апеллативном уровне - догреч.-анат. ζβη, дор. ζβα 'лесистая гора, (горный) лес, корабельный лес', и.-е. *uidh^u-ā. Как и в случае с Πέρυαμον/-ος, в континентальной Фракии имеются ортодоксальные фрак. формы, восходящие к той же и.-е. основе: (ON) Bizye (Βιζύη и пр.) - главный город фрак. племени астов, обитавшего в районе горы Странджа в предгорьях Хэмуса, со стороны Черноморского побережья, совр. турецк. Vizze; Τραλο-Βιζυη (Τρα-Βιζυη) - город в районе Хэмуса; Βιζύωνη (Bizone) - город на Черном море, совр. Каварна; Βιζύω - кастель в Dacia mediterranea; форма Βιζύη (начинающая со Страбона), византийск. Βιζύη (ο < u) сохраняют в греческих передачах следы начального билабиального; зияние и место ударения в этих формах, возможно, указывают на первоначальное фрак. *uid(u)-α, затем dia > zue, ср. варианты Βιζύη - Bizzis, Bize. Таким образом, налицо полный изоглосный изоморфизм рассмотренному в предыдущем пункте фрак. Πέρυαμον/-ος, включая мысль о возможности обратного проникновения названия горного кряжа в Трое геер. Мизии - *Ιβη в топонимику северо-западного угла Малой Азии от фракийских племен, заселивших эти территории ко времени Троянской войны.

FN *Αρ-ισβος, (по косвенным данным река в Эгейской Фракии), ON 'Αρ-ισβη (Лесбос, Беотия) = троянск.-гом. ON 'Αρ-ισβη; м.-аз. основа -ισβα : -ισπα < *isva ≈ лув. иер. ašūwa лошадь (и.-е. *ek'uo-) в FN: памф. Μαγασ-ιφ ας, писид. Μασταν-ισβας, исавр. Δορμ-ισβας, килик. Δορμ-ισπας.

В более северных (континентальных) областях Фракии элементу -ισβος противостоит ряд ономастических образований от тождественной основы, имеющей в анлауте более открытый гласный е (в одном случае а): эпитеты конного бога Хэроса Βετ-εσπιος, Οβετ-εσπιος, Ουτ-ασ-

πτος, букв. 'верховой, (сидящий) на коне' (в надписях из района Варны); критерий достоверности данного толкования в кальке-эпитете 'Επιπτος = греч. ἐπίπτος; элемент οὔτ- и т.д. идентичен др.-инд. ut- 'на', греч. (кипр.) ὄ в ὄ τύχα=επίτυχη и пр.

Исконно фракийский апеллатив, в реконструкции *esbi-/e = лик. esbe- конь, в группе PN также в надписях из континентальной Фракии (северу от параллели Никополь на Несте): Εξβενις, Εσβενις, Esbenus, Nezbenus, Nesbenus (-zb- -sb- под влиянием последующего звонкого губного); формы с Н в лат. передачах также вторичны, аналогично греч. Ἴπλος при Ἴκμος; чистая апеллативная i-основа на уровне ономастики в PN *Autesbi-s (исправление транскрипции Ливия Autlesbis - с большим числом разночтений по рукописям).

Ἰμβρασιδης - патронимикон Пейроса - вождя фракийцев, живших в области, примыкавшей к Геллеспонту, т.е. в Эгейской Фракии, засвидетельствованный единожды в Δ520 (см. выше); интересующая нас основа Ἰμβρασ-, по всей вероятности, в Ἰμβρασος - название о.Самос и реки, являющейся, по Ст.Византийскому, его эпонимом; непрямая основа, без сибилантного расширителя, в названии фрак. острова близ Самофракии у входа в Геллеспонт - Ἰμβρος; - лик. патронимикон Imbrasidas, PN Ipresida с денализацией, теоним-эпитет Гермеса в Кариѣ Ἰμβρασος = Ἰμβρασος, многочисленные м.-аз. PN: кар. Ἰμβρασ(σ)ις, Ἰβρασις, лик. Ἰμβρασιος = троянск.-гом. PN Ἰμβρασιος, ср. эпитет Геры и реке других богов Ἰμβρασις и т.д. Ἰμβρανος, Εμβρομος (также писид.); лик. туземн. PN Hēpruma, Hēprāma и пр.; название горы и кастелля в Кариѣ Ἰμβρος, имя зятя Приама Ἰμβριος, видимо, фракийское по происхождению, лув. ^DImmaršija, DINGIR MEŠ imrašši [s] = упомянутому кар. Ἰμβρασ(σ)ις, ^DImmarni - божество степи и пр., PN Immara-ziti и т.д.; на апеллативном уровне: im(ma)ra/i-, gen. adj. immarašši- 'равнина, степь' - хетт. коррелят kim(ma)ra-.

Следы туземного раннеанат. лув. божества степи Immaršija и пр. в эпитете кар. Гермеса Ἰμβρασος (в одной из изначальных функций греч. Гермес - покровитель стад домашних животных, способствующий размножению). Ареал распространения основы Ἰμβρασ- (Эгеида) при отсутствии других ее реализаций на территории Фракии, кроме рассматриваемого Ἰμβρασιδης, наряду с указанными выше фактами ранне- и позднехетто-лувийских языков, обуславливает весьма значительное правдоподобие предположения о заимствовании данной теофорной основы из Анатолии; вероятно, неиндоевропейский характер лув. im(ma)ra- служит дополнительным аргументом в пользу собственно анатолийского источника отмеченной изоглоссы: -δης - чисто греческий патронимический суффикс, полученный в процессе адаптации; губной звук (β греч. передача = лик. туземн. p) возник в позднелувийских

продолжениях сочетания носовой + плавный -m(m)г- в формах типа im-ra (šši)-, аналогично известной греческой закономерности.

Схематично распределение лексем по двум топонимическим поясам можно представить в виде следующей таблицы:

Т а б л и ц а 1

и.-е. праформа	Эгейская Фракия	Прочая территория Фракии к северу
*bherg'h-: bhr̥g'h-	Πέρυαμον, Πέρυαμινος ≈ М.-аз. ОНОМАСТИКА С ОСНОВОЙ Πέρυ- И ПР., ХЕТТ. parku-	Βέρρη/-α, Βεργέ-πολις, Βεργούλη, Βρεγγε-δάβα, Βορ- -βρεγγα = ГЕРМ. *berg : burg, СЛАВ. *berg
*uidh̥u-ā	*Ιδα, *Ιδαμος, М.-аз. ОНО- МАСТИКА С ОСНОВОЙ Ιδα-	Bizye (Βιζύη), Bizis И ПР., Τραπο-Βιζύη, Βιδζώνη, Βιδζώ
*ek'uo-	*Αρ-ισβος И ПР. = М.-аз. -ισβα: -ισπα < *iswca, ЛУВ. aswca 'Ιμβρασίδης, *Ιμβρασος ≈ М.-аз. ОНОМАСТИКА С ОСНОВОЙ 'Ιμβρασ-, ЛУВ. im(ma)ra/i-, GN Imaršija, Imrašši[š]	Βετ-εσπιος, Ούετ-εσπιος, Ούτ-αспиос ΕΖΒΕΝΙΣ, Εσβενις, Hezbenus

ХЕТТСК. *PURULLIJA*, ЛАТ. *PARĪLIA*,
PALĪLIA И ИХ БАЛКАНСКИЕ ИСТОКИ

В хеттских текстах словом *purullia*- обозначается один из самых значительных религиозных праздников у хеттов, приуроченный к самому началу весны. Основные сведения (впрочем, весьма общего характера) о празднике *purullia*- содержатся в известном отрывке из "Анналов Мурсилиса" (КВо II, 5 = 2 ВоТУ62):

- III. 38. ma-aḥ-ḥa-an-ma ḥa-mi-eš-ḥa-an-za ki-ša-at
 39. nu EZEN p u - u - r u - l i - i a - a š ku=tt GAL-in
 (EZEN-aḥl...
 40. A=NA^D URU^U ḥa-at-ti Ḫ A=NA^D URU^U Zi-ip-pa l-la-an-da
 41. i-ia-nu-un I=NA É ḥé-eš-ti-ma A=NA^D Li-el-ua- [ni]
 42. EZEN p u - r u - l i - i a - a š GAL-in EZEN-an Ḫ-Ul i-
 -ia-nu-un
 43. nu-kán URU^U ḥa-at-tu-ši ša-ra-a ú-ua-nu-un
 44. nu A=NA^D Li-el-ua-ni I=NA É ḥé-eš-ti-i
 45. EZEN p u - u - r u - l i - i a - a š GAL-in EZEN-an i-ia-
 -nu-un
- III. 38. Als es aber Frühjahr wurde,
 39. -weil ich das *purullia*-Fest, das große [Fest],
 40. dem ḥattischen Wettergotte und dem Wettergotte von Zippa-
 landa
 41. gefeiert hatte, im ḥešti-Hause aber der Lelwaniš
 42. das *purullia*-Fest, das große Fest, nicht gefeiert hatte,
 43. kam ich nach Ḥattuša hinauf
 44. und feierte der Lelwaniš im ḥešti-Hause
 45. das *purullia*-Fest, das große Fest¹.

В этом отрывке существенно, что *purullia*- празднуется в е с - н о й (в начале года, и тем самым принадлежит к регулярно, раз в год повторяемым праздникам, фиксирующим н а ч а л о годового

¹ A. G ö t z e. Die Annalen des Muršiliš.- MVAeG 38, Hf. VI, Leipzig, 1933, стр. 188-191. Другие описания праздника - KUB XXV 31; Во 3127; Во 3251; Во 4962; см. теперь: В. Н а а с. Der Kult von Nerik. Ein Beitrag zur hethitischen Religionsgeschichte. Rom. 1971 (= Studia Pohl), стр. 252-255 (тексты), 43-50 (о самом празднике). Ср. также: Th. Н. G а s t e r. Thespis, стр. 336, ср. также 316 и след.

цикла)² и что он представляет собой ритуал, посвященный богу Грозы³. Связь этого ритуала с высшим благосостоянием страны подчеркивается во вступительном слове жреца города Нерик: ud-ni-ua ma-a-ú še-eš-du nu-ua ud-ni-e ra-aḥ-ša-nu-ua-an e-eš-du nu ma-a-an ma-a-i še-eš-zi nu UZEN ru - ru - ul - li - i - a - a ḫ i-ia-an-zi (A I, 3-3) "Страна моя да процветает и да покоится. Страна да будет защищена. И она процветает и покоится, совершают праздник purullia-". Из этого с очевидностью следует, что purullia- не просто один из основных праздников хеттов, а главная нны праздник года, праздник по преимуществу, обладающий максимальной сакральностью, приуроченный к самой сакральной временной точке - переходу от старого года к новому году. Существенно участие царя в этом празднике⁴. Не случайно, что все специалисты сейчас определяют purullia- именно как "Neujahrsfest". Многочисленные типологические аналогии могли бы еще более подкрепить эту точку зрения⁵. Обычно к переходу от старого года к Новому приурочивают основной миф о борьбе бога Грозы (Громовержца) с его противником (Змеем). Собственно говоря, этот миф используется как этиологический аргумент ритуала перехода к новому году. (Поэтому весьма ха-

² В отличие от внеочередных жертвоприношений. Впрочем, и purullia- мог быть передвинут, если этого требовали государственные интересы (ср. KUB XIII 4 II 52 ff.). См. A. G ö t z e. Kulturgeschichte des Alten Orientes. 3. Abschn., 1. Unterabschn. Kleinasiens. München. 1957, стр. 165.

³ В этой связи заслуживает внимания противопоставление Лелвани, божеству подземного царства, соответствующему аккадской богине ALLATUM. О Лелвани см.: E. L a r o s h e. Recherches sur les noms des dieux hittites. Paris, 1947, стр. 75; H. O t t e n. Die Gottheit Lelvani der Bogazkoy-Texte, - JCS 4, 1950, стр. 129 и сл.

⁴ Ср.: ma-a-an-za L [UGAL-u] ḫ I-NA URU Ne-ri-i [k-ki?] EZEN wu-ru-ul-li i-ia-zi "когда царь в Нерике на праздник purullia приходит (совершает, празднует)... "(Во 4962, 1-2). В Во 3127, 6 в сходной ситуации названа и царица (SAL. LUGAL-aš-ša...).

⁵ Помимо теоретического обоснования в целом ряде исследований М. Элиаде, ср. в связи с конкретными традициями: F. V. J. K u i p e r. The Ancient Verbal Contest. - IJ 4, 1960, стр. 217 сл.; Cosmogony and Conception: a Query. "History of Religions" 10, 1970, стр. 91 сл. и др.; В. В. И в а н о в, В. Н. Т о п о р о в. Исследования в области славянских древностей. М., 1974; В. Н. Т о п о р о в. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией "мирового дерева". "Труды по знаковым системам" V. 1971, стр. 9 сл. и др.

рактрно, что соответствующий хеттский миф о поединке бога Грози со Змеем (хеттск. illuianka- 'змея, дракон') непосредственно включен в ритуал purullija-⁶. Сам миф, известный в двух версиях, как и барельеф из Малатьи, изображающий борьбу богов с Змеем, кажется, не обнаруживает деталей, которые бы помогли интерпретировать само слово purullija-. Следовательно, на этом этапе, имея в виду общий характер праздника purullija-, приходится обратиться к деталям лингвистического плана. Purullijas в EZEN pu-u-ru-li-ia-aš⁷ справедливо понимается как Gen. i- основ среднего рода, т.е. от purulli- (ср. КУВ XXII 31 Vs. 2, 7, 12, 15)⁸, ср. и Adj. purullisšai- (КУВ XV 34 IV 55), также указывающее на i- основу. Приводилось еще в связи с purulli- Nom. propr. Purilimiš (КУВ XII 2 III)⁹, содержащее тот же корень, расширенный суффиксом -imiš (лувийского происхождения)¹⁰ ср. Alawaimiš, Pihaimiš, Šarlaimiš и др. Таким образом, собственно лингвистические данные достаточно скудны и сами по себе не дают возможностей для более далекоидущих суждений, в частности, об этимологии слова и соответственно о его происхождении (иное дело, конечно, сведения о местах, где отмечался этот праздник¹¹). Тем не менее, по известной инерции все говорят о про-

⁶ КВо III 7 + КУВ XVII 5 и 6 + КУВ XII 66 83 и 84 + КУВ XXXVI 54; E. L a r o c h e. Textes mythologiques hittites en transcription. 1 partie: Mythologie anatolienne, RHA t. XXIII, fasc. 77, 1965, стр. 5-12 = 65-72; E. L a r o c h e. Catalogue des textes hittites. Paris, 1971, стр. 55, № 321. Последний перевод мифа см.: Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament, ed. by J. V. Pritchard. Princeton, 1955, стр. 125 сл. (Гетце; повторно во втором издании).

⁷ Идеограмма EZEN - аккадск. esinnu 'праздник'. Не исключено, что EZEN purullijaš идентично EZEN. MU^{TI} 'Jahresfest', которое Гетце трактует именно как "Neujahresfest" (Указ. соч. 165). MU, MU. КАМ 'год' отвечает хеттск. uitt- и аккадск. šattu.

⁸ См. J. F r i e d r i c h. Hethitisches Wörterbuch. Heidelberg, 1952, стр. 174 и др.

⁹ Ср. L. K i n g. Hittite Texts in the Cuneiform Character from Tablets in British Museum. London, 1920 (14.4).

¹⁰ E. L a r o c h e. Recherches..., стр. 70-71. Не вполне ясно, относится ли сюда название земли в истоках Тигра Puruluzi (Alzi и Puruluzi), известное с конца II тысячел. до н.э.

¹¹ В частности, связь с Нериком, хеттским культовым центром несомненна. Помимо уже процитированного Во 4962, 1-2 (ср. и Во 3127, Rs. VI, 3, 4), ср.: DUB XXXII КАМ^{HI}. A^g SA EZEN pu-u-ru-li-ia-aš URU^U Ne-ri-ig-ga QA-TI... "32-я таблица праздника - purullija в Не-

тохаттском источнике¹² этого слова, не приводя каких-либо аргументов, кроме одного, упоминаемого лишь изредка. Речь идет о написании EZEN cu-ru-li-ia-aš (XXII 25 I 21, 33 и др.) вместо EZEN ru-u-ru-li-ia-aš. Мена p-/u- в анлауте относится к числу хаттских фонетических особенностей. Хаттское имя богини Солнца Аринны, обнаруживающей и некоторые черты божества подземного царства, Wurušemu содержит слово wur, с которым связывается понятие земли (идеограмма KUR)¹³; это же значение допускают и для хеттск. ruḡulli-. Отвергать или недооценивать хаттское влияние в языковой и в культурно-религиозной сфере нет никаких оснований, но здесь уместно заметить, во-первых, что в восточной части Малой Азии существовал особый ареал, для которого, видимо, была характерна мена p-/u- (ср. хурритские примеры)¹⁴, и, во-вторых, что хаттское влияние скорее можно бы было видеть в форме cu-ru-li-ia-aš (как результат притяжения и/или переосмысления в связи с Wurušemu), нежели в форме с начальным p-(ruḡullijaš), в которой нет никаких сколько-нибудь явных черт хат-

рике закончена..." и др. Однако этот аргумент не может быть признан решающим по тем же соображениям, по которым наличие в финно-угорских традициях некоторых славянских мифологических имен при обычном их отсутствии в славянских традициях не опровергает с л а в я н с к о г о характера этих имен.

- ¹² Ср. J. F r i e d r i c h. - "Archiv fur Orientforschung". Bd. 6, 1930, стр. 115; A. Götze. Die Annalen..., стр. 264; JCS 4, 1950, стр. 225; 6, 1952, 100-101, Kleinasien..., стр. 74; F. S o m m e r. Hethiter und Hethitisch. Stuttgart. 1947, стр. 93; O. R. G u r n e y. The Hittites. London, 1952, стр. 152; A. K a m m e n h u b e r, - ZA 17, 1955, стр. 116; RHA 58, 1956, стр. 6; OLZ 54, 1959, стр. 30; H. O t t e n, - OLZ 50, 1955, стр. 103; OLZ 51, 1956, стр. 104; Wörterbuch der Mythologie von H. W. H a u s s i g. Stuttgart. I. Abt., 2. Lief., стр. 177 (E. von Spuler); G. N e u m a n n. Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit. Wiesbaden. 1961, стр. 74 и др. см. также: V. H a a s. Указ. соч., стр. 43.
- ¹³ Ср. H. G. M a c q u e e n. Hattian Mythology and Hittite Monarchy. "Anatolian Studies" 9, 1959, 179; O. R. G u r n e y. Указ. соч., стр. 152. (*S. H. H o o k e (ed.). Myth, Ritual, and Kingship. Oxford, 1958, 106); H. G. G ü t e r b o c k. Religion und Kultus der Hethiter, "Neuere Hethiterforschung", hrsg. von G. Walser. Wiesbaden, 1964, стр. 54 сл. (= "Historia". Hf. 7).
- ¹⁴ См. E. A. S p e i s e r. Introduction to Hurrian. New Haven, 1941, 49, 52 и др.

тского языка. Поэтому более целесообразно (за неимением сведений о хаттском первоисточнике и из-за невозможности объяснить слово purullia- внутренними ресурсами хеттского языка) обратиться к данным того же самого языкового ареала для поисков возможных соответствий и аналогий. Прежде всего внимание привлекает лидийское название года — borli- (forli-)¹⁵ с характерной меной b-/f- (следует заметить, что хурритское колебание p-/u- на письме интерпретируется как свидетельство произношения начального согласного как f¹⁶). Этому слову, регулярно появляющемуся в начале надписей, уже давно было приписано временное значение (в частности, формам на -λ-) и даже более конкретно — "год"¹⁷. В настоящее время не приходится сомневаться не только в правильности определения значения лидийского слова, но и в ближайшем соответствии этому слову именно в хеттск. purulli-¹⁸. Сюда же, естественно, нужно отнести и ликийск. pruli- 'год'. Тот факт, что в ликийском и лидийском pruli-, borli- обозначает год, а в хеттском purulli- — 'начало года' и соответствующий праздник (при наличии uitt- 'год', с одной стороны, и uitti-meiani-

- ¹⁵ Ср. Dat.-Loc. borl λ (16, 2; 41,1; 42,1; 59,1); [b]orlλ (2,1); forlλ (50,1). См. R.G u s m a n i. Lydisches Wörterbuch. Heidelberg. 1964, стр. 84-85. Ср. также другое слово со значением 'год' — brvā-, Лид. borli- выглядит как первоначально possessivное образование. В качестве основы реконструируют также и borsi-, см. R.G u s m a n i. Op. cit. 17; O.C a r r u b a. Studi sul verbo lidio. "Athenaeum" N.S. 38, 1960, стр. 55.
- ¹⁶ См. E.A.S p r e i s e r. Указ. соч. К мене b/v/f в лидийском см. R.G u s m a n i. Указ. соч., § 7, стр. 31-32.
- ¹⁷ См.: W.B u s k l e r. Sardis. "Publications of the American Society for the Excavation of Sardis". Vol.VI, pt.II. Leyden, 1924, стр.2; G.D e e t e r s. Lydia. Sprache und Schrift. Pauly-Wissowa-Kroll. Real-Encyclopadie der Altertumwissenschaft. Bd. XIII, Stuttgart, 1927, Sp.2159; F.S o m m e r. — Klf 1, 1927, 28; E.G r u m a c h. Lydische Studien. — AfO9, 1934, 189, не говоря о работах последних лет.
- ¹⁸ Эта точка зрения была впервые выдвинута Оштиром, хотя в это время оставалось еще неизвестным значение purullia- (см. K.O ģ t i r. Beitrage zur alarodischen Sprachwissenschaft. Wien. 1921, стр. 68). Ср. также R.G u s m a n i. Lydisches Wörterbuch, стр. 85; G.N e u m a n n. Untersuchungen..., стр. 74-75, и др. К мене o/u ср. лидийск. Samorna/Smyrna. Попытка связать borli- с др.-греч. λερή (G.W.E l d e r k i n. — "Classical Philology", Vol. 35, 1940, стр. 56) не заслуживает доверия.

'Новый Год', ср. MU/-ti/-meiani-, MU.KAM-ti-meiani-, собств., 'сторона года',¹⁹ с другой), естественно объясняется частым совмещением понятий временного целого и его начала, ср., год - Новый Год, Jahr - Neujahr и даже сутки, ср. его настоящее значение и значение, восстанавливаемое этимологически ('стык', 'рубеж' и т.п.). Весьма правдоподобно, что к этому же кругу слов следует отнести и prulija в известном отрывке на стеле из Ксантоса: ebei kbija p r u l i j a ŗti (44 b 1)²⁰. Наконец, нельзя исключать, что тот же корень со значением 'год' отражается в ряде собственных имен типа хеттск. Purlisari (Purli-ša-a-ri КВо V 7 Vo 38)²¹, карийск. Βρῦλως²² (о хеттск. Purilimiš см. выше) и т.п., в том числе в именах без элемента -l-, ср. карийск. Βρασσις, Βραξις²³ при лидийск. brvā- 'год' (borli-). Если указанные малоазийские слова морфологически выделяют суффикс -l- (pur-ul-, bor-l-, pr-ul-, *br-šl-), то в качестве резерва, впрочем, не вполне ясного, остаются собственные имена типа хеттск. Puriyanni, "auteur de rituel" (Pu-ri-ya-an-ni-iš/ KUB VII 14 I 1; XXXV 57 I 1 = LTU 57, 63), Puranda (Pu-ra-an-da... КВо IV 12 I 18; *Purandamuwa)²⁴, лидийск. Puresi (может быть, Πυριψης, Purihimeti, Πυριψης и т.п.)²⁵, а также местные названия типа Πυριβος, Πυρις, Πυρι и т.п. в Карию, также допускающие различные объяснения (в частности, и из неиндоевропейских источников)²⁶. Особую проблему составляют этрусские собственные имена, входящие к pur-, pr-, толкуемому как 'перед' (видимо, не только в

¹⁹ Ср. шумерск. zag.mu 'сторона года' = 'Новый Год'; см. А.Г. Штерн, - JCS 4, 1950, стр. 223-225; J.F. Rieu, - Hethitisches Wörterbuch, стр. 255.

²⁰ См.: F.W.K. Günig, Die Stele von Xanthos. Wien. 1936, стр. 72.

²¹ См.: E.L.aroche, Recueil d'onomastique hittite. Paris, 1951, стр. 34 (№ 586); Les noms des hittites. Paris, 1966, стр. 150 (№ 1059); MIO 6, 1958, стр. 352.

²² См. L.Zgusta, Kleinasiatische Personennamen. Prag. 1964, стр. 130.

²³ L.Zgusta, Указ. соч., стр. 129; к толкованию ср., однако, А.Н.Евбецк, - "Gnomon" 34, 1962, стр. 376-377.

²⁴ См. E.Laroche, Recueil, стр. 34 (№ 584); Les noms..., стр. 150 (№ 1056). Возможны и иные толкования, ср. puri/ia- 'губа'.

²⁵ См. L.Zgusta, Указ. соч., стр. 437-438.

²⁶ Ср. также *pu-ra, *pu-ra-wo и под., см. А.Н.Евбецк, Praegreca. Sprachliche Untersuchungen zum vorgriechisch-indogermanischen Substrat. Erlangen. 1961, стр. 51-52.

локальном, но и в темпоральном плане), а именно purse-, purze- (5061), purse-[na, puresi (197) (ср. $\rho\epsilon\sigma\acute{\iota}\nu\alpha\varsigma$ и выше приведенное ликийск. Puresi), purni- (2652), purna- (2648) (ср. лат. Purnius) и др. при pur, pure 'начальник', ср. pures (5473) 'der des Herrn', 'der Untertan', puris 'Dienerin, термилльск. purese (55, 4) 'Vorsteher' и т.п.²⁷ Разумеется, расширение указанного круга малоазийских фактов за счет этих этрусских слов, даже учитывая малоазийские связи этрусского языка, пока остается рискованным предприятием. Тем не менее, предполагаемое значение предшествования (\rightarrow начала), связываемое с pur-, pr-, дает известные основания для того, чтобы иметь в виду и этрусские данные. Нельзя пройти и мимо малоазийских, специально троянских, связей предков латинян, о чем настойчиво твердит старая историографическая (а ранее — мифопоэтическая) традиция, ср. хотя бы Liv. I, 1; Aen. I и т.п. — *arma virumque sano, Troiae qui primus ab oris|Italiam, fato profugus, Lavinaque venit|litora...* Этот факт приобретает особое значение, если вспомнить о лат. Parilia, Palilia. Это слово обозначало празднество римских пастухов, приуроченное к 21 апреля, т.е. к дню основания Рима (согласно традиции), и, следовательно, началу римского летоисчисления (основание города = начало цикла = начало года). На празднике обращались к Palēs, богине (иногда Palēs характеризуется мужскими чертами: *sive mas sive femina*), связанной с пастухами и скотом, чье имя, согласно одной из традиционных версий, объясняет название Палатинского холма (Monte Palatinus, Palatium²⁸, на котором и был основан первоначальный

²⁷ См.—H.I.S t o l t e n b e r g. Etruskische Namen für Personen und Gruppen. Leverkusen, 1958, стр. 26.

²⁸ Ср.:...Sed tunc pascebant herbosa P a l a t i a vaccae,
Et stabant humiles in Iovis arce caseae.
Lacte madens illic suberat Pan ilicis umbrae
Et facta agresti lignea falce P a l e s,
Pendebatque vagi pastoris in arbore votum,
Garrula silvestri fistula sacra deo...

Tibull. II, 5, 25-30.

Ср. у Феста: P a l a t u a l i s f l a m e n a d s a c r i f i c a n d u m e t d e a e c o n s t i t u t u s e r a t, i n c u i u s t u t e l a e s s e P a l a t i u m p u t a b a n t. См. Sexti Pompei F e s t i De Verborum significatione quae supersunt cum Pauli epitome. Lipsiæ. 1839, стр. 244. О СВЯЗИ Palēs и Palatium см. V.В а в а н о f f. Les dieux des Romains. Paris, 1942, стр. 144 сл. Здесь же возражения против связи Palēs и Parilia (на том основании, что день,

Рим (Roma quadrata). Направивается заключение, — во всяком случае, если следовать традиции, — суть которого в том, что празднества, посвященные Palēs, устраивались сначала именно на П а л а т и н с к о м холме, являющемся н а ч а л о м Рима в пространстве (ср. Palilia — н а ч а л о года и Рима во времени)²⁹. Parilia, Palilia сопровождалась необузданным веселием; его участники пели³⁰, зажигали солому и трижды прогоняли сквозь огонь скот, сами же прыгали через три расположенных в ряд костра³¹, совершая тем самым

посвященный Palēs, — 7-е июля). Ср. также A. G r e n i e r. *Les religions étrusque et romaine*, — "Mana. Introduction a l'histoire des religions" 2. III. Paris, 1948, стр. 110, 128. Следует помнить, что Palatium дал имя и божеству Palatua, для которого возжигался особый костер и приносилась жертва (Palatuar).

29
30 Параллели (ср. brahman — год) рассмотрены в другом месте. Nox abiit, oriturque Aurora: Palilia poscor.

Non poscor frustra, si favet alma Pales;
Alma Pales, faveas pastoria sacra canenti,
Prosequor officio si tua festa pio.

Ovid. Fast. IV, 721-724.

"Петь Палилии" типологически то же, что петь Коледу, кликать Коледу, призывать Коледу; петь елочку и т.д.

31 Certe ego transilui positas ter in ordine flammis. Ovid. Fast. IV, 727. Ср. дальше:

Moxque per ardentis stipulae crepitantis acervos
Trajicias celeri strenua membra pede.

Expositus mos est: moris mihi restat origo (781-783),
не говоря уж об исключительно интересных соображениях по этимологии этого огненного ритуала (784-806). Ср. также: Per flammis valuisse pecus, valuisse colonos...805; тема огня выступает как основная и в других свидетельствах. Ср.

Ac madibus Baccho sua festa Palilia pastor
Concinet: a stabulis tunc procul este lupi.
Ille levis stipulae sollempnis potus acervos
Ascendet, flammis transilietque sacras,
Et fetus matrona dabit...

Tibull. II, 5, 87-91;

Urbi festus erat, dixere Parilia patres:
hic primus coepit moenibus esse dies:
annua pastorum convivium, lusum in urbe,
cum pagana madent fercula deliciis
cumque super raros faeni flammantis acervos
traicit immundos ebria turba pedes.

Prop. IV, 4, 73-78.

обряд очищения (*lustratio*)³², играющий такую значительную роль в итальянской ритуальной практике (ср. данные Игувинских таблиц)³³; обращались к *Palēs* с просьбой о защите и размножении скота и т.п.:

Consule, dic, pecori pecorisque magistris;

Effugiat stabulis noxa repulsa meis...

Pelle procul morbos: valeant hominesque gregesque;

Et valeant vigiles, provida turba, canes.

Ovid. Fast. IV, 747-748, 763-764.

- и далее - мольбы о том, чтобы ушел голод, чтобы вдоволь было травы, листья, воды, чтобы вымя было полно, чтобы самцы были похотливы, а самки многоплодны, чтобы было больше ягнят и шерсти. Круг этих пожеланий столь велик, что практически исчерпывает все запросы человека в течение годового цикла (от сева и зачатия до урожая и приплода). Иначе говоря, и в этом ритуале обнаруживаются явные черты годового праздника, характеризующегося максимальной сакральностью (позднейшая оттесненность этого праздника не может существенно повлиять на его первоначальное значение).

Что касается происхождения слова *Parilia*, *Pallia*³⁴, то оно остается неясным, несмотря на имеющиеся объяснения. Одно из них (наиболее распространенное) связывает *Palilia* с именем *Palēs*, которое соотносят с *palea* 'мякина', 'солома' (ср. др.-инд. *palāvam*. AV XII, 3, 19; лит. *pēlūs*, лтш. *pelus*, *relavas*, plur.; ст.-сл. *плѣвы*, русск. *полова* и т.п.)³⁵. В этом случае отношение лат. *palea-Palēs-Pallia* (костры для очищения, ср. *flamma Pallis* напоминает русск. *костёр* (*костра́*, *кострица* и т.д.) - *Кострома* (ритуальная кукла из *соломы*) - *костёр*. Несомненно, что сближения тако-

Весьма показательно, что все эти свидетельства весьма близки друг к другу и по содержанию и по языку (общий набор слов и выражений). Это дает основание думать об общем прототексте.

³² *Nic ego pastoremque meum lustrare quotannis*

Et placidam soleo spargere lacte Palem.

Tibull. I, 1, 35-36.

³³ Ср. сходное очищение огнем у восточных славян 27-го апреля, т.е. в день Ярилы, Егория-Юрия (охранителя от волков, ср. тот же мотив в *Parilia*: Ovid. Fast. IV, 765-766; Tibull. II, 5, 88: ...*a stabulis tunc procul este lupi*).

³⁴ Ср. у Феста (222): *Pales dicebatur dea pastorum, cuius festa Palilia dicebantur; vel, ut alii volunt, dicta Parilia, quod pro partu pecoris eidem sacra fiebant.*

³⁵ Иллир. *Pullus*, *Πύλλος*, *Πουλα*, *Polla* и под. также иногда выводят из **reljā*. См. А.Мауер. Die Sprache der alten Illyrier. Wien. 1957, стр. 277, 281.

го рода были актуальны; более того, они направляли развитие мифологической схемы и реализующего ее обрядового действия. И, тем не менее, принять эту относительно позднюю мотивировку за изначальную было бы неоправданным риском. Даже если Parīlia объяснять диссимиляцией из Palīlia, остается слишком много неясностей (лингвистических и культурно-исторических), чтобы считать указанную этимологию основательной. Это почувствовал Мейе и предложил новое объяснение, в котором одна неопределенность объяснялась через другую³⁶. Поскольку внутренними латинскими ресурсами объяснить Parīlia, Palīlia не удастся, а связь с Palēs обнаруживает признаки относительно поздней, мифопоэтической по характеру, этимологии, не доведенной, кстати, до конца³⁷, приходится обращаться к внешним сопоставлениям в надежде в дальнейшем воссоздать более детализированную историю слова и стоящих за ним реалий.

Уже на этом этапе бросается в глаза, что хеттск. purullija- и лат. Parīlia, Palīlia, стоящие изолированно в своих собственных традициях и поэтому выглядящие как заимствования, обнаруживают, во-первых, весьма значительное звуковое сходство, и, во-вторых, существенные общие черты соответствующих обрядов (начало года, характер и цель ритуала, роль огня³⁸ и т.п.). Соединительным звеном

³⁶ Palīlia - Palēs: "le mot religieux est à rapprocher sans doute du second terme de ḫpiliš", см. А.Е r n o u t, А.М e i l l e t. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Paris, 1951, t. II, стр. 843. Далее: "ḫpiliš... Sans doute ancien composé dialectal dont le premier terme serait oui-...et dont le second n' e s t p a s c l a i r", t.II, стр. 820.

³⁷ Ср.: Moxque per ardentis s t i p u l a e crepitantis acervos... Ovid. Fast. IV, 781, где солома обозначается stipulae (ср.: ...Scintillam subito prosiluisse ferunt: Pirna quidem perit: s t i p u l i s excepta secunda est: Nos argumenti flamma Palilis habet... Ovid. Fast. IV, 796-798).

³⁸ Хотя мотив огня присутствует в хеттск. purullija- (в частности, нельзя забывать, что бог Грозы - супруг С о л н е ч н о й богини Аринны), он о т т е с н е н за пределы этимологического мифа, а описание самого ритуала, к сожалению, отсутствует; правда, в известных хеттских ритуалах роль огня весьма значительна (ср. В.В. И в а н о в. Культ огня у хеттов. "Древний мир". М., 1962, стр. 266-272) и можно допустить, что таковой она была и в ритуале purullija-. Зато в хеттской версии подчеркивается тема поединка с чудовищем, з м е е м. В лат. Parīlia, напротив, последняя тема отсутствует, но мотив огня является ведущим. Это распределение, близкое к дополнительному,

между purullija- и Parilia, Palilia нужно считать балканските факты, которые в этой связи не привлекали к себе внимания исследователей. Речь идет прежде всего о болгарском весеннем обряде, называемом пълелия, участники которого (кноши) обозначаются как пълелии. Эти пълелии "п а л е л и огньове и за п а л в а л и от тях факели", зажигали от них специально, загодя приготовленные из черного клена стрелы и палки и бросали их на двор влюбленных (или же раскладывали костры на перекрестках, "з а п а л в а л и от тях снопчета от свързана тръст" и несли их в виде факелов к домам влюбленных)³⁹. Поскольку уже столетие назад была установлена преемственность латинского праздника Parilia и христианского дня св. Георгия,⁴⁰ пълелия должны быть сопоставлены с болгарскими обычаями на Гергьовден, описываемыми следующим (сходным с описаниями Parilia) образом. "Овчий обор се попръсква рано сутрий с вода, измита се с нова метла и украсява с прясна зеленина, на вратата се окачва голям венец; после овцете се прекарват през огън от с л а м а и се прекаждат с дим от сира – очевидно, акт на очищение и прокуждане на опасни сили. С прясна роса се измиват ръцете, пие се мляко, смесено с вино, и е прескача огъня т, добит чрез търкане на два камъка, след което овчарите сядат на весела трапеза, като пият до пресищане и пеят"⁴¹. Естественно, что в этот же ряд следует отнести и другие "огненные" ритуалы⁴², прежде всего, конечно, майские. "При редица празници през

получает исчерпывающее объяснение в егорьевских обрядах, сочетающих обе темы – возжигание костров, пропускание скота сквозь огонь, с одной стороны, и опаживание земли от змеи, приурочение к этому дню заготовок соответствующего тина и т.п., с другой.

³⁹ О болгарских пълелиях см.: Ц.Г и н ч е в. Огнените тракийски любовни стрели. "Труд" VII, 1888; Гаро и огнените стрели на запощка (Заговезни) в разложките села. "Труд" VIII, 1888; Е.Т е о д о р о в. Древнетракийското наследство в българския фолклор. София, 1972, стр. 35–36 и др.

⁴⁰ См. W.M a n n h a r d t. Wald- und Feldkulte. Berlin, 1875, II, стр. 311 сл.; ср. также: J.G. F r a z e r. Lectures on the Early History of the Kingship. London, 1903, стр. 19 и др.

⁴¹ См. М. А р н а у д о в. Годишни обредни песни. "Очерци по българския фолклор", т.2. София. 1969, стр. 289.

⁴² См. М. А р н а у д о в. Нестинари в Тракия. "Студии върху българските обреди и легенди, т.1, София, 1971; Еньовден. – там же; Екстаз и мистика. С оглед към нестинарите в Източна Тракия. Очерци", т.2; При нестинарите в Странджа, – там же, и др.

май се вършат обичаи за прогонване на змии и всякакви вредни гадини, като се палят огньовете и се изричат съответните магически заклинания"⁴³. Таким образом, болгарские огненные праздники в своей совокупности сочетают мотивы огня и борьбы против змей с названием пълелия, т.е. совпадают в этом отношении с лат. Palilia, Parilia и хеттск. purullia. Происхождение этого болгарского слова, вообще весьма плохо документированного в лексикографических источниках, трудно объяснить из собственно славянского корнеслова⁴⁴, хотя и в этом не приходится сомневаться — достаточно примеров втягивания этого слова в сеть собственно славянских словообразовательных связей, ср. выше оближения пълелия с пала 'зажигать'; (пала огън), 'жечь' и т.п.⁴⁵. Не исключено, что первое л в пълелия обязано своим происхождением именно глаголу пала (конечно, допустимо и предположение о простой ассимиляции), откуда открывается путь к одной из возможных реконструкций первоначального источника в виде *пърелия (< *purel-ija). Последняя форма нашла бы себе соответствие в глаголе пърля 'палить', 'жечь'⁴⁶ (ср. пърлене) < *pr-l < *pur-l (или даже: *prg-yl < *pur-ul), а также его инославянских партнерах, ср. с.-хорв. прлати 'палить', 'обжигать', 'обваривать'⁴⁷, чеш. prliti (ср. korřiva

⁴³ М. А р н а у д о в. Годишни обредни песни, стр. 333. См. также Е. В. А н и ч к о в. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. СПб., 1903-1905, I стр. 258 и след., 319 и след., II, стр. 9 и след.

⁴⁴ Мнение Ц. Гинчева о связи с придуманными ad hoc славянскими божествами Полел (=Купидон) и Леля (=Венера) не заслуживает внимания.

⁴⁵ Ср. пълич 'подпалвач', см. С. К о в а ч е в. Троянският говор. "Българска диалектология", кн. IV. София, 1968, стр. 221. Ср. также пълин 'пелин' вместо пелин (русск. полян, пелень и т.д. к *polēti 'гореть' и т.п.), см. Т. С т о й ч е в. Родопски речник. — там же, кн. II. София, 1965, стр. 255; М. М л а д е н о в. Говорът на Ново село, Видинско. София, 1969, стр. 271 (в характерном контексте: изел тъ огън и пълин "да се загубиш, да те постигне зло", проклятие) и др.

⁴⁶ О нем см. С. М л а д е н о в. Етимологичен и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, стр. 539.

⁴⁷ В другом месте будет показано, что с.-хорв. прлати 'совать', 'пихать', относится сюда же (ср. параллели типа русск. пър!, пърь! (от пърять) при ж/ж/иг!, ж/ж/ик! (от жечь, жигать) или пъряла при жиган и под.). В таком случае характерны контексты типа прлати ватру 'шевелить огонь', прлати дрва у пећ и др.

prli), которые являются образованиями на -l- от корня *pŕ-, отраженного в чеш. pŕiti 'краснеть' (ср. pŕi 'раскаленная зола', 'жар'), слов. pŕiti'ва, в.-луж. pyrić 'топить', н.-луж. pyrić, словен. zapiriti se, с.-хорв. pŕити 'гореть', спирити 'раздувать' (пиржан 'тушеное мясо'), русск. пырей 'загнетка в русской печи'⁴⁸, а также славянские названия пырея, полын (русск. пырей, болг. пйрей, с.-хорв. пйр, словен. pйr, ц.-сл. пыро, чеш. pŕr, pŕŕ, польск. perz и др.; ср. также прусск. pure, лит. pŕrai, лтш. pŕri и др.). С болг. пърля, несомненно, связано (вспомо, заимствование) румын. a pŕli 'палить', 'жечь' и др.⁴⁹ (ср. также pŕleală. 1. Acțiunea de a (se) pŕli; 2. Fum (provenit din arderea unor ierburi); pŕlea, pŕlire, pŕlitura, pŕlit и др.) и арумын pŕlэscu, pŕllire 'пălescui', 'пălire', pŕjire; pŕjilэscu 'a pŕaji', pŕjilire, pŕjilit; pŕjэscu 'a pŕli', pŕjălă и др.⁵⁰ Эти последние данные, представляющие интерес и сами по себе, весьма показательны в двух отношениях. Во-первых, речь идет о сохранении в ряде случаев словообразовательных моделей, неизвестных из данных языка-источника или, наоборот, о создании новых моделей, которые в той или иной степени могли имитировать соответствующие образования в языке-источнике (ср. интересное в этой связи румын. pŕleală и под.). Во-вторых, некоторые употребления этих слов в ритуально-мифологических контекстах возвращают нас (хотя бы и косвенно) к сходным употреблениям *pur-(u)l- в разобранных выше словах. Так, очень важно свидетельство, согласно которому "La români, din contra (в отличие от греков), fiindcă F o c a seamănă cu f o c, printr-o altfel de etimologie poporană, s-a născut credința că el pŕlește, de unde ziua de 22 i u l i u se cheamă peste C a r p a ț i: "ieșirea p ŕ l i i l o r, surori ale lui s î n t - I l i e"⁵¹. Это сочетание производных от a pŕli с днем, посвященным Громовержцу (21 июля), со св. Ильей и с Карпатами, к которым в известный период был приурочен Громовержец, чье имя (*Perk-) находится в отношении

48 Другая ступень - в болг. зăпури 'зажечь', с.-хорв. пурити 'печь'.

49 См. Dictionarul limbii române moderne. București. 1958, стр. 624 Ср. pŕlău "buștean scobit în care se opăresc rufele sau tortul de cînera", pŕluim "opărim cînera, rufele cu legie în pŕlău", см. Glosar dialectal Oltenia. București. 1967, стр. 83.

50 См. Т. Р а р ъ а н а г и. Dictionarul dialectului aromân. București. 1963, стр. 859.

51 См. В. Р е т р и с е и с у - Н а с д е у. Etymologicum magnum Romanicae. 2. București. 1974, стр. 41-42.

анаграммы к названию самих Карпет⁵², — чрезвычайно сильный аргумент в пользу сказанного выше, в частности, в пользу связи хеттского Бога Грозы с purullia-. Здесь открывается еще одно продолжение, связанное с румынскими контекстами, в которых фигурирует св. Илья. Речь идет о вхождении этого имени в такие характерные сочетания, как Petrolie, название праздника св. Петра и св. Ильи (Petru+Ilie), или в такие тексты, как широко распространенная колядка (ср. выше о Новом годе), в которой содержится просьба к господе о громе и молнии, чтобы сражаться с противником (Иудой):

...Dar I l i e cu P ă l i e:
 -"Da-ne Do am ne tr ă z ne tu,
 Tr ă z ne tu și ful ger u,
 Că cu Iuda să ne bate m,
 Să ne bate m și să-l bate m".

Сочетание Ilie и Pălie, приуроченных к дню Громовержца⁵³, и связь Pălie с păli 'жечь' (о солнце), как и устойчивые обороты типа La Ilie 'На Илью', заставляют вспомнить выродившиеся варианты имени Илья в русских обрядовых песнях, ср. Илею, Илею!; Иляля! Иляля!; Лилею! и т.п., о чем уже писалось. Более того напрашивается мысль о том, что в мифопоэтическом сознании болг. пълелия могло ассоциироваться с обозначением микромотива в форме типа паля Илия, пьли Илия, пьрля Илия. Эти сочетания можно рассматривать как народноэтимологическое разворачивание пълелия, *пърлелия. Правдоподобно, что аналогичным образом могли разворачиваться в языке-источнике и лат. Parilia, Palilia и хеттск. purullia-. В частности, малоазийские формы, которые в общем виде допустимо обозначить вариантами *pur-ulia-, *pur-ilia-, *par-ulia-, *par-ilia и т.п.⁵⁴, при известных обстоятельствах могли пониматься как 'огненный (палаящий) *Ilia-,

⁵² Ср. ряд совместных работ на эту тему с В.В.Ивановым.

⁵³ Интересно, что в этой ситуации появляется и Mărina (в реконструкции — предмет спора между Громовержцем и его противником). Ср.: D-Zeu nu-i spune niciodată când e ziua lui; nu-i spune nici M ă r i n a ...; nici P ă l i a... См.: I. M u ș l e z, O. V î r l e a. Tipologia folclorului. București. 1970, стр. 398. (ср. также стр. 386: Mărina и стр. 389: Sf. Ilie).

⁵⁴ Характерно обилие хеттских имен сходной структуры. Ср. Palla, Pallia, Palleli, Pallili, Pallaria, Pallu, Pallullu, Palluwara, Paluluwa и т.п. См.: E. L a r o s h e. Recherches..., стр. 87; Recueil..., стр. 32; Les noms..., стр. 134-135; P. M e r i g g i. Hieroglyphisch-hethitisches Glossar. Wiesbaden. 1962, стр. 91. Некоторые из этих имен (Pallili, Pallaria) достаточно близки, в частности, к лат. Palilia, Parilia.

*Ulia-" (или: 'паление (огнем) "Ilia" и, *Ulia" и', Gen. object.).

Если же первая часть соотносилась с именем Громовержца (ср. *Per-, *Por- с расширениями -k-, -n-, -u- и др.), то в этих composita можно видеть образование типа dvandva, описывающее участников основного мифа - Громовержца (первый член) и его противника (второй член). Элемент *Ilia-, *Ulia- дает основания вспомнить не только Илью, Велеса и некоторые другие имена, связываемые с противником Громовержца, но и - независимо, конечно, от научной этимологии - с врагом хеттского бога Грозы в мифе, объясняющем обряд purullia-, Илунякасом (Illuiankaš, основа illu(i)-)⁵⁵. Не исключено поэтому, что имя Ильи, помимо своего семитского источника и позднейших притяжений (ср. ἥλιος 'солнце' и т.п.), некогда соотносилось и с именем хеттского дракона в мифе о боге Грозы (ср., между прочим, черты амбивалентности в образе Ильи).

Указанные балканские формы (болг. пърля, с.-хорв. прълити; ср. румын. a pîrli) двусмысленны в том, что касается их происхождения: они могут восходить к праславянскому источнику - *pur-(u)l-i-tei (возможно, отыменный глагол на -l-, ср. *pur- как именную основу, или соответствующий девербатив)⁵⁶, но могут оказаться и ранними заимствованиями (учитывая древние балкано-малоазиатские лингвистические и культурно-исторические свидетельства). Во всяком случае мнение о фракийском происхождении болгарского обряда пълелия⁵⁷ и самого слова, обозначающего его, кажется более, чем вероятным. Однако до сих пор никто не пытался найти сам фракийский источник этих слов. Сейчас можно утверждать, что наиболее очевидным и надежным источником, позволяющим объяснить и хеттск. purullia-, и болг. пълелия (может быть, из *пърлелия (ср. пърля) < *pur/u/l-),

55 См.: В.В.И в а н о в, В.Н. Т о п о р о в. Исследования..., стр. 134-135. Вместе с тем это имя могло входить и в другие связи. Ср., например, божество Ilalija в пантеоне города Каниса (старо-ассирийская торговая колония) или группу божеств Ilaliantiškes (может быть 'боги желания' (ср. др.-инд. Kāma-), ср. хеттск. ilalija- 'желать'; к обозначению чудовища по принципу 'желающий', 'домогающийся', 'алчущий' можно было бы привести ряд типологических аналогий). См. Wörterbuch der Mythologie. I. Abt., 2. Lief., стр. I74-I75.

56 Ср. хеттск. pat-(?), pata-(?) 'нога': patallia- и т.п. или (несколько в ином плане) лит. sukti: sukaloti.

57 См. Е. Т е о д о р о в. Древнотракийско наследство..., стр. 36 (здесь же сравнение с Palīia); ошибочна, однако, попытка объяснить пълелия из корня пал- (паля), расширенного суффиксом -лия.

и лат. Parilia, Palilia, следует считать фракийские формы, которые сродни собственным именам типа Πυρούλας, Πυρούλα, Purula, Pirula, Pyrula, Pirurus. Ср.: Αύρ. 'Αλκιδάμας καὶ Αύρ. Πυροου-
 λας κ(αὶ) Αύρ. Δουλῆς οἱ πρὶν Πυρροῦ 'Αλκιδάμου... ἕως ζων
 τέκνων αὐτοῦ Αύρ. 'Αλκιδ(ά)μου κ(αὶ) Αύρ. Πυροουλα (Demitsas
 411: Saloniki); Μένανδρος Πυροουλα (Demitsas 817: Seres);
 Πυροουλας εαυτῷ ἄνδρῳ καὶ τέκνῳ ζῶν (AM 33, 1908, 43 Nr.4:
 Amphipolis (?); Πυροουλας 'Αλεξάνδρῳ τῷ τέκνῳ (AB 29,
 1935, 172 Nr.5: Sveti-Vrač); Πυροουλας Σεδαλα (AB 31, 1939,
 123 Nr. 2: Debrene); Purula (CIL 6, 30424); hic situs... Manta
 P u r u l a (CIL 3, 6138: Lukovit); d.m. M(arcus) P u r u l a D i -
 z a [i]l(es) coh(ortis) V pr(aetoriae) (CIL 6, 2486); Sancto Primer-
 [ulae] Aurelius P i r u r u s m il(es) aIarix. (KDP 602: Kovanlāk);
 Ζιλῆς. Πυροουλα κάτου ζῶσα ἐπί τῷ ἄνδρῳ (AB 30, 1936, 76
 Nr. 5: Dolni Orman) и др.⁵⁸ Элемент -ul- (-ουλ-) выделяется в ка-
 честве суффикса, в частности, благодаря обилию имен, содержащих
 чистый корень или корень с другими словообразовательными элемента-
 ми (ср. Πυρούλα, Πυροουρηδης, Αρηπυρος, Πηλαπυρις, Δυαπυρος,
 Πυρρίας, Πυρρος, Pyrthus, Purrus, Pyrurus, Pirus и т.д.). Характер-
 но, что древнегреческие имена, во множестве отражающие Πυρ-, Πυρο-,
 Πυρι-, Πυράτ-, -пυρος, -пυρις, -πυρίος и др.⁵⁹, никогда не имеют
 суффикса -ul- (-ουλ-)⁶⁰, что резко противопоставляет их фракийским
 именам того же корня. Напротив, этот суффикс - излюбленное средст-
 во образования имен в балтийских языках⁶¹, в частности, и с деми-
 нутивным значением (ср. такое образование от корня, обозначающего
 огонь, в ятв. panike). Первоначально в основе имени типа Πυρούλας
 мог лежать принцип названия по цвету волос ('рыжий', 'огненный')⁶²
 или же по роду деятельности (человек, имеющий дело с огнем; скорее

58 См. D. D e t s c h e w. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, стр. 386-387; Ž. V e l k o v a. Nachträge zu den thrakischen Sprachresten (1957-1972). " Балканско езиковзнание". София. 1974, стр. 73.

59 См. F. V e s c h t e l. Die griechischen Personennamen. Göttingen, 1894, стр. 246, 391; W. P a r e, G. V e n v e l e r. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1880, Bd.2, стр. 391 542, 554, 577 и др.

60 Иное дело апеллятивы, ср. *χυλός при *χός и т.п.

61 См. P. S k a r d ž i u s. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, стр. 184 сл.

62 См. D. D e t s c h e w. Указ. соч., стр. 387; "Der Name bezieht sich auf die Rothaarigkeit der Thraker". Ср. также G. K a z a-

всего, жрец-исполнитель огненных ритуалов). В последнем случае фрак. πρωΐας точно соответствовало бы не только болг. пълелии (те, кто разжигают огонь на пълелиях) и румын. pirlii (см. выше: iesiree pîrlilior, varori ale lui sint-Ilie), но и хеттск. LU^{MES} pahhuenas 'люди огня' (ср. LU^{MES} pa-ah-hu-e-na-as 'человек огня'), обозначению особой должности при дворе хеттского царя⁶³. Если хеттск. purullia, действительно, предполагает ассоциации с огнем, то оно, несомненно, должно считаться заимствованием (поскольку хеттское обозначение огня — pahhucar; pahhur, Gen. pahhuenas), но не из хаттского, а из фракийского. Реальные исторические условия для этого не только существовали, но и более или менее определены и во времени и в пространстве. Будущие исследования покажут более конкретно детали хеттско- (и шире — анатолийско-) фракийских взаимосвязей. Видимо, и лат. Parllia, Pallia наиболее естественным образом объясняются из фракийского источника. Однако здесь встает вопрос хронологии этого заимствования, оставшийся достаточно темным (в частности, не ясно, воспринято ли это слово в малоазиатской родине предков латинян, этрусков и т.п., или уже позднее, по прибытии в Италию; точно так же, не вполне очевидно, идет ли речь о непосредственном заимствовании из фракийского или о заимствовании с участием посредника). Существенные затруднения связаны и с тем обстоятельством, что остается неизвестным, имелся ли во фракийском глагол с корнем *pur- в значении 'гореть', 'жечь', 'зажигать' (подобно болг. запури, с.-х. пурити, болг. пърля и т.д.). В зависимости от этого могла бы измениться (правда, только в деталях) и интерпретация образований типа purullia-, пълелия и т.д.⁶⁴. Наконец, последнее. Из сказанного до сих пор вытекает, что хеттск. purullia- нужно понимать буквально как обозначение огненного ритуала, праздника (ср. огненные игрища, огнепальные действия и т.д. в старой русской традиции). Вероятно в таком случае, что и западно-малоазийские обозначения года типа лидийск. borli- или ликийск. pruli- предполагают соответствующее представление, согласно которому год, его начал о знаменуется появлением нового небесного огня — солнца, которое и служит мерой года. Помимо многих параллелей, подтверждающих возможность именно такой мотивировки, стоит обратить внима-

г о в. Beitrage zur Kulturgeschichte der Thraker". Sarajevo. 1917, стр. 108.

⁶³ См. В.В. Иванов. Культ огня..., стр. 269-270.

⁶⁴ ср., например, литовские nomina actionis на -ulja- типа alpulys, drebulys и т.п. См. P.S K a r d ž i u s. Указ.соч., стр.186 сл.

ние на одно обстоятельство: Гераклит, родившийся и выросший в Эфесе, зависимом от Л и д и и, развивал учение о солнце как небесном огне, наблюдающем за сменой времен года, об огне, как начале и конце всего сущего, мере всеобщего обмена, 0 Великом Годе, о большом и малом циклах. Несомненность мифологических основ гераклитовского учения и его связь с мифопоэтическими представлениями делают правдоподобным обратное заключение о понимании года как нового огня-солнца (ср. солнечный год)⁶⁵.

⁶⁵ Ср. др.-инд. hiranyagarbha - 'золотой зародыш' как солнце-год или традиционное возжигание новогодних огней и т.п.

К БАЛКАНО-БАЛТО-СЛАВЯНО-КАВКАЗСКИМ ПАРАЛЛЕЛЯМ

Обсуждаемый во многих работах последнего времени вопрос о балкано-балтийских и балкано-кавказских связях в настоящей статье рассматривается на примере двух таких явлений, связанных с древней фауной этих областей — названия зубра и комплекса представлений, относящихся к волку (и отчасти к медведю), которые в той или иной мере характеризуют как эти ареалы, так и примыкающий к ним славянский (а отчасти и германский).

1. Согласно традиционной точке зрения, часто повторяющейся до недавнего времени¹, славянское название зубра заимствовано из фракийского. Однако определение формы ζῶβρος в качестве фракийского вызывает обоснованные сомнения². Ср.—греч. ζῶβρος и ζῶβρος (в известии византийского историка, согласно которому в XII в. византийский принц Андроник Комнин охотился вместе с галицким князем Ярославом и другими князьями на зубров³) заимствованы из слав. zъb-

¹ См. например, В. R o s e n k r a n z. Historische Laut- und Formenlehre des Altbulgarischen. Heidelberg, 1955, стр. 16.

² Ср., в частности, отсутствие этой формы в таких руководствах последних лет по фракийскому языку, как: I. I. R u s s u. Limba traco-dacilor. București, 1959.

³ Н. В. Ш а р л е м а н ь. Из реального комментария к "Слову о полку Игореве". — "Труды Отдела древнерусской литературы", VI, М.—Л., 1948, стр. 116—117; Д. С. Л и х а ч е в. Археографический комментарий. — "Слово о Полку Игореве", под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л. 1950, стр. 391. — В древнерусской летописи говорится в этой связи о турах, на что обратил внимание Д. Шарлемань, отсюда выводится предположение, что название выбитых туров (Ros primigenius) было перенесено на зубров (Bison bonasus) ср. сочетание названий зубра и тура в контексте, приведенном в словаре древнерусского языка Срезневского. С точки зрения палеозоологии трудность окончательного решения вопроса усугубляется тем, что "отличать тура от зубра в костных остатках нелегко" (В. И. Ц а л к и н. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии (Материалы и исследования по археологии СССР). М. 1966, стр. 58); ср. В. И. Б и б и к о в а. О некоторых отличительных чертах в костях конечностей зубра и тура. "Бюллетень Московского общества испытателей природы, отдел биологический, 1958, № 5.

ти; можно думать, что из двух греческих форм более древней является форма, отражающая славянский *Q в виде группы ou + носовой⁴. Это фонетическое развитие объясняется либо из сербо-хорватской формы (как полагал Капидан), либо из соответствующей ему диалектной болгарской (как думал Младенов, не соглашавшийся с гипотезой Капидана; с этой точки зрения, однако, вызывает трудности то, что *Q в этой форме было в ударной позиции). В любом случае южнославянский источник этих греческих форм не вызывает сомнения⁵, хотя до настоящего времени слово известно только из восточнославянских и западнославянских языков. Из южнославянского объясняется и румынское (мунтянское - валашское) zimbru (при молдавском bour), употреблявшееся также и в качестве метонимического обозначения княжества Молдавии, в гербе которого изображалась голова зубра, ср. описание этого герба страны у А. Руссо: "In fruntea porții, pe din afară, este sărată piatră stema țării: cap de zimbru, purtînd o coroană pe coarne și între coarne o stea"⁶. С этим последним употреблением слова в румынском следует сопоставить и данные о находках зубра в Молдавии, относящихся к периоду начиная с раннего железа (две особи в поселении Лукашевка 2) и к более поздним периодам⁷.

С ролью зубра как герба княжества Молдавии и как ее метонимического названия связано, во-первых, использование слова zimbru в топонимике⁸, во-вторых, переносное значение 'герой' - в примене-

Но во всяком случае в эпоху раннего железа в лесостепной полосе туры отсутствуют; данные о Черкасской и Сумской областях неясны, так как найденные там кости с равным успехом могли принадлежать как туру, так и зубру; I. Г. П и д о п л и ч к о .
Материалы до вивчення минутих фаун УРСР, вип. II. Київ, 1956.

4 Т. С а р и д а н . [Рец.] M. V a s m e r . Die Slaven in Griechenland. "Langue et littérature", vol. II, N 1, et 2. Bucarest, 1943, стр. 280 и след. (с библиографическими указаниями).

5 О фонетической стороне вопроса ср. также Т. С а р и д а н . Les elements roumains dans les langues slaves méridionales. "Langue et littérature", vol. 1, стр. p. 205, n. 2.

6 A. R u s s o . Palatul lui Duca-Voda. - A. R u s s o . Scrieri, publicate de P. Haneș, București, 1908, стр. 197.

7 И. И. С о к о л о в и И. А. Р а ф а л о в и ч . О зубре в Молдавии. "Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический", 1961, № 3; В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 58-59 и 67; О н ж е . Млекопитающие древней Молдавии. "Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический", 1962, № 5.

8 E. P e t r o v i c i . Daco-slava. "Dacoromania", vol. X, partea II. Sibiu, 1943, стр. 240. - Ср. также кашуб. Zębrze как топоним, чеш.

нии к владыке-богатырю, в частности, владыке Молдавии, ср., в частности, это слово в таком значении у Александри ("intra Zimbrului Domnie", Maghiara строка 49; ср. также "Dragoș" и др.) и у Эминеску в строфе стихотворения "Epigonii", посвященной Александри. Сравнение вариантов того полустилища стихотворения, где в последнем варианте появляется слово zimbra ("Domnitorul triumfal" → "leul sombru și regal" → "zimbrul sombru și regal")⁹ позволяет предположить как воздействие фонетических связей, так и возможное влияние лексики Александри при выборе этого метафорического обозначения Стефана Великого (Ștefan cel Mare). Но вместе с тем такое употребление zimbra в значении 'герой' при эквивалентности южнославянского обозначения зубра и восточнославянского тура представляет интерес и для сопоставления с частым употреблением восточнославянского тура в том же метафорическом значении.¹⁰ Достаточно широкий круг значений славянского слова (возможно, связанный уже и с исчезновением самого обозначаемого животного в области расселения части западных славян) заставляет предположить и др.чеш. zubr 'тигр',¹¹ при современном чеш. zubr 'зубр', слов. zubor.

Археологические и палеозоологические исследования, согласующиеся со свидетельствами письменных источников, свидетельствуют об очень большой значимости зубров для славянских и балтийских племен, обитавших в северо-западных областях Восточной Европы. По словам Матвея Меховского, в этих областях "диких зверей больше, чем во всем христианском мире... Так как леса там большие, то во множестве попадаются и доваются крупные звери: буйволы и лесные быки, которых они на своем языке зовут турами или зубрами"¹². Роль зубров в области Киева видна из раскопок XI-XII вв.¹³, но далее на юг

Zubří (см. о его связи с zubr: V. M a s h e k. Etymologický slovník jazyka českého a slovaneského. Praha, 1957, стр. 589).

⁹ Ср. об этом В. В. И в а н о в. Лингвистические вопросы стихотворного периода. "Машинный перевод. Труды Института Точной механики и вычислительной техники", II, М. 1960.

¹⁰ Ср. в частности, В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.-Л., 1947, стр. 91-92.

¹¹ Ср. V. V o n d r a k. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. I, 1924, стр. S. 558. - Польск. zubr (в отличие от ст.-польск. ząbrz см. о нем: F. S i a w a k i. "Slavia occidentalis", 10, стр. 281, ср. там же стр. 31) считают восточнославянским заимствованием.

¹² М а т в е й М е х о в с к и й. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л., 1936, стр. 11.

¹³ В. И. З у б а р е в а. Фауна Киева 1000 лет назад. "Природа", 1940, № 8; В. И. Ц а л к и н. Материалы для истории скотоводства

и к востоку от Черкасской и Сумской областей роль зубров заметно уменьшается¹⁴.

Относительно культур эпохи раннего железа в Белоруссии, в частности Зарубинецкой (Чаплинское городище, Лоевский район Гомельской области) значимость зубров свидетельствуется археологическими находками: найдено 202 кости зубров или туров (21 особи) при 364 костях лося (19 особей), 323 – благородного оленя (36 особей), 142 – козули (21 особь) (ср. для первых трех видов дичи следующие числа для археологической культуры той же эпохи из Горощкова, Речицкий район Гомельской области: 4 и 1, 51 и 9, 3 и 1)¹⁵. В древнем Гродно кости зубра составляют 10% всех находок остатков животных (всего 106 особей); это объясняют тем, что зубр давал мяса больше чем крупный рогатый скот¹⁶.

и охоты в древней Руси. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 51). М., 1956, стр. 133, ср. на стр. 227 о названии тура и зубра.

- ¹⁴ О находках костных остатков зубра в Черкасской области в раскопках городища Субботова и городища Собковка см. Г.П. П и д о п л и ч к о. Указ. соч. См. детальный анализ этого вопроса в кн.: В.И. Ц а л к и н. Древнее животноводство..., стр. 58-59, стр. 101 (приложения VIII и IX). В этой последней книге показано, что на юго-востоке рассматриваемой территории в изученный В.И.Цалкиным период охота играла значительно меньшую роль, чем скотоводство (что в свою очередь может быть соотнесено и с экологическими факторами). Есть основания думать, что облавная охота на зубров отражена уже в палеолите в Амвросиевском костыще (см. П.И.Б о р и с к о в с к о й. Палеолит Украины (Материалы и исследования по археологии СССР). М. 1953; Г.П. П и д о п л и ч к о. Амвросиевская палеолитическая стоянка и ее особенности. "Краткие сообщения Института археологии АН УССР", 2, Киев, 1953), но "число особей слишком велико, чтобы все эти животные могли поместиться в не столь уж большом овражке, вскрытом раскопками" (Г.П. Г р и г о р ь е в. Начало Верхнего Палеолита и происхождение Homo variens. Л., 1968, стр. 152).
- ¹⁵ Ср. В.И. Ц а л к и н. Древнее животноводство... Стр. 128; О н ж е. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 107). М. 1962. стр. 77, табл., прил. 4.
- ¹⁶ В.И. Ц а л к и н. Материалы..., стр. 128, Н.Н. В о р о н и н. Древнее Гродно (Материалы и исследования по археологии СССР). М., 1954, стр. 226.

В Прибалтике отмечается широкое распространение зубра во всех средневековых городах Латвии, хотя количество костей в каждом городище невелико; больше всего их находят в северо-западной Латвии и бассейне Лиелупе (28), меньше (18) в долине Даугавы¹⁷. "Охота на зубра, как можно судить по результатам изучения костных остатков, была сильно развита у замгалов (особенно в бассейне р. Лиелупе) и у куршей. У латгалов зубр составляет всего 7,2 особей диких копытных, т.е. в три раза меньше, чем в памятниках других племен"¹⁸.

Эти данные хорошо согласуются с языковыми свидетельствами, позволяющими реконструировать название зубра как для праславянского, так и для общепольского, хотя детали фонетических соответствий оказываются достаточно сложными. Общеславянскому *zǫbrъ (отраженному в др.-рус. зубрь, рус. зубр, укр. зубр, чеш. zubr, ст.-пол. zǫbrz, в.-луж. zubr и в румынской и среднегреческих формах, заимствованных из южнославянского, соответствуют лит. stumbras 'зубр' (уже в XVII в. Ширвида), stumbris (ср. также названия мест Stumbriai, Stumbriskis, Strumba-galvė < Stumbra-galvė, представляющее ввиду известных балкано-балтийских сходств значительный интерес как параллель представлению о роли головы зубра в Молдавии, Stumbra-kiečiai¹⁹), ср. stumbre²⁰), лтш. sumbrs 'зубр' stumbrs - диалектный вариант первого слова наряду с subrs, ср. в латышских народных песнях параллельные формы с уменьшительным суффиксом -itis²¹:

Nuosacies tu, subriti,
Nu jāj tavi medenieki;
Nu bus tavi balti ragi
Bajaram alus dzert

BW 30493

Nuomaujies tu, stumbriti,
Rita naks medinieku...²²

¹⁷ В.И. Цалкин. Материалы..., стр. 116 и 129; ср. "Доклады Академии Наук СССР", т. 77, 1951, № 2; Н.Н. Воронин. Указ. соч.

¹⁸ В.И. Цалкин. Материалы..., стр. 124.

¹⁹ К.В. ū g a. Rinkiniai raštai, t. I. Vilnius, 1958, стр. 358-359, ср. т. II. Vilnius, 1959, стр. 678-679.

²⁰ P. S k a r d ž i u s. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943, стр. 73.

²¹ См. о производных с этим суффиксом: V. R ū k e - D r a v i ņ a. Diminutive im Lettischen. (Acta Universitatis Stockholmiensis, Etudes de philologie slave, 8). Lund, 1959, стр. 232.

²² Параллелизм отмечен в: К.В. ū g a. Rinkiniai raštai, t. III, Vilnius, 1961, стр. 632.

В свете приведенных литовских топонимов и таких славянских топонимов, образованных от имени 'зубра', как кашуб. Zębrze, чеш. Zubří (и топонимы, связанные с рум. zimbri), значительный интерес представляет латыш. Subris²³.

Соотношение начальной группы st- в лит. stuĩbras, латыш. stuĩbrs и начального s- в латыш. sumbrs, subrs (при звонком z- в славянском) еще Эндзелин²⁴, а за ним и другие лингвисты, сравнили с аналогичным соотношением между ст.-сл. стѣна, лит. siena 'стена', лтш. siena; лит. stirna 'серна', лтш. stirna, ст.-лтш. sirna,²⁵ ст.-сл. срѣна. В этом последнем слове в начальном согласном или группе согласных можно видеть различные отражения (балтийские или славянские, если вслед за О.Н.Трубачевым считать слова с -st- < *-k- славянскими заимствованиями в балтийском²⁶) начального индоевропейского палатального смычного²⁷. Существенный вклад в рассмотрение этой проблемы вносит открытие В.М.Иллич-Свитыча, согласно которому чередование индоевропейского *st-~*-s- наблюдается в морфемах, содержащих некогда единую фонему *s̥- > *st-²⁸. Это чере-

23 См. подробный анализ этого латышского топонима: V.R ū ģ e - D r a v i ģ a. Place names in Kauguru county, Latvia. A synchronic-structural analysis of toponymes in an ancient Indo-European and Finno-Ugrian contact area. (Acta Universitatis Stockholmiensis, Stockholm Slavic Studies, 6), Stockholm, 1971, стр. 98-99, 118, 133, 137.

24 М.М. Э н д з е л и н. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911, стр. 5, 195 и 44.

25 См. К.В. ū g a. Rinkiniai raštai, t.II, стр. 671-679, а также J.Н о l u b - F.К о р е њ n y. Etymologický slovník jazyka českého, Praha, 1952, стр. 410; и литературу об этимологии лит. stuĩbras, данную В: E.Ф r a e n k e l. Litauisches Etymologisches Wörterbuch, Lief 12, 5, 932.

26 О.Н. Т р у б а ч е в. Лексикография и этимология. - "Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г.". М. 1973, стр. 310-311. Возможности, открываемые ностратической гипотезой, здесь не рассматриваются.

27 Ср. В.В.Иванов. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков. "Вопросы славянского языкознания", вып.2.М.,1957,стр.9(табл.); О н ж е. Проблема языков centum и satem. - В Я 1958, № 4, стр. 21.

28 В.М. И л л и ч - С в и т ы ч. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь. М., 1971, стр. 149 и 209-211.

дование возможно и в анлауте, ср., например, *st-* в хет. *ištark-* 'болеть', ст.-сл. *strъгъ* 'стерегу', чередующееся с *s-* в тох. А *sārk-* 'болезнь', В *sark-*, лит. *sérgti* 'охраняет, стережет'²⁹. Если развитие палатального смычного в языках *satam* в фонологических терминах описывается обычно как совпадение (фонологическое склеивание или конвергенция) этой фонемы со спитантом **-s-*, то в некоторых словах типа лит. *stirna-* можно предположить конвергенцию древнего палатального смычного с рефлексом фонемы **č̣->*st-*. В случае, если такое объяснение принимается для балтийского названия зубра, представляется возможным связать это с двумя основными особенностями фонетических соответствий, которые до настоящего времени вызвали сомнения. Во-первых, в славянском в анлауте звонкая фонема, но поскольку **č̣-* в принципе не имеет звонкого коррелята (по общefonетическим причинам: не существует звонких глоттализированных), позднейшая вариация **st-~*s-~*z-* не кажется невозможной. Во-вторых, с этой точки зрения находит объяснение и загадочное соответствие между литовским и латышскими словами, с одной стороны, и прусским *wissambris*, где *-s-* чередуется с лит. *st-*, согласно той именно закономерности, которую Иллич-Свитыч предположил для рефлексов **č̣-*. Можно, следовательно, полагать, что в прусском слове то же название зубра находилось в срединном положении из-за словосложения. Первая часть прусского сложного слова, очевидно, тождественна с **weis-* в др. исл. *vi.sundr* 'зубр', др. в. нем. *wisunt*, где первый элемент совпадает с тем, который представлен в названиях некоторых других пахучих животных, выделяющих ароматические вещества, ср. др.-англ. *weosule* 'ласка' < герм. *wisulon*³⁰.

На основании всего вышеизложенного можно предположить, что для балтийского и славянского восстанавливается ранняя диалектная праформа с начальным палатальным смычным, который затем был отождествлен с рефлексом **č̣-*, соответственно, глухим *s-* (*st-*) в балтийском и звонким *z-* в славянском. Поскольку для всех перечисленных языков общей является фонологическая схема корня названия зубра типа "переднеязычный шумный (исконный) смычный согласный (звон-

²⁹ См. о семантических и фонетических соотношениях в свете ностратической гипотезы там же, стр. 210-211; В.В. Иванов. Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском. "Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Прага, август 1968 г." М. 1968, стр. 249-250.

³⁰ C. W a t k i n s. Indo-European roots. "The American Heritage Dictionary of the English language", Boston - New York, 1971, стр. 154в. О дальнейшем фонетическом развитии *-s->z-* в английском см.: W. H o r n, M. L e h n e r t. Lauf und Leben, Bd. II. Berlin, 1954, стр. 784.

кий в славянском) + гласный + носовой согласный", вероятным представляется тождество с исконным кавказским ареальным названием зубра. Это последнее представлено, в частности, в иранском языке - осетинском *dombaĵ* 'зубр', также 'лев' (ср. выше о значении 'тигр' в др.-чеш. *zubr*), 'мощный, сильный',³¹ в ряде северо-западных кавказских языков - абхазском - абнбск. диал. *a-downp̄eŋ* 'зубр',³² абжуйск. диал. *(a-)dombeĵ*³³, адыгейском - *dombaĵ*, кабардинском - *dombeĵ*³⁴, в тюркских языках Кавказа - балкар. *dommaĵ* (*dombeĵ*), карач. *dommaĵ*, в картвельских языках - сван. *dombaĵ* 'бык мощного и крупного сложения', груз. *dombaĵ* 'зубр' (по глоссарию Чкония) и в одноименном топониме (название горной местности *Dombaĵ*). Как справедливо отмечает по поводу этого слова В.И.Абаев, "Кавказ, наряду с Беловежской пушей, был местом, где до недавнего времени водились зубры (всего дольше в заповеднике Клухорского района), Отсюда понятно существование общего названия для этого животного у ряда кавказских народов"³⁵. Встречающиеся в кавказоведческих работах в этой связи указания на наличие зубров до недавнего времени в нагорьях Западного Кавказа³⁶ следует дополнить палеозоологическими и археологическими данными, согласно которым уже в мустье в стоянке Ильской на Кубани обнаруживается много зубров³⁷, следовательно, в этом можно видеть постоянную черту древнекавказской фауны.

Приведенные слова разных кавказских языков бесспорно представляют собой заимствование из одной общего источника, на что указывает их значительное фонетическое сходство. В качестве источника этого заимствования предполагались тюркские языки Кавказа³⁸, но эта

-
- 31 В.И. А б а е в. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т.1, М.-Л., 1958, стр.365; - о развитии значения 'лев' ср.: В.И. А б а е в. Осетинский язык и фольклор, 1, М.-Л. 1949, стр.32.
- 32 Н.Я. М а р р. Русско-абхазский обратный словарь под ред. Дондуа, Л., 1928, стр. 22.
- 33 К.С. Ш в к р ы л. Очерки по абхазско-адыгейским языкам. Сухуми, 1971, стр. 101.
- 34 Н.Ф. Я к о в л е в. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.-Л., 1948, стр. 231.
- 35 В.И.Абаев. Историко-этимологический словарь..., стр. 365.
- 36 Н.Ф.Яковлев. Указ. соч., стр. 231.
- 37 С.А. С е м е н о в. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, стр.289; ср. "Noupage à N. Breuil", Ariège, 1956 стр.22, 30-32, 41.
- 38 Н.Ф. Я к о в л е в. Указ.соч., стр. 231; В.И.А б а е в. Осетинский язык и фольклор, стр.84 и 297. Напротив, К.С.Шакрыл (Указ.соч.,стр. 101), относит слово к общеабхазо-адыгейским, не указывая соответствий в других языках Кавказа.

гипотеза по существу осталась ничем не подтвержденной (в частности, не найдено других тюркских и алтайских соответствий для этого слова). Значительно более вероятным представляется индоевропейское происхождение этого названия зубра. Связь между всеми приведенными формами можно было бы объяснить при допущении древнего индоевропейского (возможно, иранского) источника заимствования с еще не спирантизовавшимся звонким (как в славянском названии зубра) начальным согласным, ср. развитие типа $*\tilde{g} > *d\tilde{z} > d$ (видимо, в результате деаффрикатизации) в древнеперсидском³⁹. В осетинском языке был уже найден ряд слов, в которых отражение индоевропейского палатального отвечает тому же типу, который наблюдается в древнеперсидском⁴⁰. Некоторые из таких форм с начальным d -распространились во всех иранских языках кроме авестийского, ср., в частности название руки, где из $*\tilde{g}h$ (греч. $\chi\epsilon\rho$ 'рука', др.-инд. *hasta*) в авестийском развивается z -, в других иранских языках d -. Отражение такого же типа, сходное с обычными рефлексам палатальных в албанском (ср. алб. *dhemb*- 'зуб' < $*\tilde{g}ombos$ и т.п.), можно предполагать и в языке; из которого в осетинский (а затем и другие кавказские языки) было заимствовано название зубра.

Существенным отличием осетинского и других кавказских названий зубра от балтийского и славянского является суффиксация: суф. $-r-$ ($-o-$, $-i-$) противостоит суф. aj (что, возможно и дало основание предполагать тюркский источник). Но суф. $-r-$ выделяется и в других индоевропейских, в том числе славянских названиях животных, в частности, вепря⁴¹; оставшаяся после его отсечения корневая структура

³⁹ Относительно др.-перс. \tilde{d} (по Хинцу \tilde{b}) в формах, где отражается индоевропейский палатальный, ср. Д.И.Э д е л ь м а н. К типологии индоевропейских гуттуральных. "Известия АН СССР. Серия литературы и языка", тXXXII, 1973, вып. 6 (с дальнейшей литературой вопроса)

⁴⁰ В.И. А б а е в. Древне-персидские элементы в осетинском языке. - "Иранский язык", 1, М.-Л., 1945, стр. 7-12; О н ж е. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949, стр. 138-143; О н ж е. О перекрестных изоглоссах. "Мидийские" элементы в персидском. "Этимология. 1966", М. 1968, стр. 250-254.

⁴¹ При расхождениях в йнлаутах суффикс $-i-$ в названии вепря является общим для балтийских, славянских, германских и латинского языков. Ср. о существенной роли вепря в некоторых из этих западно-индоевропейских ("древнеевропейских") мифологических систем: В.Н. Т о п о р о в. Об одной "ятвяжской" мифологеме в связи со славянской параллелью. "Acta Baltico-Slavica", III, 1966; Н. В е с к. Das Ebersignum im Germanischen. Ein Beitrag zur Germanischen Tier-Symbolik, Berlin, 1965.

типа *ǵ^(h)emb^(h) представляется вполне соответствующей индоевропейским закономерностям.

Таким образом, можно думать, что данный термин был миграционным на разных этапах языковой истории ареалов, примыкающих к Черному морю: славянский термин был заимствован в некоторые языки Балкан, тогда как другой язык типа *satem* (скорее всего иранский) оказался источником для миграции термина на Кавказе. Приведенные факты представляют интерес и для общетеоретической постановки вопроса об интерпретации наблюдаемых лексических сходств между славянскими, балканскими и балтийскими языками (к которым, как показывают слова типа др.-исл. *višundr*, могут примыкать и германские), с одной стороны, кавказскими с другой⁴².

2. Такие сложные пути распространения языковых и культурных влияний, предполагающие целый ряд промежуточных звеньев, можно вскрыть в целом ряде случаев, когда в разных перечисленных ареалах обнаруживаются подобные или даже тождественные явления. В качестве одного из наиболее ярких примеров можно привести комплекс языковых, ритуальных и мифологических представлений, связанных с культом волка и с представлением о людях, которые благодаря магической силе превращаются в оборотней. На территории Балкан наиболее ранние проявления такого комплекса обнаруживаются в Греции, что в свое время раскрыл в замечательной статье Жерне, показавший, что представление об изгое, превращающемся в волка, и князе, который может обращаться волком, образуют единое целое, существенными языковыми проявлениями которого являются названия городов типа *Λυκοστρα* (Павзан. VIII, 4,5); следы соответствующих обрядов и связанной с ними терминологии (*λυκοάνθρωπος*, *λυκοάνθρωπος*) прослеживаются и в современных греческих народных обычаях⁴³. Сходные славянские обычаи и поверья, восходящие, как показывают новейшие изыскания, к общепалеоиндоевропейской традиции⁴⁴, были выявлены в сербо-хорватских эпи-

⁴² Ср. V.P. o l á k. "Kavkazské" lexikální prvky o starých jazycích balkanských. "Studia balkanica bogemoslovaca". Brno, 1970, стр. 202-211. - Определение конкретного источника общекавказского слова затрудняется качеством гласного: при допущении иранского источника следовало бы думать о вторичном изменении вокализма

*a > o (под влиянием последующего губного ш?).

⁴³ L.G e r n e t. *Dolon le loup.* - :L.G e r n e t. *Anthropologie de la Grece antique.* Paris, 1968, стр. 159 и след.

⁴⁴ M.R.G e r s t e i n. *Warg: the outlaw as werwolf in Germanic myth, law, and medicine.* "Dissertations abstracts international", 33, 1972, стр. 1681 A; V.V.I v a n o v. *On the interpretation of the § 37 of the Hittite laws in the light of other Indo-European traditions.* "Linguistica", XIII, Ljubljana, 1973.

ческих песнях, сравненных с этой точки зрения с восточнославянским эпосом о Всеславе⁴⁵. Упоминаемые в этом цикле 'вочьи волосы' на голове князя-Волка - сербо-хорв. косе вучје и слов. volčja dlaka (ср. семантически тождественное др.-исл. vargshar 'волчьи волосы',⁴⁶ позволяют разъяснить славянское название вурдалака-оборотня, ставшее общеславянским, ср., в частности, болг. вълколак, върколак, вълкодлак, вукодлак, греч. βουρκόβλακας, βουρβόβλακας, βουρβόβλακας, рум. vîrcolac, vîrgolac, vîrgolag⁴⁷. Предположенное ранее на основании сравнения с балтийским названием медведя (лит. lokū̃s, латыш. lācis, прус. *tlok- 'медведь', ср. хет. ḫartagga- 'медведь' и греч. ἄρκτος, др.ирл. art и другие родственные индоевропейские названия медведя, табуированной трансформацией которого может быть балт.

45 R. J a c o b s o n. Selected writings, vol. IV, Slavic epic studies. The Hague - Paris, 1966.

46 Ср. там же, стр. 344 и след.; В.В. И в а н о в и В.Н. Т о п о р о в. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, стр. 344 и след. М. J a k o b u. Wargus, vargr 'Verbrecher' 'Wolf'. Eine Sprach- und rechtsgeschichtliche Untersuchung (Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Germanistica Upsaliensia, 12), Uppsala, 1974, стр. 57; (ср. В.В. И в а н о в. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка. "Известия АН СССР. Серия литературы и языка", т. 34, 1975, № 5, - См. там же о кавказских параллелях таким волчьим символам, как пара собак-волков, сопутствующих Одину и подобных груз. мцеварни, ритуальный шест. Одина, связанный с волком и напоминающий сванский дем, и как образ волкоглавого князя-Вахтанга; в связи с хет. hurkilai 'люди-изгой', обсуждаемым в той же статье, особый интерес представляет упоминание этих людей в мифологическом архаичном тексте, где излагается диалог этих людей с храмом Бога Грозы: Н. P e d e r s e n. Hittite dalugnula and barganula. "Journal of Cuneiform Studies", vol. 1, 1947, No 1).

47 R. V e r n a r d. Le vocabulaire du dialecte de Razlog. "Linguistique balkanique", III, 2, 1961, стр. 82, прим. 1. Ср. также о румынских вариантах vâlcolac, svîrcolac, арум. vurculác, vurcolac: А. I. I o n e s c u. A propos de l'influence slave dans la terminologie roumaine. "Revue roumaine de linguistique", т. XX, 1975, No 6, стр. 674. Румынские данные представляют интерес для выяснения вопроса о продолжении предполагаемого дакского культа волка, см. М. E l i a d e. Les Daces et les loups, "Numen", 6, 1959, стр. 15-31; А. С l o s s. Der Schamanismus bei den Indoeuropäern, "Innsbrucker Beiträge zur Linguistik und Kulturgeschichte", Bd. 14, 1974, стр. 301.

*tlak-, слав.*dlak-) толкование древнейшей внутренней формы славянского названия вурдалака-оборотня как 'волк-медведь'⁴⁸ представляется возможным подтвердить сопоставлением с семантически тождественными древнегерманскими именами типа др.-исл. *Ulfbiörn*, *Biörn-olfr*, древнем. *Wulfbero*, *Werulf*, вестгот. *Werulfus*⁴⁹. Древнейшая форма соответствующего обряда, связанного с представлением о человеке-оборотне, становящемся волком или медведем, была связана с переодеванием в волчью или медвежью шкуру или надеванием соответствующей маски. По отношению к древнегреческим обрядам и основанным на них мифах это четко показал Жерне: ритуальной основой мифа о Долоне у Еврипида служило настоящее переодевание волком, о котором свидетельствует как упоминание раскрытой 'пасти зверя' (*χάσσις θηρός*) на голове героя в тексте Еврипида, так и более древнее изображение на чаше, где Долон представлен закутанным в волчью шкуру⁵⁰. Следы этого обычая можно реконструировать и по его пережиткам в современных греческих поверьях о *Λυονάντζαροι*, приуроченных к тому времени, когда согласно Димезилю в разных индоевропейских традициях осуществляется переодевание в животных⁵¹. Сходный вывод, согласно которому представление о воине-оборотне вторично по отношению к переодеванию в волчью шкуру, делается на основании археологических свидетельств о германских изображениях V-IX вв. н.э. воинов, одетых волками⁵², что согласуется и с известиями, содержащимися в древнегерманских текстах, о волках-воинах (др.-англ.

⁴⁸ В.В. Иванов и В.Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста. "Славянское языкознание", М. 1963, стр. 139.

⁴⁹ A. S c h e r e r. Zum Sinngehalt der germanischen Personennamen. "Beiträge zur Namenforschung", 4, 1953, стр. 12. Ср. также такие имена воинов и героев, как др.-англ. *Beowulf* (буквально 'пчелиный волк' = 'медведь') при обычном для древнеанглийского назывании воина 'медведем'.

⁵⁰ L. G e r n e t. Указ. соч., стр. 155-156.

⁵¹ Там же, стр. 159-160, ср. J. C. L a w s o n. Modern Greek folklore and ancient Greek religion, стр. 203 и след., 239 и след.

⁵² O. H ö f l e r. Kultische Geheimbünde der Germanen, Bd. I, Frankfurt am Main, 1934, Taf. 1, II; B. H a u g e n. Osebergfunnets Billedvev. "Viking. Tidskrift for norrøn arkeologi", Bd. IV, Oslo, 1940, стр. 104; E. G r a f O x e n s t i e r n a. Die Goldhörner von Gellehus, Ledingö", 1956, стр. 150, рис. 171; H. J a n k u h n. Ein Handelsplatz aus der Wikingerzeit, 4 Aufl. Neumünster, 1963, стр. 258; P. O. R i n g q u i s t. Två vikingatida uppländska människofigurer i brons. "Fornvännen. Tidskrift för Svensk antikvariska Forskning", 64, 1969, стр. 287 и след.

heorowulfas, waelurilfas) и войнах в волчьих шкурах (др.-исл. ber-sekir), кричащих 'как собаки' (sem hundar), а также с рассказом о пляске германских воинов в волчьих и медвежьих шкурах в Византии во время праздника при Константине Багрянородном⁵³. Разительное совпадение с упомянутыми древнегерманскими фактами обнаруживается и в хеттских ритуальных текстах, где описываются 'люди-медведи' 'люди-волки' и 'люди-собаки',⁵⁴ (обозначаемые соответственными идеограммами) и выступает также человек в бараньей шкуре, кричащий 'по-волчьи',⁵⁵. Существенным представляется то, что в обеих указанных индоевропейских традициях (проявляющихся в разные эпохи, но на смежных территориях) символика волчьего культа перешлетается с символикой медвежьего культа, что представляется еще одним аргументом в пользу предлагаемой интерпретации славянского названия вурдолака. Это можно подтвердить и другими балканскими параллелями. Культ волка в древней Греции сосуществовал с культом медведя⁵⁶, для которого можно найти ареальные параллели на Балканах, во Франции и в смежных областях Малой Азии⁵⁷ и типологические - в представлениях о 'медвежьем сыне' во всем евразийском ареале вплоть до айнов, образующих промежуточное звено, соединяющее этот ареал с областью америндейского медвежьего культа⁵⁸ (ср. характерное отражение того

⁵³ C. K r a u s. Das gotische Weihnachtsspiel. "Beiträge zur Geschichte der Deutschen Sprache und Literatur", Bd. 20, 1895, стр. 224-257; J. d e V r i e s. Altgermanische Religionsgeschichte, Bd. 1 (Grundriss der germanischen Philologie, Bd. 15), Berlin, 1956,

стр. S. 452; M. J a k o b y, Указ. соч., стр. 82-83
⁵⁴ L. J a k o b - R o s t. Zu einiger hethitischen Kultfunktionären. - "Orientalia", vol. 35, n. ser. 1966, fasc. 4, стр. 417-422. О танце людей-волков см. H. S. S c h u s t e r. Die hattisch-hethitische Bilinguen. I. Einleitung. Texte und Kommentar, 1 T., Leiden, 1974, стр. 26-27, fn. 86.

⁵⁵ F. S o m m e r. Die Ahhijava-Urkunden, München, 1932, стр. 115; H. O t t e n. Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luwischen, Berlin, 1953, стр. 59. 15.

⁵⁶ R. C a r p e n t e r. Folk tale, fiction and saga in the Homeric epics. Berkeley, 1946, К германским параллелям ср. в особенностях: F. P a n z e r. Studien zur germanischen Sagen-geschichte. I. Beowulf. München, 1910, стр. 1-245.

⁵⁷ P. N. B o r a t a v. Les histoires d'ours en Anatolie, FF Comm., N 152, 1955.

⁵⁸ Ср. В. В. И в а н о в и В. Н. Т о п о р о в. К реконструкции праславянского текста, стр. 139-140; J. P u h v e l. Filles du

же культа в табуировании древнего общеиндоевропейского названия медведя у славян и германцев при его возможном пережиточном сохранении в анализируемом названии Вурдалака).

При исследовании географического распространения культа волка (часто соотносящегося с собакой и с нею отождествляемого)⁵⁹ ср. характерные древние термины типа др.-ирл. *cú* 'собака, волк',⁶⁰ с ностратическими параллелями⁶¹, удостоверяющими древность второго из этих значений, тогда как в большинстве древних индоевропейских языков возобладало первое, ср. др.-инд. *v́(u)vá*, греч. *κύων* 'пес' и т.п.) отмечается существенное совпадение данных, относящихся к древним Балканам, Анатолии и Кавказу. В частности, во всех этих трех ареалах совпадает мотив волка как символа вождя боевой дружины или предводителя. Для южнославянского (сербо-хорватского) Вука Огненного змея этот образ предводителя дружины проецируется и в общеславянский ввиду совпадения его с мотивами восточнославянского эпоса о Всеславе⁶². Для Греции сходный образ мифологического царя-Волка (с именем, этимологически совпадающим с именем сербского героя) реконструируется на основании преданий об основании таким царем города, также носящего 'волчье' имя⁶³. Разительным соответствием на Кавказе является имя родоначальника нартов - *Warxag*, в котором,

Soleil: *Folklore Estonien et Mythologie Indoeuropéenne*. - "Estonian poetry and language. Studies in honor of Ants Oras", Stockholm, 1965, стр. 169; Е.А.А л е к с е е н к о. Культ медведя у кетов. "Советская этнография", 1960, № 4; Е.А.К р е й н о в и ч. Медвежий праздник у кетов. "Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты", М. 1969; L. R o b e r t s. Curious legend of the Kentucky Mountains. "Western Folklore", 16, 1957, стр. 48-51.

- 59 Ср. о сходстве символов собаки и волка: Н. В е с к, Указ. соч., стр. 77, *Ann.* 37; М. Я с о в у. Указ. соч., стр. 31, 81, 102.
- 60 В. В. И в а н о в. Происхождение имени Кухулина. "Проблемы сравнительной филологии". М.-Л., 1964, стр. 458-459.
- 61 В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. Указ. соч., стр. 361.
- 62 R. Я с о в с о н, Указ. соч.
- 63 L. G e r n e t, Указ. соч., стр. 157-158. К 'волчьим' антропонимам параллели обнаруживаются также и в древнеиндийской и древнегерманской традициях. В свете фактов, приводимых в настоящей статье, особого внимания заслуживает имя Вульфилы, ср. А. К о с к. Zur Frage nach dem Namen des gotischen Bibelübersetzers. "Arkiv för nordisk filologi" N.F. 27, 1924 (ср. любопытные сходства готского и древнегрузинского письма и названий букв).

по В.И.Абаеву; сохраняется древнее иранское название 'волка',⁶⁴ (в таком случае это имя этимологически тождественно имени сербского Вука и греческого Ликаона). В то же время сходные представления отражены в грузинских и сванских поверьях о параллелизме волчьей стаи и рода⁶⁵, которые совпадают с древне-хеттской формулой - обращением царя [su-] mi-in-za-na IR^{MES} -am-ma-an UR. VAR. Ra-aš ma-a-an pa-an-gur... 1^{EN} e-eš-tu (2 ВоТУ 10 β, 15 и след.) 'И ваш род, род моих подданных, да будет единым как волчий'. В параллельном месте древнехеттского завешания Хаттусилиса I вместо идеограммы 'волка' употреблено фонетическое написание ú-e-it-na-aš⁶⁶, которое этимологически можно отождествить с др.-исл. vitnir, встречающимся в качестве одного из синонимов ulfr 'волк' и в "Старшей Эдде" (Grimnismál, 23) и у Снорри⁶⁷. Предлагаемое этимологическое

⁶⁴ В.И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М. 1965, стр. 95. К приводимым В.И.Абаевым данным о кузнеце и волке следует добавить, что согласно старой германской традиции кузнецы могли ставить на мече знак волка, ср. также названия меча - др.-исл. vargr, ulfr 'волк' - Н.В е с к. Указ. соч., стр. 49-50. С этим следует сопоставить то, что куски железного шлака назывались 'волками' (нем. Luppe из лат. lupus, см. В.Н е и м а н н. Die ältesten Verfahren der Erzeugung technischen Eisens, Freiburger Forschungshefte, Kultur und Technik, 6, Berlin, 1954, стр. 13). Ср. также о связи волка (=пса) и кузницы в мифе ниже, сн. 83.

⁶⁵ В.В. Бардавелдзе. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957; G.С h a r a c h i d z é. Le système religieux de la Géorgie paléenne, Paris, 1968, стр. 482. Соответствующий лингвистический материал был исследован в связи с вопросом о древнем названии Грузии в еще ненапечатанном труде покойного акад. Г.В.Церетели.

⁶⁶ F. S o m m e r und A. F a l k e n s t e i n. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattusili I (Labarna II). München, 1938, стр. 75 и 77.

⁶⁷ Ср. об этой синонимии в древнеисландском М. J a с о в у. Указ. соч., стр. 112, 120. Др.-исл. ulfr может быть родственно другому хеттскому названию 'волка', предположенному Гетце - ulip-rana: В.В. И в а н о в и В.Н. Т о п о р о в. Исследования в области славянских древностей. М. 1974, стр. 131. Предлагаемая этимология хет. uetna- и др.-исл. vitnir требует возведения их к индоевропейскому *ueid-n-, что согласуется с отсутствием ассимиляции, обычной в хеттском для сочетания с другим глухим

сближение древнехеттского и древнегерманского терминов представляется существенным в виду совпадения отмеченных выше деталей культа волка в обеих традициях.

Сходство с приведенными индоевропейскими фактами на Кавказе обнаруживается также и в наличии 'волчьих' антопонимов — убых. k'а: bə'əə (буквально 'Волчонок')⁶⁸, абх. k'ə'əž (от ak'ə'žma 'волк')⁶⁹. Особый интерес представляют хевсурские имена типа Mgelika, Mgela, принадлежавшие особенно знаменитым шаманам⁷⁰ и образованные от древнего названия волка⁷¹ (груз. mgel — 'волк').

Параллелизм кавказских и индоевропейских (в том числе германских) представлений о волке виден в синонимии культовых символов волка и собаки, которая проявляется в поверьях о сванских мифологических "собаках" — волках⁷² и в представлении о волках как собаках нартов в абхазском фольклоре⁷³. Поэтому с кругом кавказских представлений о волке обоснованно связывают и данные об абхазском божестве Альшькы(н)тыр, представляемом в виде двух собак, в частности, в храме близ Ткварчели, специально посвященном этому божеству и называемом его именем⁷⁴. Такие же двойные изображения собаки давно уже отмечались на Кавказе⁷⁵, причем в свете всех других приведенных

*-tr- > *-nn- (в частности, в гетероклитических именах существительных).

68 Н. V o g t. Dictionnaire de la langue oubykh, Oslo, 1963, стр. 131

69 Е. М. М а л и я. Народное изобразительное искусство Абхазии.

Тбилиси, 1970, стр. 75.

70 Г. С h a r a c h i d z e. Указ. соч., стр. 151, 206, 209, 219 (детально рассмотрены данные об этих шаманах, но вопрос об этимологии имени не ставится).

71 В. В. Б а р д а в е л и д з е. Указ. соч.

72 Там же, стр. 243-244.

73 Е. М. М а л и я. Указ. соч., стр. 75; Ц. И. Б ж а н и я. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми, 1973, стр. 125 и 217

74 Ц. И. Б ж а н и я. Указ. соч., стр. 219; В. В. И в а н о в и В. Н. Т о п о р о в. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, стр. 52, примеч. 47; М. М. Т р а п ш. Материалы по археологии средневековой Абхазии, т. 4, Сухуми, 1975, стр. 184-186 и рис. 77; Ю. Н. В о р о н о в. Туристические тропы. Лашкендар. — "Советская Абхазия", 1969.

75 А. А. М и л л е р. Изображения собаки в древностях Кавказа. "Известия Российской академии материальной культуры", т. II, II г., 1922, стр. 294 и 305. Ср. там же о типологических параллелях двойным изображениям, число которых в настоящее время может быть

выше сближений большой интерес представляет то, что они практически совпадают с такими же двойными изображениями, связываемыми с волчьими символами в древнегерманском искусстве⁷⁶.

Двоенный характер этого парного абхазского божества, которое в храме возле Ткварчели изображено как единое целое, позволяет истолковать его как аналог двойных или близнецных индоевропейских божеств⁷⁷. Представляется, что это типологическое сближение позволяет разяснить загадочное, на первый взгляд, наименование абхазских боевых судов-лодок *laikendari*, сообщенное Вахушти в его "Географии Грузии"⁷⁸. Это название лодок, с одной стороны напоминает древнегерманские зооморфные кеннинги (в том числе и соответствующие названия судов типа др.-англ. *sæ-mearh* 'морской конь' - 'корабль' и т.п.), с другой - связь лодок с близнецным мифом во всех индоевропейских традициях. Из них в данном контексте особый интерес представляет римская, по которой у устья Тибра стоял челн Ромула и Рема⁷⁹ - близнецов - основателей города, вскормленных

существенно умножено, см. F.B o a s. *Primitive art*, Oslo, 1927; C.L é v i - S t r a u s s. *Anthropologie structurale*, Paris, 1958.

⁷⁶ O. N o l z a p f e l. *Stabilität und Variabilität einer Formel.* "Mediaeval Scandinavia", 6, 1973, Odense, 1974, стр. 32-33, рис. 15. С изображением Алышкытыр в храме на горе близ Ткварчели (где, осматривая его осенью 1965 г, автор обнаружил следы недавних приношений даров храму) эта стандартная схема совпадает потому, что между двумя зооморфными символами (собак или волков) находится связывающее их соединительное звено (в храме круглое).

⁷⁷ Ср. о таких божествах в связи с символами волка и собаки: O. P l a v s m a n n, *Agis. Eine Untersuchung an Wörtern, Sachen und Mythen.* "Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur", Bd. 82, Sonderband E. Karg. Gasterstädt zum 75. Geburtstag am 9. Februar 1961 gewidmet, 1961, стр. 112-118. Предлагаемое сближение позволило бы объяснить как подобное близнецное зооморфное божество и двух собак-волков - символы Одина, типологически сопоставимые с грузинскими парными собаками-мцеварни божеств, аналог которым можно усмотреть и на известной чаше из Триалети.

⁷⁸ Правильный анализ этого места см.: Ц. Н. Б ж а н и я. Указ. соч., стр. 224.

⁷⁹ L. C z e r. *Der mythische Lebensbaum und die Ficus Ruminialis.* "Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae", t. X, fasc. 4.

волчицей (ср. выше о названии городов, основанных царем с 'волчьим' именем, в греческом мифе). Представляется, что типологическое сопоставление может помочь установить связь между названием абхазских лодок и сдвоенным божеством - двумя псами, которых можно возвести к мифологическим волкам.

Связь абхазского культа собаки с культом волка особенно наглядно выступает в рассказе о том, как собаки три дня и три ночи лизали великана Аслана, убитого дэвами, и вернули ему жизнь и зрение⁸⁰. Н.Я. Марр уже указал на аналогичную роль собаки в сказании об Амيرانе и армянских божествах (Arlez'ob) (генеалогия которых возводится к собакам), лизавших раны и тем воскресивших героя Арая⁸¹. В нартовском эпосе этому отвечает, с одной стороны, мотив волка, пристающего к телу Саскрыквы его незакаленную ногу ("ахиллесову пятю"), с другой - мотив волка, который лизет текущую из раны Саскрыквы кровь, за что герой его проклинает⁸². Эта деталь полностью совпа-

Budapest, 1962, стр. 198. Ср. В.В. Иванов. Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках. "Балто-славянский сборник", М., 1972, стр. 197-198; Он же. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от а́ва 'конь'. "Проблемы истории языков и культуры народов Индии. Сб. ст. памяти В.С.Воробьева-Десятовского", М. 1974, стр. 128-129. Ср. J.P. H u v e l. Указ. соч., стр. 173. Уже после того, как была выявлена связь индоевропейского близнечного мира с морем и лодкой (ср. D. W a r d. The Divine Twins. An Indo-European Myth in Germanic tradition. University of California Folklore Studies, 19, Berkeley and Los Angeles, 1968, стр. 14) был открыт наиболее древний индоевропейский текст, содержащий архаический вариант этого мифа - древнехеттская повесть о тридцати сыновьях царицы Нанеса - близнецах, которых после их рождения сплавляют по реке к морю, см. H. O t t e n. Eine althethische Erzählung um die Stadt Zalpa, Studien zu den Boğazköy-Texten, 17, Wiesbaden, 1973.

⁸⁰ И.С. Джанашиа. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960, стр. 29.

⁸¹ Н.Я. Марр. О языке и истории абхазов. М.-Л., 1938, стр. 113 (обещанная в этой статье специальная работа Марра об абхазском и армянском божествах не была опубликована).

⁸² Е.М. Малия. Указ. соч., стр. 75. По другим вариантам мифа Саскрыква перед смертью бьет волка по спине, чтобы уменьшить силу волков, или же Саскрыква убил "адауи" (дэва), которого четыре собаки лизали четыре года и оживили его, но сами остались с неподвижными головами, после чего адауи проклял их и они

длет с одним из вариантов ирландской саги о смерти Кухулина, согласно которому истекающий кровью Кухулин видит, что выдра (др.-ирл. *doborchú* 'собака воды', в саге далее *сú* 'собака, пес, волк') пьет его кровь: "и когда Кухулин увидел, что собака пьет кровь, текущую из тела, он нанес собаке такой удар, что она от него подохла"⁸³.

стали волками, см. Ц.И.Б ж а н и я. Указ. соч., стр. 218-219 (в последнем варианте соединены оба мотива мифа).

- 83 С. J. G u o m a r c ' h. La maladie de Cuhulainn et l'unique jalousie d'Emer, "Ogam", t. X, f. 4-5, 1958, стр. 298, n. 60;
- В. В. И в а н о в. Происхождение имени Кухулина, стр. 453-454. Особенно разительную аналогию к ирландскому циклу саг о Кухулине представляет абхазский рассказ о "Ала зъыз" - кузнице, которая уничтожила пса (абх. ала): И. А. А д ж и н д ж а л. Из этнографии Абхазии, Сухуми, 1969, стр. 363. Поскольку древний Волк (=пес) уподобляется Змею, в свете этой ирландско-кавказской мифологемы может быть разъяснен и славянский миф о кузнецах, усмиривших и взнуздавших Змея: А. А. П о т е б н я. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. II. Рождественские обряды. "Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1865", кн. 2, апрель-июнь. М., 1865, стр. 8-15; В. С. М и л л е р. Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. Т. I. Асвины-Диоскуры. М., 1876; В. В. И в а н о в, В. Н. Т о п о р о в. Исследования в области славянских древностей; В. В. И в а н о в и В. Н. Т о п о р о в. Этимологическое исследование семантически ограниченных групп лексики в связи с проблемой реконструкции праславянских текстов. "Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов". М., 1963, стр. 151-158. Высунутый язык Змея, характерный для этого мифа в его славянском варианте, позволяет предложить сравнение с мифологемой чудовища с высунутым языком, имеющей широкое распространение в тихоокеанском ареале: A. S a l m o n u. Antler and Tongue, an essay of Ancient Chinese symbolism and its implications, "Artibus Asiae". Supplement, Ascona, 1964; S h u n g - s h e n g L i n g. Human figures with protruding tongue, "Bulletin of the Institute of Ethnology, Academia Sinica", 1956, 2; M. B a d n e r. The protruding tongue and related motifs in the art styles of the American Northwest Coast, New Zealand and China. "Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik", 15, Wien, 1966; C. L é v i - S t r a u s s. La voie des masques. II, Geneve, 1975, стр. 93-95. (там же см. о связи всего этого круга представлений с "идеологией меди", что важно и для типологии мифа о кузнеце, усмиряющем или убивающем Змея-Волка); E. L i p s. Bemerkungen zu einigen Stücken von der

Совпадение с нартовским эпосом представляет особенно большой интерес в виду того, что кельтское название 'выдры' как 'собаки воды' по внутренней форме совпадает с грузинскими⁸⁴, а кавказские фантастические изображения (типа упомянутых выше сдвоенных) на кобанских

nordwestamerikanischen Nordwestküste, "Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig", Bd. XIV, Berlin, 1955, стр. 10-30; L. V a j d a. [Рец.]: H. und U. H i m m e l h a b e r. Die Dan. "Afrika und Übersee", Bd. 45, 1962, Heft 4; C. H e n t z e.

[Рец.]: A. S a l m o n y. Antler and tongue. "Anthropos", Bd. 50, 1955.

Ввиду наличия аналогий мотиву кузнеца, убивающего пса, в кельтском материале, существенны ритуальные кельтские архаизмы, связанные с той же культовой ролью языка: Th. K ö v e s. La coutume de la langue tirée chez les Gaulois, "Latomus", 17, 1958, стр. 212-238.

84 См. Н.Я. М а р р. Postface. "Яфетический сборник", т. III. М.-Л., 1925, стр. 168 (там же о баскском, ср: с латинским E. S c h w e n t n e r. Irisch doborchú 'Biber', KZ, Bd. 76, 1/2 Hft. 1959, стр. 77). Вероятно, что к выдре относится и аналогичный оборот ÍD-aš UR. ZÍR [HI. A] 'воды собак [и] 'в хеттском переводе хурритского стихотворного мифологического рассказа о чудовище Хедамму, входящем в эпический цикл Кумарби, см. E. L a r o s h e. Textes mythologiques hittites en transcription. 2 Partie. Mythologie d'origine étrangère, "Revue hittite et asianique", t. XVI, f. 82, 1968, стр. 55; J. F r i e d r i c h. Der churritische Mythos vom Schlangedämon Hedammu in hethitischer Sprache. "Archiv Orientalni", vol. XVII, 1949, стр. 1, стр. 233, Fn. 8, 5. 248; J. S i e g e l o v a. Appu-Märchen und Hedammu-Mythus (Studien zu den Boğazköy-Texten, 14) Wiesbaden, 1971, стр. 34 след.; ср. из более далеких типологических параллелей кит. шуй-гоу 'выдра' = 'собака воды' с возможной калькой в маньчж. хайхун 'выдра', хайлун 'бообр, выдра': Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, т. I, А-Н. Л., 1975, стр. 369. К типологии Выдры как животного бога Дождя Тлалока в Древней Мексике и параллелях в других америндейских культурах см. C. L é v i - S t r a u s s. La voie des masques, t. II, Geneve, 1975, стр. 57, ср. там же, стр. 17, о связанном с подземным (нижним) миром "парадоксальном приурочении земного или морского существа к противоположной природной стихии", что объясняет не только структуру оборотов типа "собака воды", но и соответствующих оборотов типа "рыбы полей" (в том же хеттско-хурритском тексте о Хедамму). Представляется, что сербохорв. дабер 'бообр', обычно объясняемое как результат диссими-

бронзовых топорах и пряхках толковались как изображение водяной и собаки-волка⁸⁵.

С культовой ролью собаки-волка связывается одновременно миф об убийстве такой собаки-волка героем (в частности, кузнецом - в кельтской и возможно славянской традиции, с одной стороны, абхазской, с другой) и приношение в жертву собак герою-противнику мифологического Пса-Волка (ср. сходную двоякую роль волка по отношению к Одину: Один-враг мифологического Волка, но в то же время ему приносят в жертву собак и волков и два Волка служат "псами" Одина, типологически подобными груз. мцеварни- волкам-псам, "есаулам" Св.Георгия). Оба эти мифологических представления отчетливо в их взаимосвязи сохраняются в лидийской традиции, где наряду с мифом о Кандавле (душителе-убийце пса, ср. значение соответствующего корня 'умерщвлять' в балтославянско-германской группе⁸⁶ и лат. Faunus) широко представлен обычай принесения в жертву собак, по-видимому,

ляции общеславянского названия 'бобра' могло бы отразить и форму типа первой части кельтского названия 'выдры' др.-ирл. do-bog-snú 'воды-собака' при допущении предполагавшихся многими учеными кельто-славянских контактов, ср. например, синтагматическое соединение символов бобра и выдры в связи с переодеваниями близнецов-детей бога в латышской народной песне - Dieva dēli danci veda Udra, bebra kazakos 'Сыновья Бога танцевали, одетые в шкуры выдры и бобра' (A.Š v ā b e, K. S t r a n b e r g s, E. H a u z e n b e r g a s t u r m a. Latviešu tautas dziesmas, v. XI, København, 1956, стр. 382, № 33924).

⁸⁵ И.И. Мещанинов. Змея и собака на вещевых памятниках архаического Кавказа "Записки Восточного Отдела Русского Археологического Общества", XVI; И.Е. Урушадзе. Опыт семантического анализа бронзового пояса из Мхета-Самтавро. "Советская этнография", 1971, № 6, стр. 129 и след.; она же. Зооморфные мотивы раннехристианских храмов Грузии. - "Мацне", 1974, II, стр. 130. К образу змеи-собаки (змеи-волка) ср. типологические параллели: О.Р л а в с ш а п н. Указ. соч. О предполагаемом индо-средиземноморском происхождении мифологемы 'убийцы пса' и ее отражении в древнеиндийской, греческой и лидийской традициях ср.: V. P i s a n i. Due comparazioni indo-latine. "Rivista degli studi orientali", v. XXXII, 1957, она же, Roma e Sparta. - "Saggi di linguistica storica", Torino, 1959, стр. 224. (в связи с лат. Faunus).

⁸⁶ Ch. S. S t a n g. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen, Oslo-Berger-Tromsø, 1972.

именно этому герою Кандаву⁸⁷. Древность анатолийских истоков этого лидийского обряда подтверждается наличием соответствующих ритуалов у хеттов уже в среднехеттский период (о чем свидетельствует ритуал Maštigga), а также в новохеттский период, что подтверждается особым заклинанием щенка (ŠA UR. TUR hukmai-) в ритуале Туннави (I 61, 62, ср. сожжение щенка в III 17-18)⁸⁸.

Хотя некоторые из приведенных сближений могут быть объяснены чисто типологическим совпадением, вся их совокупность при тождестве отдельных деталей (типа собаки-волка, пьющего кровь умирающего героя, который проклинает волка или убивает собаку) слишком значительны для того, чтобы можно было отрицать наличие ареальных связей, объясняющих сходные проявления культа волка на всей рассмотренной выше территории. Дальнейшее рассмотрение этих проблем может представить интерес и для решения вопросов, относящихся к ранним контактам и путям миграции перечисленных народов.

⁸⁷ Эта идея Ханфмана (G.M.A.Hanfmann. The fifth campaign at Sardis, "Bulletin of the American schools of Oriental Research", N 170, April 1963, стр. 10, ср. В.В.И в а н о в. Происхождение имени Кухулина, стр. 461, примеч. 54) в недавнее время развита Педли (J.G.P e d l e y. Carians in Sardis. "The Journal of Hellenic Studies", vol. XC IV, 1974, стр. 98-99), который, однако, не учел наличия древнеанатолийских параллелей этому ритуалу и поэтому ошибочно истолковал его происхождение.

⁸⁸ A.G o e t z e. The Hittite Ritual of Tunnawi. New Haven, 1938, стр. 10-II, 17-18. Ср. о жертве собаки: О н ж е. Klein-asien, München, 1957, стр. 164. Соответствующий хеттский ритуал с одновременным принесением в жертву собаки и военнопленного (КВо XV 3, КИВ XVII 17, 10 и др.) сходен, с одной стороны, с обрядом приношения в жертву Одну людей, волков и собак, с другой, с древнекитайскими иньскими обрядами времени, когда отмечается в качестве нововведения принесение собак в жертву божеству (С.Л. В а с и л ь е в. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., 1976, стр. 283, 284, 316); индоевропейское влияние в этом случае особенно вероятно ввиду индоевропейского происхождения древнекитайского kiwen.

МИКЕНСКОЕ ГРЕЧЕСКОЕ *WA-NA-KA* И ЕГО ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Микенский греческий термин *wa-na-ka* может быть переведен как 'повелитель (хозяин)', 'господин' с двумя более частными значениями, вытекающими из этого общего: социальным — 'царь — глава государства' и религиозным — 'бог'. Предполагаемое общее значение особенно явственно обнаруживается в социальных контекстах, где *wa-na-ka* противопоставляется другим социальным терминам, в частности, *ra-wa-ke-ta*, которое на основании его этимологии переводится как 'воевода', но обозначало высшее должностное лицо (не обязательно военачальника) и *qa-si-re-u* — обозначению местного правителя. В этом семантическом противопоставлении *wa-na-ka* выступает в качестве маркированного члена — единственного в микенском греческом языке обозначения 'повелителя'¹, возможно наделенного сакральной властью, что допускает возможность объединения социального значения с религиозным²: обозначение царя как обожествляемого повелителя характерно для всех тех обществ, где царь выступал в архаической роли первосвященника³, и пережиточно сохраняется, приобретая отчасти и новые функции, в древневосточных традициях⁴ в эпоху, когда Микены входили в ареал древневосточной культуры.

¹ M. L e j e ũ n e. A propos de la titulature de Midas. "Athenaeum", nuova serie, vol. XLVII, "Studi in onore de Piero Meriggi", Pavia, 1969, стр. 180. Вывод был в основном предвосхищен С.Я.Лурье (С.Я.Л у р ь е. Язык и культура микенской Греции. М.—Л., 1957, стр. 211-216).

² Отмечено уже в кн. T. V. L. W e b s t e r. From Mycenae to Homer, London, 1958, стр. 10, где в связи с этим предлагается сравнение с типичным для Древнего Востока обожествлением царя.

³ В. Н. Т о п о р о в. О космологических источниках раннеисторических описаний. "Труды по знаковым системам", VI, Тарту, 1973, стр. 115 (там же литература).

⁴ R. L a b a t. Le caractère religieux de la royauté assyro-babylonienne. Paris, 1931; I. E g n e l l. Studies in the divine kingship in the ancient Near East, Uppsala, 1943; G. P o s e n e r. De la divinité du pharaon. — "Cahiers de la Société asiatique", XV, 1960, J. Z a n d e e. Le Messie. Conceptions de la royauté dans les religions du Proche-Orient ancien. — "Revue de l'histoire des religions", t. CLXXX, 1971, N 1,

В значительном числе микенских текстов, в частности, в табличках серии Fr и в табличках, относящихся к Pa-ki-ja-na, термин wa-na-ka обозначает не царя, а бога (вероятно, чаще всего Посейдона⁵). Сопоставление микенского словоупотребления с позднейшей греческой традицией употребления $\alpha\nu\alpha\zeta$ в качестве имени бога⁶ заставляет предположить соотнесение термина $\text{F}\acute{\alpha}\nu\alpha\zeta > \alpha\nu\alpha\zeta$ 'повелитель, хозяин' (как обозначение древнейшего городского бога-хозяина⁷; $\text{F}\acute{\alpha}\nu\alpha\sigma\sigma\alpha > \alpha\nu\alpha\sigma\sigma\alpha$ 'богиня-повелительница, хозяйка, владычица' (ср. микенскую форму wa-na-wo-i⁸)) не с каким-нибудь одним конкретным божеством, а с разными божествами (в том числе с такими парными божествами, как Диоскуры) в зависимости от характера культа данной местности. На основании микенских фактов и архаических случаев в позднейшем греческом употреблении для общегреческого периода можно реконструировать значение 'бог-повелитель, священный царь'. Это позволяет, как представляется, окончательно доказать давно предположенное Лиденом⁹, но не нашедшее общего признания родство греч. $\text{F}\acute{\alpha}\nu\alpha\zeta$ и кучанского (тохарского B) $\text{ñ}\acute{\alpha}\text{k}\text{t}\text{e}$ (род.п. $\text{ñ}\acute{\alpha}\text{k}\text{t}\text{e}\text{n}\text{t}\text{se}$), тох. A $\text{ñ}\acute{\text{k}}\text{ät}$, р.п. $\text{ñ}\acute{\text{k}}\text{a}\text{k}\text{e}\text{s}$ 'бог'. В общетохарском, как и в общегреческом, это слово могло относиться к разным божествам, что подтверждается архаичными тохарскими словосложениями. Для добуддийского периода реконструируются такие сложные слова, повлиявшие на древнетюркский, как обозначения парных божеств: куч. $\text{k}\text{a}\text{u}\text{n}\acute{\text{a}}\text{k}\text{t}\text{e}$, $\text{k}\text{o}\text{ñ}\acute{\text{a}}\text{k}\text{t}\text{e}$ 'солнце-бог', тох. A $\text{k}\text{o}\text{ñ}\acute{\text{a}}\text{k}\text{ät}$ (ср. совпадающее по внутренней форме др.-

стр. 4-5 и след. (раздел "Le roi est un dieu"). Из отдельных показательных совпадений деталей, относящихся к культу царя, можно отметить, в частности, сходства ритуального использования трона в микенских текстах (ср. E. L. V e n n e t t, Jr. The olive oil tablets of Pylos. Texts of inscriptions found, 1955, Supplementos a "Minos", Núm. 2, Salamanca, 1958, стр. 30) и в хеттских ритуалах (ср. KUB XXIX 1).

- ⁵ Соответственно и для прилагательного wa-na-ka-te-ro предполагается исходное значение 'относящийся к богу', 'посвященный богу' (F. R. A d r a d o s. TE-RE-TA WA-NA-KA-TE-RO у los $\alpha\nu\alpha\text{k}\text{t}\text{ot}\text{e}$ $\lambda\epsilon\sigma\text{t}\alpha\iota$ "Minos", N.S., X, fasc.2, Salamanca, 1970, стр.138-150).
- ⁶ B. H e m b e r g. Anax, Anassa und Anakes als Götternamen. Uppsala, 1955.
- ⁷ Ср. также наблюдения в кн.: С. Я. Л у р ь е, Указ. соч., стр. 304 и 213, примеч. 1.
- ⁸ H. v a n B r o s k. Notes mycéniennes. "Revue de philologie", t. XXXIV, fasc. 11, 1960, стр. 230-231.
- ⁹ E. L i d é n. Studien zur tocharischen Sprachgeschichte (Göteborgs Högscolas årsskrift, 1916, jg.22, N 3). Göteborg, 1916.

тюрк. *kün tāŋri*, где первая составная часть заимствована из тохарского¹⁰, ср. типологически сходное заимствование другого индоевропейского имени бога Солнца в урартский язык¹¹, куч. *meññakte*, тох. *A māñ-ñkāt* 'месяц-бог' (ср. совпадающее по внутренней форме др.-тюрк. *aj tāŋri*), ср. соположение обоих сложных слов в тексте А 17 в *1 komñkāt māñkāt yuknāñ* 'Солнце победило месяц' при соединении в древнетюркском *kün aj tāŋri* 'божества солнце и луна' (в "Покаянной молитве манихейцев", строка 49¹² и *kün aj tāŋrilār* 'божества Солнце и луна'¹³ (в других манихейских текстах из Турфана). Архаичны по своей семантике также сложения типа тох. *A waŋtiñ-nkāt* 'бог-покровитель дома', *tkam-ñkāt* 'богиня Земля' (ср. греч. *ἄνασσα* по отношению к Деметре) в отличие от более поздних сложений типа куч. *pūd-ñakte* 'Будда' (буквально 'Будда-Бог'). Весьма архаическим сложным словом можно считать общетохарское слово, к которому восходит куч. *ylaiñikte*¹⁴, тох. *A wlāñkāt*, в исторический период обоз-

10 W. W i n t e r. *Tocharians and Turks. "Aspects of Altaic civilization"*, Bloomington, 1963, стр. 245 и след. (к рассматриваемому в этой статье этимологическому объяснению тохарского названия 'солнца' в связи с авест. *surəš* 'рано утром' надо добавить возможность сближения и с хет. *šurāia-* 'видеть' в архаических ритуалах, ср. семантически сходное сближение хет. *auš* 'видеть' и лат. *aurora* и т.п.). Относительно др.-тюрк. *kün tāŋri* как парного божества (в Сутре "Золотого блеска") ср. С.Е.М.а л о в. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951, стр. 297 и стр. 176 (§ 617, 5-6) и перевод на стр. 183 ('божественное солнце'), стр. 177 (§ 621, 6) и перевод на стр. 185 ('божественное светило').

11 В.В. И в а н о в. Функции "тохарских" языков и "тохарской" литературы в Восточном Туркестане и проблема тюркско-"тохарских" контактов. "Центральная Азия и Тибет. История и культура Востока Азии", т.1. Новосибирск, 1972, стр. 170.

12 С.Е. М а л о в. Указ. соч., стр. 117 и перевод на стр. 120.

13 См. цитаты и ссылки на источники: "Древнетюркский словарь". Л., 1969, стр. 24. Ср. частое сочетание *kün aj* в памятниках енисейской письменности, разъясняемое на основании поверья желтых уйгуров, по которому солнце и луна - это переговаривающиеся и переглядывающиеся божества: С.Е. М а л о в. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952, стр. 27.

14 Ср. также в тексте 296 и 7 и след. *ylaiñiktem* - глагольная форма, см. W. T h o m a s. *Die Infinitive im Tocharischen. "Asiatica. Festschrift F.Weller"*. Leipzig, 1954, стр. 715, Anm. 55.

начающее в переводных текстах Индру - Бога грома, но возводимое к более древнему сочетанию 'правитель-бог' (где первый член родствен тох. A wäl 'царь', куч. walo, yl-, слав. Veles¹⁵ и т.п.). Развитие палатализованного *w' (в частности, в контексте перед *e) > куч. y¹⁶ объясняет не только y- в куч. yl- < *w'(e)l-, но и начальное -i- в -iñikte во второй части этого древнего сложения¹⁷. Для такого фонетического развития на стыке морфем можно указать точные параллели в таких привативных образованиях, как a-itkate 'не имея приказа' (корень wäk-, дающий на морфемном стыке -itk-), a-ikatte 'не удаленный' (корень wik-)¹⁸ ср. также формы типа куч. ikäm (тох. A iviki) '20' < *wikmti¹⁹ (при возможных потерях начального w в кучанском и перед о гласным непоследнего ряда: куч. ost 'дом': тох. A wast-²⁰). Это дает фонетическое обоснование данной этимологии кучанского слова, так как можно предположить отражение в кучанском в позиции после гласного в середине сложного слова *w (> y), исчезавшего перед сонорным в начальной позиции (*wnakte > ñakte), как в основе косвенных падежей lānt- < *wlānt- от куч. walo, yl- 'царь', тох. A wäl. Следовательно, куч. yla-iñikte возводится к *wela-w(e)nakte 'царь-бог', где второй член исторически тождествен микен. wanaка. Древность кучанского сложного слова согласуется с сохранением ряда исключительных архаизмов в склонении куч. ñakte: следы старого индоевропейского двойственного числа в ñakte-ne 'два бога' (в В 88 (š) в 5 о боге, обитающем в дереве, и его жене), и wkoñiktene (В 550)²¹ 'два солнечных парных божества' (ср. греч. дв.ч. ἑκατόμβη 'господа-Диоскуры'); зват. форма ñakta 'боже' в мо-

-
- 15 В.В. Иванов и В.Н. Топоров. Этимологическое исследование семантически ограниченных групп лексики в связи с проблемой реконструкции праславянских текстов. "Славянское языкознание", М., 1973, стр. 166; О н и ж е. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- 16 A. J. van W i ñ d e k e n s. Etudes de phonétique tokharienne. V; VII. "Orbis", t. XIII, 1963, N 2; t. XIV, 1965, N 1.
- 17 Включение -i- в первую часть слова не оправдывается соответствием в тохарском А с исходом на -a.
- 18 N. v a n B r o s k. Le traitement des nasales voyelles en tokharien. - KZ, 85 Bd., 2Hft. 1971, стр. 282.
- 19 Там же, стр. 288.
- 20 Там же, стр. 295.
- 21 W. W i n t e r. Nominal and Pronominal Dual in Tocharian. - "Language", vol. 38, 1962, № 2, стр. 114-124. - К семантике парного солнечного божества ср. выше о тюркском.

настырском письме²², ср. греч. гом. зват. ф. Ζεῦ ἄνα Π 233; возможный архаизм можно предположить и в форме производного на *-i (< *iN), ср. дат. -i, кельт. -i, др.-инд. -i), в притяжательном значении - куч. ñакс(i)уе 'божественный', тох. А ñакси²³. Согласно весьма вероятной гипотезе Палиблэнка, это слово передается посредством среднекитайского пуа̄к-tsiо - титул царя малых юэчжи, покорившегося китайцам в 108 г. до н.э.²⁴, ср. позднейший титул царей Кучи ñакте̄пс sou 'сын богов' (инд. devaputra, в том числе в пра-критских текстах из Нидия), связываемый с кушанской титулатурой (бактрийск. Βασιλοφρο)²⁵. Использование этого титула по отношению к царю в раннем тохарском соответствует семантике греческого να-να-κα, Βάναξ. При принятии изложенной гипотезы развитие в тохарском группы *wn > n' - следует датировать временем, предшествовавшим II в. до н.э.

Такое же фонетическое развитие в анлауте на давню предположено и по отношению к тох. А nātāk 'господин', nāsi 'госпожа', возводимому к *wnA-tk- и связываемому с тем же греческим Βάναξ²⁶. Хотя эта этимология выдвинута в качестве альтернативной к вышеизложенной, представляется, что оба значения ('господин' и 'бог') настоль-

- ²² См. его текст. в кн. W. T h o m a s. Tocharisches Elementarbuch, Bd. II, Heidelberg, 1960, стр. 74 (предложение 2).
- ²³ Возможен и архаизм формы род. пад. на -eñ (индоевр. *-on?) в ñиктеñ-ñикте 'бог богов', хотя отсутствие конечного -ts может объясняться и правилами внешнего сандхи (-eñ < ents), ср. ñикте̄псасве 'господин богов' < *ñикте̄пс сасве. К окончанию род. пад. мн. ч. на -ents ср. анатолийские (лувийскую и хеттскую) на -enz-an.
- ²⁴ E. G. P u l l e y b l a n k. Chinese and Indo-European. "Journal of the Royal Asiatic Society", 1966, стр. 19, ср. о кушанской титулатуре там же, стр. 20.
- ²⁵ В. В. И в а н о в. Языковые данные о происхождении кушанской династии и тохарская проблема. "Народы Азии и Африки", 1967, № 3, стр. 117. Но ср. о древности этого титула в буддийской традиции (со ссылкой на Леви): В. А. Л и в ш и ц. Кушаны: письменность и язык. "Центральная Азия в Кушанскую эпоху", т. 1. М. 1974, стр. 320.
- ²⁶ W. W i n t e r. Some widespread Indo-European titles. - "Indo-European and Indo-Europeans", Philadelphia, 1970, стр. 53 и след.; ср. положительную оценку этой гипотезы в рецензии O. Seemerényi. - "Journal of linguistics", vol. 10, 1974, N 1, стр. 179.

ко естественно связываются (ср. хотя бы примеры из славянских языков, обычное обращение к богу как к 'господину' в хеттской и многих других древних традициях), что при близости фонетических обликов тох. A nātāk 'господин' и куч. ñakte 'бог' их едва ли можно разделять (различие в трактовке группы kt ~ tk можно сравнить с соотношением тох. A tkam, куч. kem 'земля', при хет. tegan 'земля' < *dheḡ^hom, греч. χθών < *ḡhd^hom < *dhḡ^hom с метатезой акцессивного комплекса согласных, подобной αρκτος < *артнос 'медведь', хет. ñar-takka-, ср. также тох. A tkāser 'дочь': куч. skāsar с палатализацией в кучанском); не исключено, что тох. A ñkāt 'бог' является заимствованием в мертвый тохарский A из кучанского — языка живой проповеди, тогда как собственно тохарская A форма древнего общетохарского слова отражается в тох. A nātāk; долгота ā в тохарском A едва достаточна для постулирования ларингального, который в любом случае не мог входить в древний корень.

Если верно возведение тохарских слов к корню *wen-, то в этом случае и для этих слов, и для греческих терминов, им родственных, оказывается возможным сравнение с корнем др.-англ. wine 'покровитель, хозяин, друг' (в "Беовульфе", 1418 и в других эпических текстах²⁷) и в мифологических производных, иногда возводимых к тому же корню (др.-исл. Vanr, лат. Venus, ср. кипр. Vanasa- Pάνασα как титул Афродиты). В этом случае в греческом отражена ступень редукции корня, вызванная присоединением суффикса *-ak- (или *-atk- > -akt-). Если фриг. vanaktei в старофригийской надписи VI в. до н.э.²⁸ является не заимствованием микенского времени²⁹, в пользу чего говорит совпадение следующего за этим титула lavaqtai с микенским ra-wa-ke-ta, а исконно-родственным фригийским словом³⁰, то эту изоглоссу следовало бы присоединить к другим диалектным чертам,

²⁷ См. контексты в Sweet's Anglo-Saxon Reader in prose and verse", 13 ed. by C.T. Onions, Oxford, 1954, стр. 103 и 118 (строки 248 и 250) и др.--

²⁸ Ср. O. N a a s. Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia, 1966, стр. 187. Ср. практически тождественную форму дат.пад.ед.ч. *wanaktei, реконструированную для микенского на основе написаний wa-na-ka-te, wa-na-ke-te.

²⁹ С. Я. Л у р ь е. Указ. соч., стр. 218 (вслед за ним И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, стр. 132, прим. 135); M. L e j e u n e. Указ. соч.

³⁰ См. об обеих этих возможностях E. V e n v e n i s t e, Le vocabulaire des institutions indoeuropéennes. 2. Pouvoir, droit, religion, Paris, 1969, стр. 24.

общим для тохарского, греческого и фригийского³¹. Речь идет скорее всего об инновации, вытеснившей другие названия 'покровителя-божества, сакрального царя' и поэтому важной для группировки индоевропейских диалектов.

³¹ См. о таких чертах: Э. Б е н в е н и с т. Тохарский и индоевропейский. : "Тохарские языки", М., 1959, стр. 103-104; В. П о р ц и г. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, стр. 269-270. О тохарско-греческих лексических изоглоссах ср. также N. van B r o s k. De πῶξ à πῶς, "Mélanges de linguistique et de philologie grecques offerts à P. Chantraine" (Etudes et commentaires, 79), стр. 275-276 (тох. А и куч. pont-, греч. πῶς). К отмеченной выше бактрийской титулатуре ср. также бактрийское *raçovavo* 'царь царей' при пракр. кхар. *raçati raçaja* 'царь царей' в трехязычной надписи из Афганистана, третий язык которой может быть древнетохарским: A. D. H. В i v a r. The Kusana trilingual. "Bulletin of the School for African and Oriental Studies"; London, 1976, XXXIX, p. 2, стр. 334.

БАЛКАНСКИЕ ДОПОЛНЕНИЯ К ПОСЛЕДНИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО МИФА О ГРОМОВЕРЖЦЕ

Современные исследования в области реконструкции мифологических архетипов позволили установить схему универсального космогонического мифа, в частности, в форме, соответствующей общему наследию древних индоевропейских традиций. Существенный фрагмент мифа (реконструированный и в языковой форме) относится к Громовержцу¹. Было отмечено, что Балканский полуостров является одним из локусов, где сконцентрированы многочисленные данные, непосредственно связанные с мифом о поединке Громовержца, в частности, с тем его вариантом, в котором противником и соперником Громовержца является Змей или существо змеиной породы (дракон, ламия, хала, кульчедра и т.д.). Если в применении, например, к литовско-белорусской традиции допустимо говорить о сохранении исходного текста мифа (хотя бы в некоторых фрагментах), то на Балканах свидетельствуется иное положение. Можно предположить, что пестрота этнического состава, наличие локусов со смешанным населением, многочисленные миграции (в том числе и регулярные — сезонные), ситуации полилингвизма и т.д. обеспечивают не только сосуществование различных культурных традиций, но и их взаимопроникновение и смешение, легкость заимствований и транспозиций. В результате создается особенно высокий уровень помех, вызывающий распыление исходного текста по дискретным трансформам. Поэтому в применении к балканскому варианту основного мифа следует говорить лишь о возможности реконструировать исходный текст на основании многочисленных трансформов, зафиксированных в разных жанрах разных фольклорно-мифологических традиций, представленных на Балканах (ритуалы и ритуальные тексты, мифологические и сказочные сюжеты, тексты, традиционно относимые к бытовым, загадки и речения, детские игры и т.п.).

Применительно к балканской традиции достаточно подробно рассмотрен мотив поединка Громовержца (см. также Херос, фракийский всадник и др.) с его противником и мотив воды (отпирание и запирание неба, дожди, появление земных вод, см. обряды Пеперуды, Додолю,

¹ См. прежде всего монографии: В.В.Иванов, В.Н.Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965; Они же. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, а также другие многочисленные работы тех же авторов.

Германа, Калояна и нек. др.). Что же касается мотива огня в разных функциональных и семиотических аспектах, то здесь, как представляется, может быть сделан ряд дополнений. Учитывая универсальность культа огня-солнца и многообразие соответствующих мотивов, текстов, ритуалов и т.п., анализируется только одна функция огня, наиболее непосредственно связанная с основным мифом: огонь как оружие Громовержца, используемое им для наказания или для испытания. В первом случае речь идет об уничтожении, во втором – о чудесном избавлении и метаморфозе (мотив Феникса), т.е. об очищении огнем.

Громовержец ударяет Змея молнией = космическим огнем; Змей стонет и превращается в пепел. Существо не-змеиной породы при определенных условиях безопасно проходит через огонь и приобретает новые чудесные свойства. Примечательно, что на Балканах этот мотив можно реконструировать в живом обряде – нестинарстве, огненных играх, первоначально распространенных в части Восточной Фракии, прилегающей к Черному морю (большая часть сел в Странже, район Созополя, т.е. именно там, где находят многочисленные изображения фракийского всадника; сейчас нестинарство распространено в некоторых селах греческой Македонии; на территории Болгарии также произошли изменения в связи с переселением). Сейчас возникает особый интерес к нестинарству: переиздаются работы М. Арнаудова², суммирующие практически всю литературу о нестинарстве (как непосредственные наблюдения, так и исследования); выходит монография Р. Ангеловой³, с публикацией полевых материалов, собранных в 1946 г. и 1955 г. и т.д. Нестинарство достаточно полно описано с фактической стороны и в сопоставлении с родственными обрядами других традиций, в синхронном и диахроническом плане; оно рассмотрено в свете мистических переживаний и техники экстаза. Нестинарство является достаточно замкнутым и самодостаточным явлением с легко обнаружимыми историческими и генетическими связями и в этом смысле может быть исчерпывающе описано в своих собственных пределах. Однако при этом ускользает "мифологическая основа" нестинарства, которая, действительно, не может быть восстановлена при рассмотрении обряда внутри себя. Недостаточны и обращения только к аналогичным обрядам, зафиксированным в иных традициях (пляски в огне, ритуальные огни

² М. А р н а у д о в. Очерци по българския фолклор. 2. София, 1969. – Экстаз и мистика. С оглед към нестинарите в Източна Тракия; При нестинарите в Странджа – ; О н ж е. Студии върху българските обреди и легенди. I. София., 1971. – Нестинари в Тракия (далее – Арнаудов 1969, Арнаудов 1971).

³ Р. А н г е л о в а. Игра по огън. София, 1955 (далее – Ангелова).

и т.п.). Параллели такого рода бесспорны, особенно при признании универсальности культа огня, но учитывая это последнее, по необходимости более или менее тривиальны. Мифологический смысл нестинарства остается недостаточно раскрытым. Представляется, что привлечение внутренних ресурсов болгарской и — шире — балканской традиции в рамках как общих, так и специальных семиотических представлений будет способствовать включению нестинарства в соответствующий мифологический контекст.

Нестинарство распространено в болгарских и греческих селах на указанных территориях. Основной праздник нестинар — день св. Константина и Елены (21–22 мая ст.ст., 3–4 июня н.ст.). Праздник включает в себя сложный ритуал. Процессия с особым образом украшенными иконами Константина и Елены направляется к посвященным им источникам (аязмо); там происходит торжественное открытие и освящение источников, из которых в течение года запрещено брать воду, а также освящение ритуальных хлебов. Затем процессия под звук ритуальных барабанов (тъпан) обходит ближайшие церкви и монастыри (обычно посвященные св. Константину, Елене, Илье), а по возвращении — все дома в деревне, за исключением тех, где в последний год умерли дети. Иконы несут подростки или юноши. В праздник входит ритуальное заклятие жертвенного животного (быка или барана), трапеза, хоро.

Центральным моментом являются огненные игрища, происходящие вечером, в темноте, на мегдане (площади села). Специальный костер разжигают днем, чтобы к вечеру образовался круг с ровным слоем тлеющих углей (нестинары не чувствуют жара, но чувствуют неровности углей, как будто "ходят по камням"). Все село собирается на мегдан, звучит особенно возбуждающее "нестинарское" хоро, и в определенный момент, когда нестинары чувствуют себя пришедшими в экстатическое состояние, они со особыми выкриками (вахкане) вбегают на кострище, несколько раз пересекая его, или продолжительное время пляшут на нем, держа в руках иконы св. Константина и Елены. В этом состоянии они получают дар пророчества. Цель обряда — обеспечение урожая, благополучия (берекет), здоровья (за здраве и за берекет е огино, Ангелова стр. 55): чем больше народа пляшет в огне, тем больший берекет даст св. Константин. Праздник сопровождается особыми "константиновскими" песнями.

Анализ нестинарства *sub specie* основного мифа позволяет выделить некоторые мотивы, связывающие Константина и Елену с Громовержцем. Помимо мотива о г н я (с ж и г а н и я), о чем будет говориться специально, см. также мотив в о д н: св. Константину принадлежат источники, без его разрешения нельзя брать воду, источники, посвященные св. Константину, весь год з а к р ы т ы ("за-

печатаны") специальными плитами или крышками. Мотив дуба / б у к а: священные источники находятся под старыми дубами (в частности, церове) или в буковом лесу; во время освящения их чистят дубовыми или букowymi ветвями, сорванными с этих деревьев. Мотив г р о м а: необходимым атрибутом нестинарской процессии является священный барабан тъпан, который в течение года хранится в нестинарском конаке (часовне) или в церкви; нестинарские иконы св. Константина и Елены украшены низками монет, звенящими при движении; (см. к этому же особенно громкие звуки "нестинарской гайды", ритуальные выкрики пляшущих на костре). Мотив с т р е л: того, кто прогневит св. Константина, преследуют устрели⁵ (род вампиров, собств. 'стрелы', 'прострелы', ср. прострел как наказание, посылаемое Громовержцем⁶). Мотив о г н я - с о л н ц а: нестинарские иконы украшают красной материей, нередко с изображением солнца; ее торжественно меняют каждый год в день св. Константина и Елены⁷. Стены в конаке св. Константина расписаны цветами, змеями и птицами; на матице укреплены голуби, вырезанные из дерева и выкрашенные в красный и синий цвет (Арнаудов 1969, стр. 456).

Самостоятельным персонажем в нестинарской традиции является св. Илья: он сопутствует св. Константину и замещает его⁸: фати гу свети Илия, че стана нистинар (Ангелова, стр. 147); нестинары не обжигаются потому, что перед ними идут св. Константин или св. Илья и гасят огонь; нестинары посвящают конаки не только св. Константину, но и св. Илье; человек, отказавшийся в Константинов день вынести икону из монастыря св. Ильи, поплатился ногой: на нее упал бук, который он рубил, и ногу пришлось отрезать (Ангелова, стр. 78-79), ср. мотивы хромоты и одноногости св. Ильи, как признаков,

⁴ В греческой традиции на праздник св. Константина поют песни об источнике, который сторожит дракон (ЕЛТ, стр. 341).

⁵ Ср.: А трескавицата (рофята) била Свети Ильионите устрели, шчо падинале на земята како нажежени каменя (Шалкарев 4, стр. 58).

⁶ Другой вид преследователей - топац. Топац 'дух утонувшего в реке быка', обладающий вампирическими свойствами, - к мотиву в о д н ы, с к о т а м и специально б ы к а.

⁷ Ср. изображение св. Константина и Елены на надгробном камне XVII в. из Ясс, с антропоморфным изображением солнца и луны соответственно в левом и правом верхнем углу: P. N. S t a h l. *Folclorul și arta populară românească*. București, 1968, N 44.

⁸ Другие варианты замещения: Константин → Господь, Елена → Богородица: Господ и свети Кустадин дъ ви пумагае (Ангелова, стр. 97); откато ма забелязаха свети Костадин и света Богородица (Ангелова, стр. 29).

вообще принадлежащих змея⁹. Еще более показательный пример мены признаков см. Арнаудов, 1971, стр. 45: нестинар из с. Пешка ловил ящерицу (гушерче), клал ее за пазуху и говорил: "Ей това е св. Илия". К соответствию Константин/Илия см. еще: парные праздники Малого и Большого Ильи и различие Малого Константина и Дядо Константина. Список персонажей, относящихся к нестинарской традиции, расширяется благодаря включению и иных святых, в которых так или иначе отражены атрибуты Громовержца и его жены. Кроме дня св. Константина и Елены как главного праздника, нестинары отмечают день Ильи Пророка (Илинден), Ивана Купала (Еньовден), св. Георгия, св. Пантелея, св. Богородицы, св. Петки-Пятницы, св. Марины и нек. др. (см. в связи с этим набор икон в одном из нестинарских конаков: Спаситель, св. Николай, св. Модест, св. Георгий на коне, св. Пантелеймон на коне¹⁰, в середине - большая икона св. Константина и Елены, - Арнаудов 1971, стр. 22)¹¹. К паре Громовержец - его жена, см. смежность дней св. Константина и св. Елены (21-22 мая) и близость дней св. Марины¹² (17 июля) и св. Ильи (19-20 июля).

Константин и Елена воспринимаются как отмеченные Господом (св. Ильей, Богородицей), приобщенные к божественному. Господь, св. Илья, Богородица как высшие существа могут замещать Константина и Елену, но не наоборот. Избранность путем испытания сохраняется и в соответствующих этиологических легендах, существующих в двух основных вариантах: 1) Господь испытывает юношей, предлагая им пройти через огонь; испытание выдерживает только св. Константин; затем происходит испытание девушек (иногда потому, что Константин просит не оставлять его в одиночестве); испытание выдерживает только св. Елена; 2) язычники окружают огненным кольцом город, в котором на-

⁹ Ср. еще сочетание 'хромой змей': у едну крайну ижицу су напли еднога змејула шк'опога (М.М л а д е н о в. Говорят на Ново село. Видинско. София, 1969, стр. 229).

¹⁰ Св. Пантелеймон исцеляет хромых и кривых (Abbot, стр. 241); св. Пантелеймон - брат св. Ильи (Istrătescu, стр. 358).

¹¹ Ср. также имена святых в топонимике этой области: Илья, Георгий, Николай, Власий, Петр, Иоанн, Петка и т.д., см.: C. J i r e љ e k. Das christliche Element in der topographischen Nomenklatur der Balkanländer. Wien, 1897, стр. 45-47.

¹² О Марине в контексте Громовержца к известному см. еще: св. Марена была дьявола по голове молотом; св. Марена жжет поля тех, кто жнет в ее день; к ней обращаются: Ти палиш, ти гасиш, св. Марено! (Шапкарев 1, стр. 571); ср. также проклятие с неясным значением: Убил те Марен, ало алеста; убил га мара (ало - хала, ламя), СОНУ XIII, стр. 231, 232.

ходятся св. Константин и Елена, но с помощью Господа они невредимыми выходят из огня. В развитии этих мотивов, Константину и Елене поручено заставить грешников проходить через огонь для искупления грехов. Нестинары, испытывающие крайние душевные мучения перед тем, как войти в огонь, после игрищ ощущают необыкновенное облегчение и покой. Прохождение через огонь воспринимается ими как обновление и достижение более высокого духовного статуса (см. возникающий в эти моменты пророческий дар; ср. также русских старообрядцев-самосожженцев, которые воспринимают самосожжение не как коллективное самоубийство, а как очищение и достижение безгреховного состояния). "Нестинарский" св. Константин может быть описан признаками молодой герой, "юнак", подвергающийся испытанию (испытатель - верховное божество), побеждающий огненную смерть. "Нестинарская" св. Елена полностью симметрична св. Константину и не обладает самостоятельными признаками.

Связь с огнем¹³, а также выраженная богомильская¹⁴ редакция легенд дают возможность сопоставлять константиновские обряды с митраическим культом, что было подробно освещено и аргументировано М. Арнаутовым¹⁵. Вместе с тем М. Арнаудов не согласился принять точ-

¹³ Ср. еще обрядовые песни праздника св. Константина: Костадин и Света Елена | В огъня хоро играят...; Милиния свети Костадин и света Елена, | милина вода носят огъня да гасят ... и др.

¹⁴ В связи с Ильей богомильские источники представляют дополнительные данные о его "двуприродности", связи с добром и злом (в терминах основного мифа - с Громовержцем и его противником): Илья враждебен к людям за их грехи, он запирает небо на три года так, что не греет солнце и не идет дождь, насылает на людей оспу (Д. Ангелов. Богомилство в България. София, 1969, стр. 258); к этому же, очевидно, относится известный фольклорный сюжет о том, что Илья в свой день собирается разрушить мир. В богомильской "Тайной книге" Сатана послал своего ангела Илью-пророка крестить водой, в противоположность истинному крещению святым духом и огнем (Й. Иванов. Богомилски книги и легенди. София, 1970, стр. 82: *Sathanas ... misit angelum suum Elyam prophetam baptizantem in aqua... ipse est, qui baptizat in Spiritu sancto et igni*). Существенно, что крещение водой означает наказание, в то время как крещение святым духом (и огнем) - отпущение грехов и спасение.

¹⁵ К следам митраизма см. также мотив быка в связи с Константином: предание о том, что царь Константин обещал св. Константину (св. Елене) девятигодовалого быка, но не смог исполнить обещание, которое последовательно переходило к позднейшим правите-

ку зрения И.Смирнова о связи Константина с культом Гелиоса и фракийского солнечного божества Сабазия¹⁶, очевидно, полагая, что это противоречит бесспорным митраическим следам в нестинарстве. Предположив¹, однако, более глубинные связи нестинарства с основным мифом, нет основания отвергать любые свидетельства, если только они не принадлежат чистой типологии. Основной миф может включать в себя большое число наслонений и вариантов — временных, пространственных и т.п.; часто именно их совокупность дает возможность проникнуть в его скрытые начала.

Истоки названия "нестинарство" давно привлекали внимание исследователей. При отсутствии окончательной этимологии достоверным признается греческое происхождение: нестинарство связывается с игр. диал. $\nu\eta\sigma\tau\acute{\alpha}$ 'огонь, очаг' или $\nu\eta\sigma\tau\epsilon\lambda\alpha$ 'пост'; греческая форма $\delta\alpha\sigma\sigma\tau\epsilon\nu\acute{\alpha}\rho\eta\varsigma$ возводится к глаголу $\delta\upsilon\alpha\sigma\tau\epsilon\nu\acute{\alpha}\zeta\omega$ 'вдыхать'. В византийских источниках XIII в. описывается экстагическая секта $\delta\sigma\theta\epsilon\nu\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$: об огненных играх в связи с ними не говорится, тем не менее признаются некоторые основания связывать их с современными нестинарками. Наконец, явная связь нестинарства с дионисийским культом (Дионис, спасенный Зевсом из пламени, происходящий от земли — $\Sigma\epsilon\mu\acute{\epsilon}\lambda\eta$, выношенный Зевсом в бедре) вводит в круг рассмотрения дионисийские игры $\delta\upsilon\theta\epsilon\sigma\tau\acute{\eta}\rho\iota\alpha$ (по времени, правда, точно совпадающие с кукерскими обрядами). Не касаясь собственно этимологии, можно предположить, что связь с Дионисом, вышедшим из огня, с циклом весеннего возрождения (Деметра, Персефона, см. Элевсинские мистерии в месяц $\delta\upsilon\theta\epsilon\sigma\tau\acute{\eta}\rho\iota\omega\nu$), делают правдоподобным выделение комплекса -n-s-t-n-, который в ко-

лям; для того, чтобы определить, в каком из двух соседних сел должен быть нестинарский праздник, гнали быка и смотрели, куда он повернет (Арнаудов 1971, стр. 28) и т.д. См. также отдаленное: чтобы найти могилу царя Константина, надо заколоть четыре риесе крави (Шапкарев 4, стр. 319). — Из других следов культа быка на Балканах см. еще румынский обряд 'Украшенный бык' *Boul instruțat* (G.R e t e g a n. Dracii din țalea Tibleșului. — Rev. de Folc. 1957, № 4), а также распространенные цепные тексты типа: — "Где огонь? — Его погасил ('прибил') дождь. — Где дождь? — Его выпили красные поповские быки" — "Und'e-i focu? — L-o bă-tut ploaia. — Und'e-i ploaia? — O băut-o boii popii cei roșii". (E. C e r n e a. Contribuții la cercetarea folclorului copiilor. — Rev. de etn. și folc. 1973, № 4, стр. 283) и т.д.

¹⁶ И. С м и р н о в. Очерк культурной истории южных славян. "Ученые записки Имп. Каз. Univ". XIX, кн. 2, 1902, стр. 108 сл., — см. в частности, надпись на статуе Гелиоса, привезенной Константином в Византию: "Константину, святящему честь Гелиоса".

дировании основного мифа соответствует семанте восставание, воскрешение (*ἀναστασις*). Идя дальше, можно предположить следы этого же комплекса в имени Константин, что имеет и дополнительные содержательные основания: Константин < лат. constans 'постоянный', 'стойкий' и, по нестинарским легендам, 'прошедший испытание'. Хотя это значение в узусе вряд ли ощущается, тем не менее оно может служить еще одним аргументом в пользу вычленения комплекса -n-s-t-n-. Это, в свою очередь, позволяет актуализировать отношение нестинар - Константин не только по звуковому подобию, но и по соответствию семанте воскрешение (в данном случае - прохождение через огонь, обновление). Если принять связь Константин (нестинар) с семантем воскрешение, то пара Константин - Елена типологически может соответствовать паре Анастасия - Параскева: В обоих случаях корень, представляющий женский вариант имени Громовержца *Pars-, *Iljī-, проясняется комплексом -n-s-t-n- 'воскрешение'.

Достаточно показателен нестинарский словарь, приведенный Р. Ангеловой, и его отражение в текстах, описывающих состояние и действия нестинаров. Прежде всего выделяется комплекс p-r-(k)-: пере 'бить, ударять' Га за пере тѣпанѣ, ни мож я зѣпря; перкам съ 'ударяться, биться', перкане 'хлопанье в ладоши'; (за)праскам се 'глагол означает удары по телу руками как выражение большой муки и тревоги'; пираксам 'действовать как "прифанат", т.е. как охваченный духом св. Константина'¹⁷ и др. См. распределение соответствующих звуковых комплексов в текстах; тѣпана пере - пере та се не трае; ... стана болна, та переше, переше мястото вътре; ... чи съ перкъши и переши; Моя баба Добра в огъня бъркаше; с боси ноги в жив огън бъркъ; Сто Кустадин я пиракса - прифатия; Колкото ѝ черна по-черна стане, зацирика, земе да се перка, да вафка; ... пред Костадиновден като завиках, като за прасках... като удари тѣпанѣт ... ти току прѣхнеш, та се загубиш; за трепериш и та накара, та са бухнеш в огино; нестинарка почва да потреперва ...; прихванати ... се разтреперват, стават като лед студени, бъркат в огъня, тѣпкат - и ги не гори; ... разтреперам се и ме кара да влизам в огъня и т.д. Частое повторение комплекса трепер вызывает ассоциации с пеперудо ѝ, см. в связи с этим

¹⁷ М. Филипова - Байрова (Гръцки заемки в съвременния български език. София, 1969, стр. 141) дает следующие значения пираксам (се): притеснявам се, тъгувам, загрижен съм; ставам проклет; от нгр. πετραζω 'права злини на някого'.

песню, которую поют в Константинов день: летай, пеперуго от гора,
на гора, от поле на поле (Веркович, стр. 124)¹⁸. Тот же звуковой
комплекс прослеживается в названии села Припор, по преданию "матери
нестинарства", откуда произошли нестинарские обряды. Это название
народная этимология связывает с греческим Трипори "Три перехода"
(Арнаулов 1969, стр. 471-472; протекающую недалеко реку Велека на-
зывают еще Трипорската река; в окрестности села много старых захо-
ронений, предположительно фракийских)¹⁹.

Другой звуковой комплекс *Ilji- связанный с солнцем "ηλιος и с
корнем *Vel- представлен, главным образом, в именах и в их произ-
водных: Илия, Илинден, Елинден, Елински месец - нъ свити Илия нъ
имиту й Елинския месец, Елена и под. Возможно сюда относится и елен
'олень', см. связанные с ним нестинарские предания: олень приходил
каждый год к источнику св. Константина и чистил рогами листву и
ветви; однажды охотники, пришедшие издалека, его убили, и с тех
пор олень не появлялся; другой вариант - олень приходил, чтобы быть
принесенным в жертву; однажды ритуал был нарушен, и с тех пор олень
не приходит. С оленем народная этимология связывает название села
Влахово (от гр. ἔλαφος > ἐλάφι > λάφι 'олень'), около которого и
находился "олений" источник. Впрочем, может быть, здесь присутству-
ют следы корня *Vel-²⁰.

Словарь такого рода может быть пополнен и именами, появляющимися
в соответствующих сюжетах (о них см. ниже) и содержащими звуко-
вые комплексы, кодирующие основной миф. Кроме классического соче-
тания К о н с т а н т и н и Е л е н а (Аленка, Јелица, Ле-
на, Ленуца, Илинкуца, Ильяна и т.д., м.б., Ангелина) или одного из
этих имен нередко встречается сочетание И л ь я - Е л е н а,
где комплекс *Ilji- дублирован.

Весьма значимо сочетание болгарских имен Стоян - Петкана/Стоя-
на, тем более, что оно нередко встречается в сюжетах, связанных

¹⁸ Ср. еще сочетание пеперуда - Солнце: бели
пеперуди под небо играат, - пекна слънце, умори ги (снежинки,
Стойкова № 319).

¹⁹ См. также культ Перасии-Артемиды в Южной Каппадокии, где жрецы
ходили босыми ногами по горящим углям.

²⁰ Сочетание Елена - елен (брат, превращенный в оленя), см. в сказ-
ке "Човекоядецот и дената му" (Шалкарев 4, стр. 204-207): а еле-
нот свекогаж си викал: "Сестра Елена, сестра Елена", и соответ-
ствующие румынские варианты, отмеченные А.Шуллерусом (Schulle-
rus 403a, 425). См. также болгарский сюжет о том, как мать сво-
им проклятием превращает сына в оленя (ср. далее - превращение
сына в змея).

со змеями (например, "Женитьба змея"), с испытанием верности жены, с кознями матери или свекрови и т.д.²¹. Имя Стоян, встречающееся в болгарском фольклоре во многих вариантах²², связано с корнем ста-'стоять', что, несомненно, живо ощущается; в определенном смысле можно говорить о соответствии имен Константин/Стоян, где Стоян, воспринимается как своего рода упрощение, прояснение и "перевод", Константина. Имя Петкана, которое сочетается среди других и с именем Стоян (а в сюжете "Приход мертвого брата" с именем Лазар, связанным с воскрешением), происходящее от Петка-Пятница, связывается через это со звуковым комплексом, соответствующим имени Громовержца (небезынтересно, что в болгарском отмечено мужское имя Парашкева, с уменьшительным Пракя)²³. Сочетание Стоян - Петкана может быть сопоставлено с сочетанием Константин - Елена. Существенны и более далекие связи имени Петкана с звуковыми комплексами, оформляющими семантемы основного мифа. Народная этимология связывает уменьшительные Петко, Петканчо и т.д. не только с Петка/Пятница (Параскева), но и с П е т б р, именем с особыми мифологическими связями.

Для установления мифологических оснований сочетания этих комплексов друг с другом, следует более подробно рассмотреть сюжеты, связанные с носителями соответствующих имен.

К о н с т а н т и н - особое имя в балканской модели мира: с ним связывается большое число персонажей, прежде всего исторических. Периодическое использование имени Константин как династического у византийских императоров создает на уровне фольклора, во-первых, "спрессовывание" образа (разные носители одного имени отражаются друг в друге и объединяются) и, во-вторых, ощущение постоянного повторения, своего рода обновления Константина. Исторические Константины, в конце концов, группируются вокруг двух основных образов: св.

21 В связи с именем Стоян см. сюжет "Сын исповедуется матери в грехах" (встречаются варианты и с другими именами): больной сын, долгое время не может подняться с постели; мать спрашивает его о причине болезни; сын признается в том, что погубил много людей (в частности, сжигал живыми детей); мать говорит, что для искупления грехов Стоян должен пролежать еще 9 лет (или вообще не сможет встать). Здесь правдоподобно видеть отдаленные связи с мифологемой о сыне Громовержца.

22 Станьо, Станко, Станой, Стани, Ствян, Стовей, Стогян, Стоил, Стоимен, Стойко, Стойчо и т.д.: W. W e r n e r. Die männlichen Personennamen in den bulgarischen Volkslieder. Berlin, 1965, стр. 131, 133.

23 W. W e r n e r. Указ. соч., стр. 118, 120.

Константин, император IV в., давший христианству равные с язычеством права и вместе с Еленой нашедший истинный крест (в одной из версий прохождение через огонь помогает Константину и Елене найти крест); Константин Палёолог (царь Костадин), с которым связано падение Константинополя, когда погиб и он сам. Константин воспринимается как начало и завершение традиции. В большом числе случаев и св. Константин и царь Константин выступают не столько в исторической, сколько в фольклорно-мифологической ипостаси, поэтому есть смысл говорить вообще о К о н с т а н т и н е как об особой единице в списке персонажей балканской традиции, выясняя его атрибуты и предикаты на основании анализа соответствующих сюжетов²⁴.

В связи с К о н с т а н т и н о м прежде всего выделяется группа сюжетов, объединенных мотивом смерть-воскрешение (или временная смерть/временное воскрешение). К ним относится известный сюжет "Приход мертвого брата": младший из умерших братьев (чаще всего их 9) Константин²⁵ встает из могилы²⁶, чтобы привести выданную замуж в далекие края сестру на свидание с матерью. Выполнив обещание, он возвращается в могилу. Мать и сестра обычно умирают или превращаются в птиц. Для сюжета характерно противопоставление Константина, младшего, остальным братьям: он единственный настаивает на удалении сестры против воли матери (ср. инвертированный сюжет: отец просит сыновей отдать дочерей первому встречному; старшие отказываются, младший выполняет волю отца, Dawkins, № 12); его единственного проклинает мать (обычное содержание проклятия "чтоб тебя не приняла земля", см. однако болгарский вариант "Чтоб тебе опуститься в землю в 9 раз глубже")²⁷. В вариантах, где нет проклятия матери, противопоставление Константина братьям тем не менее сохраняется: братьев хоронят в доме в н у т р и, Константина на кладбище, т.е. с н а р у ж и, братьям мать ставит по одной свече, Константину — две или, напротив, Константину ни одной (ср. вообще мотив разного оплакивания Константина и братьев или: у могил братьев мать плачет,

²⁴ См. в частности: И. Ш и ш м а н о в. Песента за мъртвия брат: в поезията на Балканските народи. II-III. — СбНУ XV, 1898, раздел V.

²⁵ В болгарском варианте — царь Костадин (СбНУ XIII, стр. 141).

²⁶ См. почти формульные сочетания: ἡ Κόστας ἀναστήθηκi (ЕАТ, стр. 315) 'Костас восстал'; Kostandini u ngre ka varri (Visaret i, стр. 308) 'Костадин восстал из могилы'; Përndija e ngjalli Kostandinë (Mbledhës, стр. 441) 'Господь воскресил Костандина' и т.п.

²⁷ Ср. вариант (Шапкарев 3, стр. 243-245), где все девять братьев отдадут сестру и последовательно отказываются идти за ней, после чего мать проклинает их всех.

у могилы Константина рвет на себе волосы; у могил братьев посажены цветы, у могилы Константина протоптаны дороги), братья умирают, а Константина убивают, Константин умирает спустя некоторое время после смерти братьев и т.д., см., наконец, "нулевое" противопоставление: κλαίει ἡ μάνα τοῦς ἐφτά, κλαίει καὶ τὸν Κωνσταντῖνον "оплакивает мать семерых, оплакивает и Константина; (ЕАТ, стр. 317). В определенном смысле Константин – чужой в семье и враждебен ей: он является причиной смерти матери и сестры. В свою очередь, мать враждебна по отношению к Константину. Воскресение (в большинстве вариантов Константина воскрешает верховное божество – Господь) и возвращение Константина в землю неоднократно сопоставлялось с мифами о весеннем цикле (в частности, с мифом об Адонисе и под.), т.е. о "вечном возвращении". В сюжете "Приход мертвого брата" Константин описывается признаками: младший, противопоставленный семье (мать – сестра – братья; об отце упоминаний нет), по высшей воле умирающий и воскресающий; самостоятельно Константин действует только тогда, когда немотивированно настаивает на удалении сестры; остальные его действия подчинены чужой воле).

Другая группа сюжетов с участием Константина (или царя Константина, см. СОНУ XIII, стр. 223) – женитьба на покойнике, который затем оживает. Девушка, обычно по предсказанию птиц, опускается в могилу к покойнику, проводит там несколько лет и затем вместе с ожившим мужем и ребенком выходит наружу. Сюжет распространен на Балканах особенно в албанской традиции, где герой, как правило, выступает безымянным. Примечателен вариант о временном воскрешении (Mbledhës № 223): девушка выходит замуж за покойника и спускается к нему в могилу; затем они выходят из могилы, но муж может приходиться к жене только по ночам; его выслеживает мать жены; увидев ее, он умирает; способы оживления указывает солнце (Djelli > *Illji-). Существенно отметить выход героя (Константина) из-под земли, его воскрешение, в том числе временное, нарушение правил оживления. В связи с дальнейшим см. появление в сюжете змей: девушку кладут в гроб к царскому сыну; туда приходит змея со змеенышами; девушка убивает змеенышей, но змея оживляет их особой травой: той же травой девушка оживляет царского сына.

Константин, обычно выступающий с эпитетом "маленький", ὁ Κωνσταντῖνος ὁ μικρός, ὁ Μικροκωνσταντῖνος, Kostantini i vogëlith, возвращаясь издалека (= "воскресая"), неожиданно появляется на свадьбе у своей жены, считавшей его погибшим²⁸; см. здесь мотив с м е р -

²⁸ Сюжет подробно рассмотрен А.Фоки, см.: A. F o c h i. Le motif poétique du "Retour du mari" dans le folklore sud-est-européen. "Recherches comparées de folklore sud-est-européen". Bucarest, 1972.

ти (жены, соперника и даже обоих героев, см. Сб НУ XIII, стр. 34-35, где названо имя жены Анастасица, ср. выше о соответствии Анастасия - Константин). С этим сюжетом отчасти сопоставляется сюжет "Брат убивает сестру": брат, часто Константин, возвращаясь издалека, убивает сестру и/или ее возлюбленного (мотивы: возвращение и смерть).

В этой группе сюжетов Константин убивает (причиняет смерть) или появляется мертвым. В другой группе Константин погибает. См. (особенно в греческой традиции) маленький Константин в сюжете "Переход через море": чтобы добиться руки царской дочери или чтобы его не рестиали считать маленьким, Константин вызывается перейти через море ('Εσεῖς μικρόν μέ βλέπετε, μικρόν καί μέ θαρρεῖτε, | κτεῦώ τή μαύρη θάλασσα νά πλέξω νά περάσω 'я вам кажусь маленьким, вы меня считаете маленьким, а я пройду и перейду через черное море', ЕП, стр. 264), доходит до середины и тонет, упрекая море в том, что много раз оно давало ему пройти, а теперь утопило его (Н. Политис сближает этот сюжет с мифом о Тезее и Амфитрите: Зевс поражает Тезея молнией, он тонет в море, его спасает Амфитрита и помогает ему через 3 года подняться наверх, см. Πολίτης, стр. 134). Ср. болгарский вариант с показательной меной имен: единственный сын у матери, И л и я, переплывает Дунай, чтобы добиться невесты; в середине реки он тонет, но когда сваты с невестой приходят в его дом, их встречает мать Ильи, говоря: ... Илия сега довтаса, та си крилете сушеше (Бълг. нар. тв. 7, стр. 195). С сюжетом, Константин - жертва, в определенном смысле сопоставляется греческая песня "Константин и царь" (ЕП, стр. 252-253): Константина обманом заточают в железную башню. Примечателен известный сюжет "Мать-убийца": Константин, мальчик, грозит матери разоблачить ее перед отцом за измену, свидетелем которой он был; мать убивает сына, варит его печень и подает отцу; печень открывает отцу преступление матери, отец убивает мать. (См. еще: в нова къща едно братче на девет сестри пекли на ръжен; баща му донесъл ръжен от гората, а майка му дърва, Бълг. фолк., стр. 117).

Кроме этого варианта, совпадающего с античными прототипами, существуют и другие, в которых акцент делается не на преступлении матери, а на ее не любви к младшему сыну, или вообще на особом отношении к нему, по сравнению с другими детьми и родственниками. См. (с другими именами, тем не менее, значимыми в контексте основного мифа): "Георги Грозникът" - у матери 9 сыновей и десятый, самый младший, Георги; мать изгоняет Георги, предпочитая ему 9 братьев; через 9 лет он возвращается, узнает, что все 9 братьев умерли, напоминает матери о ее вине: в раскаянии мать умирает. В варианте Райчев № 88 Георги проклинает мать за изгнание и насылет чуму на 9 своих братьев (здесь как бы инвертируется ситуация "Прихода мертвого брата"). Крайне существен вариант "Мать предпочи-

тает брата сыну": у Елены 9 сыновей и десятый Илия; чтобы спасти брата от врагов, она жертвует сыном, отдавая его на сожжение. Среди дворье ясен огин, окол огин клети турци. Ка са видели Илия, у раце го дофанали, отсекоа руса глава, па го у огин фърлиа (Шапкарев 2, стр. 391-394; см. также Шапкарев 3, стр. 194-197 с рефреном ... Илю, Илю! | Дали кеш в огин горети, | или кеш в кърви тѣхнати?! и с концовкой [Ангелы] согледаа силен огин; | у огино, млад Илия | гореше и си плачеше ... | - Силен си огин гореше. | И у огино Илия! | и Господ ги па изпрати: | - Донесете го код мене. - См. мотив огня, сожжения Ильи и его вознесения наверх, к Господу. Ослабленный вариант - мать продает младшего сына из-за бедности (нередко оставшиеся дети умирают, см. абланскую сказку "Ager Isyano", где мать продает младшего из 9 братьев, причем остальные братья погибают). К вариациям можно отнести сюжеты типа "Нечаянное убийство сына" (мать не узнает сына, пришедшего издалека).

Враждебное отношение матери к младшему/маленькому сыну в рамках балканской традиции вписывается в тему "Проклятие матери" ("Н.маж ђађа"), отсылающей сына на смерть: "Diparte, hil'iy, di sava mea" 'Дальше, сын от моего дома' [на съедение змеям и ламиям] (Parahagi, Ant., стр. 61); "Ná p̄te évvliá áberf̄liа kаl vа р̄eít' óхtá, | ó Павvης vа р̄tv éр̄εται ó м̄ирóтeрoс" 'Идите девять братьев, а возвращайтесь восемь, | Яннис пусть не приходит, самый младший' (ЕП, стр. 315). Проклятие матери связывается с темой змей, см. румынский сюжет "Şaгre": мать проклинает ребенка за то, что он плачет, обещая его змее. Когда он вырастает, змея преследует его; обычно его спасает чудесный помощник.

Связь змея - ребенок в балканской традиции весьма значительна и требует специального рассмотрения. Круг этой темы широк и разнообразен: змей женится на женщине, у нее рождается змееныш (сюда же относятся: женщина предпочитает змея брату, сыну, передает их и т.п.); у женщины и у змеи одновременно рождаются дети, змея крадет человеческого ребенка и подбрасывает змееныша; бездетным родителям вместо ребенка бог дает змееныша²⁹ и т.п. Основная особенность сюжетов этого типа следующая: внешне змей (змееныш) изоморфен человеку³⁰ (если только не принимает специально змеиный облик); отождествление ("узнавание") змея возможно лишь с помощью специального испытания. Зыбкость границы между змеем и человеком, способность змея к метаморфозам обуславливает и относительную лег-

²⁹ Ср. клише (Веркович, стр. 256): Не е дете като деца, | лю е дете люта змия.

³⁰ В песне "Стоян и Димана" (Миладиновци, стр. 102-103) Стоян просит Диману, чтобы она выдала его за огненного змея.

кость превращения человека в змея и обратно, см. хотя бы "Злая свекрва превръща сина си на змей" (С. И. Българ. № 674) и под. В связи с этим актуализируется опасность рождения у женщины змееныша, см. распространенный болгарский сюжет о девушке, проглотившей 'влажную змейку', змийка усойна: ее подозревают в том, что она ждет ребенка, убивают и находят в чреве змею (Райчев №№ 782, 783, С. И. Българ. № 1187 и др.). Одно из ответвлений этого сюжета — змея внутри невесты, в свадебную ночь выползающая и убивающая жениха. Враждебная роль змеи или змееподобного существа, пробравшегося в семью под видом человека, вводит в круг рассмотрения сюжеты о сестре-ламии, поедаящей братьев. (Заслуживает внимания вариант, осложненный дополнительным мотивом; младший сын борется со змеями, мать влюбляется в змея и предает сына). Борьба с сестрой-ламией включается в число змееборческих сюжетов, когда победителем оказывается младший из нескольких (чаще 9) братьев, которых он спасает (оживляет) и т.п., среди многочисленных вариантов см. румынскую сказку (Българ. фолк., стр. 121-123): у старухи чудесным образом рождаются 9 сыновей, один из которых, младший, — хромой³¹; восьмерых братьев съедает ламия, ее побеждает младший, хромой сын и спасает братьев. Отмечено, что достаточно часто имя младшего брата-победителя — К о н с т а н т и н³². В оппозиции старшие братья — младший существенны их взаимоотношения. Они могут быть нейтральны или враждебны (братья-предатели). См. частый сюжет: старшие братья бросают младшего в источник или в колодец к змееподобному существу.

Пока отвлекаясь от Константина, существенно рассмотреть отношение змея — огонь — камень. Змей с эпитетом "огненный"³³ боится испепеляющего его огня — оружия громовержца. См. интересный греческий вариант сюжета "Св. Георгий и змей", где в роли змееборца выступает девушка, сжигающая змея после следующего обращения к нему (Abbot, стр. 261).

Ἐγὼμαί τ' ἄστρατῆς παιδί, τῆς βροντᾶς ἐγγόνι.
Ἐγὼμαί ἀστράβωλος ἢ ἄστράτῳ καὶ πλουμπνίζῳ.
Μιά φορά, ἀν ἔστραφα σαράντα δράμ' οὐλ' τῆς ἕναφα·
"Ἐνας μουτσοῦς ἀπόμνε· μίας κ' εἰς ἡ ἀφεντεία σου;

³¹ К хромоте (см. выше Илья-Змей) см. румынскую сказку: "Tigulea" (Івр. 1, стр. 268-284): младший сын не может ходить, т.к. змея украла у него сухожилия.

³² См.: D. B u r k h a r t. Zum Drachenkampfthema. Motivparallelen in der südslavischen und griechischen Volksepik. - Ztschr. f. Balkan., 1967, N 2, стр. 150.

³³ Здесь не будет рассматриваться огонь как атрибут змея.

'Я дитя молнии, внучка грома, | Я — метательница молний, сверкаю молнией и гремлю. | Однажды я ударила молнией в сорок драконов и всех их сожгла; | Один хромой остался; не ты ли это?'. В сюжете "Девушка похищенная огненным змеем" (С.И.Българ. № 551) змея сжигает в травах, в состав которых входит овчарската пероника (*Irish germanica*):

Змейо, ле, силен и вогнен,
Ето го змея пристигна,
И са го в чело парнали
И той на место остане,
На едно купче пръшчица.

К страху змеи перед огнем см. сюжет о змее, которая просит прохожего спасти ее, сняв с горящего бука (в македонской сказке: "Добрината за добрина" ... една бука каде горела, а на буката една змия пиштелеа и викала на помош). Сжигание змеи — одно из постоянных действий в магической практике, см.: чтобы избавиться от гусениц, берут трех гусениц, сжигают их, и дымом окуривают сад (Abbot, стр. 231); в Великий Четверг сжигают мусор у дома, чтобы черви не приближались к нему (Muşlea, стр. 148); чтобы избавиться от змей, сжигают шерстяную тряпку (Muşlea, стр. 227) и т.д.; пепел змеи, сожженный в специальном сосуде, используется для врачевания (Gor. Ст., стр. 399)³⁴, в тексте заговора от змеиного укуса "девушка варит мамалыгу из пепла, змея ест ее и издыхает" (Muşlea, Bîrlea, стр. 517). Особо следует выделить сюжеты об испытании огнем змея-оборотня, превращающегося по ночам в человека. Мать или жена сжигают змеиную кожу, которую он сбрасывает, и змей погибает³⁵. Именно огонь является окончательной змеиной смертью (ср. мотивы отрастания отрубленных у змея голов) и, следовательно, безошибочным испытательным средством.

Связь змея-камень примечательна своей двусторонностью: змею у б и в а ю т камнем, часто раскаленным; змея п р е в р а щ а е т с я в камень; червей проклинают тем же проклятием, что и камни, которые "не растут вверх и не имеют корней"; см. также: бог разламывает вынутый из моря камень, внутри его оказывается червь (Це-

³⁴ К связи змеи с огнем см. выше: человеческое дитя, украденное змеей, жалуется, что змеиное молоко обожгло ему рот (ЕАТ, стр. 345). Ср. загадки: насред каши змино гнездо (огнище, Стойкова № 3123); люта змия в кът сеци (огън, Стойкова № 3043); "змея с цветком во рту" (свеча, Frashëri, стр. 94) и др.

³⁵ Ср. сказки, в которых приемш — хтоническое животное (мышь, лягушка) обваривается в котле или стораает в очаге в отсутствие родителей.

пенков 4, стр. 55-56)³⁶ и т.д. Цепь жар - камень - червь отсылает к мифологеме "Громовержец и его дети", см. еще в связи с этим предание о горячих источниках в окрестностях Кюстендила: "в источниках плавают красные черви, которые появляются только тогда, когда солнце смотрит в воду, но их, как говорят, никогда нельзя поймать"³⁷.

Мотив "Наказание Громовержцем жены и детей" достаточно достоверно восстанавливается, в частности, в румынской традиции. Громовержец свергает жену вниз; она становится "хозяйкой низа" и воспринимается вдовой (ср. болгарскую загадку об искре: нагоре върви невятса, надолу иде вдовица, Стойкова № 3109). Ее дети остаются наверху, на горе³⁸. В отсутствие матери Громовержец поражает их огнем. Мать видит пламя: горят Горы Канагалийские, горит дом на Горах Гэргэутских, на склоне Гаралейском или на холме Гаралейском горит большой огонь, горят пламенем дома св. Пятницы, горит дом Жоймерицы, и т.д., см. также: ...între deal |si' ntre Ardeal | Ard casele sfintei Marți (Olinescu, стр. 450), ...arde casa bojei, |pe dealul Galariului (Niculiță-Voronca, стр. 275), ard horaițele (там же, стр. 172). Св. Пятница, как и св. Среда, живет на холмах или близко к небу на высоких деревьях (Răd.-Codin, стр. 113) и др.³⁹ С криком "Это пламя сжигает моих детей" мать бросается обратно в в е р х, чтобы спасти их⁴⁰. Дети "хозяйки низа" представлены в виде хтонических, часто змееподобных животных: драконы, змеи, яще-

36 Ср. также албанское поверье: "Когда видишь змею, укуси мизинец и скажи "камень змея" (Frashëri, стр. 57). Мотив откусывания, обрезания мизинца нередок в сюжетах "Братья и сестра ламия". О мизинце в связи с младшим братом см. далее.

37 К. И р е ч е к. Пътувания по България. София, 1974, стр. 601.

38 См. еще: Marța - дочь императора, за неизвестную вину проклятая им и обреченная ходить по земле. Ее дом и дети находятся 'под холмом' sub dealul Garaleului (I. D a m i a n. Despre Marțisara. "Șezatoarea" XXX, N 8-9, 1922, стр. 299).

39 К мотиву сжигания дома, огня на горе см. также предание о крепости в Кастри: когда-то она была трехэтажной, на верхнем этаже сидела монашка; однажды вечером в крепость ударила молния, сожгла монашку и разрушила верхний этаж (Δ. Β. Ο. Ι. κ ο ν ο υ μ, Ι β ο υ. Ναξάματ παράβοσεις. - "Λαογραφία", 1957-1958, №1, стр. 36).

40 Не отсюда ли мотив оглядки (... оглянулась, а дом в огне горит) см., отдаленно, болгарскую песню о девушке, которую мать отдала замуж на чужбину: ... обарни са, малка моме, | Та погледни ваше село ... | Ваше село огань гори... | Ако гори, да изгори, | да изгори мойта майка (Райчев № 695).

рицы, лягушки, мыши, кроты, ласки и т.д., т.е. те, которых традиция относит к нечистым и проклятым. Они, как и их мать, боятся быть обваренными и ошпаренными. Змеиное происхождение детей дополнительно подтверждается текстами типа "Змей (змея) змеиное гнездо на горе", см. например, в заговорах: înt'r'un vârf de munte nalt'o şerpoaică a fătāt;|noua pui a fătāt;|cum a fătāt așa a crăpat (Gor. D., стр. 289) 'на вершине высокой горы|змея родила;|девятнадцать детей родила; как родила, так издохла; Glocea şerpele|La vîrfu Galareului|Pui me scoate.|N-o putut face cuib,|Nici o putut scoate pui ... (Bîrlea 1968, стр. 397) 'Сидела змея на яйцах|На вершине Галарейской|Детей выводила.|Не смогла свить гнездо,|И не смогла вывести птенцов'. См. к этому же: Ileana Cosînzeana (персонаж, связанный среди прочего со змееборческими сюжетами) рождает последовательно 8 детей, которых поедает ведьма, а девятого, последнего, она прячет на горе в темнице (Gor.D., стр. 327)⁴¹. См. также поверья, что 'летающие змеи' balauri, саламандры⁴², жабы падают с неба вместе с дождем (Muşlea, Bîrlea, стр.186,285,287) и т.д.

Приведенные данные позволяют выделить несколько блоков, связанных одной из версий основного мифа.

1). Громовержец низвергает жену, но оставляет детей наверху. В отсутствие жены он поражает детей огнем. Жена пытается возразить, чтобы спасти детей. Дети связаны со змеями и змееподобными существами: они двуприродны или их обращает в змей/червей Громовержец. После наказания дети превращаются в пепел или скрываются под землей; выход наверх грозит им гибелью (ср. алб. загадку о черве: "человек без костей, живой под землей, мертвый на земле", Frashëri, стр. 95)⁴³.

2) Сын, обычно по имени К о н с т а н т и н, занимает особое положение в семье, состоящей из матери и, как правило, девяти братьев. - Он самый младший или самый маленький. Мать не любит его,

⁴¹ Эти мотивы рассмотрены в работе: Т.Н.С в е ш н и к о в а, Т.В. Ц и в ъ я н. К исследованию семантики балканских фольклорных текстов. "Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков". М., 1973.

⁴² Саламандра - единственное существо змеиногo происхождения, обладающее способностью возрождаться из пепла.

⁴³ К этому же, в день Преображения змеи, ящерицы и др. гады уходят под землю. Кто из них не уйдет под землю, того следует убить (răd.-Codin, стр. 82). В Болгарии в день Преображения женщины ходят по дворам, бьют ложками в сковороды (имитация грома) и кричат "Бегайте, змии и гущери!" (В. Ч о л а к о в. Българский народен сборник. I. Болград, 1872; стр. 34).

предпочитает ему братьев, стремится избавиться от него: изгоняет, проклинает, убивает, съедает, отдает на сожжение. Братья бывают враждебны к нему, предадут его и пытаются убить, бросая в колодец. Младший противопоставляется остальным братьям по своей чудесной природе или по способности совершать чудесные поступки: он выступает победителем в змееборческих сюжетах, спасает братьев от вредителя чаще всего змея (змея может быть членом их семьи, см. сестра — ламия), возвращает им человеческий облик при превращениях. Младший проходит через огонь и не сгорает. Если младший умирает, скрывается под землей или превращается в червя, его пребывание/превращение временно (см. вариант сюжета "Приход мертвого брата", где червяк превращается в Константина, Vrabie, стр. 114, табл. А). Соединение этих блоков дает возможность произвести некоторые уточнения в мифологии "Громовержец и его семья".

В основном мифе мотивы "Наказание жены" и "Наказание детей" рассматриваются как альтернативные или представляющие собой разные трансформы исходного сюжета. Следовательно, речь идет о наказании в чистом виде. В разных вариантах оно обращено либо на жену (причина — измена), либо на детей (их вина неизвестна). Здесь предлагается не считать эти мотивы алломорфными, но включать оба в исходный текст в последовательности "Наказание жены" — "Наказание детей". Рассмотренный материал предполагает следующую интерпретацию, представляющуюся достаточно правдоподобной. Громовержец, изгнав жену за измену со Змеем, начинает подозревать, что и его 9 сыновей — змееныши, и решает подвергнуть их испытанию огнем на свойство "быть змеем". Сыновья змея сгорают, становясь пеплом, или делаются червями, камнями и т.п., скрываясь под землей. В этом случае можно говорить, что Громовержец не превращает детей в змей, червей, камни и т.п., но испытанием заставляет их проявить свое небожественное/нечеловеческое происхождение, в котором он не вполне уверен. Тогда эта ситуация трактуется не как наказание собственных детей, но как продолжение борьбы с противником, мультиплицированным в детях. В связи с этим распространенные сюжеты о борьбе отца и сына за власть, об уничтожении сына отцом получают несколько иное освещение: здесь может идти речь о ложном сыне, о замаскированном противнике, повторенном во времени и пространстве.

Испытание проходит только и с т и н н ы й сын Громовержца — самый младший и самый маленький, см. формульное речение:

Поминав вода, не се удаив,

Поминав огон, не се изгорев,

Поминав секира, не се пресеков (Цепенков 9, стр.141)⁴⁴.

⁴⁴ Ср. сербскую загадку: Што у огњу гори, а огна се не боји? — ответ "пепел".

Существенно, что испытание необходимо не только Громовержцу, для опознания истинного сына, но и самому сыну, для преодоления в себе змеиных черт. Вскрывается неслучайность того, что настоящий сын — обязательно младший: то, что он младший и единокровный брат (8) змеяной, приобщает и его к змеиной породе. Он должен пройти стадию очищения и вернуться в мир обновленным. В свете этого возникают некоторые соображения о мифологической основе обрядов инициаций, состоящих из ряда достаточно длительных испытаний; они направлены, во-первых, на то, что младшие должны доказать истинность своей принадлежности к данному коллективу и, во-вторых, на то, что испытания должны помочь им избавиться от зла, воспринятого хотя бы и невольно.

Пребывание героя под землей, под водой, в заточении (в замкнутом пространстве), т.е. временная смерть⁴⁵ и воскрешение, вводит в круг рассматриваемой мифологемы персонажей календарного цикла, связанных со сменой времен года, с возрождением и умиранием природы: Телепина, Залмоксиса, Диониса, Адониса, наконец, Персефону-Прозерпину и т.д. Это позволяет связать основной миф о Громовержце с другим основоположным мифом — о "вечном возвращении": в данном контексте мифы связываются родственными отношениями между их героями. Громовержец может интерпретироваться как отец божества, управляющего календарным циклом и обеспечивающего правильное осуществление функций мира природы, отчего зависит плодородие, здоровье, благополучие и т.п. Сам Громовержец, обладающий верховной властью, употребляет ее для устройства мира на более высоком, космогоническом, уровне и для нравственного руководства миром.

Несколько заходя вперед, можно попытаться установить следующую схему, соответствующую универсальной модели мира и в каком-то смысле определяющую основные направления в распространении многочисленных мифологических и фольклорных представлений, сюжетов, ритуалов и т.п. На предварительном этапе могут быть выделены три части или шага, последовательно расположенные на временной оси: 1) сотворение мира; 2) поединок Громовержца с противником, изгнание жены, испытание детей; 3) воскрешение младшего, истинного сына, кладущее нача-

⁴⁵ См. еще мотив *poses micritiques* в связи с Константином, где существенно перечисление буков, земли, камней (Шапкарев 2, стр. 532-533):

Костадин тамо с'ожена:
високи буки — байраци,
цорната земя — невеста,
дробни камения — сватови!

ло календарному циклу⁴⁶. Эти части, связанные друг с другом содержательно, образуют инвариант, дающий неограниченные возможности для разветвлений и вариаций.

Мотив детей-змеешней, подмены детей, брака между человеком и змеелюдным существом, на внешнем уровне — неразличение змея и человека, так же, как и обмен атрибутами (см. представления о человеческом происхождении змея; ноги у змея, —хромота, безноготь героя и т.п.), приводит к мысли о дуприродности людей, в зависимости от их божественного или змеиного происхождения. Существенно, что в нейтральной ситуации различия скрыты: они либо известны изначально (см. тотемную традицию, где не-человеческий предок известен, и родство с ним поддерживается и охраняется); либо проявляются в критической ситуации. В свою очередь, критическая ситуация может возникнуть самостийно, ввиду большей активности змеиного начала; с другой стороны, критическая ситуация может быть вызвана искусственно, специальным (или невольным) испытанием. Ситуацию первого брака и первой семьи (Громовержец — жена — 9 сыновей) в применении к реконструируемому варианту основного мифа можно расширить до ситуации первого треугольника: Громовержец — жена — Змей. Предполагается, что первоначально добро и зло существовали в мире в непроявленном статусе; оппозиция добра и зла не была актуальной. На этой стадии различия между Громовержцем и Змеем были нейтрализованы. Может быть, легкость обмена атрибутами и предикатами между Громовержцем, и Змеем, среди прочего, имеет и глубинные семантические основания: в начальной позиции Змея можно было трактовать в какой-то степени как дублера Громовержца (или его друга — многочисленные парные божества, парные герои и т.д.). Затем наступил момент, когда ситуация была взорвана Змеем: похищение скота, измена жены, разоблачение детей. Громовержец победил змея в поединке, изгнал жену; подвергнув испытанию детей, он одновременно избавился

⁴⁶ См. хотя бы некоторые мотивы, вытекающие из приведенной схемы, особенно ее второй и третьей частей: Мальчик-с-пальчик, младший из детей изгнанных родителями (отцом), спасающий братьев и находящий дорогу по камешкам: (см. вообще мотив мизинца в связи со змеей); Баба-Яга, сопоставляемая с "хозяйкой низа", испытывающая героя (отождествление испытаний Бабы-Яги с инициацией было показано В.Я.Проппом в "Исторических корнях волшебной сказки"); ситуация нелюбимых детей в оппозициях мать/отчим или (чаще) мачеха/отец; испытания, предлагаемые отцом для проверки сыновней любви (посылает сыновей за живой водой) и т.д., наконец, транспонировка ситуации в применении к женским персонажам (младшая сестра, Золушка и т.д.) и под.

от потенциальных противников, очистил от скверны истинного сына и доверил ему особую область — мир живой природы. Однако зло в мире не было уничтожено окончательно, поскольку змей лишь скрылся в земных водах. Возможность сосуществования непроявленного добра и зла сохранилась. Это сохраняет и взрывчатость ситуации, особенно из-за большей активности зла по сравнению с добром. Опасность заключается в том, что племя Змея живо⁴⁷, и двуприродность человека сохраняется. При этом возможны не только чистые случаи: племя Авеля/племя Каина ("железные люди") оппозиции люди/нелюди, человечность/бесчеловечность и т.д., но и смешанные случаи совмещения змеиного и человеческого начала при сосуществовании зла и добра в одном субъекте. На этом фоне манихейские идеи получают дополнительное обоснование в мифологеме "Первый поединок добра со злом". Оптимистичным в в вечной ситуации борьбы добра и зла является возможность достижения добра путем очищения и испытания и при исходной причастности к злу (младший сын Громовержца). Манихейство, постоянное напоминание о противоположных силах, действующих в мире, особенно значимо из-за того, что зло существует скрыто и неотлично от добра, набирая темп для критической ситуации, к которой следует готовиться заранее, чтобы иметь возможность предупредить ее. Поединком Громовержца со Змеем отмечается момент введения в устройство мира нравственного начала, как двигателя мира, актуального при наличии противоборствующих сил.

Существовавшая до этого гармония, по всей сути, была не динамична, так что накопленные потенции пропадали втуне (не случайно движение, в частности, смена времен года и другие циклы были введены п о с л е поединка и последовавших за ним событий). Изживание зла не только в мире, но и в самом себе, преодоление имманентной вины и связанные с этим философские, религиозные и этические идеи могли иметь своим истоком или находить себе отражение в универсальной мифологеме о змеборчестве, прохождении через смерть и воскрешении в очищенной и обновленной ипостаси.

⁴⁷ См., например: из пепла гадюки, развезенного Господом, возникают блохи, пьющие кровь у человека (Т. P a m f i l e. Povestea lumii de demult. Bucureşti, 1913, стр. 151); светляки происходят от черта, сброшенного св. Петром с неба и разбившегося вдребезги (Olinescu, стр. 111); ядовитые мухи вылетают из пещер, где осталась отрубленная голова змея (V. B o g r e a. Musca columbăcă în tradiția noastră populară și istorică. "Anuar. arch. de folklor." I, 1932, стр. 44) и под.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Бълг. нар. тв. - Българско народно творчество. 7. София, 1 1962.
- Бълг. диал. - Български, аромънски и албански фолклор, ред. А. Стоилов. София, 1926.
- Веркович - С. И. В е р к о в и ч. Народни песни на македонските българи. София, 1966.
- Миладиновци - Б р а т я М и л а д и н о в и. Български народни песни. София, 1968.
- Райчев - А. Р а й ч е в. Народни песни от Средните Родопи. София, 1973.
- СОНУ - Сборник за народни умотворения, наука и книжнина.
- С. И. Бълг. - Народни песни от Североизточна България. I, София, 1962.
- Стойкова - С. С т о й к о в а. Български народни гатанки. София, 1970.
- Цепенков - М. Ц е п е н к о в. Македонски народни умотворби. 9. Скопје, 1972.
- Шапкарев - К. Ш а п к а р е в. Сборник от български народни умотворения. 1-4. София, 1968-1973.
- Abbot - G. F. A b b o t. Macedonian Folklore. Chicago, 1969.
- Birlea - L. B î r l e a. Literatura populară din Maramureș. 1, 2. București, 1968.
- Dawkins - R. M. D a w k i n s. Forty-five stories from the Dodecanese. Cambridge, 1950.
- ΕΔΤ - 'Ελληνικά δημοτικά τραγούδια. 1. Αθήνα, 1962.
- ΕΠ - 'Η Ελληνική ποίηση ἀνεολογισμένη. 2. Αθήνα, 1958.
- F. Shq. - Folklor shqiptar. 1-4. Tiranë, 1963-1966.
- Frashëri - S. F. F r a s h ë r i. Folklor shqiptar. Durrës. 1963.
- Gor. Cr. - A. G o r o v e i. Credinți și superstiții ale poporului român. București, 1915.
- Gor. D. - A. G o r o v e i. Descrîntecele românilor. București, 1931.
- Isp. - P. I s p i r e s c u. Opere. 1-2. București, 1969.
- Istrătescu - A. I s t r ă t e s c u. Texte populare din județul Prahova. - "Grai și suflet". III, fasc. 2, 1928.
- Mbledhës - Mbledhes të hershem të folklorit shqiptar. 3. Tiranë, 1962.
- Muşlea - I. M u ş l e a. Cercetări folklorice în țara Oaşului. "Anuarul arhivei de folklor", I, Cluj, 1932.
- Muşlea, Birlea - I. M u ş l e a, O. B î r l e a. Tipologia folclorului. București, 1970.
- Olinescu - M. O l i n e s c u. Mitologie românească. Casa școlarelor, 1944.
- Niculiță-Voronca - E. N i c u l i ț ă - V o r o n c a. Datinele și credințele poporului Român. I. Cernăuți, 1903.
- Papahagi. Ant. - T. P a p a h a g i. Antologia aromânească. București, 1922.

- Πολίτης - Ν. Πολίτης. Έκ- Schullerus - A.Schulle-
 λογαί από τά τραγούδια του r u s. Verzeichnis der ru-
 ελληνικοῦ λαοῦ. Ἀθήνα, mänischen Märchen und Mär-
 1932. chenvarianten. Helsinki, 1928.
- Răd.-Codin. - C.Rădules- Visăret - Visăret e kombit.1-3.
 cu - Codin, D.Michalache. Sărbătorile po- Tiranë, 1937.
 populului. București, 1909. Vrabie - G.Vrabie. Balada
 populară română. București, 1966.

ЗАМЕТКИ О РАСТИТЕЛЬНОМ КОДЕ
ОСНОВНОГО МИФА

(перец, петрушка и т. п.)

Памяти
Петра Григорьевича
Богатырева

Предполагая в дальнейшем вернуться к этой теме во всем многообразии ее ракурсов и деталей, здесь приходится ограничиться лишь несколькими краткими замечаниями, носящими предварительный характер. Речь пойдет о трансформациях одного из героев основного мифа, связанных с выбором растительного (вегетативного) кода, с установкой на снижение образа, травестирование, двусмысленность, бурлеск. Существенно и то, что сами объекты и/или их наименования втягиваются в схему основного мифа лишь вторично и (что важнее) вообще поздно; след позднего вхождения не полностью сглажен и для самих потребителей мифа даже в его вырожденных версиях, что создает дополнительные условия для ассоциаций уже "исторического", точнее — квазиисторического характера.

В этой связи внимание должно быть обращено прежде всего на персонаж румынских сказок по имени Pipăruș Petru (иногда — Chipăruș Petru и т. п.), выступающий как мальчик-с-пальчик. То, что мальчик-с-пальчик входит в схему основного мифа, сейчас, видимо, не может вызвать сомнений; генетически он как раз и есть тот младший (и самый маленький) сын Громовержца, единственный, кто выдерживает испытание, спасая с помощью камешков и себя, и похищенных сестер и братьев, которых родители задумали погубить (прежде всего — именно отец, мать же в ряде вариантов выступает как тайная помощница мальчика-с-пальчика). Уже эти мотивы прочно связывают сказки этого типа с тем дополнительным кругом отражений основного мифа, о котором говорится в другом месте этого сборника. Можно, впрочем, пойти и еще дальше, поставив вопрос о том, не является ли весь цикл сказок об испытании героя, воплощенного в образ младшего (третьего) брата или меньшего сына, генетически связанным с основным мифом, — по крайней мере, как одна из его поздних филиаций, приобретших в ходе развития вполне независимый характер.

Обращаясь к материалу румынских сказок, существенно упомянуть два мотива — 315А: Неверная мать и 327D: Мальчик-с-паль-

чик¹. Суть первого из них в том, что вдова (т.е. женщина, лишенная мужа)² рождает сильного сына, забеременев от перечного зернышка; Бог и Петр крестят мальчика (поэтому Pirăruș Petru через Petru связывается со своим крестным отцом: он сам Петр как некое воспроизведение определенного эталона, функции, маски Петра, о чем см. далее, и в то же время Петрович, т.е. сын Петра). Суть сказок второго типа в том, что мальчик-с-пальчик, родившийся у матери (или вдовы), забеременевшей от перечного зернышка, освобождает пленных сестер или убиенных братьев³. В центре внимания — само имя героя и его языковые и внеязыковые мотивировки. Pirăruș Petru означает, собственно "Перчик Петр" (-uș как уменьшительный суффикс). Выступающий в качестве эпитета, а иногда и самостоятельного Pirăruș естественно соотносится с рум. pirăruș "красный перец" ("стручковый перец")⁴, переключаясь с рум. piper "перец" и особенно piper roșu "красный перец"⁵. Связь имени (Pirăruș) с названием перца могла бы быть объяснена действием двух причин. С одной стороны, Pirăruș не что иное, как реализация элемента растительного кода в метафоре основного мифа; на основе этой единицы строится уже ипостасный образ, персонификация известного культурного растения с отмеченными свойствами. Плод перца красен (красный перец) или черен (черный перец), он имеет сильно удлиненную коническую форму, обладает острым ("жгучим") вкусом; быстро вырастает из крошечного перечного зернышка (следует особо отметить, что словом "перец" обычно обозначают и само растение, и плод, и его семя, в

¹ См. A. S c h u l l e r u s. Verzeichnis der rumänischen Märchen und Märchenvarianten. Helsinki, 1928, стр. 35, 36 (= FFC N 78).

² Мотив женщины без мужа, несомненно, соотносится с мотивом изгнания жены Громовержца (развода) за ее измену.

³ Общий фон может быть несколько расширен и углублен за счет сказок других типов, где, однако, выступает мальчик-с-пальчик; ср. 327В: Мальчик-с-пальчик и великан, 700: Мальчик-с-пальчик (рождение из конской головы, брошенной в огонь, способность к превращениям, убийство матери дракона и т.д. — часто как введение к сказкам об освобождении).

⁴ То, что pirăruș означает также и особый вид народного танца ("пипэруш"), весьма показательно в свете многочисленных отражений сюжета основного мифа в хореографии, с чем писалось в другом месте.

⁵ Ср. также Chirăruș Petru — от chirăruș = ardéi. В свете далее приводимых соотношений перец (стручок): дерево ср. chirăruș 'перец': chiraroba 'кипарис'.

в ином ракурсе — и родителя и его плод, потом — ст в о⁶. Все эти атрибуты перца возвращают нас к подобным атрибутам главного героя основного мифа (а иногда и его соперника). В другом месте⁷ было показано, что многочисленные варианты этого мифа основаны как раз на таком наказании Громовержцем своего сына (обычно младшего), когда последний расчленяется на мелкие части (его бьют и расчленяют, что в конечном счете приводит к его возрастанию)⁸ и закапывается в землю с тем, чтобы в очередной вегетативный цикл вырасти из-под земли и принести плоды, из которых готовится нечто острое, жгучее, хмельное, наркотическое, галлюциногенное (ср. табак, маис, ячмень и т.п., идущие на приготовление особых видов водки, ср. перцовка, рум. piperment; болг. ракия с пипер и т.д.). Значение таких вторичных продуктов определяется гранью между природой и культурой, Богом и его противником⁹. О перце в румынской

⁶ Отчасти те же ассоциации связываются с боярышником, стимулирующим долголетие и плодовитость и являющимся во многих традициях культовым деревом. См.: Д. Ф р е з е р. Золотая ветвь. вып. 1. М., 1928, стр. 148, 157; Г.П.С н е с а р е в. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, стр. 201-202 (о боярышнике елиштирик). Ср. также русск. диал. ебарашник, ебарак(к), ебарачина и т.п. как названия боярышника.

⁷ Ср. В.Н. Т о п о р о в. К семиотике мифологических представлений о грибах (в печати).

⁸ Особенно характерны алтайские параллели. Ср.: "Когда Дельбеген бил мальчика на широком камне, то мальчик рос в ширину. Когда бил его на длинном камне, то мальчик рос в длину. Когда бил его на остром камне, то мальчик рос в высоту...". См. Н.А. Б а с к а - к о в. Алтайский язык. М., 1958, стр. 77-80. Существенно, что в этом же ареале популярен мотив отрезанного пальца (у противника Бога) и превращения его в хтоническое животное (сурок). Не случайно, что здесь же отмечены примеры так называемых "заговоров пальцев" (с семантикой "мизинец" = "малый ребенок"). См. Г.Н. П о т а н и н. Очерки Северо-западной Монголии, вып.2. СПб., 1881, стр. 121 и след., 151 и др.; О н ж е. Ерке. Культ сына неба в Северной Азии. Томск. 1916, стр. 2-3, 16 и др.

⁹ Ср. классификацию на "божественные" и "дьявольские" растения. Иногда умело приготовленный из "дьявольского" растения продукт позволяет достичь экстатического состояния и приблизиться к сфере "божественного". Ср. отношение к луку, табаку, шиповнику (аджина гул 'цветок джинов') в домусульманских традициях Хорезма. См. Г.П. С н е с а р е в. Указ. соч., стр.197 и др.

традиции говорят так, как в русской о разных воплощениях противника Громовержца, ср. рум. iute sa piperul, iute sa ardeul 'жгучий, как перец' при русск. ЛЮТЫЙ зверь, ЛЮТЫЙ змей (iute: ЛЮТЫЙ)¹⁰; piperul lupului 'волчье лыко' (собственно, 'волчий перец') перекликается частично с ЛЮТЫМ волком и с мотивом охраны от волков в основном мифе. Перец часто характеризуется, подобно противнику Громовержца, как чужой, ср. рум. piperiu-turcesc или в тексте лазарской колядки,

Lăturile le-a vărsat În p i p e r u l g r e s i l o r,¹¹
 În calea voinicilor În a r d e i u l s ă r b i l o r...

С д р у г о й стороны, название перца своей звуковой структурой исключительно близко имени Громовержца и особенно именам его трансформов. Рум. pirăruș (Pirăruș) в этом отношении сопоставимо с с.-хорв. прпоруша, преперуша (ср. хорв.-кайк. perriš 'перец'), ср. также болг. Перушан, русск. Перушине и весь круг редуцированных форм (правда, с другими суффиксами), обозначающих участниц ритуала вызывания дождя (болг. пеперуна, пеперуда (ср. пипер, пиперки 'перец'), рум. păpăruță, păpăruță, arum. păpărună, pipiricuna, porpirița, алб. perperonë, н.-греч. περπερονια, περπερινα, περπερια, περπεριτσα и т.п.)¹². Весьма интересно, что на Балканах

¹⁰ В этой связи особенно показательны загадки о перце типа известной румынской — roși ca focul, iute ca Dracul 'красный, как огонь, лютый, как чорт'. См. А. Г о р о в е и. Similiturile românilor. București, 1898, № 1411. Впрочем, не менее интересны и другие образцы малых фольклорных форм, в которых в связи с перцем моделируются те или иные блоки сюжета основного мифа. Ср. болгарскую загадку Червеничко, мѣничко, като та парни, с вода не мож го угаси (=Пипер), См. С. С т о й к о в а. Български народни гатанки. София, 1970, № 867, или тодоровскую песню: Таз неделя Тодорова, | Че момите болни лежат, | Че момците ослепели, | Като п и п е р по Великден, | Като леша по Георгиевден, см. Народни песни от Северо-Източна България, I. София, 1962, № 236.

¹¹ Ср. русск. немец-перец, волчий перец, дикий перец и т.п.

¹² Некоторые из этих форм с назальным элементом (perperone, păpărună и т.п.) удивительно близки таким названиям перца, как итал. perperone, perperoncino и т.д. или производным типа рум. pipernita, с.-хорв. папреница и под. Неясно происхождение ряда сходных по звучанию древних имен среднеземноморского ареала, ср. этр. perperni 'Perpernius', perperna 'Perperna', perprade, perprate, хеттск. Pipiriša, Pimpira, Pimpirit, ср. малоазийские топонимы типа Перлер и т.п.

преобладают редулицированные формы (ср. рум. piper, pîpăruș: *Pe-
 /r/-per- и т.п.), тогда как в восточнославянском ареале — нереду-
 лицированные (русск. перец, ст.-русск. перьць; Перун и др.)¹³.
 Создается впечатление, что редулицированная основа *pe-per-, обоз-
 начившая перец, в силу звукового подобия имени Громовержца, в опре-
 деленном культурно-историческом ареале была вовлечена в круг ассо-
 циаций, заданных структурой основного мифа. Поэтому перед иссле-
 дователем возникает важная задача — установить, каким образом гипо-
 тетическая цепь ... > ср.-инд. pīparī, pīpālī 'перец' > араб. pil-
 pel, араб. filfil, др.-греч. πέπερι > лат. piper > нем. Pfeffer,
 англ. pepper и т.д. вплоть до славянских и балканских форм¹⁴ пере-
 секлась с определенным звеном основного мифа. Уяснение соответствую-
 щей хронотопии требовало бы учета всех сходных форм в том же ареале
 (или в соседних), которые остаются не до конца ясными (как, на-
 пример, др.-егип. название папируса и соответствующее др.-греч.
 слово — πάπιρος ср. коптск. pappiṛō¹⁵; всех производных (включая
 случаи позднейших притяжений¹⁶) и, наконец, тех случаев, которые
 дают основание для расширения круга мотивировок включения данного
 слова в указанную мифологическую схему. К последним следует пре-
 жде всего отнести связь названия перца в индийских языках с др.-
 инд. pīpala- 'Ficus religiosa' (и ее плоды), выступающим как
 м и р о в о е д е р е в о¹⁷, ср. pīpālī, о плодах этого дерева,

¹³ Ср., однако, пырь (1193 г., Срезневский Мат. II, стр. 1760 и след.).

¹⁴ См. M a u r h o f e r, KEWAi. Lief. 12, стр. 285; Frisk. GEW II, стр. 508; Фасмер, ЭСР III, стр. 241; Skok ERHS 2, стр. 601 и др.

¹⁵ Ср. Е. М а в с о н. Recherches sur les plus anciens emprunts semi-
 tiques en grec. Paris. 1967, стр. 101. А. G. М с G r e a d y. Egyptian Words in the Greek Vocabulary. — "Glotta" 46, 1968, стр. 251 и др. Здесь уместно напомнить о метафорических употреблении слов со значениями 'папироса', 'стручок' (ср. русск. стрик, стрицкий и т.д.).

¹⁶ Ср. др.-греч. πέπερις 'siliquastrum' (название растения у Плиния) и др.

¹⁷ О связи основного мифа с мировым деревом писалось уже не раз. В связи с темой этой заметки стоит обратить еще внимание на болг. диал. папур 'кукуруза' тем более, что это слово неоднократно обыгрывается в текстах "Пеперуды", ср. Зилен папур расте, | На папура | Жълта пеперуда (см. Народни песни от Северо-Источна България. I, № 962 и др.), а сама кукуруза, символ плодородия и мужской силы, в загадках уподобляется именно мировому дереву. Ср.: Доље пасја шапа, | на врху ђавољи перчин, | а у

позже - о перечном семени, о перце (растении). И, конечно, здесь нельзя не вспомнить о замене обычного Περπεριὰ δροσολογιὰ ... в тексте "Петеруды" (Περπεροῦνα περλατεῖ...) на 'перечное дерево' - Περπεριὰ δροσολογιὰ ... (при н.-греч. τὸ πλερί 'перец')¹⁸. Наконец, неоспорима и звуковая связь обоих элементов имени Pipāruş Petru (p-r-u). Именно здесь уместно перейти к теме Петра и производных от этого имени образований и соответствующих реалий.

В растительном коде речь должна пойти о п е т р у ш к е 'Petroselinum sativum L.', огородном растении семейства зонтичных, употребляемом как приправа (для пряности). Русск. петрушка предполагает исходное имя Петр, обыгранное с установкой на уменьшительно-пренебрежительную (или даже уничижительную) оценку¹⁹. Та же мотивировка содержится и в ошибочной польской форме pietruszka (:Piotr) при правильном pietruszka²⁰; в лит. petražolė 'петрушка' (собств. - 'трава Петра'), лтш. pētersīlis, нем. Petersilie, лат. petroselinum (petroselinon), др.-греч. πετροσέλινον (ср. σέλινον 'сельдерей', 'Apium graveolens L.', ср.нем. Sellerie, и πετρο-, которое могло восприниматься и в связи с именем, и в связи с πέτρος 'камень')²¹. Как и в случае с названием перца, здесь выступает длинная цепь переходов (др.-греч. πετροσέλινον > лат. petroselinum > ср.-в.-нем petersilje > польск. pietruszka, чеш. petržel > русск. петрушка), которая в определенном месте замыкается на преобразованном имени Петра, входящем в цепь трансформаций героя основного мифа. Если мотивировка п е т р у ш к и как элемента растительного кода объясняется некоторыми характеристиками этого овоща (сильно удлиненная, но часто неправильная форма, недостаточная твердость (в отличие от хрена), белый цвет, небольшая пряность, нахождение плода в земле и т.д.), см. выше о перце, - то мотивировка п е т -

срияди божји благослов (см. С.Н о в а к о в и ћ. Српске народне загонетке. Панчево, 1877, стр. 107 и др.).

18 См. G. F. A b b o t. Macedonian Folklore. Chicago, 1959, стр. 119.

19 Существуют и такие случаи, которые можно рассматривать как точки нейтрализации; ср. петрушка как обозначение чего-то нелепого, несуразного, странного (вышла такая петрушка; там будет всякая петрушка и т.п.) в связи с петрушка (овощ) и петрушка (род куклы как сниженный образ Петра).

20 Ср. рум. pătrunjel 'петрушка' при имени Petru (ср. также pătruns 'прозенный', 'проколотый').

21 В качестве частичной аналогии ср. тот вариант румынских сказок, в которых у Pipāruş'a (Chipāruş'a) Petru есть чудесный помощник-великан Sfārmă-Piătră (от sfăr/ă/mă 'раздроблять', 'крошить', 'ломать' и piătră 'камень'), т.е. Petru : piătră.

рушк и как сниженного образа Петра (ср. -ушк- в связи с рум. -uș) связана, видимо, с тем кругом ассоциаций, которые прикрепились к имени Св. Петра, первого апостола и ученика Иисуса Христа. Двойственность образа Петра задана уже евангельским текстом и последующей литературой комментаторского типа. Уже Христос, говоря о Петре прибегает к *figura etymologica*:... οὐ εἶ Πέτρος, καὶ ἐπὶ ταύτῃ τῆ πέτρα οἰκοδομήσω μου τὴν ἐκκλησίαν... (Math.

XVI, 18). Петр – первый ученик и продолжатель, основа церкви и одновременно тот, кто отрекается, прекословит, соблазняет²². В низовой традиции Петр часто выступает как неудачливый двойник Христа (ср. распятие на кресте вверх ногами и проч.), выставленный на смех²³. Разные трансформации исторического Петра многообразны: глупость (ср. нем. *ein dummer Peter*, о глупом человеке, русск. ничего не петришь), двусмысленность, сексуальность и т.п. – лишь некоторые ведущие мотивы образа в истории его функционирования в народной культуре²⁴. Здесь уместно напомнить лишь об одном варианте снижен-

²². И отозвав Его, Петр начал прекословить... Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от меня, сатана, ты мне соблазн... Матф. XVI, 22–23 и др.

²³ Достаточно указать на такие сюжеты с участием св. Петра, как происхождение физических изъянов (AT 758 A: непонимание св. Петра), сотворение человека (AT 774 A и др.: св. Петр путает головы у старика и дьявола, вызывает смех), попытка заменить Бога св. Петром (AT 774 D), любимый плод св. Петра (AT 774 G: фиги), лысоголовость св. Петра (AT 774 J: св. Петр не поделится хлебом с Иисусом), жаленье св. Петра пчелами (AT 774 K), происхождение г р и б о в из плевка св. Петра (AT 774 L), св. Петр и орехи (AT 774 P: орехи падают на него), Спаситель и св. Петр на ночлеге (AT 791: св. Петра дважды бьют), св. Петр и его жена (AT 754), падение матери св. Петра с неба (AT 804) и др.

²⁴ Конечно, и за ее пределами. Достаточно вспомнить отчетливо отрицательные ассоциации с персонажами романов Достоевского, носящими имя Петра (Петр Верховенский, Петр Миусов, Петр Петрович Лужин и т.д.). См. М.С.А л ь т м а н. Имена и прототипы литературных героев Достоевского. "Уч.Зап.Тульск.пед.ин-та", вып. 8, 1958, стр. 145 и сл. Тот же смысл и та же функция имени в отходной по Петербургу, городу Петра, у Вагинова: "Петербург окрашен для меня с некоторых пор в зеленый цвет, мерцающий и мигающий, цвет ужасный, фосфорический. И на домах, и на лицах, и в душах дрожит зеленоватый огонек, ехидный и подхихикивающий. Мигнет огонек – и не П е т р П е т р о в и ч перед тобой, а липкий г а д; взметнется огонек – и ты сам хуже гада; и по улицам

ного образа Петра — русском петрушке (вопрос происхождения в данном случае вторичен, хотя обращение к образам Пьеро, Педролино и т.п. весьма поучительно), кукле, главном комическом герое русского народного кукольного театра (который, кстати, сам носит название петрушки²⁵), Петрушка лиледействует в обстановке гуляний, балаганов, на Масленой. Он мал и тонок (у него особенно тонкий голос, для чего иногда актер использует пищик), у него длинный, острый²⁶, конический колпак ярко красного цвета; петрушка непримично подвижен²⁷, его постоянно бьют, в а л я ю т (ср. валять петрушку и символический смысл валянья, ср. отвалять), он часто проваливается под землю (связь с подземным царством) и его вытаскивают за колпак (как петрушку за ботву²⁸). Петрушка — неудачник: он страдательное

н е л ю д и ходят: заглянешь под шляпку — з м ъ е и н а я голова ... Не люблю я Петербурга, кончилась мечта моя" ("Козлиная Песнь"). — Ср. также А.С а ш и в. La chute. Paris, 1956, стр. 133-134; к Math. XVI, 18.

- ²⁵ Ср.: Словарь современного русского литературного языка, т. 9. М.—Л., 1959, стр. 1113-1114. Особо см. П.Г.Б о г а т ы р е в. Петрушка. — "Краткая Литературная Энциклопедия", т. 5. М., 1968, стр. 734. — Из литературы о русском петрушке, отмеченном уже Олеарием в XVII в. (когда петрушка исполнялся, видимо, скомо-рохами) и вбравшем в себя на протяжении долгого времени мотивы, ранее отсутствовавшие в основной схеме, см.: А.А л ф е р о в. Петрушка и его предки. — "Десять чтений по литературе". М., 1895; В. П е р е т ц. Кукольный театр на Руси. — "Ежегодник Императорских театров", сезон 1894-1895 гг., приложение № 10; О. Ц е х н о в и ц е р, И. Е р е м и н. Театр Петрушки. М.—Л., 1927; П.Н.Б е р к о в, — "Русская народная драма XVII-XIX веков". М., 1953, стр. 18 и след.; Н.С м и р н о в а. Театр кукол. М., 1963; А.А.Б е л к и н. Русские окоморохи. М., 1975, стр. 140, 151 и след.; и др.

- ²⁶ Мотив остроты (пряности) подчеркивается фамилией Петрушки — Петр Иванович или Петр Петрович Уксусов.

- ²⁷ Ср.: П.Г.Б о г а т ы р е в. Народный театр чехов и словаков. В кн.: П.Г.Б о г а т ы р е в. Вопросы теории народного искусства М., 1971, стр. 133: в чешском кукольном театре движения кукол, изображающих серьезные персонажи — королей, принцесс и т.д., — более "деревянны", чем движения комического Кашпарека (Петрушки). — В частности, Кашпарек приводится в движение большим числом ниток (к тому же, более тонких), чем серьезные персонажи.
- ²⁸ Некоторые из этих атрибутов используются как признаки моркови, редьки, лука и т.п. в загадках.

лицо в треугольнике - Петрушка - Танцовщица - Соперник Петрушки (Арап, Турка, иногда собака и т.п.), изоморфном итальянской схеме Пульчинелла²⁹ - Коломбина - Арлекин. Но вместе с тем Петрушка неуязвим, вездесущ, обладает удивительной способностью к регенерации, к возрождению (ср. характерный мотив "воскресения" петрушки в финале). Петрушка сам образует некую грань между сниженным живым и возвышенным неодушевленным (кукла)³⁰. С одной стороны, он входит в растительный ряд овощей, острых на вкус и запах (хрен, редька, лук, чеснок, сельдерей, укроп и т.п.) или обладающих специфическим видом (морковь, хрен, кукуруза, огурец и др.) и построенных на основе перфонификации (ср. Чиполлино при итал. cipolla 'лук', cipollina 'лук порей', рум. Pîrăuș Petru, русск. Укроп Помидорович и т.д.)³¹. С другой стороны, петрушка включается в ряд где он неудачный потомок (сын, ср. Петр Петрович) некоего идеального предка (отца), начинающего традицию. Треугольник в сюжете петрушки, как и основные черты одноименного героя, возвращают нас

²⁹ Ср. Pulcinella как маска неаполитанской комедии и pulcinellato 'шутовство'.

³⁰ Ср. мотив подмены кукол живыми персонажами в балете Стравинского - Бенуа "Петрушка". Существенно, что в либретто особенно отчетливо проступают некоторые мотивы первоначальной схемы, утерянные в балаганных неродных представлениях. См. В.Смирнов. А.Н.Бенуа - либреттист "Петрушки". В кн.: И.Ф.Стравинский. Статьи и материалы. М., 1973, стр. 155-162 (здесь же письма И.Ф.Стравинского к А.Н.Бенуа в связи с "Петрушкой", стр. 454 и след.).

³¹ В этом смысле характерно название чешского театра Петрушки - bramborové divadlo (от brambor 'картошка'). Развертывание элементов растительного кода в художественной литературе представлено нагляднее всего в немецкой традиции (начиная с альбауна у Ганса Сакса и Гриммельсгаузена), особенно в эпоху романтизма. Ср. у Гофмана в "Королевской невесте" (помимо 'Даукус Карота', короля, персонифицированной моркови, обрученной с Аннхен) пана Капустовича из Польши (ср. польск. kapusta), герра фон Шварцреттиха из Померании (ср. нем. Schwarzrettig 'черная редька'), синьора ди Брокколи из Италии (ср. итал. broccoli 'красная капуста') и мосье де Рокамболя из Франции (ср. франц. rocambole 'сорт чеснока'). Ср., кстати, одноименного героя романа Понсон де Террайля (откуда - rocambolesque). В связи с образом с т р у ч к а перца ср., с одной стороны, русск. струк, стрик, стручок, стрицкий и т.п. в отнесении к человеку, а с другой - диал. струк 'membrum virile' (Даль IV, 586).

непосредственно к той же схеме основного мифа: Громовержец (*Per-, *Pe-per-) - Его Жена - Соперник. Тем самым *Per-, *Pe-per- и содержательно (сюжетно) соотносимо с Петрушкой (или Pipăruș Petru). До сих пор не обращали внимания на исключительно интересное обстоятельство - жена Петрушки носит имя Маланья Сидоровна, первый элемент которого связан с названием молнии, а второй - с именем Сидор как сниженным образом Громовержца; мужа Маланьи, о чем см. в другом месте³². Не менее интересно, что и Соперник Петрушки (Арап) может быть сопоставлен с эпическим образом Арапина (ср. с.-хорв. црни Арапин) у южных славян, представляющим собой трансформацию змея³³. В этой связи характерен сюжет "Петр превращается в змея"³⁴, - особенно на фоне табуированного названия змея в румынской традиции - Petru (ср. Petru pestrițu при том, что pestriță постоянный эпитет змеи и так или иначе связанных с ней существ)³⁵. Несомненно, что, исходя из этого круга фактов, оправдано расширение набора персонажей, носящих имя Петра, за счет Petru Perélea из румынских сказок (ср. Petru Cenușotca) при том, что существуют и женские персонажи с той же функцией или с семантически подобными именами. Ср. рум. Cenușerea (в доме у св. Пятницы), Pipelcuța, болг. Мара-Пепеляшка, алб. Maro-Përhitura, н.-греч. Ἐταχτοπούτα и т.п.³⁶, ср. эпитет змеи - пепеляшка и под. Интересно, что сходное распределение существует в мифопоэтическом сознании и относительно имени Св. Петки (ср. св. Пятницу, Параскеву и т.п., восходящих - в реконструкции - к образу жены Громовержца) и его мужских соот-

³² См. В.Н. Топоров. Русск. "заби(вать) козла" (в печати).

³³ Ср.: У клисури, у гори зелени, Излезнал ње църна арапин, | Арапина, страшна халетина ... СБНУ 43, 1942, стр. 172; ср. СБНУ 1, 1889, стр. 60; 62, 1912, стр. 144, 162 и др. См. Б.Н. Путилов. Русский и южнославянский героический эпос. М., 1971, стр. 46 и след.

³⁴ См. Народни песни от Северо-Източна България, I, № 673 и др.

³⁵ Ср., в частности, в заговорах ediță 'pui de capră femelă' (от iadă с суфф. -iță), но и 'demon, ființă infernală', в сочетании с эпитетом 'пестрый': Ediță pestriță | Muscă de peliță; Ediță pestriță | Prinsă de peliță; Idița, idița cu pelea pestriță и далее - вплоть до Esdriță pestriță и т.п. См. Al. R o - s e t t i. Limba descîntecelor românești. București, 1975, стр. 86-87 и др. Ср. болг. лъстра змия пипляшка и др.

³⁶ См. В.В. Иванов, В.Н. Топоров. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян. "Вопросы этногенеза и этнической истории славян". М., 1976.

ветствий - Петко, Петканчо и др., Петър; ср. особенно Св. Петка: Св. Петък.

В русской низовой традиций у образа петрушки есть и еще один пласт ассоциаций - П е т р П е р в ы й и история его семейных отношений (вражда с сыном, измена жены, ср. также рано умершего сына Петра Петровича и т.п.), данные в гротескно-комизированной форме (именно здесь особенно подчеркнут мотив глупости, бессмысленности петрушки). Эта историческая схема в той или иной степени была актуализирована и не раз в ходе русской истории (Петр III и Екатерина II, двойники Петра III, Павел Петрович как "подмененный" царь и т.д.). В наиболее вырожденных формах эти версии достаточно сблизились с историей отношений царя Максимилиана с сыном Адольфом (ср. здесь же образы Змеулана, Араба), с целым рядом сказок, в которых участвуют царственные персонажи по имени Петр³⁷, с скороговорками, нелепицами³⁸ и другими видами низовой комики³⁹. Особый смысл имеет

37 Ср. "Петра-королевич" (Д.К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914, № 10, стр. 94: Было у короля три сына... а младшей был П е т р а - королевич...); Афанасьев, № 129 (В некотором царстве ... был-жил царь Бел Белянин; у него была жена Настасья, золотая коса и три сына: П е т р - царевич, Василий-царевич и Иван-царевич...) и др. Заслуживают внимания и скороговорки типа: Петр Первый пошел погулять, поймал перепелку, пошел продавать, просил полтинник, получил подзатыльник (см. И.Д.Фридрих. Русский фольклор в Латвии. Рига, 1972, стр. 412) или сказка-скороговорка: Пошел полковник погулять, поймал птичку-перепелочку; птичка перепелочка пить похотела, поднялась - полетела, пала - пропала, под лед попала, попа поймала, попа-поповича, П е т р а - П е т р о в и ч а (Афанасьев № 544) и др. Ср. также сказку о царе П е т р е Михальце (см. Д.К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915, № 100 и др.).

38 Ср. Афанасьев № 424: Как у нас на селе заспорил Лука с П е т р о м, сомутилася вода с песком, у невестки с золовками был бой большой ...: репу с морковью подкопом взяли, капусту под меч приклонили... В то время жили мы шесть братьев - все Агафоны, бабушка был Тарас, а матушка... да что до названья? Пусть будет М а л а н ь я. Я-то родом был м е н ь ш о й ... и т.д. Имя Маланья здесь столь же значимо (молния), как и отчество Костромы-Ильинична (Илья-громовежец), ср. выше Маланья Сидоровна.

39 Наряду с нею следует иметь в виду и мотивы обличительных жанров (Петр-антихрист и т.д.).

обращение к обширному циклу болгарских анекдотов о Хитром Петре (часто в сочетании с Ходжой Насреддином), герое состязаний, кто кого обманет⁴⁰. Многие внешние черты (мизерность, хлипкость и т.д.), как и его конец, объединяют его с уже рассмотренными образами. Вместе с тем он связан с ламией, со змеем (см. "Хитър Петър и ламията" и под.). Его имя, специально мотивируемое ("Как Хитър Петър получил името си"), вступает в звуковые ассоциации как раз того типа, которые указывались в связи с Перуном, Пеперудой и т.д. Ср.:

Петър плет, по три прѣта преплита;
преплети, Петре, плета, падна, Петре, плета - ,

приспособленное Славейковым к Хитрому Петру:

Хитър Петър плет плете,
сплете, подпри, Петре плета!⁴¹

Но эта тема уже не связана со структурой растительного кода, и, к тому же, она заслуживает особого исследования.

⁴⁰ См. подробнее: В. В е л ч е в. Хитър Петър и Настрадаин Ходжа. Из история на българския народен анекдот. София, 1975, где содержится ценное собрание текстов.

⁴¹ В контексте фольклорных форм такого типа обращает на себя особое внимание игра обозначений перца и Петра в самых разных традициях (ср. хотя бы польские и английские примеры).

II

ТИПОЛОГИЯ БАЛКАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

И. И. РЕВЗИН*

ВОПРОСЫ СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Вопросы типологического подхода к проблеме члена уже неоднократно обсуждались в балканистике, однако исследователей прежде всего интересовала проблема постпозиции члена¹. Общеизвестна важность этой проблемы в связи с проблемой источников развития балканского члена в отдельных языках². Однако эта проблема не ограничивается позицией члена, она связана со всем механизмом его функционирования в системе конкретных балканских языков. Поэтому необходимо как достаточно полное описание плана содержания и плана выражения категории определенности в ее взаимосвязи с другими категориями³,

* Текст доклада, предназначенного для III Международного съезда по изучению стран Юго-Восточной Европы (Бухарест, 4-10 сентября 1974 г).

¹ D. C o r s e a g. Considérations typologiques sur l'article postposé en roumain. "Revue roumaine de linguistique". XI, 1970, N 5.

² См. И. Г ъ л ъ б о в. Проблемът за члена в български и румънски език. София, 1962; С. М а н е с а. Poziția articolului definit romanic. "Studii și cercetări lingvistice". XIX, 1968, N 6.

³ Для этой цели составлен специальный вопросник, см. И.И.Р е в з и н. Анкета по категории определенности-неопределенности. "Симпозиум по граматической типологии современных балканских языков (15-16 января 1974 г.)". Предварительные материалы. М., 1973.

так и широкое типологическое изучение всего круга явлений, характерных для категории определенности в балканских языках.

Однако применение принципов структурного анализа, апробированных при описании целого ряда категорий (в первую очередь имеются в виду категории падежа, рода и числа, для которых разработаны как принципы анализа плана выражения⁴, так и основные оппозиции плана содержания⁵) наталкивается на значительные трудности, когда мы пытаемся применить их к категории определенности в балканских языках.

В частности, недостаточно эффективными оказываются структурные методы, используемые при изучении артикля в западно-европейских языках. Сравнение артикля и члена в принципе полезно — как и всякий типологический подход, если явно осознается, что речь идет именно о типологии. Так, сравнение балканского члена с западно-европейским артиклем помогло установить иерархию противопоставлений в балканских языках, а именно показать, что первичным является противопоставление определенных форм нечленным, а вторичным — противопоставление внутри последних неопределенных форм общим формам⁶. Тем не менее имеется одна принципиальная трудность, препятствующая дальнейшему изучению балканского члена на подобной основе. Дело в том, что в западноевропейских языках (правда, для разных языков в разной степени) категория определенности может быть абстрагирована в своем функционировании от других категорий имени (так же, как это может быть сделано с любой другой именной категорией), а именно падежа (и/или субъектно-объектных отношений), числа, рода и других надстраивающихся над ними группировок, как одушевленность-неодушевленность и т.п. Для балканских языков такая абстракция, по-видимому, должна производиться с гораздо большей степенью осторожности,

⁴ S. M a r c u s. *Lingvistică matematică*. București, 1966.

⁵ R. J a k o b s o n. The gender pattern of Russian. "Studii și cercetări lingvistice", XI, 1960, N 3.

⁶ N. R e i t e r. Der Artikel in den Balkansprachen. "Zeitschrift für Balkanologie" 1967, Heft 1.— Заметим, что построение Рейтера подтверждается и общетипологическим сопоставлением с языками самого различного строя. Так, Е. Моравчик, исследовавшая соотношение между определенным и неопределенным членом, установила, что из 104 языков, имеющих вообще категорию определенности, только в трех имеется неопределенный член, но нет определенного см.: Е. А. М о р а в с и к. Determination. "Working Papers on Language Universals". Stanford California, November 1969, стр. 94.

ибо функционирование членных форм в этих языках во многих случаях оказывается столь тесно связанным как с организацией парадигматических противопоставлений по числу, роду и падежу, так и с синтагматическим выявлением субъектно-объектных отношений⁷ и/или актуального членения, что абстрагирование от этих фактов с целью построения "чистых" противопоставлений по определенности может не только затемнить суть дела, но скрыть некоторые существенные для балканистики соотношения. Здесь требуется объединение структурной точки зрения, позволяющей вскрыть внутренние отношения, связанные с определенностью, с точкой зрения системной, которая учитывает связи данного объекта с другими в пределах сложного целого. Заметим, что структурно-системная точка зрения все более отчетливо осознается в современной лингвистике⁸.

С точки зрения общетипологической, переход на структурно-системную позицию требует сопоставления категории определенности в балканских языках не только с соответствующей категорией западноевропейских языков, но и с такими языковыми системами, где выражение определенности тесно связано с категориями числа и падежа и выражением субъектно-объектных отношений. Сюда относятся прежде всего турецкие языки, сравнение с которыми оправдывается не только типологическими, но и ареальными соображениями (ср. трактовку суффикса *-lar* как показателя не только множественности, но одновременно и определенности⁹, а также значение винительного и родительного падежей¹⁰, см. ниже) и далее такие языки, как новоиранские, некоторые кавказские и палеоазиатские.

⁷ Сказанное не следует принимать в том смысле, что развитие члена в балканских языках связано с необходимостью выражения субъектно-объектных отношений. Некорректность такого взгляда применительно к болгарскому языку показана в работе: Г. В. Е р м о л е н к о. Грамматическая категория определенности имени в современном болгарском языке. "Филологический сборник", вып. 1. Алма-Ата, 1963. — Член развивался для выражения определенности, но сама категория оказалась связанной с падежом.

⁸ И. И. Р е в з и н. К соотношению структурного и системного подходов в современной лингвистике. "Системные исследования". Ежегодник, 1972.

⁹ Н. К. Д м и т р и е в. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948.

¹⁰ Дж. К и е к б а е в. О происхождении некоторых падежных форм в уралоалтайских языках в свете теории определенности и неопределенности. "Ученые записки Тартуского Гос. Университета. Вып. 201. Труды по востоковедению 1". Тарту. 1968.

Такое более широкое сравнение позволяет выявить два важных для балканистики явления, которые связаны между собой.

1. В самых разных языках имена собственные, личные местоимения и членные или иным способом маркированные по определенности формы противопоставлены существительным неопределенным в широком смысле слова (вне зависимости от того, снабжены ли они показателем неопределенности). Это различие проявляется прежде всего между двумя классами определенных (в широком смысле) и неопределенных слов. По-видимому, впервые разделили эти два класса средневековые арабские грамматисты (на это обстоятельство недавно обратил внимание в своей очень важной работе Г.М.Габучян¹¹, а в последнее время то же деление совершенно независимо возникло в работах по порождающей грамматике, в частности, у П.Постала¹²). Вместо английских примеров Постала мы приведем соответствующие болгарские и румынские.

Имеется ряд конструкций, в которых выступают только определенные имена + имена собственные + личные местоимения (и некоторые другие местоимения), но не выступают неопределенные имена, ср. в болгарском и румынском:

<u>момчето е на мене</u>	<u>copilul este al meu;</u>
<u>Ион е на мене</u>	<u>Ion este al meu;</u>
<u>той е на мене</u>	<u>el este al meu.</u>

Неправильно, однако:

* момче е на мене *(un) copil este al meu.

Рассмотрим еще пример:

<u>При цялата си скромност Петър не успя да премълчи.</u>
<u>При цялата си скромност той не успя да премълчи.</u>
<u>При цялата си скромност студентът не успя да премълчи.</u>

Неправильно, однако:

* При цялата си скромност студент не успя да премълчи.
* При цялата си скромност (един) студент не успя да премълчи.

Наконец, специфически балканским типом контекста, диагностического для противопоставления по определенности, является конструкция с местоименной репризой при постпозиции дополнения. В самом деле,

¹¹ Г. М. Г а б у ч я н. Теория артикля и проблемы арабского синтаксиса. М., 1972.

¹² Р. П о с т а л. On So-Called Pronouns in English. "Readings in English Transformational Grammar". Ed. R.A. Jacobs and P.S. Rosenbaum. Massachusetts, 1970.

если при препозиции дополнения неопределенные формы в этой конструкции встречаются достаточно часто, ср. в болгарском на един сиромах му се присъни... (аналогичные примеры есть и для албанского¹³ и для румынского¹⁴), то при постпозиции дополнения при репризе возможны только определенные формы (мы оставляем пока в стороне вопрос о дополнении, вводимом предлогом ре в румынском языке, поскольку после ре оппозиция определенных и неопределенных форм нейтрализуются), ср. в болгарском:

Какво му е на Петър?

Какво му е на него?

Какво му е на момчето?

Грамматически неправильно:

*Какво му е на момче?

Имеются, наоборот, контексты, где употребляются только неопределенные имена, например,

Имаше един човек стопанин.

Морфологически единство всех слов, определенных в широком смысле, проявляется в балканских языках прежде всего в том, что формы собственных имен с членом и без члена выступают либо как факультативные варианты, либо более часто находятся в отношении дополнительного распределения (ср. общебалканскую тенденцию к употреблению уменьшительных собственных имен, например, в болгарском, и собственных имен женского рода в румынском и особенно албанском языке в членной форме). Для имен собственных членные и нечленные формы являются алломорфами внутри класса определенных в широком смысле, чем и объясняется возможность указанного распределения.

2. Вторая закономерность состоит в следующем. Для ряда языков принято отдельно говорить об определенном и неопределенном склонении. Так, в частности, поступают в албанских и румынских грамматиках. Если ограничиваться только синтаксическими падежами (т.е., например, в албанском языке исключить из рассмотрения аблатив) и допустить, что в обоих склонениях в принципе может быть разное число падежей¹⁵, то можно сформулировать следующую универсалию: число

¹³ Ю.А. Л о п а ш о в. Об употреблении местоименных повторов дополнения в современном албанском языке. "Лингвистические исследования, 1972", ч. 1, М., 1973.

¹⁴ Ю.А. Л с п а ш о в. К вопросу о местоименных повторах дополнения в балканских языках. — "Лингвистические исследования" Л., 1970.

¹⁵ Теоретически такая возможность имеется, если понимать под падежом совокупность форм данного класса, характерных для некоторого

синтаксических падежей, различающихся в неопределенном склонении, не превосходит числа синтаксических падежей, различающихся в определенном склонении¹⁶, где определенность понимается в широком смысле, включая собственные имена и личные местоимения.

Эта универсалия допускает две разных ситуации: а) число падежей в неопределенном склонении совпадает с числом падежей в определенном склонении и б) число падежей в определенном склонении больше, чем в неопределенном. В первом случае категории падежа и определенности достаточно независимы друг от друга, хотя и здесь связь между обеими категориями может проявляться в том, что падежные различия передаются артиклем (ср. хотя бы склонение имен женского рода единственного числа в немецком языке) или же существуют позиции, в которых различие в падеже свидетельствует об определенности или неопределенности (ср. в русском языке взял хлеб и взял хлеба или в сербохорватском je jeo хлеба-je pojeo хлеб¹⁷). Гораздо более тесной оказывается связь между падежом и определенностью во втором случае, ибо некоторые падежи разграничиваются только для определенных форм.

Приведем несколько примеров, важных с типологической точки зрения. Так, в туркских языках винительных на-(n)i выступает только в определенном склонении, и система синтаксических падежей имеет вид, например, в турецком языке:

Определенное склонение	Неопределенное склонение
Им. <u>adam</u>	Общий падеж <u>adam</u>
Дат. <u>adama</u>	Дат. <u>adama</u>
Вин. <u>adamy</u>	

множества контекстов и отличающихся хотя бы в одной форме от другой совокупности форм того же класса, закрепленных за другим множеством контекстов. Разбиение на классы предполагается заданным извне, и если в одном контексте употреблены слова двух классов, это необязательно один падеж. Практически система имеет вид как в албанском:

Определенное склонение	Неопределенное склонение
Им. <u>mali</u> , <u>malet</u>	Им.-Вин. <u>mal</u> , <u>male</u>
Род.-Дат. <u>malit</u> , <u>malevet</u>	Род.-Дат. <u>mali</u> , <u>maleve</u>
Вин. <u>malin</u> , <u>malet</u>	

¹⁶ О.Г. Ревзина, И.И. Ревзин. Проявление в балканских языках универсалии о связи падежа с определенностью. "Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков (15-16 января 1974)".

¹⁷ Так трактуется это противопоставление в работе: Л. Деже. Вопросы общей и славянской синтаксической типологии. "Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae" t. XIX, fasc. 1-3, 1973

Типологически интересна ситуация в кабардинском языке, где, если отвлечься от орудного падежа, неопределенные существительные выступают в форме общего падежа, в то время как определенные различают в подсистеме синтаксических падежей именительный (показатель -p), эргативно-косвенный (показатель -m)¹⁸.

В новоиранских языках – если считать, что показатель -(r)a оформляет косвенный падеж, – прямой и косвенный падежи различаются лишь в случае определенности. Для собственных имен и личных местоимений показатель -(r)a в косвенном падеже обязателен. Е.Д.Поливанов¹⁹ указывал на изофункциональность определенной формы в самаркандском говоре таджикского языка с определенным винительным на -ni, т.е. независимо от происхождения, типологически мы имеем дело с одной и той же ситуацией.

Балканские языки с точки зрения указанной зависимости между падежом и определенностью дают разные степени спеления двух категорий. В новогреческом языке, по-видимому, никакой зависимости не наблюдается. С другой стороны, в албанском языке разница в числе различающихся падежей в определенном и неопределенном склонении проявляется очень четко. Помимо указанного уже факта, что особая форма винительного падежа есть только у определенных существительных, следует отметить, что в диалектах²⁰ форма родительного-дательного падежа мужского рода встречается только как определенная, в то время как у соответствующих существительных женского рода наблюдаются колебания. Здесь выражение определенности уже явно подчиняется задаче выражения падежных различий.

В болгарском языке только у имен собственных и личных местоимений есть различие именительного, винительного и отчасти дательного падежа. У остальных форм определенного в широком смысле класса, т.е. у членных существительных, прямой и косвенный падеж различаются только в письменной речи (студентът – студента). Здесь, таким образом, общепалканская связь определенности и падежа несколько затемняется наиболее последовательным среди этих языков движением к аналитизму.

В румынском языке, как и в болгарском, местоимения различают формы трех падежей, в то время как в системе имени, собственно

¹⁸ А.К. Шагиров. Кабардинский язык. "Языки народов СССР", т. IV М., 1967.

¹⁹ Е.Д. Поливанов. Образцы несингармонистических (иранизированных) говоров узбекского языка. "Доклады АН СССР", Серия в. № 14, 1928.

²⁰ W. C i m o s h o w s k i. Le dialecte de Dushmani. Poznan, 1951.

говоря, разграничиваются два падежа, прямой и косвенный:

Определенное склонение	Неопределенное склонение
Прямой <u>omul, casa</u>	<u>om, casa</u>
Косвенный <u>omului, casei</u>	<u>om, case</u>

Здесь число различающихся в обоих склонениях падежей одинаково, тем не менее в неопределенном склонении различается меньше форм. Кроме того, как известно, румынское склонение трудно отделить от функционирования предлогов a и pe, причем употребление этих предлогов очень тесно взаимодействует с выражением определенности, а именно на основе a образуется притяжательный член, употребление которого регулируется, в частности, соотношением существительных по определенности ср. cartea studentului 'книга студента', но o carte a studentului, в то время как после pe членная форма не употребляется (если нет других определений), ср. am văzut omul, но am văzut pe om. Типологически сопоставима с этим явлением дополнительная дистрибуция предлога и падежа²¹ в подсистеме имен собственных в болгарском языке.

С точки зрения типологии чрезвычайно интересно, что, как в балканских языках, так и в приведенных примерах из других языков, редукция числа форм в неопределенном склонении сопровождается постпозицией средства выражения определенности. Это важно именно потому, что в балканистике, как указывалось, постпозиции члена придается столь большое значение.

Признание того факта, что в балканских языках член гораздо теснее связан с выражением грамматических отношений, чем это имеет место в европейских языках, позволяет понять и некоторые смысловые отличия в функционировании члена. Здесь следует учитывать и то обстоятельство, что даже те группы значений, которые характерны и для тех и для других языков, могут делиться на разные подгруппы.

Это касается, в частности, так называемого значения генерализации, которое особенно важно потому, что, как показал Н.И.Толстой, только в случае наличия такого значения целесообразно говорить о члене²². Ниже мы постараемся показать на примере болгарского языка, что кажущаяся непоследовательность при выражении значения генерализации связана с тем, что фактически здесь имеется два разных зна-

²¹ Е.В. Чешко. Падежи и предлоги в современном болгарском языке. "Вопросы грамматики болгарского литературного языка". М., 1959.

²² Н.И. Толстой. Опыт типологической характеристики славянского члена-артикля. "Всесоюзная конференция по славянской филологии". Л., 1962.

чения, не разделяемые обычно в западноевропейских языках, но отчетливо различающиеся при более широком типологическом сопоставлении.

Как известно, со значением генерализации в болгарском языке существительное может употребляться как в членной форме, так и общей. Это обстоятельство привело некоторых исследователей к убеждению, что для болгарского языка генерализующее значение — это фикция²³. Приведем некоторые характерные примеры²⁴: В случаях типа Заекът е животно. Орелът е птица. Прилепът е бозайник. Гълъбът е добър летец член является обязательным. Эти случаи как раз и послужили для постулирования генерализующей функции. Однако в случаях, когда то же имя определяется придаточным с союзом който, член становится факультативным, ср.: Заек (или заекът), който е ранен, е лесна плячка за кучетата. Орел (или орелът), който е живял дълги години в зоологическата градина, е лош летец. Прилеп (или прилепът), който попадне в силно осветление, е безпомощен. Гълъбът (или гълъб), който е наранен в крилото, е обречен. На основании этих примеров Св. Иванчев и делает вывод о фиктивности генерализующего значения в болгарском языке. Между тем именно вторая группа примеров в противопоставлении к первой, где член обязателен, дает, как представляется, основание для выделения двух типов генерализующего значения, а именно универсального значения и ограниченно-обобщенного значения. В случае универсального значения мы имеем дело с ситуацией, которая описывается в логике при помощи квантора всеобщности \forall ; так, все предложения первой группы имеют общую форму $(\forall x) (P(x) \rightarrow Q(x))$, читается: для любого объекта x из того, что x относится к классу P , следует, что x обладает свойством Q .

В случае же того значения, которое мы условно обозначили ограниченно-обобщенным, мы имеем дело с ситуацией, которая также требует для своего описания квантора всеобщности, однако такого, в котором указаны границы действия квантора. Примеры второй группы описываются формулой: $(\forall x) (P(x) \rightarrow Q(x))x \in M$, где запись $x \in M$ означает: верно лишь для тех x , которые входят в подмножество M .

Таким образом, факультативность члена во второй группе примеров может быть объяснена специфическим значением, складывающимся из двух компонентов, а именно значения генерации (квантор всеобщности) и значения выделения некоторого подмножества в пределах объемлющей совокупности. Заметим, что выбор этого под-

²³ Св.И в а н ч е в. Наблюдения върху употребата на члена в български език. "Български език", VII, 1957, кн. 6.

²⁴ Св.И в а н ч е в. Към въпроса за членуването на генерично употребения подлог. "Език и литература", 1967, № 4.

множества может быть различными: оно может быть ограничено за счет указания, эксплицитно присутствующего в тексте, а может возникнуть путем отбора наиболее характерных представителей данного класса. Во втором случае можно говорить о "метафорическом родовом" значении (этот термин употребляется в средневековой арабской традиции, см. ниже). Так, в предложении Цигулар кьща не храни (где Св. Иванчев объясняет нечленную форму традиционализмом) речь идет, разумеется не о всех скрипачах, хотя говорится о чем-то, характерном для скрипачей.

Факультативность употребления члена во всех случаях ограничено-обобщенного значения в болгарском языке объяснима: здесь может подчеркиваться как момент обобщенности (наличие квантора всеобщности), так и момент ограниченности (подчеркивание того, что речь идет о собственном подмножестве некоторого множества).

Это же значение ограниченной обобщенности выделяется и в некоторых других языках, хотя способ его выражения может быть совершенно иным. Так, по свидетельству Г.М.Габучяна²⁵, средневековые арабские грамматисты различали "родовой артикль фактического обобщения", который употребляется при охвате всего класса предметов, и "родовой артикль метафорического обобщения", который употребляется при имени существительном, обозначающем класс предметов не с точки зрения охвата реально всех членов класса, а с точки зрения указания на общие для данных однородных членов характерные особенности"²⁶. Первое значение формально отграничивается от второго, в частности, тем, что глагол может употребляться при существительном в первом значении в форме единственного числа²⁷.

Другим типологически еще более интересным примером может служить ситуация в современном индонезийском языке. Там для выражения класса (т.е. в случае универсального значения) существительное используется в форме обычной, т.е. без удвоения, хотя удвоение и возможно. Наоборот, "в тех случаях, когда требуется обозначить не целый класс предметов или лиц, относящихся к данному классу, а лишь некоторое их количество"²⁸, употребляется так называемая "форма определенной множественности", т.е. форма, образуемая путем удвоения. Как мы видим, здесь положение, обратное тому, какое наблюдается в болгарском, а именно специально маркируется значение ограничено-обобщенное (и это также имеет свои глубокие типологи-

²⁵ Г.М. Г а б у ч я н. Теория артикля..., стр. 48.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, стр. 49.

²⁸ П.Ф. А л и е в а, В.Д. А р а к и н, А.К. О г л о б л и н,
Ю.Х. С и р к. Грамматика индонезийского языка. М., 1972, стр. 201.

ческие обоснования в связи с разной ролью категории числа в разных типах языков²⁹ — существенно, однако, что имеет место формальное различие двух типов генерализующего значения.

Таким образом, то, что будучи рассмотрено внутри одного языка, кажется непоследовательностью, отсутствием какой-либо закономерности (ср. "в случаях так называемой "родовой отнесенности" возможны и общие, и определенные формы существительных, причем в большом числе представляется невозможным объяснить, почему говорящий избрал здесь данную, а не другую возможность"³⁰), становится объяснимым при типологическом подходе: при всех действительно возможных колебаниях (встречающихся во всех языках, имеющих категорию определенности-неопределенности) логика употребления болгарского члена вполне прозрачна и состоит в различении разных типов генерализующего значения, которые, как мы пытались показать, выделяются и в некоторых других языковых типах.

Выбранные нами два примера типологического подхода к балканскому члену: связь падежа и/или выражения субъектно-объектных отношений с определенностью и типы генерализующего значения на первый взгляд не связаны между собой. Тем не менее с типологической точки зрения их объединяет то, что мы здесь имеем дело с двумя проявлениями грамматикализации члена, а именно член теряет свои местоименные³¹ (деиктические либо анафорические) значения и начинает обслуживать потребности, связанные с внутренней структурой или семантикой предложения. При этом именно в грамматикализованных значениях проявляются черты, делающие особенно эффективным применение структурно-типологического метода, поскольку здесь, с одной стороны,

²⁹ И.И. Р е в з и н. Иерархия грамматических категорий имени в славянских языках. "Советское славяноведение", 1969, № 1.

³⁰ Ю.С. М а с л о в. Очерк болгарской грамматики. М., 1956, стр. 91.

³¹ Мы вовсе не утверждаем, что употребление члена для передачи актуального членения (разграничения данного и нового, упомянутого и неупомянутого, присутствующего в ситуации и появляющегося в ней в акте речи) не представляет интереса для балканистики. Наоборот, некоторые аспекты этого явления (например, проблема становления неопределенного члена) чрезвычайно интересны с общевосточной точки зрения. И все же, хотя вопросы лингвистики текста разработаны еще слабо (а применительно к балканистике вообще не ставились) можно предполагать, что для всех европейских языков проблемы будут более или менее одинаковы, причем во многом они будут определяться жанровыми особенностями отдельных типов текста.

вскрываются некоторые универсалии, характерные, по-видимому, для функционирования языка, а, с другой стороны, дает себя знать в особенностях реализации общих явлений специфика конкретных языков. Именно для балканистики явления грамматикализации представляют с этой точки зрения особый интерес, так как наряду с собственно балканизмами, которых, как известно, немного и в число которых ни одно из разобранных нами явлений не входит, интерес представляют и те явления, которые хотя и имеют внебалканские соответствия, но на Балканах представлены достаточно плотно, в то время как в других языках появляются лишь спорадически. Кроме того, для балканистики представляет интерес даже простая констатация связи двух разных явлений подобного рода (мы имеем в виду сделанное нами наблюдение, что разница в числе падежей в определенном и неопределенном склонении выступает параллельно с такой существенной типологической чертой, как постпозиция артикля). В дальнейшем на этой основе может быть создана теория, объясняющая такие соответствия. С другой стороны, структурно-типологический подход дает возможность объяснить явления, представляющиеся аномальными, если к ним подходить с "европоцентристской" точки зрения. Таким образом, кажется целесообразным наряду с теми структурно-типологическими сопоставлениями, которые стали уже традиционными в теории Балканского языкового союза, произвести анализ некоторых относящихся сюда явлений в более широкой типологической перспективе. К таким проблемам, как мы пытались показать, относится и проблема определенности, рассматриваемая в связи с другими категориями имени.

АНКЕТА ПО КАТЕГОРИИ
ОПРЕДЕЛЕННОСТИ-НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Публикация и предисловие О. Г. Ревзиной

ПРЕДИСЛОВИЕ

Анкета по категории определенности-неопределенности была доложена И.И.Ревзиным на Симпозиуме по грамматической типологии современных балканских языков в 1974 г. и опубликована в предварительных материалах Симпозиума¹. Здесь она воспроизводится в расширенном виде, с учетом вариантов и подготовительных материалов.

В концепции И.И.Ревзина механизм действия категории определенности-неопределенности должен быть описан в соотношении с разными сторонами языковой структуры. Наряду с функцией самоорганизации, И.И.Ревзин приписывает языку когнитивную функцию (передача мыслительного содержания), коммуникативную (функция общения) и фасциативную и выделяет в языке специальные средства выражения (включая категории и даже классы слов), ориентированные преимущественно на одну из указанных функций. Определенность-неопределенность является основной категорией имени, соотношенной с коммуникативной функцией, что отражается на значении этой категории (хотя не все значения артикля коммуникативны, в частности — значение универсальности) и способе ее функционирования².

Далее, И.И.Ревзин рассматривает категорию определенности-неопределенности на фоне синтаксической структуры высказывания и классов слов, выступающих в разных позициях³. Всякое высказывание можно разложить на ряд ядерных, которые, как правило, имеют вид: а) объект — а обладает свойством Р, б) объекты а, в, с находятся в отноше-

¹ Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков. (15-16 января 1964 г.). Предварительные материалы. М., 1973, стр. 46-54.

² И.И. Р е в з и н. О роли коммуникативного аспекта языка в современной лингвистике. "Вопросы философии", 1972, № 11.

³ И.И. Р е в з и н. Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке. "Проблемы грамматического моделирования". М., 1973; О н ж е. Логико-грамматический тип предложений тождества. "Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков". Л. 1975; О н ж е. Структура немецкого языка (Рукопись,); О н ж е. Зависимость идеи предмета от языка. (Рукопись).

нии R; обозначения объектов являются терминами, обозначения свойств и отношений – предикатами. Имена собственные, личные местоимения типа он, она, оно выражают только термины; остальные существительные могут выражать термины и предикаты. Прилагательные (в первичной функции), глаголы и наречия выражают только предикаты или части предикатов⁴. Вводится индуктивное определение термового слова: если некоторое слово можно заменить без изменения смысла и грамматической правильности базисно термовым (личные местоимения он, она, оно), то оно также есть термовое слово. Следовательно, термовыми могут быть только существительные. "... Понятие термового существительного, то есть слова, в первую очередь обозначающего предмет, формируется на основании понятия местоимения, главным образом 3-го лица, т.е. обозначения чего-то, что находится в акте коммуникации перед глазами говорящего и слушающего (употребление местоимения в связанном тексте несомненно вторично), т.е. предмет возникает как не что, о чем говорят". Глубинную структуру каждой фразы с термовым именем можно представить как содержащую указание на коммуникативную ситуацию, в которой она могла быть произнесена. Материальным выражением этого компонента глубинной структуры может быть личное или указательное местоимение и артикль. Мысль Кассира о том, что артикль, выражающий идею субстанции, входит к пространственным представлениям, получает поддержку и уточнение: речь идет не об обыкновенном пространстве, а об ориентации относительно определенной коммуникативной ситуации. К термовым, как правило, относятся существительные с определенным артиклем (так, в немецком языке личное местоимение при ответе на вопрос заменяет лишь формы с определенным артиклем и собственные имена). Но "определенность не равна термовости, хотя обе категории возникают из одного источника возможности-замены на личное местоимение": противопоставление по определенности-неопределенности действует лишь в пределах существительного, противопоставление по термовости-нетермовости охватывает все знаменательные слова. Кроме того, оппозиция определен-

⁴ Признак замены на личное местоимение был эффективно использован И.И.Ревзиным при анализе предложений тождества типа *Saul ist Paul*, в которых оба имени могут быть в немецком языке заменены на личное местоимение *er* (а предикат личным местоимением заменяться не может). И.И.Ревзін предложил рассматривать их как особую структуру, где имеются два подлежащих *Saul* и *Paul* при одном сказуемом *sein*, которое и выражает самое отношение тождества. Отсюда правило о том, что определенный артикль не употребляется в предикативе, формулируется как не имеющее исключений.

ности — неопределенности составляет лишь один из компонентов категории определенности—неопределенности, куда входят также оппозиции экзистенциальности—неэкзистенциальности и актуализованности—неактуализованности. Термовость связана, наконец, с категорией числа ("все слова—термы имеют фактическое или потенциальное множественное число"), что намечает возможность выражения определенности—неопределенности через число.

Анкета делится на две части: метаязыковую и собственно лингвистическую. В первой из них вопросы задаются с целью выяснения позиции отвечающего (лингвиста) по отдельным проблемам, связанным с определенностью—неопределенностью. Семантические признаки, о которых спрашивается в метаязыковой части, представляют то переплетение коммуникативных и когнитивных значений, которое, по теории И.И.Ревзина, составляет существо основного средства выражения категории определенности—неопределенности — артикля. Полезно сделать некоторые дополнения к отдельным признакам и указать на иерархию артиклевых значений. Под коммуникативным фактором имеется в виду обусловленность объекта данной коммуникативной ситуацией, предполагаемость предмета или возникновение в данной ситуации. Исходное значение определенного артикля: "Имеются в виду все объекты данного рода, предполагаемые коммуникативной ситуацией, в которой участвует произнесенный экземпляр знака"⁵. Иначе говоря, "существительное бывает определенным (сильно определенным) тогда, когда соответствующий слову объект однозначно идентифицируется как таковой (включая случай, когда идентификация происходит за счет сравнения с некоторым эталоном, хранящимся в памяти)". Наиболее отчетливо такое понимание артикля сформулировано в пункте 1.1115 анкеты. При этом подходе такой признак как 1.III2— "анафоричность (предупомынутость в данном тексте)", который часто считается основным фактором определенности, оказывается вовсе необязательным. И.И.Ревзин приводит немецкий пример: *Er sah den Sohn des Königs Georg*, где определенный артикль, поставленный без всякого предшествующего упоминания, сигнализирует, что у короля только один сын и — соответственно — "единственный объект данного рода, включенный в данную коммуникативную ситуацию" (в диагностических контекстах анкеты приводится сочетание сын царя Федора 2.91.); в артиклевых языках постановка определенного или неопределенного артикля как раз и покажет, был ли у царя Федора один или несколько сыновей, то есть характеризует единственность — неединственность объекта в данной ситуации. При употреблении множественного числа артикль, ес-

⁵ И.И. Р е в з и н. О роли коммуникативного аспекта языка в современной лингвистике, стр. 101.

тественно, указывает на все объекты данного рода, ср. Er bereiste die 15 Republiken der Sowietunion.

К коммуникативным И.И.Ревзин относит также признак дескрипторности (1.1113: "введение объекта, целиком идентифицируемого своими определениями в предложении"). Дескрипция в тексте - в частности наличие придаточного предложения, ограничивающего объем понятия (ср. также вопрос 1.1114 в анкете), выступает одним из средств детерминированности существительного в конструкциях N₁ Cop N₂ Показания свидетелей были (была) путаница - дескриптор устраняет согласование по множественному числу: Показания свидетелей (и) была та путаница (которая сбила с толку прокурора)⁶. Для определения дескрипторного значения И.И.Ревзин приводит следующий тест: артикль в дескрипторной функции не позволяет разбить сложное предложение без разрыва семантической связности, ср. два предложения: Saint-Justs Gedanken galten der Beratung, die sie verlassen hatten n Carnot... hatte... einen Bericht erstatten, der Besorgnis erregen mußte.⁷ В первом случае (артикль в, die Beratung в дескрипторной функции) разбивка на два предложения приводит к нарушению семантической связности: Seine Gedanken galten der Beratung. Sie hatten die Beratung verlassen, во втором случае разбивка естественна: Er hatte einen Bericht erstattet. Dieser Bericht mußte Besorgnis erregen. В анкете признак дескрипторности сопоставлен с йота-дескриптором формализованных языков. В рукописной заметке И.И.Ревзин отмечает: "В чем смысл йота-дескриптора "тот, который?" В том, что множество объектов, к которым приложим предикат Р, уже установлено, и выбран один из них. Иначе говоря, пусть имеется тезаурус Θ и текст Т. Пусть в тексте Т появилось предложение (ix) Р (x). Будем говорить, что текст Т правильно организован относительно тезауруса Θ , если в тезаурусе Θ уже зафиксирован тот факт, что объект x обладает свойством Р. Иначе говоря, где-то ранее в тексте было высказывание x есть Р (или же какие-то высказывания были осмыслены только при presupпозиции x есть Р)" Это разъяснение вскрывает смысл дескрипторности как одного из текстовых конституентов значения определенности (ср. анафоричность, указанную в пункте 1.1112). В пунктах 1.1116 и 1.1122 (признаки тематичности и рематичности) рассматривается связь определенности-неопределенности с таким коммуникативным

⁶ И.И. Р е в з и н. Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке, стр. 131-132.

⁷ И.И. Р е в з и н. К вопросу о способе формулировки правил употребления артикля в современном немецком языке. "Иностранные языки в школе", 1968, № 5, стр. 22.

средством, как актуальное членение. Эта связь может проявляться по-разному. Противопоставление темы – ремы частично пересекается с противопоставлением термовых – нетермовых слов (и соответственно с употреблением в предикате только неопределенного артикля, ср. пункт 2.251 анкеты). При анализе колебаний в согласовании связки И.И.Ревзин отмечает давление актуального членения на выбор согласования: "Поскольку по правилам актуального членения детерминированное существительное обычно стоит первым, то, как правило, связка согласуется с ним. Однако это вовсе необязательно, ибо детерминированным может быть и второе существительное", ср. Кабинет была "Большая комната" (комната, которую так звали в семье)⁸, ср. пункт 2.2612 анкеты, где приведен – в связи с вопросом о согласовании – соответствующий болгарский пример, а также пункт 1.232, где выясняется зависимость между порядком слов и определенностью. Вопрос об участии противопоставления новое–данное в категории определенности–неопределенности ставился И.И.Ревзиным и в более широком плане. В подготовительных материалах к анкете И.И.Ревзин намечает два типа выражения определенности членом. Для первого типа характерна "несовместимость с другими средствами выражения определенности, или слабее, отталкивание от других средств: если есть другое средство, то член скорее не употребляется. В этом типе собственные имена, как правило, употребляются без артикля, и притяжательные, указательные, неопределенные местоимения, т.е. любые локализаторы, исключают употребление артикля... Таково положение в классическом случае западноевропейских языков: в немецком, французском, испанском, английском и т.п. Второй тип кооперативного выражения определенности характеризуется обратным: наличие какого-то средства, подчеркивающего существительность, ведет к употреблению члена. Здесь наоборот имена собственные употребляются, как правило, с членом, притяжательные, указательные и даже неопределенные местоимения ведут к выбору именной членной формы. Таково, по-видимому, исходное положение с употреблением славяно-балтийских членных форм прилагательных (классическое развитие в германских языках пошло по другому пути, но ср. *der giter man* – так в видиш!). Таковы тюркские системы, где наличие местоимения приводит к определенной форме генитива=аккузатива. Чрезвычайно интересно, что именно ко второму типу в принципе стремится балканский член" (см. в этой связи пункт 1.4 анкеты). И далее И.И.Ревзин высказывает предположение, что первый тип различает новое–данное (т.е. в первую очередь коммуникативное противопоставление), в то время как второй различает скорее терм–предикат. К данному кругу вопросов

⁸ И.И. Р е в з и н. Некоторые средства выражения противопоставления определенности в современном русском языке, стр. 130, 131.

относятся также пункты 1.1118 (эмфатичность) и 1.1.5 (значение неактуализованности). Относительно эмфатического выделения И.И.Ревзин пишет в книге "Структура немецкого языка": "...убедительный пример связи личного местоимения с определенностью дает эмфатическая относительная конструкция, где формы, соотносительные с личными местоимениями, употребляются лишь с термовыми существительными..., ср. Der Ehemann ist es, der an allem schuld ist при невозможности *Ein Ehemann ist es, der an allem schuld ist." Таким образом, здесь ставится в соответствие значение артикля уже не только с синтаксическими позициями в предложении, но и с определенным типом конструкции. Это же можно сказать и о специальных позициях дезактуализации (в анкете приведена группа понятие фонемы, ср. также в немецком языке конструкции типа der Begriff Mensch, обстоятельственные предложные группы - mit Freude, обращение, ср. lieber Freund и т.д.).

До сих пор речь шла о коммуникативных значениях определенного артикля и о связи артикля с актуальным членением. Однако наиболее показательным для определенного артикля является когнитивное значение универсальности, или генерализации (пункт 1.1117: "указание на все объекты, независимо от ситуации"), проявляющееся в высказываниях типа The lion is a carnivorous animal 'Лев-хищник'. В таких примерах отчетливо видна внетекстовая ориентированность артикля, "связывающего соответствующее понятие в тексте с некоторым классом вне текста ("в системе"), подчеркивая или совпадение обоих (в случае определенного артикля) или их несовпадение (в случае несовпадения)". Исторически текстовая ориентация всегда предшествует внетекстовой (то есть на пути превращения в артикль указательного местоимения такие функции, как деиктическая, анафорическая, дескрипторная, предшествуют генерализующей). Передача указательным местоимением генерализующего значения служит важным доводом в пользу приписывания ему артиклевой семантики (хотя статус артикля местоимение-артикль может получить только в случае обязательности его употребления). Генерализующее значение определенного артикля рассматривалось И.И.Ревзиным на материале болгарского члена, местоимения-артикля - в говоре села Олтуш Брестской области, а также в связи с употреблением местоимений тот - этот в современном русском языке. Рассматривая употребление определенного члена в болгарском языке, И.И.Ревзин выделяет собственно универсальное (Заекът е животно) и ограниченно универсальное значение (Заек(ът), който е ранен, е лесна плячка за кучетата); в последнем случае речь идет не обо всем множестве объектов данного рода, а об определенном их подмножестве. В болгарском языке, по гипотезе И.И.Ревзина, определенный член обязателен в универсальных высказываниях и факультативен в ограниченно-универсальных, то есть сама обязательность-

факультативность сигнализирует о передаваемом им значении.

Говор села Олтуш и современный русский язык демонстрируют две разные возможности. Местоимение – артикль в Олтуше имеет высокую частотность употребления, однако генерализующее значение ему, видимо, свойственно в малой степени, ср. один из немногих примеров: за Володом живут то тѣе пол'аки. В современном русском языке, в котором местоимение этот по другим критериям, и в частности, по критерию обязательности, никак не может претендовать на статус артикля, генерализующее значение выявляется вполне отчетливо, ср. Сиянье шапок этих медных... (Пушкин), Красота этих женственных лиц (Блок), ... общелагущей эту икру (Пастернак). Генерализующее этот в русском языке всегда экспрессивно.

Эти разные языковые возможности вскрывают несинхронность развития артиклевых значений и оформления грамматической категории определенности. Семантические оппозиции, присущие категории определенности-неопределенности, могут передаваться целым набором средств выражения. И.И.Ревзин говорит, в частности, о полевом принципе устройства этой категории в славянских языках. Свободная форма анкеты позволяет собрать воедино эти разные формы выражения, провести на этой основе широкое типологическое сопоставление и дать наглядную характеристику сходств и различий языковых систем в этом аспекте.

В пунктах 1.112 – 1.114 перечислены значения, которые могут передаваться неопределенным артиклем. В значении неопределенного артикля переплетение коммуникативных и когнитивных признаков имеет, по И.И.Ревзину, несколько иной характер. Определенный артикль маркирован по когнитивной функции, неопределенный – по коммуникативной. Его основное значение состоит в указании на существование некоторого объекта, т.е. непустоту соответствующего множества, при этом связь с коммуникативной ситуацией подчеркивается сигнализацией того факта, что до данного момента объект не находился в поле внимания слушающего. Различный характер информации, которую несет определенный и неопределенный артикль, дает сравнение двух немецких предложений *Es gibt die NATO* и *Es gibt eine Nato*, в первом из которых факт наличия такой организации, как NATO переносится в

⁹ О значении артикля в болгарском языке см. I. I. R e v s i n. *Semnificații cuantificate articolului și pronumelui-articol în limba bulgară*. "Studii și cercetări lingvistice", 1974, N 3; см. также статью И.И.Ревзина "Вопросы структурно-типологического подхода к категории определенности в балканских языках" в настоящем сборнике.

речь из упорядоченного опыта сознания слушающего, а во втором — вводится в сознание через речь из самой действительности.

С коммуникативной направленностью категории определенности-неопределенности И.И.Ревзин непосредственно связывал тот факт, что для языков с артиклем невозможно выработать абсолютно точные, автоматически действующие правила его употребления. Употребление артикля зависит не только от предписаний, содержащихся в системе языка, но и от пользующегося языком, от его понимания ситуации, его интенций и т.д. В "Структуре немецкого языка" И.И.Ревзин пишет, что "употребления артикля представляют собой конфликтную ситуацию, в которой решение принимается путем взвешивания различных противоположно направленных факторов". И.И.Ревзин выделяет условия сильной определенности и сильной неопределенности, когда выбор артикля однозначно предписан системой языка, и условия слабой определенности и слабой неопределенности, по отношению к которым подобные предписания отсутствуют. Так, из значений определенности, приведенных в анкете, сильными являются ситуативная однозначность, дескрипторность, генерализация. Для неопределенного артикля сильным является когнитивное значение экзистенциальности (1.1121): "указание на существование объекта и возможность его выделения из соответствующей предметной области". Противопоставление по экзистенциальности может иметь не бинарный, а тернарный характер. Так, в немецком языке неопределенный артикль противопоставлен в данном значении (его индикатором может служить перифраза *es gibt*) не только формам с определенным артиклем и без артикля, которые нейтральны по данному признаку, но и отрицательному артиклю *kein*, который имеет отчетливое антиэкзистенциальное значение. Анализируя факты болгарского языка, И.И.Ревзин приходит к выводу, что в тех случаях, когда передается чистое значение экзистенциальности, неопределенный член един обязателен, ср. В една стая седят три момичета. Здесь возможна перифраза: 'Существует (некая) комната, в которой сидят три девушки'. В русском языке в таких случаях возможна постановка неопределенного местоимения один, ср. В одной комнате сидят три девушки. Наряду с этим выделяются собственно неопределенные высказывания, имеющие большую степень абстракции: Най-разумно е да мисля, че всичко е само (една) лоша шега. Здесь перифраза 'Существует х, такой что ...' невозможна: *Существует скверная шутка, такая, что все является ея. В русском языке в таких конструкциях местоимение один с неопределенным значением не употребляется. В собственно неопределенных высказываниях един в болгарском языке может легко опускаться. Таким образом, как и в случае с определенным артиклем, здесь сам факт обязательного или факультативного употребления члена говорит о разных значениях.

В диагностических контекстах приведен пример типично экзистенциальной конструкции: Жил в Москве старик (2.936). В языках с артиклем здесь всегда обязателен неопределенный артикль. В болгарском языке в предложениях типа одно время имало един старец един также является обязательным. Обязательное употребление един при передаче значения экзистенциальности И.И.Ревзин считает важным доводом в пользу того, что в болгарском языке един представляет местоимение – артикль, почти грамматикализованный в экзистенциальной функции.

В пункте 1.1123 указано еще одно значение сильной неопределенности – значение части, вхождения в некоторый класс. Это генерализующее значение неопределенного артикля наиболее отчетливо проявляется в позиции предикатива, ср. *Die Tanne ist ein Nadelbaum*. Данная позиция демонстрирует максимальное расхождение определенного и неопределенного артиклей: с одной стороны – термовость определенных существительных, с другой – предикатное употребление форм с неопределенным артиклем, ср. невозможность **die Tanne ist der Nadelbaum* (ср. в этой связи комментарий к пункту 2.251. анкеты, см. также пункт 2.63, где вводятся трансформации в предикатив и экзистенциальную конструкцию для объяснения употребления неопределенного артикля в неясных случаях). В анкете приведены также позиции слабой неопределенности при выборе некоторого предмета из множества, ср. *Ich habe ein Buch*, при выборе произвольного представителя класса, ср. *Ein Linguist mußte das verstehen*. Еще одно значение неопределенности демонстрирует диагностический контекст устанавливать отношения – развивать отношения (2.921–2.922). Неопределенный член в этом случае сигнализирует о том, что "некоторый объект возникает именно в тот момент, когда о нем говорят, то есть речь идет о несуществовании объекта в предыдущий момент и его существовании, начиная с данного момента". Данная позиция позволяет также судить о степени грамматикализованности члена: в немецком языке в высказываниях со значением возникающего объекта неопределенный артикль обязателен: *1830 schrieb Stendahl einen interessanten Roman*, в болгарском един факультативен – писах (един) роман, в русском языке, где числительное один может использоваться для передачи значения экзистенциальности, ср. В одной комнате сидели три девушки, употребление числительного один в конструкциях со значением возникающего объекта приводит к аграмматичности предложения, ср. Он увидел один красивый дом (один подчеркивает факт существования дома, независимого от субъекта) при неправомерности *Он построил один красивый дом (если, конечно, речь не идет о противопоставлении один – много). В анкете также находим примеры, когда выбор артикля непосредственно связан с семантикой существи-

тельного. В пунктах 2.934 и 2.935 приведены контексты: я (не) люблю людей, я (не) люблю детей. В подготовительных материалах к анкете имеется следующее разъяснение этих примеров. В болгарском возможно обычам хората, но обычам деца, децата, то есть во втором случае употребляется как определенный, так и неопределенный артикли. То же в немецком: Ich liebe die Menschen - Ich liebe Kinder - Ich liebe die Kinder. И.И.Ревзин высказывает предположение, что употребление только одного (определенного) артикля, когда речь идет о людях, связано с отсутствием более широкого класса, являющегося объемлющей совокупностью по отношению к классу людей. Введение определения, играющего ограничительную роль, меняет ситуацию: Аз обичам хубави хора - Обычам хубавите хора, ср. в немецком: Ich liebe schöne Menschen - Ich liebe die schönen Menschen. В этом случае между предложениями со словом "люди" и "дети" имеется уже не противопоставление, а параллелизм: Обичам русокоши деца - Обычам русокошите деца, ср. в немецком: Ich liebe blonde Kinder (aber auch schwarzhhaarige) - Ich liebe (nur) die blonden Kinder. Трансформация отрицания может влиять на постановку артикля, ср. в немецком: Ich liebe die Kinder, ich liebe Kinder - Ich liebe die Kinder nicht, но не *Ich liebe Kinder nicht, т.е. в данном случае отрицательность и неопределенность оказываются несовместимыми (ср. также пункт 2.61).

Второй раздел метаязыковой части анкеты касается плана выражения категории определенности-неопределенности. Здесь основное внимание обращает на себя вопрос о выражении категории определенности - неопределенности средствами, отличными от артикля. И.И.Ревзин считал полезным в этой связи говорить о полевого устройстве данной категории. Пункты 1.21 - 1.2222 анкеты направлены на выявление разных способов выражения определенности-неопределенности в языках с артиклем и без артикля. Особенно эффективным может оказаться использование полевого принципа в описании по отношению к тем языкам, где отсутствует артикль. Так, в русском языке выделяется совокупность лексических и грамматических средств, выражающих, кроме основных своих функций, значение определенности-неопределенности. Сюда относятся, в частности, согласование, см. выше о предложениях тождества, ср. также действие "правила Потевни" в современном русском языке, в соответствии с которым неопределенность допускает согласование по обоим числам, но если контекст диктует значение определенности, то единственное число не рекомендуется: (Всюду только и разговору об этих двоих). *Двое не пришло на собрание, двое прогуляло урок и т.д. (Нужно: пришли, прогуляли)¹⁰. Другим средством

¹⁰ См. О.Г. Ревзина, И.И. Ревзин. Об одном случае связи согласования с определенностью в славянских языках. "Советское славяноведение", 1974, № 3.

являются указательные местоимения тот и этот, передающие целый ряд артиклевых значений¹¹. В рукописной статье И.И.Ревзин вскрывает роль двух частиц в русском языке: таки и вот и показывает, что вот является показателем темы, а таки — показателем ремы. Поскольку определенность—неопределенность связана с противопоставлением темы—ремы, эти частицы могут выступать как показатели детерминированности—недетерминированности существительного, ср. вот кабинет был большая комната — что касается кабинета, он был большая комната, частица вот указывает на определенность существительного кабинет, и связка согласуется с ним, ср. с другой стороны Кабинет был таки большая комната, где частица таки отмечает рему и показывает неопределенность существительного комната (невозможно *кабинет была таки большая комната). В ряде статей И.И.Ревзин касался вопроса о связи категории определенности и числа¹², выделяя в значении числа существительных наряду с основной оппозицией единственность—множественность факультативную оппозицию определенность—неопределенность. Формы выражения через категорию числа значения определенности—неопределенности в русском языке многообразны; один диагностический контекст И.И.Ревзин приводит в 2.931: Сытый голодного не разумеет. Здесь передается единственным числом указание на целый класс, т.е. возникает то значение, которое в немецком языке, например, требует употребления определенного артикля (*Der Satte kann den Hungrigen nicht verstehen*). Значение определенности—неопределенности обнаруживается также в русском языке при исследовании глубинной семантики некоторых конструкций, служебных элементов, ср. например указание на определенность в значении возвратного местоимения, исключаящего предложения типа *При всем своем таланте один человек не написал ничего путного при естественности При всем своем таланте Городецкий не написал ничего путного, ср. неопределенность таких конструкций как выбрать в генералы, избрать в депутаты (проверочный тест — невозможность замены на личное местоимение: *выбрать в они, *выбрать в них). Собранные И.И.Ревзиным данные по выражению значения определенности—неопределенности в русском языке демонстрируют, как кажется, плодотворность использованного в анкете подхода, где формы выражения не

¹¹ И.И. Р е в з и н. Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке, § 1. Значение местоимения "этот".

¹² См. И.И. Р е в з и н. Об иерархии грамматических категорий славянских языков. "Советское славяноведение", 1969, № 3; О н ж е. Так называемое немаркированное число в русском языке. ВЯ. 1969, №3.

связываются обязательной избирательной связью с каким-то одним значением, и это открывает широкие возможности к описанию поля определенности в конкретном языке и к широким типологическим сопоставлениям.

Собственно лингвистическая часть анкеты, на наш взгляд, не требует добарочных комментариев. Детальный анализ языковых форм, которые потенциально могут трактоваться как артикли, с точки зрения их частотности, дистрибуции, субституции, опущения, а также их морфемная характеристика позволяют достаточно полно описать языковое поведение этих элементов и выявить их артиклевый статус, если он имеется. Отметим, что хотя в анкете нет специальных вопросов о маркированности членов оппозиций определенность-неопределенность, в ней в ряде пунктов спрашивается о признаках, связанных с маркированностью (см. 1.3, 2.1). И.И.Ревзин связывал соотношение по маркированности-немаркированности со стадиями развития артикля в языке. Исторически определенный артикль предшествует неопределенному, и в языках с местоимением-артиклем маркированным оказывается употребление определенного местоимения-артикля, противопоставленное его отсутствию (так обстоит дело в исследованном И.И.Ревзиным говоре села Олтуш Брестской области). "В болгарском языке идет процесс изменения маркированности: если раньше маркирована была членная форма, то теперь нечленная форма выражает идею признаковости (сказуемости), а членная имеет оба употребления. Отсюда постоянные призывы болгаристов употреблять нечленную форму: членная форма употребляется слишком часто, т.е. в народном языке это изменение уже произошло! В языках с развитой системой артиклей - как в немецком - маркирован неопределенный артикль. Это находит отражение в правилах употребления артикля в немецком языке: специально отговариваются условия неопределенности и сильной определенности, все остальные случаи, а их большинство - рассматриваются как позиции слабой определенности, требующие определенного артикля¹³. На этом фоне - и с учетом того, что на выбор артикля влияют не только нормативные правила (см. об этом выше), но и интенция говорящего, его понимание коммуникативной ситуации, в языках с развитым артиклем развивается первоначальное маркированное употребление артиклей в несвойственных им позициях, в результате чего артикль приобретает добавочную коммуникативную или стилистическую выразительность (ср. пример максимальной выразительности определенного артикля в немецком языке, приводимый И.И.Ревзиным: *Es gibt endlich die Bibliothek, (von der wir träumten) in der Stadt*¹⁴.

¹³ И.И.Ревзин. К вопросу о способе формулировки правил употребления артикля в современном немецком языке.

¹⁴ И.И.Ревзин. К вопросу о способе формулировки правил употребления артикля в современном немецком языке.

В исследовании категории определенности-неопределенности И.И.Ревзин выделял две задачи, между которыми имеется тесная взаимосвязь: 1) разработка теоретической концепции определенности - неопределенности, 2) широкое типологическое описание данной категории в языках разного строя, проведенное с одних и тех же методологических позиций. Практическое использование анкеты по отношению к конкретным языкам должно способствовать решению этих задач.

А Н К Е Т А

Данная анкета задумана, в первую очередь, для извлечения данных из описаний конкретных языков с тем, чтобы построить единообразное описание категории определенности-неопределенности в славянских и неславянских балканских языках на более широком ареально-генетическом фоне. Однако этим не исчерпывается задача анкеты: она должна служить организующим принципом в постановке проблемы и подготовить почву для подробного проспекта по данной теме. Анкета обращена не столько к лингвисту, занятому полевой работой, как это обычно имеет место при анкетировании (хотя большинство вопросов второй части может быть использовано для этой цели), сколько к лингвисту-теоретику, занимающемуся соответствующим языком, знающему литературу вопроса и имеющему свои (часто весьма различные у разных ученых) взгляды на проблематику определенности-неопределенности.

Этим объясняются два основных отличия данной анкеты:

1) Она содержит не только собственно языковую часть, в которой ставится задача выяснить фактическое положение в изучаемом языке вне зависимости от лингвистических убеждений отвечающего, но и мета-языковую часть, в которой задаются вопросы, ставящие целью выяснить: а) какие лингвистические вопросы вообще целесообразно привлекать для рассмотрения; б) как рассматривает проблему отвечающий; в) как принято рассматривать проблему в соответствующей лингвистической традиции.

2) При постановке отдельных вопросов с целью их уточнения иногда даются ссылки на литературу, а в некоторых особенно важных местах и примеры ответов, которые могут быть даны или фактически давались в литературе. Если обычные вопросы в анкетах соответствуют определению через указание вида и рода, то предлагаемый тип постановки вопроса соответствует определению через задание специфического контекста.

Анкета ориентирована на структурно-системный подход к категории определенности. Поэтому в ней большое внимание уделяется как содержанию, так и выражению категории определенности, причем учитываются по возможности явления, близкие по содержанию, но далекие по выражению и наоборот. Отсюда стремление к широкому охвату явлений.

Этим же объясняется то, что некоторые явления упоминаются много раз, так что иногда кажется, что вопросы повторяются. Однако каждый раз существен контекст, в котором задается вопрос и который может повлиять на ответ.

Во второй части исследуется поведение указательных и других местоимений, а также аналогичных частиц или аффиксов, подозреваемых в том, что они могут трактоваться как артикли: определенный, неопределенный, партитивный или possessивный. Будут использованы следующие сокращения:

Потенциальный определенный артикль D
Потенциальный неопределенный артикль I
Потенциальный партитивный артикль P
Потенциальный possessивный артикль R
Опущение артикля \emptyset

1. Мета-языковая часть

1.1. План содержания

1.11. Какие семантические признаки Вы считаете эффективными для конкретизации категории

1.111. при описании значения определенности:

1.1111. декитичность (указание на конкретный объект в данной ситуации)

1.1112. анафоричность (предупомянность в данном тексте),

1.1113. дескрипторность (введение объекта, целиком идентифицируемого своими определениями в предложении, ср. дескрипцию "тот, который" у Карнапа¹),

1.1114. объемность (ограничение объема понятия)²,

1.1115. ситуативная однозначность (указание на все объекты или единственный объект данного рода в данной ситуации)³,

¹ Р. К а р н а п. Значение и необходимость. Перевод с англ. М., 1959, стр. 70.

² Этот признак, введенный П.Якобсоном для падежа, можно трактовать как связанный с определенностью, ср. противопоставление Род. и Вин. падежа в сербохорватском: хлеба – хлеб, объясняемое как противопоставление по определенности. См.: Л. Д е ж е. Вопросы общей и славянской синтаксической типологии. "Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae", т. XIX, fasc. 1-3, 1973.

³ Этот признак, обобщающий 1.111-1.1113 и позволяющий вывести 1.1117 (ср.: И. И. Р е в з и н. О роли коммуникативного аспекта языка в современной лингвистике. - "Вопросы философии", 1972, № 11, стр. 101), восходит к В. Я. Проппу, см.: В. Я. П р о п п. Проблема артикля

- 1.1116. тематичность (указание на тему высказывания)⁴,
- 1.1117. генерализация (универсальность, указание на все объекты независимо от ситуации)⁵,
- 1.1118. эмфатичность⁶.
- 1.112. При описания значения неопределенности:
- 1.1121. экзистенциальность⁷,
- 1.1122. рематичность (ср. 1.1116),⁸
- 1.1123. индивидуализированность (указание на часть множества), ср. указанную работу В.Я.Проппа,
- 1.1124. произвольность (указание на выбор произвольного объекта множества в качестве представителя, ср. указанную работу В.Я.Проппа),
- 1.1125. выпишите другие возможности значения.
- 1.12. Считаете ли Вы возможным указать в последовательностях 1.111 и 1.112 признак, являющийся критериальным для выделения члена в языке (и какой из признаков)⁹?
- 1.13. Можно ли выделить специальное значение партитивности (например, связанное с нерасчлененностью исходного множества), или же оно есть частный случай значения неопределенности, например, 1.1123?
- 1.14. Можно ли описать значение поссесивности как сумму: "одно из значений определенности + указание на отношение"?
- 1.15. В каких терминах можно описать значение неактуализованности:
- 1.151. метаязыковость соответствующего выражения (например, в аппозитивных группах типа понятие фонемы),
- 1.152. отнесенность не к предмету, а к понятию¹⁰.

в современном немецком языке. "Памяти академика Л.В.Щербы". Л., 1951, стр. 225.

4. Имеется в виду роль в актуальном членении текста.

5. Ср. значение "квантора всеобщности" в логике, например $(\forall x)(P(x))$.

6. Отличается от 1.1116, если эмфатическое членение отличается от актуального.

7. Ср. "квантор существования" $(\exists x)$ в логике, ср. также в болгарском языке выражения типа едно време имало един старец, а также фразы, которые можно перефразировать с помощью имало.

8. Ср. большую факультативность болгарского един (по сравнению со значением 1.1121) в случаях типа Съдът разгледал едно много интересно дело.

9. Ср. предложение считать критериальным для определенного артикля признак 1.1117: Н.И. Т о л с т о й. Опыт типологической характеристики славянского члена-артикля. "Всероссийская конференция по славянской филологии", 7, 1962.

10. Ср. концепцию Стеблина-Каменского: М.И. С т е б л и н - К а м е н с к и й. Об основных признаках грамматического значения.

"Вестник ЛГУ", 1954, 4.

1.2. План выражения

- 1.21. Считаете ли Вы возможным говорить о категории определенности в языках, в которых нет артикля?
- 1.22. Можно ли распространять эту категорию
- 1.221. на формы, генетически восходящие к тому же источнику:
- 1.2211. полные и краткие прилагательные¹¹,
- 1.2212. относительные местоимения, определяющие соответствующее существительное¹²,
- 1.222. на произвольные формы,
- 1.2221. на соотношение падежных форм¹³,
- 1.2222. на соотношение форм числа¹⁴.
- 1.23. Каково взаимодействие между порядком слов и определенностью?
- 1.231. Какие противопоставления из 1.111 и 1.112 передаются порядком слов?
- 1.232. Какие особенности порядка слов указывают на определенность?

1.3. Иерархия значимостей

- 1.31. Пусть есть форма 1, выражающая основные значения из 1.112; можно ли считать ее артиклем, если в языке нет определенного члена¹⁵?

-
- ¹¹ Ср. описание их в старославянском языке по схеме, близкой к схеме артикля, в работе Н.И.Толстого "Значение кратких и полных форм прилагательного в старославянском языке" (Вся, 2, 1957), а также соответствующее противопоставление в сербохорватском языке, см.: Е.Ф.Екете. Облик, значение и употреба одређеног и неодређеног придевског вида у српскохрватском језику, I, - "Јужнословенски филолог", 28, 1969.
- ¹² Ср. рассмотрение отношений между членом и относительным местоимением в работе Бенвениста: E. B e n v e n i s t e. La phrase relative, problème de syntaxe générale. "Problèmes de linguistique générale". Paris, 1966.
- ¹³ Ср. комментарий к 1.1114, ср. также противопоставление неопределенного общего падежа определенным родительному и винительному в турецком языке.
- ¹⁴ Ср. трактовку Н.К.Дмитриевым тюркских форм с -lar как определенных, ср. также определенность собирательных: Н.К.Д м и т р и - е в. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948.
- ¹⁵ Ср. индуктивно установленный факт, что неопределенный член очень редко встречается без определенного, в то время как обратное часто (E. A. M o r a v s i k. Determination. "Working Papers on Language Universals", Stanford, California, Nov. 1969,

1.32. Является ли основной оппозицией "определенность/отсутствие определенного члена", и лишь внутри второго члена действует оппозиция "наличие неопределенного члена/отсутствие его", либо обе оппозиции независимы¹⁶?

1.4. Соотношение разных средств выражения определенности в одном языке¹⁷

1.4.1. Можно ли установить явления компенсации в развитии различных средств выражения определенности-неопределенности?

1.5. Сфера действия категории

1.51. Можно ли задавать противопоставление по определенности-неопределенности на всем множестве слов, а именно, считать неопределенными не только часть существительных, но и все глаголы и т.п.¹⁸

1.52. Можно ли ставить вопрос о наличии специального possessивного артикля, распространяя категорию определенности на все случаи употребления артикля¹⁹?

1.53. Можно ли рассматривать в рамках категории определенности факты дополнительного распределения члена и предлога²⁰?

стр. 94; рассмотрено 104 языка с артиклем, и лишь 3 имели неопределенный член без определенного), ср. также аргументацию М.Ивич о не-артиклевом статусе сербохорватского један: М.И в ић Елементи неодређеног члена в српскохрватском езику. "VII Międzynarodowy kongress slawistów w Warszawie, 1973". Streszczeni referatów i komunikatów.

¹⁶ Ср. теорию Куриловича (J.K u r u ž o w i s z. La mimation et l'article en Arabe. "Archiv Orientalní", 1950, № 1-2), а также описание развития члена в балканских языках Рейтером (N.R e i t e r. Der Artikel in den Balkansprachen. "Ztschr.f.Balk." Н. 1, 1967), что позволяет единообразно описать языки с неопределенным членом и без него.

¹⁷ Ср. гипотезу Деже о том, что један распространяется в сербохорватском языке в тех областях, где другие средства (ср. комментарий к 1.1114 и 1.2211)разрушаются: Л.Д е ж е.Указ.соч., стр.14.

¹⁸ Ср. теорию средневековых арабских грамматистов в изложении Габучяна (Г.М. Г а б у ч я н. Теория артикля и проблемы арабского синтаксиса. М. 1972), а также возможность отождествить определенные формы с терминами современной логики, а неопределенные формы с предикатами.

¹⁹ Речь идет о статусе притяжательного члена a,al в румынском.

²⁰ Речь идет о конструкциях с pe в румынском, ср. am văzut pe om am văzut omul.

2. Собственно лингвистическая часть

2.1. Частотность

- 2.11. Имеются ли данные об отношении форм существительных с D(I,R,P) к общему числу существительных²¹?
- 2.12. Обладает ли (I,R,P) повышенной частотностью,
- 2.121. сравнимой с частотностью предлогов (послелогов),
- 2.122. отличающейся от местоимений:
- 2.1221. указательных (для D)
- 2.1222. неопределенных (для I).

2.2. Дистрибуция²²

- 2.21. С указательными, определительными, вопросительными местоимениями (этот, тот, всякий, каждый, какой и т.д.),
- 2.211. употребление обязательно,
- 2.212. употребление возможно,
- 2.213. употребление невозможно,
- 2.22. С притяжательными местоимениями²³,
- 2.221. с полными,
- 2.2211. возможность-невозможность употребления,
- 2.2212. позиция,
- 2.222. с краткими,
- 2.2221. возможность-невозможность употребления,
- 2.2222. позиция.
- 2.223. Связано ли употребление артикля с притяжательными местоимениями с какими-либо лексическими группировками²⁴?
- 2.224. Не зависит ли употребление от формы числа²⁵?
- 2.23. С именами собственными:
- 2.231. в прямом употреблении,
- 2.2311. словарно (например, на географической карте),
- 2.2312. в связанном тексте,

²¹ Ср. работу С.И.Иорданиди, установившей, что процент членных форм в языке былин равен 7: С.И. И о р д а н и д и. Основа выделения определенного артикля и семантика постпозитивного -т в языке былин. Тбилиси, 1972.

²² Если нет специальной оговорки, речь идет о всех видах артикля.

²³ Ср. в болгарском: твоите книги - книгите ти.

²⁴ Ср. выделение класса имен родства в албанском (препозиция притяжательного и нечленность, например, im atë), в болгарском (нечленность в баща ми и т.п.).

²⁵ Ср. в болгарском нечленность в 2.223 только в единственном числе.

- 2.2313. возможность (в норме, в просторечии - указать) - высокочастотность употребления.
- 2.2314. имеется ли различие для собственных имен разного рода²⁶?
- 2.232. В переносном употреблении.
- 2.233. Имеется ли разница в оформлении имени и фамилии?
- 2.24. В форме обращения:
- 2.241. В собственных именах,
- 2.242. с некоторыми стилистическими эффектами (например, выражение уничижительности).
- 2.25. В специфических синтаксических позициях:
- 2.251. в позиции предикатива²⁷
- 2.252. в сравнительных оборотах²⁸,
- 2.253. в конструкции с местоименной репризой.
- 2.254. Используется ли артикль (D, I) в качестве сопроводителя окказиональной субстантивации (употребление возможно, высокочастотно, обязательно).
- 2.255. Употребление D с предлогами:
- 2.2551. в позиции прямого объекта (см. примечание к 1.53),
- 2.2552. в позиции обстоятельства образа действия и причины,
- 2.2553. в других позициях.
- 2.256. Используется ли P в конструкции $N_1 + N_2$ при N_1 или также при одиночном существительном?
- 2.261. Имеются ли правила, предписывающие или запрещающие сочетания; какие из нижеследующих сочетаний обычны, редки, запрещены?
D сущ. 1 + D сущ. 2	I сущ. 1 + I сущ. 2	D сущ. + P сущ. 2
D сущ. 1 + I сущ. 2	D сущ. I + \emptyset сущ. 2	P сущ. + D сущ. 2
I сущ. 1 + D сущ. 2	\emptyset сущ. 1 + D сущ. 2	R сущ. + D сущ. 2
R сущ. 1 + \emptyset сущ. 2	I сущ. 1 + \emptyset сущ. 2	I сущ. + \emptyset сущ. 2
P сущ. 1 + \emptyset сущ. 2	и т.д.,	
- 2.2611. в определительной конструкции,
- 2.2612. в предикативной конструкции (в последнем случае указать особенности согласования)²⁹

²⁶ Ср. членное употребление географических названий женского рода в румынском при колебаниях в мужском роде.

²⁷ Н.И. Толстой (Значение..., стр. 55) обратил внимание на то, что болгарское един употребляется в предикативе, а сербское jedan не употребляется.

²⁸ Ср. почти обязательное употребление той при сравнении, например як той баклан в украинских говорах: Українська діалектна морфологія. Київ, 1968, стр. 70.

²⁹ Ср. в болгарском: кабинетът бил (една) голяма стая, но: кабинет в квартирата била "Голямата стая".

2.27. Имеются ли факты дополнительной дистрибуции:

2.271. D и его опущения в разных лексических классах,

2.272. I и его опущения в разных лексических классах,

2.273. I и P в разных лексических классах,

2.274. D и предлога (можно ли сопоставить этот случай, например с дополнительной распределенностью падежа и предлога в других языках)³⁰,

2.275. D и указательного местоимения³¹.

2.28. Можно ли употребить D в качестве представителя всей группы существительного?

2.291. Можно ли объединить соединительным союзом

2.2911. D и указательное местоимение,

2.2912. I и указательное местоимение.

2.292. Можно ли повторить D, I:

2.2921. при прилагательном и при существительном³²,

2.2922. при каждом из определений.

2.3. Субституция

2.31. Взаимозаменяемость D с указательным местоимением:

2.311. контексты, где замена возможна,

2.312. контексты, где замена невозможна.

2.32. Взаимозаменяемость I с неопределенным местоимением;

2.321. контексты, где замена возможна,

2.322. контексты, где замена невозможна.

2.33. Взаимозаменяемость D с притяжательным местоимением или возвратным³³.

2.4. Опущение

2.411. Опускается ли D в любом контексте без изменения смысла и правильности?

2.412. Можно ли выделить специфическое значение для тех контекстов, где D факультативен, по сравнению с контекстами где D обязателен³⁴?

³⁰ Ср. пример к 1.53, а в качестве возможной типологической параллели соотношение падежа и предлога в болгарском.

³¹ Ср. статус "детерминативного члена" cel в румынском с собственными именами, ср. Mircea cel bătrîn.

³² Ср. в новогреческом οι άνερωτοι οι άγαθοί.

³³ Ср. выделение типа "поссессивной определенности" в работе Иорландици, например, телом-то бела ёна.

³⁴ Ср. в болгарском значение: "все объекты некоторого подмножества", где член факультативен, например: Гълъб(ът), който е на-

2.421. Опускается ли I в любом контексте без изменения смысла и правильности?

2.422. Можно ли выделить специфическое значение I, где I и ^а одинаково часты (ср. примечание к 1.1122)?

2.5. Перевод

2.51 При помощи этот для D:

2.511. контексты, где перевод возможен,

2.512. контексты, где перевод невозможен.

2.52. При помощи некоторый для I:

2.251. контексты, где перевод возможен,

2.522. контексты, где перевод невозможен.*

2.6. Трансформация

2.61. Указать случаи, когда артикль меняется при трансформации отрицания³⁵,

2.62. Указать случаи, где D меняется при трансформации вопроса.

2.63. В каких случаях употребление I можно объяснить трансформацией, сводящей соответствующую фразу:

2.631. к предикативу,

2.632. к выражению существования (ср. 1.1121).

2.7. Влияние морфологических категорий

2.71. Взаимодействие с падежом.

2.711. Различается ли число разных падежей в определенном (с D) и неопределенном (с I) склонении³⁶:

2.712. указать падежи, в которых противопоставление форм с D и \emptyset ослаблено³⁷,

2.713. указать употребление D в звательной форме.

2.72. Взаимодействие с числом.

2.721. Употребляется ли форма I во множественном числе³⁸?

2.722. Имеется ли разница, обусловленная сразу числом и падежом³⁹?

ранен, е обречен, по сравнению со значением: "все множество", например, Гълъбът е птица, где член обязателен.

³⁵ Ср. в болгарском аз обичам деца, аз не обичам децата.

³⁶ Ср. положение в албанском и отчасти в румынском.

³⁷ Ср. употребление только определенных форм в род., дат. в гегских диалектах албанского.

³⁸ Ср. в болгарском едни, в румынском niste, unele.

³⁹ Ср. в албанском употреблении членной формы в род. падеже ед. числа и нечленной в род. падеже мн. числа.

- 2.73. Взаимодействие с одушевленностью.
 2.731. Имеются ли конструкции, где D выступает только у одушевленных (неодушевленных)?
 2.732. Влияет ли одушевленность на I, P, R?
 2.74. Имеются ли в артикле (D, I, P) категории:
 2.741. отсутствующие у соответствующего существительного,
 2.742. выражающиеся более детально или более четко, чем у соответствующего существительного.

2.8. Морфемная характеристика

- 2.81. Можно ли выделить несколько форм D, различающихся по степени близости к объекту⁴⁰?
 2.82. Можно ли отделить D(I) от омонимичного указательного (неопределенного) местоимения, предлога (для P):
 2.821. по критерию безударности,
 2.822. по возможности слияния:
 2.8221. с предлогами,
 2.8222. с существительными,
 2.823. по возможности фонетической редукции,
 2.824. по возможности рассмотрения в качестве словообразовательного форманта:
 2.8241. при имени собственном.
 2.8242. при числительном⁴¹,
 2.83. Позиция.
 2.831. Возможность вставки слов не из группы существительного⁴².
 2.832. препозитивность,
 2.833. постпозитивность,
 2.834. соотношение постпозиции и препозиции:
 2.8341. факультативное,
 2.8342. значимое⁴³.
 2.835. В группе "прилагательное + существительное" и при обратном порядке:
 2.8351. в позитивной форме,
 2.8352. в сравнительной форме,
 2.8353. в превосходной форме⁴⁴.

40 Ср. проблему "тройного члена" съ, ть, онь в истории болгарского

41 Ср. румынские формы типа al doilea.

42 Ср. понятие "непроективности", ср. в болгарском: една бе в село Ралица девойка.

43 Ср. в румынском lui Ion, omului.

44 Ср. в румынском *a copilului cel mai inteligent.

- 2.836. при наречии ⁴⁵,
 2.837. при глаголе ⁴⁶.
 2.84. Согласование.
 2.841. Можно ли отметить рассогласованность D с существительным ^{47?}
 2.842. Ориентируется ли D на "согласовательный род" или окончание ^{48?}

2.9. Некоторые диагностические контексты ⁴⁹.

- 2.91. Как разграничить при переводе сочетания сын царя Федора
 2.911. факт единичности сына (у царя только один сын),
 2.912. факт неединственности сына (у царя несколько сыновей).
 2.92. Есть ли разница в оформлении сочетаний:
 2.921. устанавливать отношения,
 2.922. развивать отношения.
 2.931. Сытый голодного не разумеет,
 2.932. Человеку свойственно ошибаться,
 2.933. Третий, коммунистический интернационал,
 2.934. я (не) люблю людей,
 2.935. я (не) люблю детей,
 2.936. Жил в Москве старик,
 2.937. сок вишни, цветенья вишен. ⁵⁰

⁴⁵ Ср. в севернорусских говорах назад-от шел: Н.П.Г р и н к о в а. Постпозитивный член в Молотовском говоре Кировской области. "Памяти академика Л.В.Щербы". Л. 1961.

⁴⁶ Ср. в тех же говорах: у нас есть-от хлеб-от.

⁴⁷ Ср. несогласованность то в севернорусских говорах как аргумент, что это не член: В.И.К о д у х о в. К вопросу о "постпозитивном члене" в русском языке. "Уч. зап. Ленингр. Гос. пед. ин-та им. Герцена. Кафедра русск. яз.", т. 92, 1953.

⁴⁸ Ср. в болгарском: момчетата, но: добрите момчета; слугата, но: добрят слуга; дядото, но: добрят дядо. См.: Л. А н д р е й - ч и н. Грамматика болгарского языка. М., 1949.

⁴⁹ Здесь даются некоторые типы контекстов, которые должны задаваться в анкете.

⁵⁰ Ср. в албанском bukën e gojës 'хлеб насущный'; род.ед., всегда членная форма, но era e qershive 'запах черешен', род.мн., форма нечленная.

К ТИПОЛОГИИ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ ЯЗЫКОВ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Балканский языковый союз был выделен на основе значительного количества конвергенций в грамматике (главным образом в синтаксисе) языков Балканского полуострова¹. Это грамматическое сходство поддерживается относительно высоким соотношением лексем, общих для нескольких языков Балканского союза, и лексем, характерных только для одного языка. Лексическая общность здесь обусловлена не только генетической близостью ряда языков, но также и заимствованиями из более далеких с точки зрения родства языков, в том числе и сопоставимым только на ностратическом уровне турецким языком. Так, в современном болгарском языке отмечается более 2 200 лексем греческого происхождения², немногим меньше насчитывается соответствующих греческих заимствований в сербско-хорватском языке³.

Более тысячи турцизмов в болгарском языке приводит А. Гранн⁴, более двух тысяч заимствований из турецкого языка дает для литера-

¹ Т. В. Ц и в ъ я н. Имя существительное в балканских языках. М., 1968.

² М. Ф и л и п п о в а - Б а й р о в а. Гръцки заемки в съвременния български език. София, 1969, стр. 68-173. - Еще более обширный список грецизмов в болгарском языке дает Н. Андриотис: N.P. 'Α ν δ ρ ι ώ τ η ς. Τὰ ἑλληνικὰ στοιχεῖα τῆς βουλγαρικῆς γλώσσας. "Архейτον τοῦ θρακικοῦ λαογραφικοῦ καὶ γλωσσικοῦ θησαυροῦ", Περίοδος β' ἐν Ἀθήναις, 1952, стр. 33-188. [Рец.] Ал. М и л е в. Един гръцки автор за гръцките елементи в български език. "Български език", 1958, кн. 2, стр. 187-196.

³ Ј. П о п о в и њ. Новогрчке и среднегрчке позајмице у савременом српскохрватском језику. Зборник радове, САН, XXXVI, Византолошки институт, кн. 2, стр. 199-237. О н ж е. Грчко-српске лингвистичке студије. II. Грчке позајмице у савременом српско-хрватском језику. Зборник радове, САН, XLIV. Византолошки институт, кн. 3, стр. 111-157. Ср. заимствования из греческого в македонском языке, собранные Н. Андриотисом: N.P. 'Α ν δ ρ ι ώ τ η ς. Τὸ ὄμοσπονδο κράτος τῶν Σκοπιῶν καὶ ἡ γλώσσα τοῦ θεσσαλονίκης. 1960, ἐν Ἀθήναις.

⁴ A. G r a n n e s. Etude sur les turcismes en bulgare. Oslo, 1970.

турного сербско-хорватского языка С. Стаховски⁵ (для диалектов Боснии и Герцеговины число турцизмов сильно возрастает)⁶; общее количество турецких заимствований в сербско-хорватских текстах XIX веков доходит до шести тысяч⁷.

Однако при таком большом количестве заимствований, при таком широком и активном билингвизме ни в одном из языков Балканского союза не возникло фонологических подсистем, характеризующих группы заимствований из определенного языка, как это наблюдается, например, в языковом союзе Индостана⁸ и др.

В ситуации Балканского союза – при четком соотношении языков с точки зрения генетической и ареальной близости, имеющей смысл по крайней мере для грамматической и лексической систем языков, а также при фонологической моносистемности каждого языка – особое значение приобретает типологический подход к изучению соотношения фонологических систем этих языков.

Характеризуется ли языковый союз – в данном случае Балканский языковый союз – определенным типом фонологической системы? Если же единый тип фонологической системы здесь не выработался, то почему при огромном потоке заимствований и активном двуязычии (трехязычии) не возникают особые подсистемы, характерные для фонологической системы языка – источника заимствований? Можно ли говорить о центре и периферии языкового союза? Существуют ли объективные основания для включения некоторого языка (в данном случае фонологической системы языка) в данную область языкового союза, т.е. можно ли определить границы языкового союза?

Для того, чтобы способствовать разрешению этих вопросов, в настоящей работе взяты фонологические системы языков Балканского сою-

⁵ S. S t a c h o w s k i. Fonetyka zapożyczeń osmańsko-tureckich w języku serbsko-chorwackim. Wrocław-Warszawa, 1973.

⁶ A. Š k l j i ć. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1965. Ср.: A. K n e ž e v i ć. Die Turcizmen in der Sprache der Kroaten und Serben. Slavisch-Baltisches Seminar der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster (Westf.), N3, Meisenheim am Glan, 1962.

⁷ S. S t a c h o w s k i. Указ. соч., стр. 196. О заимствованиях из славянских языков в языках Балканского союза, в частности, в албанском языке, см. А. В. Д е с н и ц к а я. Славянские заимствования в албанском языке. М., 1963.

⁸ Т. Я. Е л и з а р е н к о в а. Исследования до диахронической фонологии индоарийских языков. М., 1974. О подсистемах заимствований из санскрита в новоиндийских языках см. также: Н. J. V e r m e e r. Untersuchungen zum Bau zentral-süd-asiatischen Sprachen. Heidelberg, 1969.

за: сербско-хорватского, македонского, албанского, греческого (и его кипрского варианта), болгарского, румынского и турецкого, а также ряд языков Средиземноморья: испанского, итальянского, словенского и французского. Из-за отсутствия описания фонологических систем провансальского и сардинского языков пришлось пока отказаться от включения этих языков в настоящий опыт типологии.

Оптимальным вариантом изучения типологического соотношения фонологических систем на территории Балканского союза было бы представление фонологических закономерностей в виде "изоглосс" — изоимпликата исследуемой области⁹. Однако диалекты языков Балканского союза, за немногими исключениями, не могут быть представлены при настоящем уровне их описания в таком виде. Для соответствующего картографирования необходимо составить особую программу, что пока является задачей будущего. Представление же языков Балканского союза в их литературной форме является не только необходимостью стратегии исследования, но и служит первым шагом к решению типологических проблем на уровне диалектов. К тому же соотношение диалектов и литературных норм языков Балканского союза таково, что "пересчет" типологии на диалекты только сдвинет границы ряда изоимпликата (например, изоимпликата, выделяющая зону фонологических систем, в которых нет противопоставления согласных по твердости-мягкости, пройдет не между македонским и болгарским литературными языками, а между западными и восточными болгарскими диалектами), но не повлияет на структуру типологии. По этой же причине не включаются сюда и фонологические системы сабира и других койнэ этого ареала.

Вторым ограничением материала здесь будут хронологические рамки: все языки берутся в их современном состоянии — древнегреческий, старославянский, турецкий язык XV века и др. пока из рассмотрения исключаются. История языковых союзов, задачи и возможности изучения которой показаны еще Р.Якобсоном в 1931 г.¹⁰, предполагает существование описаний ряда синхронных срезов языков, образующих языковой союз¹¹.

⁹ Как это сделано, например, в работе: E. J. A. N e n d e r s o n. The topography of certain phonetic and morphological characteristics of South-East Asian languages. "Indo-Pacific linguistics studies", II. Amsterdam, 1965.

¹⁰ R. J a k o b s o n. Über die phonologischen Sprachbünde. TCLP, N 4, Prague, 1931, стр. 239—240; Т.Я.Е л и з а р е н к о в а. Указ. соч.

¹¹ Ср. смешанный вариант типологического анализа у Е.Афендраса, который сравнивает системы вокализма 51 говора 7 языков Балканского союза, включая сюда и старославянский, и древнегреческий.

Степень детальности представления фонологических систем колеблется в работах по типологии от некоторых замечаний относительно артикуляционной базы до общих характеристик просодического уровня¹². Поскольку в количественной типологии каждый признак должен быть максимально стандартным и применимым к фонологической системе любого языка, формирование типологического признака необходимо начинать в рамках универсального фонологического представления языка, которое в данном случае совпадает с универсальным фонетическим представлением¹³.

В самом деле, если с точки зрения описания одного языка существенно соответствие плана выражения плану содержания, т.е. такой анализ (или синтез), при котором фонетическое представление языка переводится в морфологическое, то при описании фонетического представления нескольких языков для изучения соответствий каждого языка все большему количеству других языков представляется важным избежать при построении универсальных фонологических единиц тех искажений, которые вносят в эти соответствия капризы распределения значений в отдельных языках. Кроме того, современная фонология предполагает известными универсальные законы сочетания элементарных фонетических признаков и включает их как данность¹⁴. Расшифровать эту "данность" — задача типологии фонологических систем. Поэтому включение морфофонологического уровня в типологию было бы нежелательно¹⁵.

Кроме этого, остается серьезная трудность в оперировании морфофонологическими единицами в типологии, связанная с их неоднозначностью, когда один и тот же фонетический отрезок может быть интерпретирован как разные фонемы, к тому же в виде моно- и бифонемного

На основании большего сходства между болгарскими, македонскими и сербохорватскими говорами с новогреческим относительно старославянского с древнегреческим (?) автор делает вывод об определяющем значении греческого языка для развития Балканского союза E.A.A f e n d r a s. Mathematical models for Balkan phonological convergence. "International conference on computational linguistics". Stockholm, 1969.

¹² H. J. Vermeer. Указ. соч., стр. 243-245.

¹³ N. Chomsky. M. Halle. The sound pattern of English. N. Y., 1968, стр. 295-300.

¹⁴ P. M. Postal. Aspects of phonological theory. N. Y., 1968, стр. 3-12.

¹⁵ Ср.: H. Frisch. Morphoneme als Elemente zu einer vergleichenden Typologie des Französischen, Italienischen und Rumänischen. Bochum, 1972.

сочетания¹⁶. Это влечет за собой включение в идентификацию фонем грамматических, а по существу и всех семантических признаков, настолько усложняющее типологию фонологических систем, что типология языков с точки зрения их семантической структуры вместе с типологией фонологических систем и объединение их кажется более прозрачной системой. Реально типология морфонологических систем может существовать только за счет значительной фрагментарности исследования¹⁷.

Степень детальности фонологического представления определяется полным использованием всего набора универсальных фонологических различительных признаков. Например, в румынском языке есть придыхательные глухие, которые, однако, не имеют фонологического статуса¹⁸. При расширении контекста, необходимом при типологическом анализе, когда в этот контекст включаются языки, где противопоставление по придыхательности релевантно, происходит специфически типологическая фонологизация этого признака во всех исследуемых языках. Таким образом, для типологического анализа необходима идентификация элементов фонетического представления языков по всем тем признакам, которые являются фонологическими хотя бы в одном языке¹⁹. Это значит, что в типологии фонологических систем не будет учитываться лишь коартикуляционный эффект, который исключен и из характеристики фонологических признаков.

¹⁶ См. примеры Т.Я.Елизаренковой: в Ригведе последовательности *au*, *av*, *āu*, *āv* интерпретируются как одна фонема в *paṇati*, *gōrauti*, *niṇāya*, *arāvīt* и как две морфемы в *ubhaya-*, *urugaya-*, *arṇava-*, *śuvā-*. Т.Я.Е л и з а р е н к о в а. Указ. соч., стр. 17). О представлении фонологического уровня для типологического исследования см. также: М.Т. Л е к о м ц е в а. Типология структур слога в славянских языках. М., 1968, стр. 28-29. О неприемлемости морфонологической типологии см. также: В.М. Ж и в о в. Проблемы синтагматической фонологии в свете фонетической типологии языков. - ВЯ, № 4, 1974, стр. 57-70.

¹⁷ Так, в работе Х.Фриша (см. сн. 14) в типологию морфонологических систем включены из грамматических признаков только число, род, лицо и время, а из лексем учитываются только те 1750 единиц, которые наиболее часто встречаются в каждом из трех языков.

¹⁸ E. V a s i l i u. *Fonologia limbii române*. București, 1965, стр. 128.

¹⁹ М.И. Л е к о м ц е в а. Указ. соч., стр. 29. - Ср. противоположную точку зрения: D. B r o z o v i ć. O fonološkom sustavu savremenog standardnog hrvatskosrpskog jezika. Radovi VII. Filozofski fakultet, Zadar, Razdio lingvističko-filološki, 4, стр. 20-39.

Дифференциальные фонологические признаки берутся здесь в модифицированной версии Хомского – Халле, которая в значительно большей степени ориентирована на типологическое сопоставление фонологических систем и учет новых результатов в области физиологии речи²⁰. Эти признаки в дальнейшем будут обозначаться следующим образом:

sonorant	-	S	round	-	R
vocalic	-	V	distributed	-	D
consonantal	-	C	nasal	-	N
coronal	-	Cr	lateral	-	Lt
anterior	-	A	continuant	-	Cn
high	-	H	tense	-	T
low	-	L	heightened subglottal		
back	-	B	pressure	-	Ht
voice	-	Vc	instantaneous release	-	I
strident-	-	St	length	-	Ln

Отрицательное значение признака будет обозначаться через знак ⁰: например, если звонкость записывается как Vc, то незвонкость – как Vc⁰.

В определении этих признаков уже скрыта определенная иерархия: так, признак "распластанности" (D)²¹ относится только к непрерывным согласным или – распастанность имплицитно подразумевает непрерывность (D – Cn). Ряд таких зависимостей касается системы дифференциальных признаков фонологической системы независимо от конкретного языка и выходит за рамки настоящего рассмотрения.

Первые опыты построения типологических признаков были связаны с количественными методами и соответственно с градуированием каждого признака (большая часть таких признаками были сами различительные фонологические признаки относительно их функциональной нагрузки, валентности и т.п.²²).

Однако трудности интерпретации получаемых данных, связанных как с неразработанностью ряда проблем фонологии – способа представления фонологической системы, проблемы нуля в матрице идентифика-

²⁰ N. S. H o m s k y, M. H a l l e. Указ. соч., стр. 298–329.

²¹ Русский перевод предложен И.И.Ревзиним.

²² М.И. Л е к о м ц е в а и д р. Опыт построения фонологической типологии близкородственных языков. "Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов". София, 1963, стр. 423–476; A. A v r a m. Sur la typologie phonologique quantitative. "Revue Roumaine de linguistique", IX, 1964, стр. 131–134.

ции²³ и др., так и с нерешенностью ряда кардинальных проблем типологического анализа – зависимости получаемых типов от числа сравниваемых языков и количества признаков классификации, от используемого вида функции расстояния или коэффициента сходства, от алгоритма типобразования и критерия классифицируемости и т.п.²⁴ – заставляет искать также другие методы типологического анализа, другие способы построения типологического признака²⁵. По-видимому, стоит обратить внимание на понятие правила в фонологии. Содержащаяся в нем импликация фонологических признаков характеризует особенности системы языка в парадигматическом и синтагматическом аспектах, а взятая в роли типологического признака, выделяет зону языков, где данная импликация характеризует фонологическую систему языка, и область, где она не действует²⁶.

Так, сравнивая идентификацию гласных по дифференциальным признакам в языках Балканского союза, можно отметить для ряда систем импликацию:

$SVC^{\circ} \rightarrow T^{\circ}$ ("все гласные – ненапряженные").

-
- ²³ Это часто приводило к тому, что два представления одного языка отличались друг от друга больше, чем представление двух фонологических систем разных языков.
- ²⁴ H. T. C a r v e l l and J. S v a r t v i k. Computational experiments in grammatical classification. The Hague, 1969, W. F. de V e g a. Quelques propriétés des hiérarchies de classification. "Archéologie et calculateurs. Problèmes sémiologiques et mathématiques". Paris, 1970, стр. 329–342. P. I h m. Distance et similitude en taxonomie. – Там же, стр. 309–317. Ряд из указанных трудностей в последнее время удалось преодолеть Т. Альтманну и В. Лефельдту в их усилиях построить общую количественную типологию языков – см.: G. A l t m a n n, W. L e h f e l d t. Allgemeine Sprachtypologie. München, 1973; W. L e h f e l d t. Phologische Typologie der slavischen Sprachen. "Die Welt der Slaven", XVII, Heft 2, 1974, стр. 318–339.
- ²⁵ М. И. Л е к о м ц е в а. К типологии структур слова в славянских языках. – "Доклады советской делегации на VI Международном съезде славистов". Прага, 1968; О н а ж е. Опыт типологии фонологических систем диалектов латышского языка. – "Балто-славянские исследования". М., 1974. В. М. Ж и в о в. Указ. соч.
- ²⁶ М. И. Л е к о м ц е в а. Типология и тип языка. – "Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки". Тезисы докладов. М., 1973, стр. 121–122. О н а ж е. Опыт типологии...

Используя эту импликацию как типологический признак, можно выделить языки, которые характеризуются этим признаком, и языки, где эта импликация не действует, т.е., где различаются $e - \hat{e}$, $o - \hat{o}$ - в данном случае словенский, итальянский и французский в противоположность всем остальным языкам взятого ареала.

Последовательно сопоставляя матрицы идентификации рассматриваемых языков (табл. 1-12), можно выделить следующие импликации - типологические характеристики описываемого региона. В дальнейшем для удобства они будут обозначаться соответствующими номерами.

1. SVC ^o	→ Ln ^o	14. S ^o V ^o CA	→ H ^o
2. SVC ^o	→ T ^o	15. S ^o V ^o CH	→ B
3. SVC ^o	→ N ^o	16. S ^o V ^o CHB	→ Cn ^o
4. SVC ^o HR	→ B	17. S ^o V ^o CHB ^o	→ CnVc ^o
5. SVC ^o HR ^o	→ B ^o	18. S ^o V ^o CHB ^o	→ Ch ^o
6. SVC ^o H ^o L ^o B ^o	→ R ^o	19. S ^o V ^o CHBCn ^o	→ Vc ^o
7. SVCLt	→ AH ^o	20. S ^o V ^o CA ^o H ^o	→ Dcn ^o St
8. SVCLt	→ B ^o	21. S ^o V ^o CA ^o H ^o	→ D ^o CnSt
9. SVCLt ^o	→ T ^o	22. S ^o V ^o CCrCn	→ StD ^o
10. SV ^o C ^o	→ L ^o	23. S ^o y ^o CCrSt	→ Cn ^o
11. SV ^o C ^o	→ A ^o	24. S ^o V ^o CHB ^o Cn ^o	→ DSt ^o
12. SV ^o C	→ AN	25. S ^o V ^o CHB ^o Cn ^o	→ DSt
13. S ^o V ^o C	→ Ht ^o		

Теперь можно построить матрицу идентификации языков относительно выделенных типологических признаков: язык, к которому применима данная импликация, будет иметь под соответствующим номером единицу, в противоположном случае - ноль (см. табл. 13).

Эта матрица дает возможность определить одновременно зону языков, характеризующуюся данным признаком, - это все те языки, которые имеют в данной колонке единицу, и систему фонем каждого идентифицированного языка, так как на основе тех импликаций, которые имеют в данной строчке единицу, т.е. характеризуют фонологическую систему взятого языка, однозначно восстанавливается матрица идентификации фонем соответствующего языка.

Чтобы перейти к образованию типов, необходимо на основе приведенной матрицы идентификации языков относительно типологических признаков построить матрицу расстояний между взятыми языками.

"Данный признак характерен для данного языка" и "данный признак не характерен для данного языка, - эти предложения можно рассматривать как интерпретацию простых булевских значений (1 и 0). Матрицы идентификации языков относительно типологических признаков тогда будет интерпретацией конечного множества, каждому элементу которого сопоставлено простое булевское значение, т.е. обоб-

шенного булевского значения, число составляющих которого равно числу колонок (строк) в описываемой матрице. Фонологическая система, охарактеризованная n признаками, в таком случае будет интерпретацией точки в n -мерном пространстве, где относительно каждой оси координат она будет занимать соответственно 0 или 1, т.е. фонологическая система будет интерпретацией вершины гиперкуба.

Расстоянием между двумя вершинами гиперкуба X_1 и X_2 считается сумма составляющих, различающих X_1 и X_2 .

Например, расстояние между 11 и 10 равно 1, между 1011 и 1000 расстояние равно 2, между 110101 и 101111 – соответственно 3 и т.д.²⁷.

Другими словами, расстояние между двумя языками будет определяться по числу несовпадений в идентификации признаков. Например, сравнивая по признакам болгарский язык с румынским, можно обнаружить, что несовпадение идентификации отмечается только в 13 колонке – по 13 признаку болгарский язык имеет 1, а румынский – 0, соответственно расстояние между ними определяется равным 1.

Результат сравнения языков в этом отношении приведен в матрице расстояний между рассматриваемыми языками (табл. 14).

Чтобы получить представление об иерархии сходства между представленными языками, можно построить следующую последовательность матриц расстояний.

1. Определим минимальное расстояние между языками исходной матрицы (в данном случае это расстояние между болгарским и румынским, равное 1).

2. Объединим языки, связанные минимальным расстоянием, в одну группу, при условии, что среднее расстояние между объединяемыми языками не возрастает.

3. Вычислим среднее расстояние между всеми оставшимися языками и полученным на предшествующем шаге объединением.

4. Перейдем к первому шагу и т.д. вплоть до присоединения последнего языка²⁸.

На первом шаге выделяется ядро будущего класса – его образуют здесь болгарский и румынский языки. Определяем средние расстояния например, расстояние между албанским и болгарским языками равно 13,

²⁷ J. K u n t z m a n n. *Algebre de Boole*. Paris, 1968, стр. I-5, 153.

²⁸ Здесь используется модификация разработанного в биологической квантитативной классификации метода образования типов на основе усреднения связей (метода Сокала и Миченера). См. R.R. S o - k a l, P.H.A. S n e a t h. *Principles of numerical taxonomy*. San Francisco, 1963, стр. 182 и далее

а между албанским и румынским - 14, среднее же расстояние между албанским языком и полученной объединенной группой болгарско-румынского языков будет равно 13,5, - и получаем следующую матрицу (табл. 15).

Здесь минимальное расстояние - 4 - связывает итальянский язык со словенским и сербско-хорватским, а также сербско-хорватский с македонским. Объединение сербско-хорватского языка с македонским приводит к результату, представленному матрицей (табл. 16), а объединение итальянского языка со словенским - к результату, представленному матрицей в табл. 17, из которой видно, что такое объединение привело к возрастанию расстояния между сербско-хорватским и итальянским, - поэтому производится другое объединение - итальянского с сербско-хорватским и македонским языками (см. табл. 18), а словенский объединяется с ними на следующем шаге (см. матрицу с табл. 19). На этой матрице видно, что теперь турецкий язык должен быть объединен с болгарско-румынской группой и т.д.

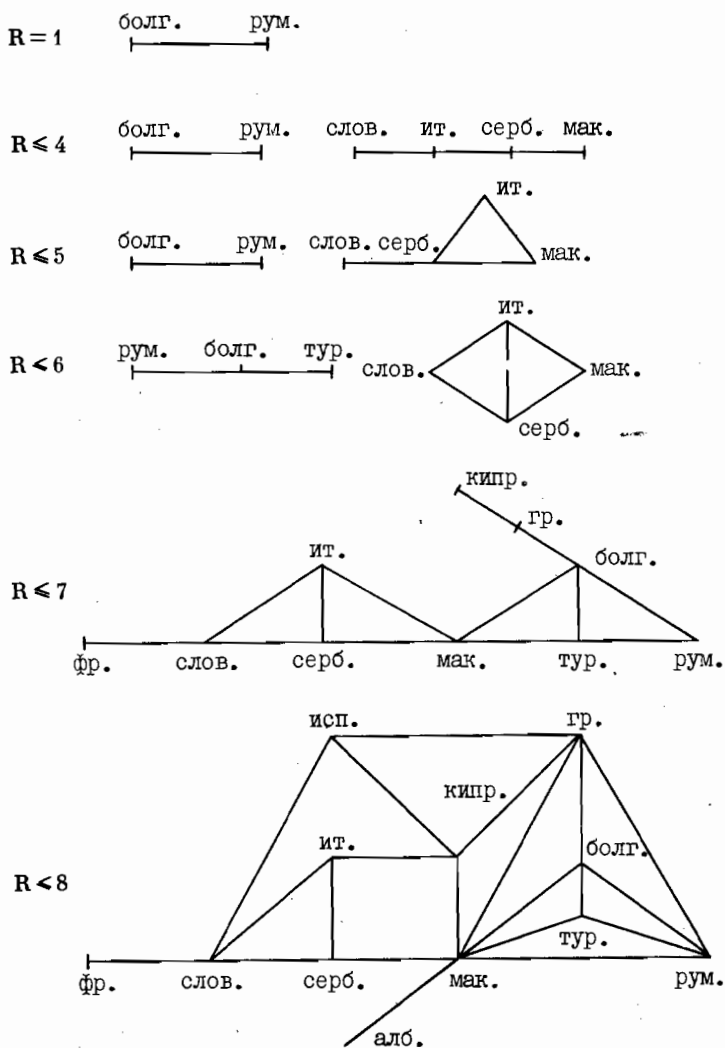
Продолжая этот процесс до конца, мы получим последовательное объединение фонологических систем рассматриваемых языков в зависимости от типологического сходства между ними.

При графическом изображении видна не только последовательная "кристаллизация" типа, но и характер и число связей фонологической системы каждого языка при увеличении расстояния (т.е. уменьшения сходства) между ними (см. рис. 1).

Объединение фонологических систем в зависимости от расстояния между ними можно представить и по-другому²⁹: отложим слева шкалу расстояний, так что объединение языков происходит на уровне соответствующего расстояния (см. рис. 2). Так, румынский и болгарский язык объединяются в одну группу на расстоянии в один признак, к ним на расстоянии в 6,5 признаков присоединяется турецкий язык, эта группа в свою очередь объединяется на расстоянии в 10 признаков с группой "греческо-сербско-хорватской", внутренняя структура которой отчетливо видна на рисунке.

Любопытно, что французский язык оказывается максимально удаленным от всех остальных языков этого ареала - по крайней мере с точки зрения парадигматического аспекта фонологической системы. Мера отличия его от остальных языков превосходит половину, так что можно сказать: фонологическая система французского языка не принадлежит к типу Балканско-Средиземноморских.

²⁹ Метод такого представления впервые применен в лингвистике Г.Альтманом: G. A l t m a n n. Die phonologische Profilähnlichkeit. Ein Beitrag zur Typologie phonologischer Systeme der slawischen Sprachen. "Phonetica", 24, 1971, стр.19.

Р и с. I. Македонский связан с 8 языками, греческий - с 5, румынский, болгарский, словенский, итальянский, кипрский - с 4, турецкий, испанский, итальянский, сербохорватский - с 3 и французский - с 1.

Т а б л и ц а 1. Матрица идентификации фонем албанского языка

	ṙ	p	b	m	f	v	t	d	n	s	z	θ	δ	š	ž	k	č	š	č	c	z	
S	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
V	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
C	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Cr	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+
A	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
H	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-
L	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
B	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
R	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
D	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	+	+	+	-	-	-
N	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Lt	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Cn	+	-	-	-	+	+	-	-	-	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
Vc	+	-	+	+	-	+	-	+	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+	-	-	+	+
St	-	-	-	-	+	+	-	-	-	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+
T	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Т а б л и ц а 2. Матрица идентификации фонем болгарского языка

	j	t	t'	d	d'	c	c	з	s	s'	z	z'	n	n'	p	p'	b	b'	f	f'	v	
S	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
V	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
C	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Cr	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
A	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
H	+	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-
L	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
B	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
R	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-
D	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-
N	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Lt	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Cn	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
Vc	+	-	-	+	+	-	-	+	-	-	+	+	+	+	-	-	+	+	-	-	-	+
St	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
T	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

	n	k	g	h	j	r	l	f	i	u	u	e	e	o	a
-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
+	+	+	-	+	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-
-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+
-	+	+	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	+	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	+	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

	v	m	m'	č	č'	š	š'	k	k'	g	g'	x	x'	e	ɛ	o	i	u	a	r	r'	l	l'
-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	-	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-	+	+	-	-	+	-	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	+	-	-	+	+	-	+	-	+	-	-	-	-
-	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-
-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	-	+	-	+	+	-	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	-	-	+	+	+	+	-	-	-	g	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Т а б л и ц а 3. Матрица идентификации фонем греческого языка

	a	e	o	p	b	m	m'	f	v	t	d	n	n'	c	з	s	z	θ	υ	j
S	+	+	+	-	-	+	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+
V	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
C	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Cr	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-
A	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-
H	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+
L	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
B	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
R	-	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
D	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
N	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-
Lt	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Cn	+	+	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
Vc	+	+	+	-	+	+	+	-	+	-	+	+	+	-	+	-	+	-	+	+
St	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-
T	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Т а б л и ц а 4. Матрица идентификации фонем испанского языка

	p	b	f	β	t	d	θ	υ	s	ç	ž	x'	k	g	x	γ	m	ɱ	n	ɲ	ñ
S	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
V	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
C	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Cr	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-
A	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-
H	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+
L	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
B	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-
R	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
D	+	+	-	-	-	-	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-
N	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
Lt	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Cn	-	-	+	+	-	-	+	+	+	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	+	-
Vc	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	+	+	+	+	+
St	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-
T	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

x'	k'	g'	γ'	k	g	x	γ	η	r	l	l'	i	u
-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-
+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-
+	-	-	+	-	-	+	+	-	+	+	+	+	+
-	-	+	+	-	+	-	+	+	+	+	+	+	+
-	-	-	+	-	+	-	-	+	+	+	+	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

ñ	l	λ	l	r	r̄	ω	j	i	e	a	o	u
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
-	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
-	+	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-
+	-	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	+
-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	+
-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-

Т а б л и ц а 5. Матрица идентификации фонем итальянского языка

	p	b	f	t	d	c	з	s	z	ǃ	ǃ'	ǃ''	k'	g'	k	g	m	n	ŋ	η	v	ʃ	
S	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-	-
V	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
C	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-
Cr	-	-	-	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
A	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	-	-
H	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	+	+	-	-	-
L	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
B	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-
R	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
D	+	+	-	-	-	-	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
N	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-
Lt	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Cn	-	-	+	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
Vc	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+
St	-	-	+	-	-	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
T	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Т а б л и ц а 6. Матрица идентификации фонем кипрского диалекта

	p	p ^h	b	t	t ^h	d	ǃ	ǃ ^h	ǃ''	s	z	ǃ'	ǃ''	f	v	k	ǃ'	k ^h	k ^h	k ^h	g	
S	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
V	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
C	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Cr	-	-	-	+	+	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
A	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
H	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+
L	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
B	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
R	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
D	+	+	+	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-
N	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Lt	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Cn	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
Vc	-	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-	+
St	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
Ht	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-
T	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

w	r	l	λ	j	i	ê	e	a	ô	o	u
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-

греческого языка

θ	ν	χ	γ	σ	π	ñ	η	ρ	λ	j	i	e	a	o	u
-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-
+	+	-	-	-	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
+	+	-	-	+	+	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-
-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	-	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	+	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+
-	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Т а б л и ц а 7. Матрица идентификации фонем македонского языка

	t	d	c	з	s	z	n	р	р	b	f	v	m	џ	џ	џ'	џ'	k	g	h	r	
S	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+
V	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
C	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+
Cr	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
A	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+
H	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-	-
L	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
B	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-
R	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
D	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
N	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Lt	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Cn	-	-	-	-	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
Vc	-	+	-	+	-	+	+	+	-	+	-	+	+	-	+	-	+	-	+	+	+	+
St	-	-	+	+	+	+	-	-	-	+	+	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
Ht	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
T	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Т а б л и ц а 8. Матрица идентификации фонем румынского языка

	a	e	i	ă	î	o	u	p	p ^h	p'	b	b ^h	m	m ^o	m'	f	f'	v	v'	t	t ^h	
S	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
V	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
C	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Cr	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
A	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
H	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	+	-	+	-	+	-	-	-
L	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
B	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
R	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
D	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
N	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
Lt	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Cn	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-
Vc	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	+	+	+	-	-	+	+	+	-	-
St	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-
Ht	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
T	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	+

l	λ	j	i	u	e	o	a	ʌ	ʒ
+	+	+	+	+	+	+	+	-	-
+	+	-	+	+	+	+	+	-	-
+	+	-	-	-	-	-	-	+	+
+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	+	+	+	+	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
-	-	-	-	+	-	+	-	-	-
-	-	-	-	+	-	+	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	-	+
-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

t'	t°	d	d ^h	d'	d°	n	ñ	n°	s	s'	s°	z	z'	z°
-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+
+	-	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	+	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	-	-	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+
-	-	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-

Таблица 8 (окончание)

	č	č'	ž	ž'	š	š'	š'	с	с'	с'	з	з'	з'	к	к ^h	к'	к'	г	г ^h	г'	г'	
S	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
V	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
C	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-
Cr	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	+	-
A	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
H	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
L	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
B	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+
R	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+
D	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
N	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Lt	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Cn	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Vc	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+
St	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ht	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-	-
T	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 9. Матрица идентификации фонем сербско-хорватского языка

	t	d	c	з	s	z	p	b	f	č	ž	š	ž'	č'	ž'	k	g	m	n	ñ	η	
S	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	
V	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
C	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Cr	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
A	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-
H	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	+	+	-
L	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
B	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	+	-
R	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
D	-	-	-	-	-	+	+	-	+	+	-	-	+	+	-	-	+	-	-	-	-	-
N	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
Lt	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Cn	-	-	-	-	+	+	-	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Vc	-	+	+	+	-	+	-	+	-	+	+	-	+	-	+	-	+	+	+	+	+	+
St	-	-	+	+	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
Ht	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
T	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

h	h'	h ^o	l	l'	l ^o	r	r'	r ^o	b'	z	z'	z ^o	n ^s
+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+
-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	+	-	-	+	-	+	-	+	-	+
-	-	+	-	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	+	+	-	-	+	-	-	-	+	-	z	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	-
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

h	v	j	r	l	λ	e	o	i	u	a
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
-	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-
-	-	+	-	-	+	-	-	+	+	-
+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
+	+	-	-	-	-	-	+	-	+	-
-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-
-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Т а б л и ц а 10. Матрица идентификации фонем словенского языка

	p	b	f	c	ž	t	d	s	z	č	š	š'	ž'	k	g	h	γ	m	n	ň	η
S	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
V	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
C	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Cr	-	-	-	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
A	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-
H	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	+	+
L	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
B	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	+
R	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
D	+	+	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
N	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
Lt	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Cn	-	-	+	-	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-
Vc	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+	+	+	+
St	-	-	+	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Ht	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
π	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Т а б л и ц а 11. Матрица идентификации фонем турецкого языка

	p	b	f	v	t	d	s	z	š	ž	č'	š'	k'	g'	x'	γ	k	g	x	γ	m
S	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
V	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
C	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Cr	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
A	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
H	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-
L	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
B	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-
R	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
D	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	+
N	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
Lt	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Cn	-	-	+	+	-	-	+	+	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	+	+	-
Vc	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+
St	-	-	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ht	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
T	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

r	l	λ	w	v	j	i	ê	e	ə	a	o	ô	u
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-
-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-

n	ñ	η	h	w	j	l	l	r	a	e	i	î	o	ö	u	ü
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
+	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
+	-	-	-	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
-	+	+	-	-	+	-	+	-	-	-	+	+	-	-	+	+
-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+
-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Т а б л и ц а 12. Матрица идентификации фонем французского языка

	p	b	v	f	t	d	s	z	ʃ	ʒ	k	g	m	n	ɲ	l	r	w	ʎ	j	i	
S	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
V	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	+
C	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
Cr	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-	+	+	-	-	-	-	-
A	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	-	+	+	+	+	-	-	-
H	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+	-
L	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
B	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-
R	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-
D	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
N	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
Lt	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
Cn	-	-	+	+	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+
Vc	-	+	+	-	-	+	-	+	-	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
St	-	-	+	+	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
T	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ht	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Т а б л и ц а 13

признак язык	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
Албан.	1	1	1	0	0	0	1	0	0	0	1	0	1	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	1
Болг.	1	1	1	1	0	1	0	0	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0	1	0
Греч.	1	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	1	1	0	0	1	0	0
Исп.	1	1	1	1	1	1	0	1	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	0	1	0	0	1	0	0
Ит.	0	0	1	1	1	1	0	1	1	1	0	0	1	1	0	1	0	1	0	0	0	1	0	1	0
Кипр.	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	1	1	0
Мак.	1	1	1	1	1	1	0	0	1	0	1	0	1	1	0	1	0	1	0	0	0	1	0	1	0
Рум.	1	1	1	1	0	1	0	0	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0	1	0
Серб.	0	1	1	1	1	1	0	1	1	0	0	0	1	1	0	1	0	1	0	0	0	1	0	0	1
Словен.	0	0	1	1	1	1	0	1	1	1	0	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
Тур.	1	1	1	0	0	1	0	0	1	0	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	0
Франц.	0	0	0	0	1	0	1	1	1	1	0	0	1	1	1	1	0	0	0	0	1	1	1	0	0

ê	e	u	ô	o	ü	ɔ	œ	a	ɑ	ə	ẽ	õ	ẽ̃	ã
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+
-	-	+	+	+	-	-	-	+	+	-	+	-	-	-
-	-	+	+	+	+	+	-	-	+	-	+	+	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Т а б л и ц а 14

	Алб.	Болг.	Греч.	Исп.	Ит.	Кипр.	Мак.	Рум.	Серб.	Словен.	Тур.	Франц.
Алб.	х	13	14	13	13	11	8	14	9	15	11	14
Болг.		х	7	12	10	10	7	1	12	10	6	17
Греч.			х	8	9	7	8	8	11	9	9	14
Исп.				х	10	8	11	13	10	8	10	13
Ит.					х	8	5	11	4	4	10	9
Кипр.						х	7	9	10	10	10	13
Мак.							х	8	4	9	7	14
Рум.								х	13	11	7	18
Серб.									х	6	10	11
Словен.										х	10	7
Тур.											х	13
Франц.												х

Т а б л и ц а 15.

	Алб.	Болг.-рум.	Греч.	Исп.	Ит.	Кипр.	Мак.	Серб.	Словен.	Тур.	Франц.
Алб.	х	13,5	14	13	13	11	8	9	15	11	14
Болг.-рум.		х	7,5	12,5	10,5	9,5	7,5	12,5	10,5	6,5	17,5
Греч.			х	8	9	7	8	11	9	9	14
Исп.				х	10	8	11	10	8	10	13
Ит.					х	8	5	4	4	10	9
Кипр.						х	7	10	10	10	13
Мак.							х	4	9	7	14
Серб.								х	6	10	11
Словен.									х	10	7
Турц.										х	13
Франц.											х

Т а б л и ц а 16

	Алб.	Болг.-рум.	Греч.	Исп.	Ит.	Кипр.	Мак.-серб.	Словен.	Тур.	Франц.
Алб.	х	13,5	14	13	13	11	9	15	11	14
Болг.-рум.		х	7,5	12,5	10,5	9,5	10,5	10,5	6,5	17,5
Греч.			х	8	9	7	9	9	9	14
Исп.				х	10	8	10,5	8	10	13
Ит.					х	8	4	4	10	9
Кипр.						х	8	10	10	13
Мак.-серб.							х	7	9	12
Словен.								х	10	7
Тур.									х	13
Франц.										х

Т а б л и ц а 17

	Алб.	Болг.-рум.	Греч.	Исп.	Ит.-слов.	Кипр.	Мак.-серб.	Тур.	Франц.
Алб.	х	13,5	14	13	14	11	9	11	14
Болг.-рум.		х	7,5	12,5	10,5	9,5	10,5	6,5	17,5
Греч.			х	8	9	7	9	9	14
Исп.				х	9	8	10,5	10	13
Ит.-слов.					х	9	5,5	9	12
Кипр.						х	8	10	12
Мак.-серб.							х	9	12
Тур.								х	13
Франц.									х

Т а б л и ц а 18

	Алб.	Болг.-рум.	Греч.	Исп.	Ит.-мак.-серб.	Кипр.	Словен.	Тур.	Франц.
Алб.	х	13,5	14	13	10	11	15	11	14
Болг.-рум.		х	7,5	12,5	10,17	9,5	10,5	6,5	17,5
Греч.			х	8	9,3	7	9	9	14
Исп.				х	10,3	8	8	10	13
Ит.-мак.-серб.					х	8,3	6,3	9	11,3
Кипр.						х	10	10	13
Словен.							х	10	7
Тур.								х	13
Франц.									х

Т а б л и ц а 19

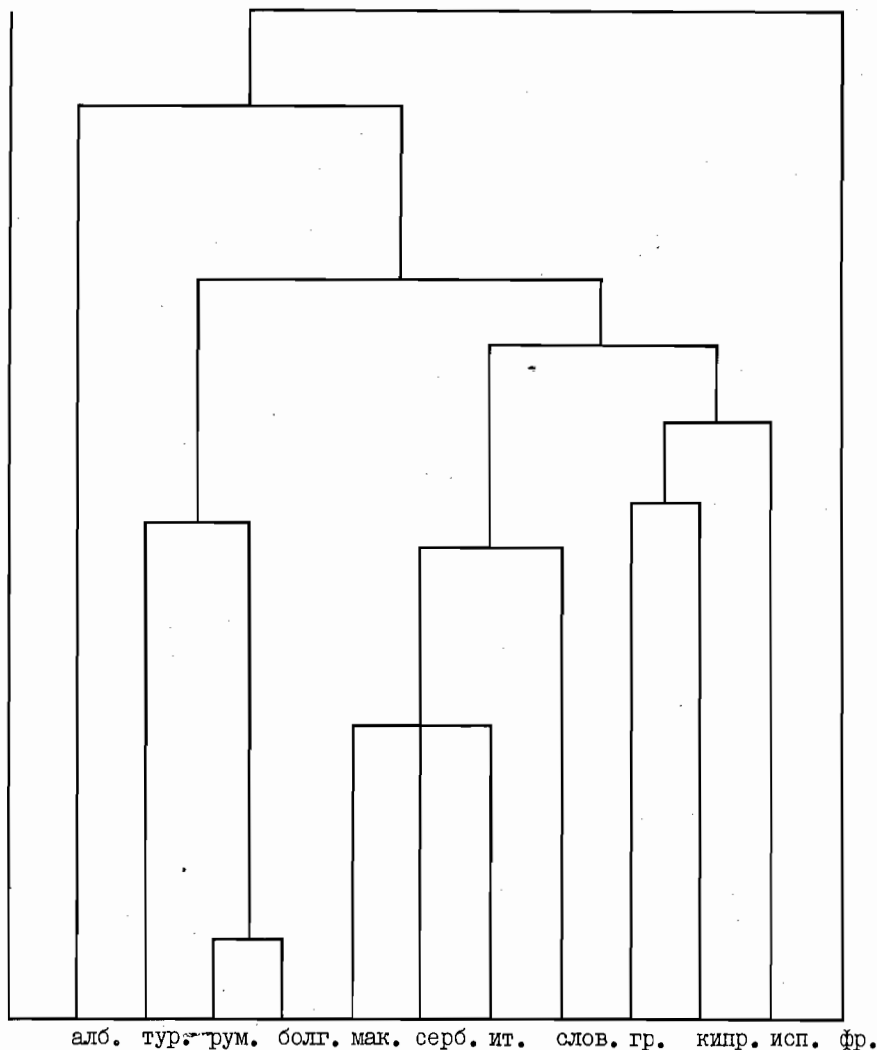
	Алб.	Болг.-рум.	Греч.	Исп.	Ит.-слов.-вен.-серб.	Кипр.	Тур.	Франц.
Алб.	х	13,5	14	13	11,5	11	11	11
Болг.		х	7,5	12,5	10,5	9,5	7,5	17,5
Греч.			х	8	9	7	9	14
Исп.				х	9,75	8	10	13
Ит.-слов.-мак.-серб.					х	8,5	9	12
Кипр.						х	10	13
Тур.							х	13
Франц.								х

Албанский язык соотносится со всеми языками этого ареала, находясь - судя по первой матрице расстояний - ближе всего к македонскому и сербско-хорватскому языкам.

Греческий язык и его кипрский вариант разошлись больше, как это видно на приведенной схеме, чем македонско-сербско-хорватско-итальяно-словенская группа, но все же они образуют подъядро, к которому в дальнейшем присоединяется испанский язык. Греко-испанская группа, в отличие от остальных, характеризуется территориальной разорванностью - она объединяет географическую периферию этого ареала.

С точки зрения парадигматической структуры фонологических систем в ареале Балканского полуострова и Средиземноморья максимально плотную зону связанности образуют болгарский и румынский языки, затем следует достаточно тесно связанная зона македонско-сербско-хорватско-итальянского языков.

На уровне тесной связи - менее 8 различных признаков, т.е. менее трети возможного расстояния - здесь выделяется три подъядерных

Р и с. 2

группы: румынско-болгарско-турецкая, македонско-сербско-хорватско-словенско-итальянская и греческо-кипрская.

В дальнейшем испанский язык сближается с греческо-кипрской группой, и - интересно - "греческо-испанская" группа оказывается несколько ближе к "сербской", чем к "болгарской" группе, албанский же язык присоединяется к "турецко-македонско-греческой" группе в целом. Французский язык остается за пределами этого объединения.

Итак, можно сказать, что на основании чисто типологического анализа фонологических систем в их парадигматическом аспекте можно, во-первых объективно выделить языки, не принадлежащие данному языковому союзу (как, например, здесь остался вне союза французский язык).

Во-вторых, по степени сходства между системами можно определить центр и периферию языкового союза. На Балканах центр образуют — при учете только фонологической парадигматики — болгарский и румынский языки.

В-третьих, сходство фонологических систем языков Балканского союза при всех их индивидуальных различиях характеризуется высокой степенью единства суперструктуры. Это может служить объяснением легкости взаимного "фонетического перевода" общего лексического фонда этих языков — и соответственно характерной для них моносистемности фонологического уровня.

ИСТОЧНИКИ ОПИСАНИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

А л б а н с к и й я з ы к :

А.В. Д е с н и ц к а я. Некоторые вопросы изучения фонетики современного албанского языка. "Романо-германская филология". Л., 1957, стр. 169-182.

V. V u b e n. Problèm epìsovne albanštiny. "Časopis pro moderni filologie", XXXVII, 1955, стр. 14 и далее

Sh. D e m i r a j. Çeshtje të sistemit emëror të gjuhës shqipe. Tirana, 1972.

L. N e w m a r k. Structural grammar of Albanian. Bloomington, 1957.

P.G. P e t r o t t a. Popolo, lingua e letteratura albanese. Palermo, 1932.

Б о л г а р с к и й я з ы к :

Л. А н д р е й ч и н, Н. К о с т о в, Е. Н и к о л о в. Български език. София, 1964.

М. Г е о р г и е в а. Български сценичен говор. София, 1961.

Н. К о с т о в. Двойни съгласни в български книжовен език. "Известия на Института за български език". София, кн. 5, 1954.

М.И. М а т у с е в и ч. Экспериментально-фонетическое исследование согласных болгарского языка. — КСИС 15. М., 1955, стр. 3-16.

Ц. М л а д е н о в. Към проблемата за фонемния състав на българския книжовен език. "Български език", № 3, 1965, стр. 225-235.

Х. П ъ р в е в. Фонетична транскрипция на книжоезиков текст. "Български език и литература", № 3, 1964, стр. 55-63.

С. С т о й к о в. Увод във българската фонетика. София, 1964.

Ф. Х р и с т о в. Някои особености на гласните фонемии в българския книжовен език. "Български език", 1963, № 1, стр. 22-27.

H. L. K l a g s t a d. The phonemic system of colloquial standard Bulgarian. "The Slavic and East European Journal", 1958, v. 16, N1, стр. 41-52.

E. K o s c h m i e d e r. Bemerkungen zur Aussprache des Bulgarischen. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen", 1951, B. 69, H. 3-4, стр. 216-224.

J. L e h i s t e, J. P o p o v. Akustische Analyse bulgarischen Silberkerne. "Phonetica", v. 21, N 1, 1970.

S. S t o j k o v. Fonologická hodnota souhlásek ž, ť, a ch. ve spisovné bulharštině. "Slavica pragensia", 1962, N 4, стр. 107-110.

Г р е ч е с к и й я з ы к:

Д. Д. Б а к о л а с. Консонантизм новогръчешкого языка. Киев, 1973.

R. B r o w n i n g. Medieval and modern Greek. London, 1969.

A. M i r a m b e l. La langue grecque moderne. Description et analyse. Paris, 1959.

A. M i r a m b e l. Gramaire de grec moderne. Paris, 1969.

A. M i r a m b e l. Semi-voyelles en grec moderne. - BSL, 1970, t. 65, fasc. 1, стр. 139-178.

И с п а н с к и й я з ы к:

Н. П. К а р п о в. Фонетика испанского языка. М., 1969.

E. A l a r c o s L l o r a s h. Fonología española. Madrid, 1961.

A. A l o n s o. De la pronunciación medieval e le moderna en español. Madrid, 1955.

J. W. H a r r i s. Spanish phonology. Cambridge-London, 1969.

T. N a v a r r o. Manual de pronunciación española. Madrid, 8 ed. 1957.

A. Q u i l i s y J. F e r n a n d e z. Curso de fonética y fonología españolas. Madrid, 1972.

И т а л ь я н с к и й я з ы к:

F. A g a r d a n d R. P i e t r o. The sounds of English and Italian. Chicago-London, 1965.

K. L i c h e m. Phonetik und Phonologie des heutigen Italienisch. Berlin, 1970.

Ž. M u l j a ċ i ć. Fonologia generale e fonologia della lingua italiana. Bologna, 1969.

M. S a l t a r e l l i. A phonology of Italian in a generative grammar. The Hague-Paris, 1970.

К и п р с к и й д и а л е к т г р е ч е с к о г о я з ы к а:

B. N e w t o n. Cypriot Greek. Its phonology and inflections. The Hague-Paris, 1972.

М а к е д о н с к и й:

Б. К о н е с к и. Грамматика на македонскиот литературен јазик. Дел. I, Скопје, 1952.

В. М. М а р к о в. Значения о неорганических гласных в македонском и русском языках. "Манед. јазик", Скопје, 1967, год. 18, стр. 39-45.

H. G. L u n t. A grammar of the Macedonia literary language. Skopje, 1952.

W. M a t t e w s. The phonemes of Macedonian. "Le Maître Phonétique", 1957, стр. 3 ff., 1958, стр. 108 ff.

J. P a š e s o v á. Some remarks on the palatal plosives in Macedonian. "Les Études balkaniques tchécoslovaques", I, 1966. Praha, 33-38.

Р у м ы н с к и й я з ы к:

E. P e t r o v i c i. Kann das Phonemsystem einer Sprache durch fremden Einfluss umgestaltet werden? Zum slavischen Einfluss auf das rumänische Lautsystem. 'S-Gravenhage, 1957.

Recherches sur les diphtongues roumaines. Bucarest-Copenhague, 1959.

A. R o s e r i c - A l e x a n d r e s c u. Fonostatistica limbii române. București, 1968.

E. V a s i l i u. Fonologia limbii române. Bucuresti, 1965.

С е р б с к о - х о р в а т с к и й я з ы к:

Б. М и л е т и ћ. Основи фонетике српског језика. Београд, 1960.

А. М л а д е н о в и ћ. Самогласно "љ", "њ", и "м" у српско-хрватском книжевном језику, "Зборник за филологију и лингвистику". Нови сад, 1964, № 7.

Т. С т е в а н о в и ћ. Савремени српскохрватски језик, т. I, Београд, 1970.

D. B r o z o v i ć. Sull' inventario dei fonemi serbocroati e i loro tratti distintivi. Die Welt der Slaven, 1967, N. 2, стр. 161-172.

D. K o s t i ć. Fonološka struktura srpskohrvatskog jezuka, 1964.

С л о в е н с к и й я з ы к:

J. L e h i s t e. The phonemes of slovene. "International Journal of Slavic Linguistics and Poetics", 1961, IV, стр. 48-66.

Z. O š e r z a. Uporebna fonetika. Ljubljana, 1970.

Турецкий язык:

А.Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956.

Э.В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955.

T. V a n g u o ğ l u. Türk gramari. Ankara, 1959.

R.В. L e e s. The phonology of modern standard Turkish. "Uralic and Altaic Series", VI. Indiana, 1961.

A. M o r e r. Grammaire de la langue turque théorique et pratique. Istanbul, 1961.

Французский язык:

М.В. Гордина. Фонетика французского языка. Л., 1973.

L. B o n d y. Orthophonie. Paris, 1968.

P. D e l a t t r e. Studies in French and comparative phonetics. The Hague, 1966.

H.W. K l e i n. Phonetik und Phonologie des heutigen Französisch. München, 1963.

A. M a r t i n e t. La prononciation du français contemporain. Paris, 1945.

S.A. S c h a n e. French phonology and morphology. Cambridge, 1968.

P. S i m o n. Les consonnes françaises. Paris, 1967.

H.A. D e f e r r a r i. The phonology of Italian, Spanish and French. Washington, 1954.

«СРЕДНИЙ РОД» ИЛИ КАТЕГОРИЯ «ОПРЕДЕЛЕННОЙ МАССЫ»?

Создание исторической грамматики албанского языка является одной из наиболее актуальных задач современного албановедения. Хотя отдельные опыты в этом направлении производились и ранее, исследовательская работа в целом продолжает находиться все еще в начальной стадии.

Развернувшиеся за последние двадцать лет диалектологические исследования и наличие значительных по своему объему письменных памятников XVI–XVII вв. создают благоприятные возможности для изучения грамматических явлений в ретроспективе пяти столетий, т.е. в пределах всего новоалбанского периода. Однако для хронологически более ранних этапов – среднеалбанского и древнеалбанского, на протяжении которых осуществлялась постепенная перестройка языковой модели древнеиндоевропейского типа (условно – протоалбанское состояние) в сильно отличающуюся модель индоевропейского языка нового типа, каким является современный албанский, единственным возможным методом исследования оказывается реконструкция промежуточных состояний. Естественно необходимо при этом обращение к праиндоевропейской языковой модели, которая для албанского, как и для любого из языков индоевропейской семьи, может служить отправной точкой при определении направления позднейшей эволюции, ориентиром при исчислении утерянных и новообразованных категорий и форм. Но столь же необходимым, особенно для изучения новообразований, является применение метода внутренней реконструкции, опирающееся на данные языка в его исторически засвидетельствованном состоянии, с учетом показаний письменных памятников, разнообразия диалектных фактов и всей полноты исторических свидетельств, представленных в иноязычных заимствованиях ранней поры. Для изучения процесса становления современной языковой системы первостепенное значение имеет не только реконструкция протоалбанского состояния, которое в общих чертах воссоздается по аналогии с архаичными состояниями других индоевропейских языков, но в еще большей степени реконструкция древнеалбанской языковой системы (ориентировочно период I тысячелетия н.э.), из которой непосредственно вышла система новоалбанского языка. Нельзя забывать о том, что хронологический разрыв между современным состоянием и состоянием протоалбанского языка, предположительно сохранявшего еще характерный общеиндоевропейский облик морфологической структуры, составляет не менее двух тысячелетий.

За это время остатки индоевропейских флективных парадигм могли подвергаться неоднократным изменениям, перегруппировкам, переосмыслениям в процессе их актуального использования, а возникавшие новообразования могли в свою очередь приобретать характер архаизмов. Поэтому опыты неопосредственного возведения элементов современной языковой структуры к формам и категориям индоевропейского праязыка нередко создают лишь видимость исторических объяснений. За кажущейся простотой и ясностью прямолинейных реконструкций — от форм современной языковой системы к индоевропейским праязыковым формам — может скрываться значительно более сложная действительная картина грамматической эволюции.

Так, в частности, более сложной оказывается история морфологической категории новоалбанского языка, традиционно рассматриваемой как непосредственный реликт индоевропейской категории среднего рода.

* * *

К категории среднего рода, выделяемой в грамматиках наряду с мужским и женским родом, относятся существительные, получающие при детерминации специальную форму артикля в именительном и винительном падежах единственного числа. Есть и специальные формы указательных местоимений.

При наличии указанных признаков морфологического характера и с учетом семантических особенностей существительных, относящихся к этому разряду, действительно есть основания говорить о существовании в албанском языке особой грамматической категории, связанной с категорией рода. Но при этом необходимо считаться с ограниченностью и с известной факультативностью употребления соответствующих форм, в отличие от основного противопоставления двух грамматических родов (муж. и жен.), пронизывающего всю систему именного словоизменения и согласования с помощью артиклей.

В состав выделяемой группы имен входят: а) несколько слов предметного значения, б) количественно не ограничиваемый разряд абстрактных существительных, образуемых путем субстантивации прилагательных и причастий.

Относящиеся сюда существительные предметного значения в неопределенном склонении не выделяются особыми признаками. Словоизменение их осуществляется согласно парадигме муж. рода (оформление согласно парадигме жен. рода наблюдается лишь в отдельных говорах). Специфика обнаруживается только при образовании форм им. и вин. падежей ед. числа определенного склонения, в которых эти имена получают особый детерминант — суффиксированный артикль *-të/-t*: неопред. им. вин. *ujë* 'вода' — опред. *ujë-t*, неопред. им. вин. *mish* 'мясо' — опред. *mish-të*. Ср. соответствующие формы муж. рода (так-

же в ед. числе): неопред. им. mal 'гора', lumë 'река' - опред. им. mal-i, lum-i; неопред. вин. mal, lumë - опред. вин. mal-i-n, lum-i-n. В женском роде: неопред. имен. fushë 'равнина' - опред. им. fush-a; неопред. вин. fushë - опред. вин. fushë-n. Параллельно с оформлением на -të/-t, составляющим основной морфологический признак слов так называемого среднего рода, соответствующие имена существительные могут получать оформление также по регулярному типу определенного склонения муж. рода (значительно реже жен. рода): им. ед. uj-i, mish-i, вин. ед. uj-i-n, mish-i-n.

Во множ. числе слова, относимые к среднему роду, не имеют никаких особых формальных признаков.

В атрибутивных сочетаниях, ядром которых являются слова рассматриваемого разряда, находящиеся в ед. числе, зависимый член присоединяется с помощью артикля të или e: ujët të ftohtë 'холодная вода', ujët e pusit 'вода (из) колодца'. Ср. в мужском роде: bari i njomë 'свежая трава', bari i kopështit 'трава (из) сада', в женском роде: rruga e gjerë 'широкая улица', rruga e qytetit 'улица города'.

Следует заметить, что детерминант (суффиксированный артикль) -të/-t, характеризующий формы именительного и винительного падежей так называемого среднего рода в единственном числе определенного склонения, совпадает с общим показателем множественности, оформляющим детерминированные формы множ. числа от любого существительного муж. или жен. рода, напр. miq-të 'друзья', fshatarë-t 'крестьяне', gra-të 'женщины', vajza-t 'девушки'. В отношении форм препозитивного артикля të и e, выступающих при согласовании, вообще господствует грамматическая омонимия.

Формы указательных местоимений këta, ata, согласуемые в им. и вин. падежах ед. числа с существительными ср. рода, например, këta ujë 'эта вода', ata ujë 'та вода', в свою очередь омонимичны формам им. и вин. падежей множ. числа муж. рода, ср. këta male, ata male 'эти (те) горы'.

В литературном языке группа существительных предметного значения, оформляемых в им. вин. ед. числа определ. склонения с помощью суффиксированного артикля -të/-t, включает следующие единицы: неопред. ballë - опред. ballë-t 'лоб; передняя сторона'; brumë - brumët 'тесто, закваска'; djathë - djathët 'сыр'; drithë - drithët 'зерновой хлеб'; dyllë - dyllët 'воск'; dhjamë - dhjamët 'жир'; grurë - grurët 'пшеница'; gjalpë - gjalpët 'масло'; krye - kryet 'голова, верхняя часть, начало'; lesh - leshtë 'шерсть', miell - mielltë 'мука', mish - mishhtë 'мясо'; mjaltë - mjaltët 'мед'; ujë-ujët 'вода'; vaj - vajtë 'растительное масло'.

В диалектах засвидетельствовано также употребление определенных форм bar-t 'трава' (литер. bar-i), bukë-t 'хлеб' (лит. buk-a),

dhallët 'сыворотка', grosht 'фасоль', hit 'зола', kost 'кислое молоко', orizt 'рис', pet 'нить', plet 'навоз', qumështit 'молоко', rrushtë 'виноград', shit 'дождь', vrejt 'желчь'.

Нетрудно заметить, что в этом списке абсолютно преобладают названия веществ. В слове ballë 'лоб' со значением определенной части тела соединяется значение "передняя сторона, нахождение впереди". Тем самым привносится момент обобщенности, граничащий с собирательностью. Аналогично соотношение значений слова krye 'голова' (часть тела) и 'нахождение сверху'.

В языке памятников старобалканской письменности (XVI–XVII вв.) круг имен предметного значения, получавших в ед. числе показатель определенности -të/-t, был несколько шире и значения их отличались большим разнообразием. Можно предполагать, что значение вещества должно было входить составным элементом в какую-то более общую семантическую категорию, получившую некогда, благодаря своей релевантности для языкового сознания, специальное морфологическое оформление в качестве категории грамматической.

На протяжении письменно зафиксированной истории албанского языка совершенно отчетливо прослеживается процесс постепенного сужения круга существительных предметного значения, получавших детерминацию с помощью показателя -të/-t, и вообще процесс убывания значимости в грамматической системе этого морфологического разряда¹. В современном литературном языке (и в большинстве говоров) факультативность употребления наряду с показателем -të/t соответствующих детерминантов муж. рода заметно нарушается и употребление последних становится явно преобладающим. При очевидном архаизме образований с показателем -të/-t тенденция языка к полной ликвидации формального обоснования небольшой группы существительных оказывается закономерно действующей.

Значительно более устойчивы как элемент языковой системы имена действия и качества, детерминируемые в им. и вин. падежах ед. числа также с помощью показателя -t(ë). Имена эти производятся от причастий и прилагательных, причем, помимо постпозитивного детерминанта, в их образовании участвует препозитивный артикль të. Так от причастий соответствующих глаголов образуются: неопред. të bërë – опред. të bërë-t 'деяние, делание', të qënë – të qënët 'бытие', të qeshur – të qeshurit 'смех' и т.п. От прилагательных i bardhë 'белый', i ftohtë 'холодный', i mirë 'хороший, добрый': të bardhë – të bardhë-t 'белое, белизна', të ftohët – të ftohëtit 'холод', të mirë – të mirët 'добро'.

¹ Специально см.: Sh. D e m i r a j. Çështje të sistemit emëror të gjuhës shqipe, Tiranë 1972.

При богатстве словообразовательных средств, характерном для современного албанского языка, этот тип деривации имен действия и качества в настоящее время заметно ослабил свою продуктивность по сравнению с ранненовоалбанским состоянием, засвидетельствованным в текстах XVI-XVII вв. Но и для системы современного языка в принципе сохраняется неограниченная возможность новообразований по этой модели. Кроме того отпричастные имена типа të bërë продолжают использоваться в грамматизованных и полуграмматизованных оборотах с предлогами и без предлогов - për të bërë, me të bërë, një të bërë, së bëri.

Очевидно в системной релевантности этого типа образования производных имен действия и качества следует искать причину того, что на протяжении столетий разряд существительных, получающих в ед. числе определенного склонения особый формант -t(ë), продолжает сохраняться как особая категория, включенная в систему именного согласования. На фоне и понизе не утерянной продуктивности моделей të bërë-t и të mirë-t доживает свой век все более и более редуцируемая группа существительных предметного значения - ujë 'вода', krue 'голова' и др., еще не утерявших возможность получать в им. и вин. падежах определенного склонения, параллельно с детерминантами муж. рода (реже жен.), также детерминант -t(ë), исторически связанный с какой-то особой грамматической категорией.

* * *

Уже в первых грамматических описаниях албанского языка было обращено внимание на наличие особого типа согласования зависимых членов, при условии оформления имен, выступающих в качестве определяемого, специальным показателем -t(ë) в им. и вин. падежах определенного склонения. Естественно, возникала мысль о причастности этого явления к категории грамматического рода, отчетливо представленной в албанском языке основным для его грамматической системы противопоставлением: мужской род - женский род. Хотя аналогия со средним родом латинского, греческого, немецкого и других языков является по существу очень приблизительной, термин "средний род" был введен для обозначения и тем самым для определения привлеченного к себе внимания элемента грамматической системы уже в первом описании албанского языка - в появившейся в начале XVIII в. грамматике Фр.М. да Лечче². В XIX в. наличие ср. рода в албанском языке отметили И.Ксиландер, Т.Рейнгольд, Д.Камарда, Джуз. де Рада, О.Дозон, К.Кристофориди, Сами Фрашери. Все эти авторы ставили воп-

² Fr.M. da L e s s e. "Osservazioni grammaticali nella lingua albanese". Roma, 1716.

рос в синхронном плане, исходя из фактов, представленных в системе языка и продолжая уже установившуюся традицию их интерпретации.

Но высказывалась и иная точка зрения. Так, И.Г.Хан признавал наличие в албанском языке только двух родов — мужского и женского, а формы, относимые другими авторами к ср. роду, определял как формы множ. числа. Он исходил из соответствия показателя -t(ë) общему показателю определенной множественности и полагал, что формы типа ujët 'вода' и kryet 'голова', это собственно формы множ. числа, употребленные в значении единственного. Именно в этом он усматривал особенность соответствующего разряда имен³.

Фр. Бопп, специально искавший в морфологии албанского языка соответствия элементам общиндоевропейской праязыковой структуры, не обнаружил в ней остатков индоевропейского среднего рода⁴. Это не должно было вызывать удивления, так как благодаря далеко зашедшему процессу ослабления и редукции индоевропейских флексий, в особенности при исчезновении такого яркого признака несреднего рода, как формант -s в им. падеже ед. числа, уже в древнеалбанском языке оказались ликвидированы формальные различия между существительными муж. и ср. рода. Что же касается вторичного развития некоторого подобия категории ср. рода, то интерпретация подобного рода явлений у же не лежала в плане интересов Боппа.

Г. Мейер, значительно продвинувший вперед изучение грамматики и лексики албанского языка с позиций индоевропейского сравнительного языкознания, также не идентифицировал рассматриваемые факты с индоевропейской категорией ср. рода. В своем кратком грамматическом очерке он отвел им, однако, определенное место в системе современного языка. Существительные, "получающие в им. и вин. падежах вместо артикля муж. рода i также артикль t, принадлежащий собственно множественному числу", он характеризовал как "собирательные формы множественного, связанные со сказуемым в единственном числе"⁵.

Вопрос о характере и происхождении форм на -t(ë) стал считаться разрешенным после появления в 1897 г. небольшой статьи Х.Педерсена, специально посвященной ср. роду в албанском языке⁶. С этого вре-

³ I. G. H a h n. "Albanesische Studien", Н. II., Jena 1854, стр. 27.

⁴ Fr. B o p p. Über das Albanesische in seinen verwandtschaftlichen Beziehungen. Abhandl. d. Preuß. Akad. d. Wissensch. Phil.-hist. Kl. 1855, стр. 517.

⁵ G. M e y e r. Kurzgefaßte Albanesische Grammatik. Leipzig, 1888, стр. 7 и сл.

⁶ H. P e d e r s e n. Das albanesische Neutrum. — Zeitschr. f. vergl. Sprachforschung, 34, 1897.

мени в албановедении утвердился выдвинутый Педерсеном тезис о том, что в албанском языке сохранилась индоевропейская категория ср. рода и что албанские существительные предметного значения, получающие показатель $-t(\ddot{e})$, непосредственно восходят к индоевропейским или латинским *neutra*.

Авторитет Х. Педерсена и эффект, произведенный его статьей, выводы которой были приняты как окончательные и бесспорные, видимо явились причиной того, что никто до сих пор специально не рассмотрел всей содержащейся в ней аргументации с той точки зрения, насколько она была достаточна для заключения о том, что в албанских формах *ujët* 'вода', *mishtë* 'мясо' действительно сохраняется остаток индоевропейской категории ср. рода. Между тем непосредственное обращение к системе доказательств, предложенной Педерсеном, показало ее неудовлетворительность⁷.

Из всех аргументов, собранных в статье Педерсена, не вызывает сомнений только положение о том, что основное ядро небольшого разряда существительных, выделяемых оформлением с помощью определенного артикля $-t(\ddot{e})$, может восходить к названиям веществ, употреблявшихся в форме множ. числа с конечным $*-\bar{a}$. Это положение основывается на том, что большинство албанских существительных, принадлежащих к так называемому среднему роду, имеет (в неопределенной форме им. и вин. падежей ед. числа) конечное $-\ddot{e}$, восходящее к индоевропейскому неударенному $*-\bar{a}$.

В плане типологии исторического развития индоевропейских языков предложенное Педерсеном объяснение происхождения албанских именных основ с конечным $-\ddot{e}$ - типа *ujë*, *mjaltë*, *ballë* - добавляет новый факт к хорошо знакомой картине образования именных основ ед. числа со значением собирательной множественности.

Для албановедения реконструкция эта явилась известным шагом вперед в исследовании происхождения разряда имен, получающих в определенной форме особый артикль $-t(\ddot{e})$, поскольку Педерсен показал, что они могут восходить, в основной их части, к именам на $*-\bar{a}$, имевшим собирательное значение. Однако к судьбе индоевропейской категории ср. рода, которая в албанском, так же как и в романских языках, оказалась утраченной вследствие исчезновения формальных различий между муж. и ср. родом, построение Педерсена прямого отношения не имеет. Его гипотеза, что формы множ. числа ср. рода подменили собой ставшие почему-то "нетерпимыми для языкового чувства

⁷ См. А. В. Д е с н и ц к а я. Категория собирательности и категория массы в истории албанского языка. - "Вопросы грамматического строя балканских языков". Л., 1976, стр. 61 и сл.

(Sprachgefühl)" синонимичные формы ед. числа и тем способствовали сохранению ср. рода как грамматической категории, кажется, **наивной**.

Итак, укоренившееся мнение о том, что Педерсен доказал непрерывность существования в албанском языке остатков древней общеиндоевропейской категории ср. рода, при ближайшем рассмотрении оказывается плодом недоразумения. Педерсену не удалось привести достаточно убедительных аргументов в пользу этого предположения. Поэтому встает необходимость найти более приемлемое объяснение характера и происхождения тех элементов албанской языковой структуры, за которыми в грамматиках закрепилось название "средний род". Здесь возможны два направления исследования: а) попытаться найти новые аргументы в пользу гипотезы Педерсена и таким образом подтвердить мысль о том, что в албанском языке все же пережиточно сохранилась индоевропейская категория ср. рода; б) определить соответствующие факты как результат грамматического новообразования, возникшего в один из ранних периодов дописьменной истории албанского языка и к настоящему времени в свою очередь ставшего уже в какой-то степени пережиточным явлением.

Недавно появилось специальное исследование известного албанского лингвиста Шабана Демирая "Вопросы именной системы албанского языка"⁸, в основной своей части посвященное проблеме так называемого ср. рода. Ш.Демирай разделяет точку зрения Педерсена и рассматривает историю этой категории в грамматической системе албанского языка как процесс постепенного ослабления, редукции индоевропейской категории ср. рода.

В объяснении происхождения соответствующих фактов албанской грамматики Ш.Демирай не добавляет, однако, ничего нового к концепции Педерсена. Поэтому сказанное выше об основных ее положениях может быть отнесено и к новому их изложению. Как и Педерсен, Ш.Демирай считает историческим ядром албанской категории среднего рода группу существительных предметного значения, имеющих индоевропейские и латинские этимологии. Возникновение формального разряда отпричастных имен действия он рассматривает как вторичный процесс уже собственно внутриалбанского характера.

Значительный интерес в книге Ш.Демирая представляют разделы: "Дезинтеграция среднего рода" и "Средний род в современном албанском языке". Автор прослеживает эволюцию употребления соответствующих форм на протяжении пяти столетий письменно документированной истории албанского языка.

⁸ Sh. D e m i r a j. Çështje të sistemit emëror të gjuhës shqipe. Tiranë, 1972.

В качестве отправного момента принимается состояние языка, отраженное в северноалбанском печатном тексте 1555 г. "Служебнике" ("Misviale", алб. "Meshari") Ѓона Бузука. В этом памятнике зарегистрировано наиболее широкое употребление существительных предметного значения с показателем -t(ë) в им. и вин. падежах определенного склонения. Что касается имен качества и действия, образованных от прилагательных и причастий и снабженных препозитивным артиклем të и постпозитивным -t(ë), то они представлены в огромном количестве, выступая как основное средство передачи соответствующих значений. Таким образом для письменно документированного отрезка истории албанского языка, язык книги Бузука являет собой состояние наибольшей жизненности употребления существительных предметного значения в форме на -t(ë), состояние высокой степени продуктивности типа образования и большой частотности употребления отпричастных имен действия (и соответственно имен качества, обрабатываемых от прилагательных) с показателями "ср. рода". Ш.Демирай прослеживает дальнейшие судьбы этих разрядов имени существительного по текстам XVII-XIX вв. и заканчивает анализом их употребления в произведениях современной художественной литературы. Картина постепенного убывания частотности их употребления, раскрывающаяся в числовых подсчетах, оказывается весьма наглядной. Не говоря уже о группе существительных предметного значения, которая к настоящему времени редуцировалась до минимума, частотность употребления абстрактных существительных с артиклями të и -t(ë) также заметно сократилась. В особенности это коснулось отпричастных имен действия типа të bërët, которые, если не считать грамматикализованных оборотов, имеющих свои особые линии развития, оказались оттесненными с первого плана средств выражения более продуктивными словообразовательными моделями (в особенности с суффиксами -im, -je).

В этой части своего исследования Ш.Демирай убедительно показал процесс постепенного убывания значимости в системе языка разряда существительных, снабженного особым набором грамматических показателей и, следовательно, имевшего некогда особое категориальное значение. Нет оснований отрицать вероятность того, что развитие этого процесса, прослеживаемое по материалам письменных памятников XVI-XX вв., началось значительно ранее, хотя в то же время нельзя не считаться с тем, что в языке книги Бузука употребление отпричастных имен действия с показателями të и -t(ë) находилось еще в состоянии полной актуальности.

Однако все это не может служить аргументом в пользу того, что засвидетельствованный в тексте XVI-XX вв. процесс "дезинтеграции" охватывал реликты именно индоевропейского ср. рода, а не какой-то иной грамматической категории, сложившейся и существовавшей в

более ранние периоды дописьменной истории албанского языка. Факты, установленные Ш.Демираем, остаются в силе также в случае принятия гипотезы о том, что так называемый средний род — это не индоевропейский реликт, но одна из инноваций древнеалбанского периода.

Можно следующим образом суммировать выводы, полученные на основе предшествующего рассмотрения и принимаемые в качестве исходных положений при дальнейшем изучении поставленной проблемы:

1. Не приходится считать доказанным тезис о сохранении в албанском языке индоевропейской категории ср. рода. Кажется более вероятным, что категория эта была утеряна еще в древнеалбанский период. Можно говорить лишь о сохранении индоевропейских собирательных форм с исходом *-ā, выступавших некогда также в функции формы множественного числа при существительных среднего рода.

2. В албанском языке существует группа имен, получающих особый показатель в именительном и винительном падежах определенного склонения (только в ед. числе) и особые формы согласуемых местоимений. К этой группе принадлежит также разряд абстрактных имен (имена действия и имена качества), образуемых путем субстантивации причастий и прилагательных с помощью препозитивного артикля të и постпозитивного -t(ë). Все эти факты говорят о существовании в прошлом определенной грамматической категории, значение и происхождение которой подлежат выяснению.

3. Предполагаемая на основе отмеченных выше фактов грамматическая категория не относилась к числу унаследованных от общеиндоевропейского состояния, но была в свое время одной из инноваций грамматического строя албанского языка. Так как ее оформление тесно связано с системой артиклей, можно предполагать, что это была инновация древнеалбанского периода. На протяжении ряда столетий указанная категория была актуальной для албанской грамматической системы, о чем свидетельствует ее относительная распространенность в текстах XVI-XVII вв. Для современного состояния языка она утратила свою актуальность и употребление ее заметно редуцировалось.

* * *

При исследовании значения грамматической категории, представленной именами, получающими артикль -t(ë), мною был в первую очередь использован полный корпус текста "Службника" Бузука⁹. Этот памятник XVI в., содержащий перевод довольно большого количества отрывков из Библии и Евангелия, очень богат в языковом отношении, что

⁹ "Meshari" i Gjon Buzukut (1555). Botim kritik punuar nga Eqrem Çabej, I-II. Tiranë, 1968.

создает благоприятную возможность для изучения семантики грамматических форм на материале наиболее архаичного из письменно документированных состояний албанского языка. Грамматический разряд имен существительных, составляющий объект настоящего исследования, представлен в нем полнее, чем в каком-либо другом тексте.

Набор существительных предметного значения, употребляемых с артиклем -t(ë), включает, помимо хорошо известных в этом употреблении ujë 'вода', miell 'мука', drithtë 'зерновой хлеб, злаки', grunë 'пшеница', voj 'растительное масло', mish 'мясо', krye 'голова', также слова: klomështë 'молоко', rush 'виноград', unguent 'мазь', drū 'дерево, дрова', fruit 'плод', bark 'чрево' утроба', prehën 'лоно', sū 'глаз', veshë 'ухо', hundë 'нос', gji 'грудь', petëk 'одежда', kopështë 'сад', vor 'гробница', kruo 'источник', djalë 'младенец, мальчик'. К этому списку добавляется несколько неприводных существительных абстрактного значения: anë 'сторона', vjetë 'год', muoj 'месяц', emënë 'имя', faj 'ошибка, прегрешение', gjyq 'суд', penk 'залог', shenj 'знак', varg 'вереница, ряд, оковы'.

Как и в других подобных случаях, здесь необходимо учитывать возможность естественно возникших нарушений последовательности формирования и пополнения лексико-грамматических группировок, вмешательство элемента случайности, связанного с самим характером языковой материи и характером языковых изменений.

И тем не менее, анализ показал¹⁰ наличие значения, объединяющего большинство контекстов, в которых вышеперечисленные имена существительные употребляются с артиклем -t(ë) или со специальными формами местоимений. Оказалось, что значение вещества, выступающее на первый план в современном употреблении имен с показателем -t(ë), было частным по отношению к общему значению определенной, компактной, пространственно ограниченной, целокупной в своей определенности массы вещества или предмета.

Несколько примеров: e tue votë pr udhët erdhnë mbë zhdo ujë; e tha eynuku: Ninjë ujëtë anshtë këtu gatI (Buz. LXV, 247)¹¹, и идя по дороге, пришли к какой-то воде; и сказал евнух: вот вода здесь есть готовая'. Понятие 'воды' дано здесь не вообще как название вещества, но как определенная, ограниченная масса вещества, которая в своей целокупности предназначена для особого употребле-

¹⁰ Подробнее см.: Категория собирательности и категория массы в истории албанского языка. "Вопросы грамматического строя балканских языков", Л., 1976.

¹¹ Римскими цифрами дается нумерация листов оригинала, арабскими - нумерация страниц в издании Э.Набея "Meshari" i Gjon Buzukut (1553). т. II, Tiranë, 1968.

ния (как резервуар с водой, подходящий для обряда крещения). Также не вообще 'зерновой хлеб, злаки', но 'масса хлебных злаков, выросшая на определенном участке', имеется в виду в предложениях: kur u rit drithëtë (Buz. IXL, 105) 'когда выросла нива', mos shkulinjtë edhe drithëtë 'не вырвите хлебные злаки', т.е. ту определенную массу злаков, которая проросла плевелами.

В качестве определенной массы детерминируется в слове drütë (неопр. drū) понятие 'дерево (как материал)': e përeu drütë për sakrificit... E muor Abraam drütë e sakrificit e ja vu Isaakut birit t'i ngarkuom (Buz. LXI, 233) 'и нарубил дерева для жертвоприношения... И взял Авраам дерево жертвоприношения и нагрузил его на Исаака, сына своего'. Речь идет об ограниченном количестве древесного материала, предназначенного для жертвенного костра, о его компактной массе, нагружаемой на спину одного человека.

В группе названий частей тела прежде всего обращает на себя внимание часто встречающееся существительное mish —опред. mishtë 'мясо=плоть', понятие которого соотносится с определенной человеческой особью и противопоставляется понятию 'духа': përsë mishtë dëshëron kondra shpirtit, e shpirti kondra mishit (Buz. LXXVIII, 293) 'ибо плоть желает вопреки духу, а дух вопреки плоти'. Понятие телесной массы, также противостоящей понятию духа, заключено также в слове barkëtë (неопред. bark) 'чрево, утроба', ср. e zoti i tyne anshëtë barkëtë e tyne 'и господин их есть их чрево' (Buz. LXXXII, 313).

Показателем -të постоянно (как и в современном языке) детерминируется существительное krye 'голова'. В этом сказывается концепция значения 'головы' как 'верхней части, вершины тела', тем самым также своего рода ограниченной, компактной массы. Благодаря такой концепции прямое предметное значение 'головы' (часть тела), как и во многих других языках, в албанском легко осложняется значениями переносного характера, сводящимися в конечном счете к абстрактному значению 'главенства, высшей степени чего-либо'. Яснее всего значение... 'верхней части', концентрирующей в себе массу соответствующего качества, выступает там, где конкретное значение слова 'голова' совсем растворено в переносном абстрактном значении, например: e lypnjenë e duonë kryetë e tryesëvet mbë darkë (Buz. XLVII, 139) 'и просят и желают место во главе столов (буквально: 'голову столов') за трапезой'.

Из других названий частей тела в тексте Бузука форму с артиклем -të получают sū 'глаз', veshë 'ухо', hundë 'нос'. Видимо, понятие парности этих органов, при отсутствии в языке двойственного числа, так же передавалось с помощью категории ограниченной массы, причем вычленение понятия 'один глаз', 'одно ухо', 'одна нозд-

ря' в сущности оказывалось несущественным. Важно было понятие целокупности, единства соответствующих органов, связанное с выполнением каждой парой своей функции, напр.: E luqera e korpit tit anshtë sytë tat (Buz. LXXXVII, 375) 'и светильник тела твоего есть глаз твой'.

Значением пространственной ограниченности, известной объемности и соответственно возможности служить вместилищем, определялось употребление в форме на -të существительных kopështë 'сад', vor 'гробница', anë 'сосуд'; значение ограниченной массы, определенным образом облекающей предмет, могло быть основанием употребления в форме на -të существительного retëk 'одежда'.

Иная концепция определенной массы могла выражаться в частом употреблении в форме на -të существительного djalë 'младенец'. В современном языке djalë, опред. djali устойчиво входит в категорию муж. рода, со значениями 'мальчик, юноша, сын'. В языке Бузука преобладает употребление в форме на -të - djalëtë. О первичности значения 'младенец' говорит также этимология¹². Характер основы (с исходом -ë < *-ā) позволяет усматривать в слове djalë древнее собирательное с формантом *-ā; переход от значения собирательности к значению единичности представляет собой исторически довольно обычное явление. Употребление с артиклем -të (djalëtë) показывает связь категории массы, реконструируемой здесь в качестве инновации ранней истории албанского языка, с древней категорией собирательности, унаследованной от индоевропейской грамматической системы. По-видимому еще в староалбанском языке основным было значение 'дита=потомство', легшее в основу последующего развития значений 'сын, мальчик, юноша'.

Слово fruit - опред. frujtit 'плод', употребляется также в значениях 'совокупность плодов, результат', от которых протягивается линия связи к абстрактным значениям таких существительных, как vjetë 'сад', emënë 'имя', faj 'вина, проступок', gjyq 'суд'. Хотя речь идет явно об одном годе, в ряде контекстов дается форма vjetëtë, благодаря чему в центр внимания ставится не понятие единицы, но понятие определенной массы времени: e kur anshtë vjetëtë e thätë (Buz. XLVIII, 141) 'и когда бывает сухой год', т.е. 'засуха'.

Форма emënitë встречается в большом количестве типовых контекстов, например: e shenjt anshtë emënitë e tî (Buz. XII, 27) 'и свято имя его'.

¹² От индоевр. *dhē(i)- 'сосать, кормить грудь' (E. Ç a b e j. "Studime rreth etimologjisë së gjuhës shqipe". Bul. i Univ. të Tiranës. Ser. Shk. Shoq., 1961, 2, стр. 62-63).

В значении слова 'имя' заключено понятие результата действия наименования, ставшего качественным признаком определенного лица или предмета. Хотя алб. emën, относящееся к древнейшему слою лексики, унаследованному от индоевропейского состояния, собственно не является ни именем качества, ни именем действия, в семантической системе староалбанского языка оно очевидно стояло в общем ряду с такими именами качества, как të madhtë 'величие', образованными от прилагательных, ср. параллельные контексты; kloftë festuom emënitë tat (Buz. XIX, 53) 'да прославится имя твое' и përse të madhtë e ti të qëndronjë ndë dhët tanë (Buz. VIII, 15) 'чтобы величие его утвердилось в нашей земле'.

Подобного рода значения непроемных абстрактных имен близко соприкасаются с категориальными значениями имен качества и действия, образуемых от прилагательных и причастий при помощи препозитивного артикля të и детерминируемых в вин. и им. падежах ед. числа артиклем -të.

Очень характерными для языка Бузука являются употребления типа: përse aj të die me zgjedhunë të keqtë e me marë të mirëtë (Buz. XV, 37) 'ибо он сумеет различить плохое и взять хорошее'; e grishi Zotynë dritënë ditë e t erëtitë natë (Buz. LIX, 227) 'назвал Бог свет днем и тьму (t erëtitë) ("ночью")'; e u dukte të thatë... E grishi Zotynë të thatëtë dhe (Buz. LIX, 227) 'и показалась суша ('сухое, сухость')... И назвал Бог сушу землей'.

Во всех случаях здесь передается понятие определенной массы качества, которая представляется не как точка в пространстве, и не как бесконечная протяженность, но как известным образом ограниченная величина. В этом смысле понятия зла, добра, темноты, сухости не являются в полной мере абстрактными; степень абстрагированности их ограничена определенными элементами вещественного значения, которое проявляется через концепцию массы качества (как своего рода 'вещества'). Таким образом të thatëtë — это не вообще 'сухость', но ограниченная, компактная масса чего-то сухого; отсюда ясен переход к значению 'суша', противостоящему значению 'воды' как 'водного пространства' также выступающего как определенная, не безграничная масса.

Характерной формальной особенностью данного типа имен качества, образуемых от прилагательных (то же относится и к именам действия, образуемым от причастий) является двойная детерминация. Препозитивный артикль të — это обязательный элемент формы, так как только с его помощью может быть осуществлена сама процедура конверсии, ср. прилагательное i mirë 'добрый; хороший', наречие mirë 'хорошо' — существительное të mirë 'добро'. В то же время имена качества, образуемые от прилагательных при помощи препозитивного артикля të,

получают, подобно всем другим существительным, возможность постпозитивной детерминации. Принадлежа к особой грамматической категории, которая здесь обозначена как категория массы, они получают такое же оформление, как и имена типа ujë 'вода', mish 'мясо, плоть' и др. Модели ujë - ujëtë, mish - mishtë соответствует модель të mirë - të mirëtë, të keq - të keqtë. Категориальной общности соответствует и общность парадигмы.

Не раз уже отмечалась связь между значениями собирательности (в сфере предметных значений) и абстрактными значениями. Эта связь может быть удовлетворительно интерпретирована на основе выдвигаемого здесь категориального значения 'массы'. Им охватывается и понятие компактной массы вещества, и понятие определенной массы предмета, представляемой в виде определенной целокупности его протяженности или объема, а также понятие определенной массы качества.

Конечно, реализация единства этих значений через посредство особой грамматической категории не является обязательной. Однако возможность такой реализации показывается фактами албанского языка. Представляется вероятным, что объединение предметно-собирательных и абстрактных значений через посредство категории массы могло происходить и в истории общеиндоевропейской морфологической структуры. В частности, это могло бы объяснить древнюю семантику таких лексико-грамматических разрядов, как классы основ на *-ā и гетероклитических основ. С этой точки зрения факты ранненоалбанского языка приобретают особый интерес в качестве типологической модели, по которой могло происходить формирование такого рода грамматической категории в более отдаленные периоды истории индоевропейских языков.

Естественным компонентом устанавливаемой для древнеалбанского и ранненоалбанского состояний грамматической категории определенной массы являются также имена действия, образуемые от причастий по той же формальной модели, что и имена качества от прилагательных. Ср.: të klenë - опред. të klenëtë 'бытие' (причастие i klenë 'бывший'), të ardhunë - опред. të ardhunitë 'пришествие' (прич. i ardhunë 'пришедший'), të dashunë - опред. të dashunitë 'любовь' (причастие i dashunë 'любимый').

Понятие "массы действия" может быть противопоставлено понятиям как "единичного акта", так и "действия вообще", не ограниченного какими-либо пределами. С этой точки зрения категория имен действия в отдельных языках обнаруживает различные возможности формальной дифференциации. В ранненоалбанском языковом состоянии, отраженном в тексте Бузука, грамматическая субстантивация понятия действия преимущественно реализовалась через концепцию "массы", предполагающую качественную определенность и известную ограниченность

действия в пространстве и времени. В значении соответствующих образований часто выявляется не столько момент действия, сколько момент качественно определенного состояния, порождаемого соответствующим действием. Так например, të panë - të panëtë 'видение, зрение, созерцание, вид' в контекстах: e vote e u la, e pat të panëtë (Buz. LVII, 177) 'и пошел и искупался, и обрел зрение'; të reshim anshtë të panëtë e kësj jete (Buz. LXXXVII, 335) 'обманчиво созерцание (вид, видимость?) этой жизни'; përse zani uit anshtë i amblë e të panëtë tat anshtë dëshëruom (Buz. LXXXVII, 333) 'ибо голос твой сладок и вид твой желанен'. В последнем примере перевод 'созерцание' был бы не точен, так как свойство, выраженное существительным të panëtë явно оказывается здесь присущим объекту. Все эти оттенки значения определяются глубинной категорией "массы качества", производимой действием субъекта.

Качественный характер признака, производимого действием, и его представление в виде компактной массы субстанции обнаруживаются в последовательном ряде употреблений имени действия të firmuom - të firmuomitë 'затвердение' (букв. 'укрепление'): e tha Zotynë kloftë bām të firmuomitë për vjedmis ujënavet, e ata të fermuom të dae ujënatë q ujëdashit. E bani Zotynë të firmuomitë... E gri-shi Zotynë të firmuomitë qiell (Buz. LIX², 227) 'и сказал Бог: да сделается затвердение посреди вод, и это затвердение да отделит воды от вод. И сделал бог затвердение... И назвал бог затвердение небом'. Также в употреблении имен действий të mbëluomitë 'покрытие', të pasunitë 'обладание имуществом', të korëtë 'жнивье > нива': e ngriti Noe të mbëluomitë e barkësë (Buz. LXI², 233) 'и поднял Ной покрытие лодки (т.е. ковчега)'; e përfaroi të pasunitë e tī (Buz. L, 149); 'и растратил имущество свое'; të korëtë anshtë të madh, e punëtorë janë pak (Buz. LXXXII², 355) 'жнивье велико, а работников мало'. В значении të korëtë содержится понятие "массы действия", которое надлежит выполнить на определенном участке.

Однако не всегда категория массы обнаруживается в столь явно о вещественных значениях имен действия. Очень часто в употреблении имен действия преобладает ее абстрактно-грамматический аспект, выражающийся в том, что в семантике соответствующих образований на первый план выступает момент ограниченности самого выражаемого действия определенными пределами (в процессе его протекания). Например: të marëtë e këtī sakramenti (Buz. LIII, 163) 'взятие этого обета'; përse t afëruomitë e sëmundësë asaj anshtë fort e randë (Buz. LXXXIII, 319) 'ибо наступление (букв. 'приближение') болезни этой очень тяжело'; të liruomitë e gjithë katevet (Buz. XXV, 79) 'освобождение от всех грехов'.

Количество имен действия, образуемых по этой модели, в языке

Бузука исключительно велико. Имена эти свободно производились от глагола и частота их употребления была по-видимому в значительной мере связана с тематикой самого религиозного текста. В очень многих случаях употребленные в книге Бузука имена действия вероятно представляли собой созданные им неологизмы. Существенно важен сам факт того, что албанский язык XVI в. имел соответствующую модель в активном запасе своих морфологических средств.

* * *

Содержание грамматической категории определенной массы, сохранившейся в актуальном виде еще в ранневоалбанский период (как это показал анализ языка памятника XVI в.), складывалось из значений: а) определенной и компактной массы вещества, б) определенной и компактной массы объема, протяженности, вместимости предмета, в) определенной массы качества, г) определенной массы действия, представленной оществленнс с помощью субстантивации причастия. Момент "определенности" был для категории массы конституирующим, что, в частности, выявляется в ее морфологическом оформлении с помощью артиклей.

В истории албанского языка образование особой грамматической категории определенной массы явилось инновацией, которая возникла еще в древнеалбанский период в процессе регенерации формальной структуры языка, понесшей значительные утраты в результате явлений фонетической редукции неударных конечных слогов, разрушивших систему унаследованных индоевропейских флексий. Возможно, что категория определенной массы образовалась как своего рода частичная замена утерянной категории индоевропейского среднего рода — конечно только в тех ее функциях, которые оказались для албанского языка существенными.

С другой стороны, возникает мысль о том, что в процессе формирования грамматической структуры общеиндоевропейского праязыка нечто подобное категории определенной массы могло являться одним из компонентов при сложении древней категории среднего рода¹³.

В новых индоевропейских языках соответствующие значения оформляются, помимо категории среднего рода (если таковая сохраняется), главным образом с помощью определенных словообразовательных моделей. Создание особой грамматической категории, со специальным набором морфологических показателей, можно считать одним из характерных явлений грамматического развития албанского языка¹⁴.

¹³ К этому вопросу я надеюсь вернуться специально.

¹⁴ В известной мере сходное явление отмечается в романском линг-

Временем возникновения этой инновации был вероятно древнеалбанский период, условно датируемый 2-й половиной I тыс. до н.э. и I тыс. н.э. Можно высказать некоторые предположения относительно того, как и на основе каких элементов древнеалбанской морфологии происходило грамматическое оформление категории массы.

Следует обратить внимание на то, что преобладающее большинство непроизводных имен существительных, получающих артикль-*t*(*ë*), составляют основы с исходом на *-ë*. Считая, что эти образования исторически восходят к древнему типу основ на **-ā*, можно заключить, что прежде всего из их обширного фонда выделился первичный слой имен, явившийся лексическим субстратом для формирования грамматической категории массы. Разряд основ на **-ā* > **-a* > *-ë* в древнеалбанском языке включал в себя индоевропейское наследие в виде старых собирательных имен жен. рода и форм собирательного множественного, утративших связь с исчезнувшим средним родом.

Однако процесс этот происходил не механически путем приспособления к новым функциям старых форм собирательности. Вероятно, отправным моментом при выделении определенной группы имен в качестве основы для формирования категориального значения "массы" релевантным могло быть значение "массы вещества". Последующее развитие новой грамматической категории осуществлялось путем охвата других аспектов значения "массы"—"масса объемности, протяженности вместимости предмета", "масса качества", "масса действия", воспринимаемого как "качественное состояние". Решающим для превращения первоначально лексического разряда существительных со значением "массы" в грамматическую категорию должно было явиться присоединение к нему бесконечного ряда имен качества и действия, ставших в дальнейшем главной опорой существования этой категории.

Важная роль в оформлении грамматической категории массы принадлежала моменту детерминированности, через которую абстрактное понятие массы получало пространственную конкретизацию. Понятие

вистическом ареале, где, так же как в албанском языке, оказалась рано утерянной старая категория среднего рода. В диалектах центральной и южной Италии, а также в испанском языке существует особая форма артикля, противостоящая (только в ед. числе) артиклю муж. рода и употребляемая при названиях веществ, а также при обозначениях абстрактных понятий, производных и причастий. Р. Хол усматривает здесь наличие особого разряда существительных — "имен массы" (mass-nouns) и обосновывает происхождение соответствующих форм из латинских партитивных конструкций с аблативом (R. A. Hall - 'Neuters', Mass-Nouns, and the Ablative in Romance. "Language", vol. 44, № 3, 1968, стр. 480-485.

"определенной, компактной массы" требовало себе выражения с помощью специальных морфологических показателей. Не случайно эта категория в албанском языке формально обозначена с помощью местоименного показателя определенности, входящего в систему энклитических артиклей.

Можно предполагать, что использованным оказался уже имевшийся в парадигме именного склонения формант определенной множественности, этимологически восходящий к какой-то из форм индоевропейской местоименной основы **te-*/**to-*. Историческая связь с парадигмой множ. числа проглядывает, как это уже не раз отмечалось в литературе, во всем наборе местоименных показателей, относящихся к так называемому среднему роду. Однако, получив такого рода формальное выражение, категория массы не совпала с категорией множ. числа. О присущем ей значении "единичной целокупности" свидетельствует согласование с соответствующими именами глагола в ед. числе.

* * *

С категорией определенной массы оказалась исторически связанной также другая характерная инновация грамматического строя албанского языка — форма пред. падежа с окончанием *-t*, до сих пор не получавшая удовлетворительного объяснения. Первоначальным источником образования этой формы были имена категории массы в конструкциях с предлогами. Впоследствии на этой основе образовалась особая грамматическая модель — падежная форма агглютинативного типа, выступающая в конструкции с предлогами пространственного (в широком смысле слова) значения¹⁵. В настоящее время ее употребление сильно редуцировалось — так же как и употребление форм категории определенной массы вообще.

¹⁵ Подробно об этом, см.: А.В. Д е с н и ц к а я. Категория собирательности и категория массы в истории албанского языка (последний раздел).

ТРАДИЦИОННЫЕ АНТИНОМИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ИНФИНИТИВА И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ НА БАЛКАНОРОМАНСКОМ МАТЕРИАЛЕ

Очередное рассмотрение различных аспектов давней проблемы судьбы инфинитива на Балканах как общезыкового вариантов побуждает исследователя, с одной стороны, исходить из как можно более строгого, единого общелингвистического критерия инфинитивности и, с другой, — оперировать максимумом доступных фактов разных языков, как балканских, так и привлекаемых для сопоставления небалканских. Соблюдение обоих этих требований, являющихся двумя сторонами одного и того же подхода, сталкивает тем не менее друг с другом ряд мнений (в числе которых находятся и общепринятые положения традиции), хотя обычно и не вызывающих возражений каждое в отдельности, но несмотря на это противоречащих одно другому. Примеры столкновения указанного типа дают, в частности, антиномии, наличные в высказывавшихся ранее автором соображениях об инфинитиве, обнаружившиеся на конкретном материале, но в конечном итоге отражающие общепринятые взгляды на инфинитивность.

О.Г. Общий тезис двух возникших антиномий, в равной мере противоречащих их антитезам, состоит в авторском определении инфинитива как глагольной формы, одним из неотъемлемых признаков которой является несогласуемость в морфологических категориях¹ (полный перечень признаков инфинитива и мотивировку этого см. ниже).

Антитезисы же этого тезиса сводятся к следующему.

¹ См., например: М.А.Г а б и н с к и й. Сефарда ка сурсе де информатие балканоложикэ. "Лимба ши литер. молдов.", 1968, №3, стр. 43; О н ж е. Появление и утрата первичного балканского инфинитива (к проблеме инфинитивности в балканских языках). Л., 1970, стр.3. — Мотивировку определения см.: О н ж е. Возникновение инфинитива как вторичный балканский языковой процесс (на материале албанского языка). Л., 1967, стр. 18-33, где, однако, вместо понятия несогласуемости еще привлекается понятие несинтаксичности. О причинах его замены и др. см.: О н ж е. Очерки по основаниям грамматики. Кишинев, 1972, стр. 313 и след. — Настоящая статья есть попытка упростить (при преимущественном оперировании балканороманским материалом, как особо диагностичным) решение, предложенное в указанной книге (стр.313-317).

О.Г.И. Во-первых, в целях установления причин утраты старых балканских инфинитивов, начало которой не поддается прямому наблюдению, нами был привлечен относительно недавно попавший в балканскую среду сефардский язык², поскольку выводы из наблюдений над его современными явлениями можно экстраполировать на аналогичные ситуации ненаблюдаемого прошлого. В ходе этого привлечения наряду с заменой образований, подводимых под давнишнее определение инфинитива (т.е. не согласуемых ни в какой категории), например, ке ке фага?, кали ки аспери, но пuede сер ке салгас? и под., где по образцу старых балканских языков заменены инфинитивы фазер, асперар, салир и т.д., фигурировали и факты вроде комо ке но ме рийа?, кале ке ме топе кон ёл, но пuede сер ке ме казе и т.д., т.е. случаи замены по тому же образцу форм типа рейрме, топарме, казарме, содержащих элементы согласования в лице и числе и, следовательно, без дальнейших оговорок не подводимых под предложенное определение инфинитива. Между тем исключение таких фактов из числа симптомов начавшейся утраты инфинитива в сефардском интуитивно представляется таким же неверным, как и неусмотрение того же в аналогичных фактах дакороманских языков и трех южноитальянских поддиалектов (описанных в этом аспекте Г. Рольфом), где возвратность, как в любом романском языке, имплицитно указывает на согласуемых лица и числа и потому исключает инфинитивность в названном выше смысле. Однако это интуитивное положение (безусловно, отражающее причину того, что, например, а ме фаче, а те фаче и т.д. утрачивается в равной мере с а фаче) не приведено в соответствие с теоретическим: интуитивное и традиционное усмотрение в (ф)азерме, (ф)азерте и т.д. или в а ме фаче, а те фаче и т.д. инфинитива противоречит традиционному же взгляду на него как на форму, характеризующую в числе прочего безотносительностью к лицу и числу. Поскольку при этом, с одной стороны, в других языках (каковы славянские, греческий, албанский и под.) таким признаком инфинитива охватываются и возвратные формы, и, с другой сторо-

² См.: М.А.Г а б и н с к и й. Этимология балканской утраты инфинитива в свете фактов сефардского языка, - "Revue roumaine de linguistique", 1969, 6, стр. 539-548 и литература. - Отметим, что в связи с указанным сефардский язык недавно справедливо был квалифицирован как "необалканский" (см.: I. M. N a s s á n y M. E. R o m e r o. XII Congreso internacional de lingüística y filología románicas. - "Sefarad", 1968, 1, стр. 237). Название удачно и для других языковых единиц, могущих использоваться как естественные модели старых балканских языков (см. например, работы Л.А. Покровской о характерных инновациях балкано-туркских говоров).

ны, неизвестны языки, где инфинитив усматривался бы только в чем-то согласуемом, представилось необходимым избрать несогласуемость в качестве того признака инфинитива, который поможет охватить его определением большую, а не меньшую часть традиционного объема соответствующего понятия. Таким образом, идя по пути сохранения за понятием большей (из двух взаимоисключающихся без дальнейших отворок) части его традиционного объема, мы впадаем в антиномию, а именно считаем инфинитивом *sensu stricto* только несогласуемые формы и в то же время видим признаки его утраты и в устранении согласуемых форм, утрачиваемых в той же мере, что и он сам, и одновременно с ним.

0.1.2. Во-вторых, антитезисом предложенного определения инфинитива является фиксация аналогичного вышеуказанному, но обратного направленного процесса. В ряде работ автор настаивает на том, что, например, в дакорумынском, особенно в молдавском (вместе с другими балканскими языками попавшем, вследствие давней утраты инфинитива под внешним влиянием, в условия, отчасти аналогичные известным из предьстории ряда индоевропейских и других языков, впервые вырабатывавших инфинитивы), интенсивно проходит процесс становления вторичного инфинитива³ в виде форм типа "де+причастие", например, де фэкут, де кынтат, де скрис и под. При этом в качестве признака далеко зашедшей эволюции недавно субстантивного образования приводится, наряду с другими просторечными и околотитурами фактами, спорадическое различие им залогов⁴ в некоторых румынских говорах: ср. *La mijlocu codrului // Îi potica dorului, // Căi ca de poposit, // Cu mîndra de te iubit // Viață lungă de trăit* (Folclor din Suceava, Cules de G. Muntean, București, 1959, стр. 157, № 148). Как и в предыдущем случае, категориальная общность со старым инфинитивом типа a face (а фаче) и инфинитивами многих других языков, имеющими возвратные соответствия, не может не поддерживать мысли об инфинитивной эволюции форм типа de făcut (де фэкут). Тем не менее, импликация романским рефлексивом лица и числа, как согласовательных в романских языках категорий, означает наличие здесь согласуемой формы (ср. лично-числовые возврат-

³ См., например: М.А.Г а б и н с к и й. Распространение дакорумынского вторичного инфинитива. "Балканско езикознание", XIII, 1968, I, стр. 55-76, и приводимые там работы автора на эту же тему.

⁴ См.: М.А.Г а б и н с к и й. Возникновение..., стр. 140-144, об аналогичной инновации в албанском së bëri (т.е. о типе s'u bëri) где, однако, ввиду неизменяемости показателя возвратности u в лице и числе, рассматриваемой антиномии не возникает.

ные согласователи мэ, те, се, не, вэ), что снова порождает антиномию с определением инфинитива, даваемым на основе его несогласуемости.

0.1.3. Таким образом, хотя еще, насколько известно, не дано общеязыкового определения инфинитива, более непротиворечиво и просто охватывающего не меньшую часть традиционного объема этого понятия, чем указанное выше определение, и хотя не опровергнута названная выше роль сефардских и дакорумынских фактов как свидетельств о происходящих на Балканах сдвигах, — тем не менее, без дальнейших оговорок, между одним и другим налицо противоречие. Из сопоставления того и другого неясно следующее: как оправдать предложенное для инфинитива определение, если он может быть согласуемым? Если же он несогласуем, то как эксплицитно (т.е. не оставляя, по традиционному образцу, сообразование друг с другом взаимно противоречащих положений на долю интуиции) мотивировать привлечение приведенных фактов в указанном аспекте?

Такова сущность инфинитивных антиномий, перед которыми нас непосредственно поставил практически балканороманский материал. И хотя дальше в поисках решения привлекаются другие балканороманские факты (в том числе и не имеющие пока достоверных параллелей вне дакорумынского — см. ниже о типе сэ фи фэкут), вопрос может быть решен лишь на широком общелингвистическом фоне, при постоянном рассмотрении балканских явлений как реализаций общеязыковых инвариантов.

I. Общепринятая трактовка инфинитива, как известно, издавна характеризуется рядом явных противоречий. Так, если оставить в стороне проблемы отграничения инфинитива как глагольной формы от имен действия (в том числе от его же субстантивата), т.е. если принять глагольность инфинитива за данное, то и в ее пределах нельзя не заметить противоречий, например, между определением инфинитива как неизменяемой формы глагола и причислением к нему форм, изменяемых по залогу, виду, относительному времени и др. (в языках разных семей) или между несколько более близким к строгому определением на основе неизменяемости только по лицу и числу и отнесением к инфинитиву форм, изменяемых по этим категориям. Последнее характерно для романских, в частности, балканороманских, языков⁵ с их противопоставлением типа дакорум. а фаче — а мэ фаче,

⁵ Положение в германских языках являлось бы аналогичным, если бы показатели залога (ср. англ. myself и др., нем. mich и др.) не обладали там признаками самостоятельных слов, а будучи таковыми они вряд ли могут рассматриваться как выразители категории (ср. русск. себя в отличие от категориального -ся).

а те фаче, а се фаче, а не фаче, а въ фаче⁶, где лишь а фаче подводится под эксплицитное определение инфинитива, остальные же пять форм, различая лицо и число, им не охватываются. Интуитивно устанавливаемый объем понятия "инфинитив", таким образом, намного шире его же объема, указываемого эксплицитно, чем порождена давняя антиномия: с одной стороны, форма типа а мэ фаче, а те фаче и пр. составляют возвратное соответствие подводимого под строгое определение активного инфинитива типа а фаче, соответствие, возможно в языке только при его наличии и, следовательно, суть возвратные формы инфинитива. С другой стороны, те же формы под строгое определение инфинитива не подводятся и, следовательно, им не являются. Интуиция, конечно, отчетливо на стороне первой точки зрения, которая практически господствует, но теоретически этот трудный вопрос так, конечно, не решается, причем некоторые, кажущиеся на первый взгляд легкими, способы его решения (см. о них ниже) впоследствии отказывают — как в пределах самого романского материала (см. ниже о дакорум. сэ фи фэкут), так, тем более, при рассмотрении его в общезыковом плане. При учете этого ниже делается попытка дать определение инфинитива, непротиворечиво и просто охватывающее все указанные, интуитивно относимые к нему формы, но не изолированно, а как частный случай инфинитива в языке вообще.

2. Непосредственно антиномии романского инфинитива⁷ выявляются на этапе указания *differentiae specificae* в его определении, так что на его *genus proximum* следует указать как на отправной пункт. Понятие глагола считается уже известным, ближайшим же *genus proximum* инфинитива является форма глагола независимая, т.е. способная к независимому употреблению — в этом издавна усматривается инфинитивная специфика: мочь быть формой представления об обозначаемом, его названием, а также, в акте предикации, представлять его как подлежащее (предиканд) и именную часть сказуемого (предикатив). Конечно, то же отношение к называнию и к предикации свойственно и существительному, а в некоторых языках (характерный пример которых дают балканские) — и личным формам глагола. Ср. дакорум.: 1) ф у м а т у л е дэунэтор, А ф у м а е дэунэтор, Д е ф у м а т е дэунэтор. С э ф у м е з ь е дэунэтор и 2) Дэунэтор е

⁶ Изредка вместо одно-пятизначного соответствия в романском имеет место одно-шестизначное (как в сефардском и некоторых испанских говорах), ср. различие числа в третьем лице: (ф)азерсе — (ф)азерсен.

⁷ До формулировки строгого определения, учитывающего все приводимые ниже факторы, временно пользуемся интуитивным представлением о нем, достаточном на данном этапе исследования.

ф у м а т у л, Дзунэтор е а ф у м а, Дзунэтор е д е ф у м а т, Дзунэтор е сз ф у м е з ь (все выделенные образования могут выступать и обособленно, как формы представления). Тем не менее, специфику инфинитива составляет среди форм других классов его глагольность, а среди форм глагола — отношение к известным категориям, которые и выявляет *differentia specifica*. В силу ее и в случаях близости типа приведенной из числа инфинитивов выпадают как тип фуматул, так и тип сз фумезь и остаются ими как а фума, так и де фумат (второй отличается от первого просторечностью ряда своих употреблений и др., но не самой инфинитивной спецификой).

3. Сама указанная специфика инфинитива среди других (в том числе независимых же) форм глагола описывается довольно кратко — это предикативная несогласуемость в категориях у формы, выделяемой в качестве основной для инфинитива (см. ниже). Больше места занимает мотивировка этого выбора, т.е. демонстрация того, что некоторые широко распространенные способы установления инфинитивной специфики в действительности неэффективны. Для этого необходимо остановиться прежде всего на вопросах: 1) о категориальной изменяемости вообще; 2) о конкретно- и абстрактно-категориальном подходе; 3) о согласовании в категориях; 4) о не/предикативном согласовании в них

3.1. Утверждения о не изменяемости инфинитива⁸ настолько противоречат действительности, что удивляет сам факт их появления в наше время. Так, и в отвлечении от специфически романского асимметричного (т.е. в данном случае только при возвратности) изменения инфинитива по лицу и числу, общеизвестны факты выражения каждой инфинитивной формой данного языка категорий за-

⁸ См., например: J. M a t t o s o C â m a r a jr. Dictionário de fatos gramaticais. Rio de Janeiro, 1956, стр. 124; Н.С. В а л г и н а, Д.Э. Р о з е н т а л ь, М.И. Ф о м и н а, Русский язык. Изд. 2. М., 1972, стр. 211. Применительно к дако-румынскому — основному объекту нашего рассмотрения — ср. статью I. Diaconescu, Observații cu privire la valoarea infinitivului în limba română, "Limba română", XVII (1968), 2, где одновременно доказывается и то, что инфинитив есть "неизменяемая" форма (стр. 112, 118, 121), и то, что он "посредством инфлексии" (стр. 118) образует формы разных категорий, в т.ч. (без какого-либо выделения возвратности) лица и числа... Но и в отвлечении от частных ошибок типа последней (уже нами критикованной) ясно, что установление подлинной природы инфинитива по принятию за основу мнения об его неизменяемости невозможно.

лога (во многих языках), вида (как в славянском, греческом), относительного времени (как в греческом, латинском, романском, германском, албанском гегском), не/длительности (как в английском, части романских языков, гегском) и т.д. Поэтому признание неизменяемости одним из необходимых признаков инфинитива противоречило бы самому выбору этого понятия (соответственно термина) которое мы никак не вводим впервые, а наследуем от предшественников, исследователей только что названных языков, прежде всего классических.

Иначе говоря, следует эксплицитно признать, что инфинитив действительно изменяем по категориям. И если при этом инфинитивность все-таки связывается в каких-то пределах с категориальной неизменяемостью, то необходимо точно установить эти пределы.

3.2. Распространенный прием опознания искомым пределов по конкретным категориям также неэффективен. Так, гораздо чаще, чем явно несостоятельные утверждения о неизменяемости инфинитива вообще, встречается несколько более правдоподобное положение о том, что он безотносителен именно к лицу и числу. Это подтверждается фактами ясти языков (ср. славянские, греческий), но опровергается другими: ср. уже приводившиеся романские возвратные формы; ср., далее, различие лица, числа и рода объекта согласовательное (как в исп. verle (a él), дакорум. а-л веда (пе ел)) или несогласовательное (как вне антепозиции объекта в ит. vederlo ср. то же в семитском, где сверх того род различается и во II лице) — такие факты подчеркивают, что различие лица, числа и рода, не говоря уже о других категориях, может быть вполне совместимым с инфинитивностью.

Более удачно какие-либо конкретные категории, не/различение которых помогло бы отграничить инфинитивность, также не указывались, и это не случайно: данная сфера очередной раз демонстрирует безуспешность конкретно-категориальной методики опознавания классов слов (частей речи) и их подклассов (каковы у глагола предикаторы, инфинитив, герундий и др.) при решении задач общелингвистического уровня, т.е. при рассмотрении фактов каждого языка как вариантов общезыкового инварианта. Необходимая на этом уровне "алгебра категорий" основывается на том, что виды связи между данными категориями и данным классом слов в языках мира намного более свободны, чем кажется при учете только хорошо изученных европейских языков.

⁹ Она, конечно, возможна у инфинитива, как правило, недолгое время после его появления (ср. готский или дакорум. де фэкут), никак не составляя, однако, его специфики. Если такое де фэкут в части говоров уже изменяется по залогу, то оно от этого, вероятно, не перестает быть инфинитивом.

Здесь у существительного обязательна категория числа и обычно категории падежа не/определенности (артикли) и рода, но не времени, вида, лица и т.д., а у глагола обязательно время и обычно вид, лицо, число и др. Но в языках мира в целом, при всей инвариантности самих по себе понятий класса слов и категории, одно может выражаться в другом весьма разнообразно: например, глагольные предикаторы не различают ни лица, ни числа в скандинавских, в некоторых дагестанских (аварский, лезгинский) и монгольских языках. Во многих языках (тюркских, финноугорских, семитских и др.) существительное в притяжательной форме выражает лицо и число (в семитских и род) владельца, а в тюркских, абхазо-адыгских, самодийских, в юкагирском и др. оно же в предикативной форме отражает лицо и число предиканда (подлежащего). В таких языках, как индонезийский, яванский и др. (и в отвлечении от языков, считаемых аморфными, т.е. бескатегориальными, для которых установление классов слов на категориальной основе проблематично) время не выражается глаголом, а в разных американских языках оно является субстантивной категорией, равно как и коллективность, распределение и другие признаки¹⁰, не категоризованные в европейских языках. В целом, хотя количество и состав всех признаков, категоризируемых в языках мира, нам пока окончательно не известны, ясно, что нет ни одной конкретной категории, обязательно наличной у какого-то класса слов во всех языках, его знающих. Недавно это пришлось показать на примере существительного - образования общего намного большему числу языков, чем инфинитив, появляющийся сравнительно поздно, причем не везде, и иногда утрачиваемый языками. Это значит, что сущность глагольности, существительности и др., не сводясь к каким-либо конкретным категориям, состоит в чем-то другом. Насколько удалось установить, решающей для существительности является соматичность (точнее: подчиняющий общесоматический комплекс категорий), а для глагола - предикаторность (точнее: категории и определяемость, не выходящих за пределы известного простым неизменным предикаторам)¹¹.

¹⁰ См., например: F. B o a s. Introduction to Handbook of American Indian languages; J.W.P o w e l l, Indian linguistic families of America North of Mexico. Lincoln, 1968, стр. 33-35.

¹¹ См. подробнее: М.А.Габинский. Очерки... стр. II8-II9, 242-260 (о существительном) и II9-I22. I26-I28 (о глаголе). Здесь уместна параллель. О существительном широко известно, что понятие о нем как-то основано на понятии тела ("предмета"), но мало кому удавалось точно показать, как именно одно выводится из другого. Аналогично, об инфинитиве известно, что он как-то связан с неизменяемостью глагольной формы, но неизвестно, каким

Сходный не конкретно-категориальный, а абстрактно-категориальный подход нужен на общелингвистическом уровне и в вопросе об инфинитиве.

В частности, как фактор, позволяющий выделить инфинитив среди качественно ближайших образований (см. 2., о Балканском конъюнктиве), можно привлечь категориальную несогласуемость:¹² какая-то форма инфинитива, служащая далее основой для определения его всего как совокупности форм, может различать те категории, в которых она не согласуется и не может различать тех, которые сделали бы ее при каких-то условиях согласуемой. Так дедонкретизируются основные положения традиции ряда хорошо изученных языков без какого-либо противоречия с ней.

3.3.1. Этапом, следующим за выделением категориального согласования как частного случая категориального изменения вообще, является отграничение такой разновидности этого согласования, которая существенна для дальнейшей фиксации специфики инфинитива. Подобно тому, как инфинитивность исключается далеко не всякой категориальной изменяемостью, она исключается и не всякой категориальной согласуемостью. Наряду с особенно частыми в языках согласованием атрибутивным (т.е. между определяемым и определителем), по-видимому инфинитиву неизвестным, и предикативным (т.е. между предикандом и предикатором, охватывающим в части языков, непосредственно или опосредствованно, инфинитив, см. ниже), существуют и другие виды согласования. Объявить их исключаящими инфинитивность значило бы пойти против общепризнанных положений о ней. Таковы по меньшей мере согласования тематическое и объектное.

3.3.1.1. Первое обычно в тавтологиях, когда, например, предикатор сопровождается (как правило предваряется) непредикативной формой того же слова, непосредственно в акте предикации не участвующей. Часто таковой является инфинитив, в ряде языков не согласуемый в чем-либо с предикатором. Так, в дакорумынском здесь еще возможно старое а фаче (ср. а наште те-ай нэскут ши а креште ай крескут - Т. Банте) и часто новое де фэкут (ср. Де скулат ну мэ май скол - Д. Матковски), но в первом случае согласование в залоге отсутствует, а во втором оно вне отдельных говоров вообще невозможно. Тем не менее, учет только такой ситуации дал бы лишь вре-

именно образом (ср. выше примеры неудачного привлечения этого фактора).

¹² Согласование понимается как обязательное принятие двумя и более элементами, находящимися в какой-то связи и различающимися какой-то признаком, одного и того же члена этого признака (например, цвета, величины и под.).

менное облегчение, неуместное в свете общелингвистических требований: в других языках общепризнанный инфинитив согласуется здесь с предикатором, каково согласование в виде и залоге в русск. Слышать слышал, а сам не видел и под. Поскольку отрицать инфинитивность такого слышать невозможно, следует признать тематическое согласование совместимым с ней. Характерной чертой этого согласования является полное несовпадение в выборе согласовательных категорий (ср. здесь вид и залог) с их выбором при согласовании предикативном, атрибутивном и объектном (ср. род, лицо и число).

3.3.1.2. Объектное согласование общепризнанно для многих языков, и на материале тех из них, которым известен инфинитив, можно показать, что одно с другим совместимо. Для балканских и романских языков принято говорить не об объектном спряжении, а о соединении субъектных форм глагола с "краткими формами местоимений", однако, установление общезыковых признаков объектного спряжения показывает, что они налицо и в этих языках. Обоснование качества показателей объекта (а также его лица, числа, рода и прямого/косвенности) именно как таковых, а не как отдельных словоформ, не входит в задачи настоящей работы¹³. Принять это положение, однако, желательно, поскольку оно помогает найти не более частное, а более общее определение инфинитива - на первый взгляд, проще было бы ограничить положение о согласуемости инфинитива сказанным выше о тавтологиях, но в конечном итоге такой подход оказался бы слишком узким. (Сейчас не существенны условия согласования; в разных романских языках оно имеет место при антепозиции объекта глаголу, в албанском и македонском - при определенной форме объекта и т.д., причем факты типа а-л веда пе ом, а о веда пе фемее, без артикла, могут рассматриваться как примеры то ли скрытого согласования, то ли передачи показателей определенности существительным глаголу).

3.4. Итак, к положению, в общем верному, о какой-то взаимосвязи между инфинитивностью и категориальной несогласуемостью, пришлось сделать оговорки о том, что инфинитив может быть категориально согласуем тематически и объектно. Эти (и в принципе возможные другие) случаи необходимо подвести под одно общее условие допустимой согласуемости инфинитива. Оно, при учете всего известного, может быть сформулировано как п р е д и к а т и в н а я н е с о г л а с у е м о с т ь. Это значит, что инфинитив может быть согласуем

¹³ Заметим, что, например, дакорум, а мэ веда справедливо фигурирует в грамматиках как факт возвратности (т.е. в одной парадигме с а се веда), но этот верный подход не распространяется на то же самое а мэ веда и под. как факт объектности, т.е. член одной парадигмы с а-л веда, а о веда и под.

либо в предикативно-несогласовательных категориях, т.е. в таких, в которых в данном языке вообще не бывает согласования между предикандом и предикатором — таковы вид и залог (см. выше о тематическом согласовании), либо в категориях, наличных и в предикативном акте, но согласуемых независимо от него — таково объектное согласование: в каком бы лице и числе ни находился предиканд, это никак не предполагает обязательности того же лица и числа объекта (и наоборот), а предикатор согласуется и с тем, и с другим. Объектные показатели увеличивают число инфинитивных (как и вообще глагольных) форм.

4.0. Итак, на данном этапе можно констатировать, что инфинитив при каких-то условиях есть "независимая предикативно-несогласуемая форма глагола". Сравнительно просто квалифицируются далее полярные случаи:

4.1. Независимые формы глагола данного языка, противопоставленные друг другу только категориально, все подводятся под это определение. Типичные примеры — уже приводившиеся греческий и славянские языки, а также (как теперь можно считать, рассмотрев вопрос об объекте) албанский (гегский).

4.2. Совокупность независимых форм глагола данного языка, взятая в пределах чисто категориальных противопоставлений, вся согласуема предикативно и, по предложенному определению, инфинитивной не является. Здесь, поскольку речь идет не о предикаторах, а о независимой форме глагола, следует уточнить, что предикативно-согласовательная категория есть та, в которой в данном языке согласование между предикандом и предикатором имеет место вообще и что она остается таковой и находясь вне самих этих случаев. Так в алб. Unë dua të shkoj, Ti do të shkosh, Ay do të shkojë и т.д. формы të shkoj, të shkosh, të shkojë предикативно согласованы не потому, что могут прямо выражать предикацию (ср. Ti të shkosh!), а потому, что на них распространяется согласование между предикандом и другим предикатором. Следовательно, инфинитивом не является балканский конъюнктив этого типа и аналогичные образования других языков (ср. грузинский оптатив); о более сложном случае дакорумынского с его типом сэ фи фэкут см. ниже.

5. Сложнее случаи, в которых инфинитивом в свете вышесказанного являются одни формы, а категориально противопоставляемые им другие под это определение инфинитива не подводятся. Такова главная рассматриваемая здесь антиномия: указанным определением охватывается тип а фаче но не противопоставленные ему по залогу а мэ фаче, а те фаче, а се фаче, а не фаче, а вэ фаче и под. Здесь также предикативно — согласовательный характер лица и числа устанавливается прежде всего по случаям опосредствованного согласования:

в отличие, например, от русск. Я иду мыться, Ты идешь мыться, Он идет мыться и т.д. (где формы категорий в мыться независимы от того, как согласуются между собой предиканд и предикатор), в дакорум. (Еу)¹⁴ мэ дук пентру а мэ спэла, (Ту) те дучь пентру а те спэла, (Ел) се дуче пентру а се спэла и т.д. возвратный распространитель предикатора обязательно охватывается согласованием, связывающим предиканд и предикатор между собой. Это легко констатировать и не встретив ни разу редких использований инфинитива в роли предикатора самого – каков, например, исторический инфинитив (дакорумынскому неизвестный). Потому отнесение возвратного инфинитива типа романского к предикативно-согласовательным образованиям прямым способом малоэффективно – полнота описания требует здесь опосредованного подхода.

6. Итак, инфинитив ряда языков, становясь возвратным, превращается в предикативно-согласовательную форму, чем порождается основная рассматриваемая антиномия. На первый взгляд ее легко преодолеть, добавив к определению "независимая предикативно-несогласуемая форма глагола" (а) слова: "и совокупность форм, противопоставленных ей по какой-либо категории" (б) – в данном случае по залогу: ср. а фаче – а мэ фаче, а те фаче и т.д. На самом деле, однако, вопрос этим не решается, так как отношения между (а) и (б) не всегда однородны: если подведение указанным способом а мэ фаче, а те фаче и пр. под одно определение а фаче успешно, то такое же подведение дакорум. сэ фак, сэ фачь, сэ факэ и т.д. под одно определение сэ фи фэкут неудачно, потому что ни одна из этих форм интуитивно и по традиции как инфинитив не воспринимается, включая само сэ фи фэкут, хотя также подводимо под пункт (а). Следовательно, это определение соответствует инфинитивности лишь при каких-то условиях, наличных в случае а фаче и пр., но отсутствующих в случае сэ фи фэкут. Выяснить эти условия удастся по привлечении двух новых понятий: 1) основной формы данной (не всякой) категории¹⁶ и 2) подслова.

¹⁴ То, что предиканды еу, ту, ел и др., чья информация воспроизводится в предикаторе, обычно опускаются, никак не значит, что они не участвуют в согласовании там, где они налицо.

¹⁵ Им бывает не только инфинитив, : ср. то же у герундия.

¹⁶ Сейчас нет ни надобности, ни возможности доказать наличие этой формы у любой категории любого языка (даже если такая цель вообще достижима). Здесь прослеживается минимум данных, необходимый для решения вопроса об инфинитиве, т.е. речь идет о предикативно-несогласовательных категориях глагола.

В связи с необходимостью эксплицитно подтвердить интуитивно неоспоримую инфинитивность предикативно-согласуемого рефлексива типа а мэ фаче и др. и доказать ее, также интуитивно очевидное, отсутствие у несогласуемого перфекта типа сэ фи фэкут, приходится вспомнить о том, что обще в отношениях рефлексива к активу в категории залога и перфекта к презенсу в категории (относительного) времени. Если обозначить рефлексив и перфект как производные формы соответствующих категорий (залога и времени) в противоположность их основным формам (активу и презенсу), то это будет соответствовать интуиции, вскрытия которой сведется, в частности, к следующему.

7.1. Основная форма независимо от других признаков слова¹⁷ образуется проще производной, т.е. меньшим числом ненулевых морфем. Наиболее простой пример – противопоставление нуля морфемы ее нулю. типа актив – рефлексив в романских, славянских и др. языках. Относительное время в романском не выражается оппозицией нуля нулю, но и здесь презенс проще перфекта (ср. дакорум. а фаче – а фи фэкут, вой фаче – вой фи фэкут, – сэ фак – сэ фи фэкут и т.д.)

7.1.1. В подобных случаях имеются в виду целые морфемы, а не их части и не алломорфы. Так, ит. fare – farmi, farti, farsi и т.д. на первый взгляд дает противопоставление нулю нулю же (т.е. -e – -mi, -ti, -si и т.д.). Однако так один алломорф (-are и под.) показателя инфинитива лишь сменяется на другой алломорф (-ar и под.), в порядке дополнительной дистрибуции и отчасти произвольного варьирования. Сам элемент -e, различающий алломорфы, морфемой не является. Наличную здесь морфему можно записать как -are/-ar или -ar(e), причем наряду с -er(e), -er(e), ir(e) и редкими -or(re), -ur(re) присоединяет к себе нулевой показатель актива. Рефлексив здесь образуется прибавлением элементов -mi, -ti, -si и др. к усеченному алломорфу той же морфемы инфинитива, т.е. на морфемном уровне залог выражается оппозицией нуля актива нулю рефлексива. Это подтверждается тем же при морфемах, не имеющих алломорфов, – ср. faccio – mi faccio, faro – mi faro и т.д., что еще нагляднее при постпозиции: ср. facendo – facendomi.

7.2. При образовании от слова данного класса внекатегориально равнозначного слова другого класса (ср. отглагольные имена дейст-

¹⁷ Например, независимо от вхождения в тот или иной согласовательный класс – в зависимости от этого русские слова имеют нулевую морфему одного падежа и числа в одном классе (ср. дом, город, хлеб) и другого падежа и числа в другом классе (ср. стен, шуб, полос).

вия) основная форма передает свои показатели новому слову при устранении в нем самой данной категории. Так, в разных языках налицо имена действия, не перенимающие у глагола показателей ни рефлексива, ни перфекта, хотя они могут включать их значения в свое. Отмеченное действительно и наблюдаясь у имен действия хотя бы одного образовательного типа (обычно же их больше) — так, субстантивированность инфинитива в разных романских языках при сохранении его залогово-временных противопоставлений, польские вид и залог в типе palenie (się) — spalenie (się) и под. не опровергают приведенного для любого из языков, где есть какие-то типы имен действия, не перенимающие у глагола каких-то его категорий, в частности интересующих нас сейчас предикативно-несогласовательных.

7.2.1. Тот же факт, осознаваемый интуитивно, подтверждается ходом усвоения языка: активная форма глагола усваивается раньше возвратной и пассивной, настоящее время — раньше остальных времен, индикатив — раньше других наклонений, единственное число — раньше множественного и т.д., причем, как правило, это связано с более простым способом образования (ср. известные положения о маркированности).

7.2.2. В порядке экскурса в диахронию можно указать на большую устойчивость основной формы категории (и подслова, см. ниже) в периоды коренных преобразований в языке. Так, из шести латинских форм инфинитива формы будущего, актива (cantaturus esse) и пассиве (cantaturus iri) бесследно исчезли, презенс пассива cantari был заменен, например, в дакорумынском на пассивное а фи кынтат (соответственно а мэ кынта, а те кынта и т.д.), перфект актива cantavisse — на перфектное а фи кынтат, перфект пассива cantatus esse стал вышеприведенным пассивным а фи кынтат со значением старого cantari: но форма cantare полностью сохранила своим категориальные значения и менее всего изменила их показатели материально.

8. Между словоформой, явлением непосредственно наблюдаемым¹⁸, и словом как абстракцией есть абстракции менее высокого уровня, также необходимые в ряде случаев. Таково, в частности, подслово в предложенном недавно смысле, т.е. совокупность словоформ, отличающихся друг от друга только как разные формы одних и тех же обязательно общих им всем, категорий. Таких подслов у слова может оказаться довольно много, причем их разграничение иногда затруднительно. Потому представляется целесообразным обозначить как "подслово" более крупную и легко опознаваемую единицу — полную сово-

¹⁸ Она, правда, также есть более абстрактное понятие, чем ее же употребление в акте речи.

купность словоформ, чьи любые два члена противопоставлены друг другу только категориально, т.е. по одной или нескольким категориям и ничему более. Например, а фаче и а мэ фаче противопоставляются по залогу, а фаче и а фи фэкут — по залогу или относительному времени и т.д. Но, например, в каждом из трех случаев а фаче и фак, фак и фэкынд, фэкынд и а фаче категориального противопоставления нет — в каждом случае ясно, какие категории (и даже их формы) общи обоим словоформам, но нет никакой категории, в которой, например, фак и а фаче были бы противопоставлены как ее разные формы. Эти полные совокупности форм одного слова, например, а фаче и все формы того же слова, противопоставленные ему и отличающиеся от него только категориально (т.е. все формы, противопоставленные а фаче, например, по залогу и отличающиеся от него выражением лица — как а се фаче, лица и числа — как а мэ фаче, а те фаче и др.) совокупности, противопоставленные друг другу некатегориально (например, а фаче и др. — фак и др.) суть подслова в предлагаемом сейчас смысле.

(8.1.) В плане общих оснований грамматики заметим, что налицо так называемое анегориальное противопоставление — если понятием "категории" пользоваться строго (ср. старое "акциденция"), а не произвольно, как стало принято. Примеры анегорий у глагола дают оппозиции не/предикативности, не/инфинитивности, не/герундальности, не/супинальности — см. указ. соч., стр. 29. Правда, привлекаемая там одно-однозначность как метапризнак категории, отличающий ее от анегории, впоследствии не оказалась таковым — более глубокое проникновение в интуитивное понимание категории побудило увидеть ее отличие от анегории в так называемое внутриядерности. Это значит, поскольку за ядро существительности принимаются соматизмы, а за ядро глагольности — неименные предикаторы, что категориален лишь тот признак, по которому имеют место противопоставления внутри соматизмов и/или неименных предикаторов¹⁹. Признаки же различающие а фаче и фак, фак и фэкынд, фэкынд и а фаче и под.²⁰,

¹⁹ Положение нуждается в небольшой оговорке для языков с именными предикаторами (типа тюркских), но поскольку в рассматриваемых языках их нет, мы ее здесь опускаем.

²⁰ Схема несколько упрощена по практическим соображениям — теоретически следовало бы, говоря о противопоставлениях по не/предикативности, не/инфинитивности и не/деепричастности, приводить примеры всякий раз в таком порядке: фак и др. — а фаче и др., фэкынд и др.; а фаче и др. — фак и др., фэкынд и др.; фэкынд и др. — фак и др., а фаче и др.

не дают противопоставлений ни внутри обматизмов, ни внутри предикаторов и потому в категории не попадают. И наоборот: противопоставления типа а фаче – а мэ фаче, а те фаче, а се фаче и т.д. (зalog) воспроизводят, хоть и асимметрично, наличное у предикаторов (ср. фак – мэ фак, фачь – те фачь, фаче – се фаче и т.д.) и потому проходят в категории²¹. То же налицо в а фаче – а фи фэкут и под.

Таким образом, инфинитив как совокупность словоформ есть глагольное подслово, непредикативное и, в отличие от герундия, супина и под., независимое. Язык может иметь более одного инфинитивно-го (как и деепричастного и др.) подслова, если различия между разными формами инфинитива (соотв. герундия и др.) выходят за пределы чисто категориальных противопоставлений: ср. дакорум. а фаче, а мэ фаче и пр. при де фэкут, алб. ме ба, ме у ба и пр. при për të bërë, për t'u bërë и пр.

9. Аналогично основной форме у категории, у подслова выделяется основная словоформа. В частности, у непредикативного подслова таковой является словоформа либо внекатегориальная (единственная), либо категориальная и тогда выражающая основные формы всех различаемых им предикативно-несогласовательных категорий (в романском это актив у залога и презенс у времени – ср. соответственно а фаче и фэкунд). Зная это, заключаем: и н ф и н и т и в е с т ь н е з а в и с и м о е г л а г о л ь н о е п о д с л о в о , ч ь я (х о т я б ы) о с н о в н а я ф о р м а п р е д и к а т и в н о - н е с о г л а с у е м а . Так охватываются все формы инфинитива наиболее диагностичного в данном отношении дакорумынского языка, но не сэ фи фэкут, сэ фак..., сэ мэ фак..., сэ мэ фи фэкут..., поскольку сэ фи фэкут, хоть оно и неизменяемо, выражает производную, а не основную, форму относительного времени (перфект). Допуская широкие возможности предикативной согласуемости неосновных словоформ подслова (как в романском), определение охватывает и инфинитивы – подслова, состоящие только из предикативно-несогласуемых форм (как в славянском, греческом, албанском, и др.),

²¹ Форма а фаче противопоставлена а мэ фаче и др. не более чем по залoгу, так как, хотя а мэ фаче выражает лицо и число и противопоставляется в них другим формам, их выражающим, а фаче не знает этих категорий, т.е. не является формой ни одной из них, которой противопоставлялась бы какая-то другая их же форма. Этот факт несколько затемняется внешне романской спецификой (состоящей в частично асимметричных отношениях между залoгом, с одной стороны, и лицом и числом, с другой), но не отменяется ею.

вплоть до полностью неизменяемых подслов-словоформ (каково дакорум. де фэкут вне отдельных говоров)²², учитывает изменяемость инфинитива по категориям объекта и др.

Ю. Предложенное решение предпочтительно на данном этапе перед несколькими предыдущими (иногда более сложными), устранявшимися по мере приближения объема строго определяемого инфинитива к интуитивно-традиционному объему его понятия. Так здесь было отставлено и недавнее оперирование асимметричными категориями, включающими залог и относительное время в романском (что само по себе верно)²³, поскольку во многих других языках асимметрия категорий, если она и есть, не помогает идентифицировать инфинитив, чье определение требует там поэтому дальнейших усложнений. Выделение же романских вида и залога не как асимметричных, а как предикативно-несогласовательных категорий глагола, различаемых инфинитивом и во многих нероманских языках, дает преимущество в полноте без какого-либо усложнения.

II. Остается проблема так называемого "личного" ("спрягаемого", "флектируемого" и под.) инфинитива, наиболее подробно описанного на лузороманском материале, но известного и балканской языковой области - ср. прежде всего западно-балканские говоры сефардского (где явление спорадично)²⁴; дальнейшее развитие в том же направлении дают греческие говоры Понта, особенно Офиса²⁵; давно описан также семифинитив ("личный инфинитив") венгерского языка и старого неаполитанского диалекта. Противоречивость прочно установившейся трактовки этого явления приходилось неоднократно отмечать, хотя и здесь налицо непреодоленная пока антиномия. Легкое на первый взгляд объявление оппозиции типа порт. fazer - fazer, fazeres, fazermos, fazerdes, fazerem категориальной окажется в конечном итоге противоречащим понятию категории в строгом смысле и того, что через нее определяется. Потому противоречие устранимо тут одним из двух способов: либо строгим подведением семифинитива под

²² Факультативный элемент определения "хотя бы" подчеркивает это положение, логически наличное и без него.

²³ См. сноску 9.

²⁴ См., например: M. L u r i a. A study of the Monastir dialect of Judeo-Spanish, - "Revue hispanique", LXXIX, 76 (1930), стр. 377, 415, 486, 488; C. C r e w s, Recherches sur le judéo-espagnol dans les pays balkaniques. Paris, 1935, стр. 107, 246; М. А. Г а - б и н с к и й, Возникновение..., стр. 28.

²⁵ См.: M. D e f f n e r. Die Infinitive in den pontischen Dialekten und die zusammengesetzten Zeiten im Neugriechischen. Berlin, 1878, стр. 191-230.

предложенное выше, но расширенное, определение, либо эксплицитным исключением семифинитива из состава инфинитива. Первое дает большее соответствие традиции, но и усложняет определение инфинитива, в отличие от второго. До сих пор мы шли по второму пути, указывая, однако, и три общих специфических признака инфинитива и семифинитива: 1) абсолютный автоматизм образования одного от другого и/или наоборот, 2) сочетаемость с одними и теми же реляторами существительного (обычно предлогами) и 3) тождественная (не) субстантивированность. На основе этих признаков не составило бы труда объединить оба подкласса, в порядке приведения одного к другому, под определением инфинитива²⁶. Последнее, однако, из-за этого несколько усложнится без практической надобности для описания явного большинства языков, знающих инфинитив. На такое усложнение пришлось бы, тем не менее, пойти ради общелингвистической строгости, если интуиция употребляющих семифинитив никак не допускает его выделения как чего-то не входящего в инфинитив. Если же она это допускает, то, при учете противоречий грамматик в этом вопросе, усложнять указанным образом определение инфинитива нецелесообразно.

²⁶ Т.е. пришлось бы в определении вынести за скобки положение о независимых глагольных подклассах, остальное выделить в пункт "а", и добавить к нему пункт "б" о подклассе, абсолютно-автоматически соответствующем, эквиреляционному и эквисубстантивационному первому.

О ПОСТРОЕНИИ СИНТАКСИСА В ГРАММАТИКЕ БАЛКАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

Задача системного описания грамматической структуры балканского языкового союза (БЯС) продолжает оставаться актуальной¹. Представляется целесообразным вести это описание в терминах грамматики БЯС, выбирая в качестве исходного синтаксический уровень, где балканистические процессы проявляются наиболее явно и динамично². Построение единой балканской грамматики предполагает выделение некоего грамматического ядра, общего всем балканским языкам и соответствующего модели языка-посредника. Язык-посредник представляет собой абстрактную систему символов, обеспечивающую описание любого балканского языка в общепалканистическом аспекте и переход от одного балканского языка к другому.

И в качестве чистой абстракции единая грамматическая схема БЯС была бы полезна как для типологических описаний, так и практически, вплоть до задач перевода и обучения. Кроме того, есть и реальная ситуация, где можно говорить об осуществлении подобной грамматической схемы: это многочисленные ареалы дву- и многоязычия на Балканах, когда в акте коммуникации постоянно присутствует необходимость перехода с языка на язык. Для таких случаев правомерно предполагать наличие у собеседников, хотя бы на подсознательном уровне, некоей предельно абстрактной схемы, позволяющей производить почти мгновенный пересчет с одного языка на другой. Механизм пересчета вырабатывается очень быстро: уже на первых этапах

¹ Автором ведется в настоящее время работа по составлению единой синтаксической грамматики БЯС; некоторые теоретические положения были высказаны в докладе на Симпозиуме по современной балканистике (Москва, 1974) и отражены в сборнике предварительных материалов: Предложения по сопоставительной грамматике балканских языков. — "Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков (15-16 января 1974 г.)". М., 1973, стр.41-45.

² Предложения о построении порождающей грамматики балканских языков были высказаны К.Казасисом, см.: К а з а с и с. On a Generative Grammar of the Balkan Languages. "Foundations of Language". III, 1967; 0 н ж е. On a Generative Grammar of the Balkan Languages. "Actes du premier Congrès international des études Balkaniques et sud-est européennes", VI. Sofia, 1968.

становится ясно, что "подгонять" конструкции, известные из одного языка, к другому более эффективно, чем осваивать их независимо друг от друга. Как только устанавливаются некоторые закономерности, у говорящего создается некая общая структурная схема, на которую он и ориентируется. Поэтому в определенном смысле составить балканскую грамматику означает как бы зафиксировать формально то, что существует у говорящих на подсознательном уровне, скрыто для них самих. В этом отношении о балканской грамматике можно говорить как о грамматике, рассчитанной на язык с несколькими терминами, т.е. с разными лексическими наборами, соответствующими разным балканским языкам.

Балканская грамматика строится на основе предварительных однородных описаний балканских языков, которые затем сводятся воедино. Описание синтаксиса начинается с установления исчерпывающего списка иерархически упорядоченных формальных связей между минимальными единицами синтаксического уровня³. Единицы синтаксического уровня конституируются средствами морфологического уровня, причем выбираются классы слов, группы классов слов (например, имя) и отдельные грамемы (например, падеж).

Основными единицами синтаксического уровня являются элементарные синтаксические конструкции (ЭСК). Под ними понимаются минимальные, как правило, двучленные сегменты, в пределах которых реализуются все известные типы связей между словами в простом предложении: подчинительная, в виде согласования, управления и примыкания, и сочинительная. Так перечисляются все существующие в языке комбинации полнозначных и неполнозначных классов слов. ЭСК представляют собой инвентарь для построения предложения, последовательно сначала простого, затем сложного, понимаемого как циклическое развертывание простого или как комбинация простых предложений. Для того, чтобы из ЭСК построить предложение, надо знать правила их сочетания друг с другом и их разворота. Наиболее простой способ установления всех возможных вариантов, число которых далеко не безгранично, — производить преобразования над одной ЭСК, взятой в качестве минимальной модели предложения. В качестве такой минимальной модели разумнее выбрать ЭСК вида *Nom. + V. fin. (Subj. + Praed)* и перебором списка ЭСК установить правила свертывания и разворота данного минимального предложения. На следующем этапе вводятся сведения о порядке слов⁴.

³ Для описания синтаксиса БЯС применен способ, предложенный в книге: Т.Я. Елизаренкова, В.Н. Топоров. Язык пади. М., 1965.

⁴ Для балканских языков особенно существенно размещение в предложении служебных элементов (одно- двусложные слова, в которые

До этого момента речь шла о построении формальных грамматически правильных последовательностей классов слов. Однако отсутствие описания смысловых синтаксических отношений внутри ЭСК создает омонимию, когда одна и та же ЭСК передает разные смыслы. Разрешение омонимии осуществляется с помощью трансформаций с сохранением заданного смысла для каждой последовательности элементов внутри данной ЭСК. Набор ЭСК со всеми возможными трансформациями задает набор основных синтаксических отношений: субъектности, атрибутивности, предикативности и т.д., причем в набор включаются только те отношения, которые выражаются формально на грамматическом уровне, а не лексически, семантически и под. Эти ограничения делают список основных смыслов достаточно ограниченным в количественном отношении (примерно 15-20).

Сочетание списка ЭСК со списком смыслов, выражаемых на грамматическом уровне, делает описание синтаксиса достаточно полным. Далее описания сводятся воедино, и выделяются конструкции, общие всем балканским языкам (теоретико-множественное произведение), на основе которых устанавливается единая синтаксическая схема БЯС или язык-посредник (ЯП). Затем составляется алгоритм перехода от ЯП, записанного в виде символов, соответствующих ЭСК, к отдельным балканским языкам. ЭСК балканских языках представляются в виде: ЭСК ЯП+необходимые преобразования (например, указание на отдельные грамемы, порядок элементов и т.п.). После установления единой синтаксической схемы ЯП и указания правил перехода на балканские языки можно переходить на уровень текста, т.е. конструировать реальные предложения на балканских языках. Для этого грамматика снабжается словарем-минимумом на всех языках, входящих в БЯС, и списком элементарных текстов для перевода. Конструкции, которые выходят из грамматического алгоритма в виде символов, переписываются словами данного языка. Для этого текста выполняется тре-

входят грамматические частицы, предлоги, союзы, местоименные клитики, встречающиеся как изолированно, так и в довольно длинных последовательностях), употребляемых в языках почти плеонастически. В предложении, рассматриваемом в линейной последовательности, служебные элементы являются фиксаторами или точками отсчета, в зависимости от которых распределяются по местам полнозначные элементы. Поэтому служебные элементы с фиксированным (абсолютно или относительно) местом формируют каркас предложения, на котором крепятся полнозначные элементы. С другой стороны, таким образом обеспечивается вариантное место полнозначных элементов, что и создает свободу порядка слов, характерную для балканских языков.

бование грамматически правильной передачи заданного смысла. Предполагается, что составленный таким образом текст в принципе дает возможность перехода к реальным текстам данного языка и его разновидностей.

Сказанное выше иллюстрируется фрагментом будущей грамматики балканского синтаксиса⁵. Выбирается группа ЭСК с управляющей и согласовательной (здесь рассматривается только аппозиция) связью, представленная следующими конструкциями: Nom.+Nom.=Subst.; V.+Nom.=Subst.⁶

I. В общей синтаксической схеме БЯС, соответствующей постулируемому языку-посреднику (ЯП), выделяются три ЭСК, соответствующие конструкции Nom.+Nom.=Subst.⁷

1. Nom.+Subst	(аппозитивные отношения)	} (атрибутивные отношения) ⁹
2. Nom.+Subst. obl.		
3. Nom.+Praep. I ^B +Subst.		

ЭСК 2 и 3 на содержательном уровне синонимичны и соответствуют аналитическому и синтетическому способу высказывания одного и того же синтаксического отношения, т.е. атрибутивности. По правилам разво-

⁵ Из-за недостатка места здесь приводится краткий вариант, причем сокращения оговариваются в особо необходимых, но далеко не во всех случаях.

⁶ Поскольку в балканских языках Subst., Adj. и Pron.pers. обладают разными наборами граммем и разной синтаксической дистрибуцией, целесообразно рассматривать ЭСК с Nom.=Subst. отдельно, сообщая правила перехода к Nom.=Pron.pers. или к Nom.=Adj.

⁷ Предполагается, что граммемы, существенные для ЯП, выделены заранее.

⁸ В синтаксическую схему ЯП включаются только те предлоги, которым можно приписать грамматическое значение; поскольку в разных балканских языках они совпадают, их возможно давать под номерами. Предлог I, соответствующий атрибутивным отношениям, на лексическом уровне представлен в балканских языках предлогами от (од), на, de, prej, óló. Предлог 2, соответствующий косвенно-объектным отношениям, представлен предлогами на, la, oé.

⁹ Здесь описывается формальный уровень, приведенный в соответствие с основными синтаксическими отношениями. В полном варианте сообщаются грамматические трансформации, сохраняющие исходное значение. Трансформационный уровень снимает омонимию различных ЭСК. В данном варианте случаи типа професор Стойков, чаша вода, карта България и т.п. рассматриваются в рамках одной ЭСК.

рота Nom.+Subst.obl. может быть представлена как nom.+Praep.1.+ +Subst.¹⁰ Это означает, что те языки БЯС, которые сохраняют падежную систему, наряду с синтетическим используют аналитический способ выражения одного и того же синтаксического отношения¹¹.

Синтаксическая схема ЯП в системе БЯС снабжается правилами перехода к отдельным балканским языкам. ЭСК ЯП соответствуют теоретико-множественному произведению и характеризуются минимальным числом и минимумом грамматических средств. Следовательно, ЭСК отдельных балканских языков могут либо совпадать с ЯП, либо требовать введения дополнительных формальных показателей, в число которых входит падеж и связующий артикль, употребляющийся при выражении атрибуции¹². В зависимости от состояния системы склонения в соответствующем балканском языке, выбирается один падеж из двух (оппозиция Cas. rect.-Cas.obl)¹³ или из трех (оппозиция N.-Acc.-Obl.).

¹⁰ Здесь сообщаются только те способы разворота, которые могут быть приравнены к чисто грамматическим трансформациям без изменения смыслов. В полном варианте приводятся и другие способы разворота: Subst.→Subst.+Adj; Subst.+Pron.; Subst.+Pcl.; Subst.+ + Adv.

¹¹ Это отражает состояние склонения в современных балканских языках, с его неустойчивостью и асимметрией: разное число падежей в зависимости от определенности/неопределенности, рода, числа, типа Subst. или в разных видах имени. См. также запрет на употребление падежной формы в разных синтаксических позициях, в соответствии со стилистическими и под. требованиями и т.д. (например, Gen. в новогреческом). Вместе с тем на современном уровне употребление аналитических конструкций во флективных балканских языках нельзя считать вполне регулярным (см. хотя бы семантические, лексические и т.п. ограничения). В каком-то смысле можно говорить о свободном чередовании аналитических и синтетических конструкций. "Неупорядоченность" балканского склонения отражается таким образом и на синтаксическом уровне, в неупорядоченности соотношения аналитических и синтетических конструкций.

¹² В полном варианте сообщаются — там, где это возможно, — формальные правила постановки определенного, неопределенного и нулевого артиклей (артикль с предлогами и личными местоимениями, сочетание артиклей и т.п.).

¹³ Abl. в албанском на данном уровне допустимо рассматривать как синтаксический вариант Gen.-Dat., объединяя все три под общим значением Obl.

Далее устанавливаются языки, требующие указания на падеж или на связующий артикль. Если ЭСК ЯП не совпадает с соответствующей ЭСК отдельного балканского языка, то переход совершается в один шаг: указание на падеж Subst. и указание на артикль при Subst.obl.¹⁴. Из-за краткости изложения приводится минимальное число элементарных примеров.

ЭСК ЯП-ЭСК БАЛКАНСКОГО СОЮЗА

1. Nom.+ Subst.

болг.: професор Стойков, чаша вода, карта България;
мак.: дедот Петко, парче месо, оранџето нивџето.

2. Nom.+ Subst.obl.

а л б.: një medajë ari, libër bisedimesh, një kupë, pagëzimi;
н г р.: τό σπίτι τοῦ πατέρα, χάρτι γραφίματος, κορμίου χρῆμα;
р у м.: ușa casei, regina porții, maica lui Gheorghe.

3. Nom.+ Praep. 1.+Subst.

б о л г.: къщата на бащата, покрив на къща, плат от коприна;
м а к.: капата на (од) овчарот, силата на (од) водата;
а л б.¹⁵: peshqirë prej liri, hingëllime prej kuash;
н г р.: σπίτι από ξυλό, πλῆθος ἀπό ὄστρακα;
р у м.: poezii de Eminescu, o sută de ierni¹⁶.

¹⁴ Указание на падеж может быть разбито на два шага: 1) не-ObI., 2) N. или Acc.

¹⁵ Строго говоря, флективные балканские языки следует рассматривать особо, поскольку для них Subst. после Praep. требует дополнительного шага - указания на падеж. Здесь сочтено возможным объединить их для большей наглядности представления синтаксической системы БАС.

¹⁶ Для флективных балканских языков аналитические конструкции в значительной степени связаны с семантическими, лексическими, стилистическими и под. ограничениями. Поэтому на парадигматическом уровне предложные конструкции в аналитических и флективных балканских языках должны рассматриваться отдельно. Однако синтагматический уровень показывает явные тенденции к грамматикализации предложных конструкций во флективных балканских языках ("немотивированная" замена падежных конструкций, снятие перечисленных ограничений и т.п., см. выше). Это дает основание для установления общебалканского аналитического типа выражения синтаксических отношений.

Указание на падеж

I. Nom.+Subst.=Cas.rect¹⁷

р у м.: fluviul Dunărea, domnul director, scump foc;

I. Nom.+Subst.=N.

а л б.: princ Lek Dukagjini, një gotë ujë;

н г р.: ἡ κυρία Μάρω, ἓνα κοτήρι νερό;

I. Nom.+Subst.=Acc.

н г р.: Ἰταλίδα τὴν ματαγωγὴ;

Указание на артикль (поссесивный)

2. Nom, Art.+Subst.obl.

а л б.: libri i djalit, ditët e javës;

р у м.: о уџа а casei, перот ал мамеи.

II. В синтаксической системе ЯП выделяются три ЭСК, соответствующие конструкции V. + Nom.

4. V.+Subst. (субъект, прямой объект, адверб)

5. V.+Subst.obl.

6. V.+Praep. 2.+Subst.) (косвенный объект)

ЭСК 5 и 6 на содержательном уровне синонимичны и соответствуют аналитическому и синтетическому способу выражения одного и того же синтаксического отношения, т.е. косвенной объектности. Напротив, ЭСК 4 включает в себя, по крайней мере, три омонимичных ЭСК, соответствующих разным синтаксическим отношениям. По правилам разворота, V.+Subst.obl. может быть представлена как V.+Praep.+Subst.: флективные языки БЯС используют аналитические конструкции (см. выше). Кроме того, здесь может быть указан еще один, специфически балканский способ разворота: Subst.→Subst.+Pron.pers.cl., т.е. местоименная реприза¹⁸.

¹⁷ В аппозиции осуществляется согласовательная связь. Выбор падежа Subst. определяется падежом Nom. Здесь указывается исходная форма аппозитивных сочетаний.

¹⁸ Многочисленные последние исследования, посвященные балканской местоименной репризе, подводят к заключению, что степень ее грамматикализации увеличивается, а омыслоразличительная функция ослабевает. Употребление репризы слишком тесно связано с

ЭСК ЯП-ЭСК БАЛКАНСКОГО СОЮЗА

4. V.+ Subst.

- б о л г.: човекът чете (Subj.) 'человек читает'; чете книгата (Obj. dir.) 'читает книгу'; години се борих... (Adv.) 'годы (я) боролся...'; стана жертва (Obj. Praed.) 'стал жертвой'.
- м а к.: човекот работи (Subj.) 'человек работает'; (ја) видов книгата (Obj. dir.) (я)увидел книгу; (тој)работел папучија (Obj. Praed.) '(он) работал сапожником; го посеавме полето пченица (Adv.) 'за-сеяли поле пшеницей'.

Нейтрализация разных синтаксических отношений в болгарском и македонском регулярно разрешается с помощью грамматических трансформаций (которые приводятся в полном варианте синтаксиса БЯС). Существует также целый ряд дополнительных грамматических средств, которые могут быть использованы для разрешения нейтрализации: грам-
 мемы глагола (переходность, лицо, залог и т.д.), наличие местоименной клитики и др. Однако, пожалуй, наиболее эффективно в этих случаях обращение к семантическому, лексическому уровню, к контексту, ситуации и т.п. Иными словами, различие омонимичных ЭСК, соответствующих ЭСК 4, в болгарском и македонском возможно скорее на содержательном, чем на формальном уровне.

5. V+ Subst. obl.

- а л б.: [i] thotë djalit;
 н г р.: εἶλε τοῦ πατέρα;
 р у м.: zice tatălui.

6. V.+ Praep. 2 + Subst.

- б о л г.: пишеше на баща [си] ;
 м а к.: му кажав на еден човек;
 н г р.: εἶλε στὸν πατέρα
 р у м.: [te] spun la mamă

синтаксической позицией Subst. во фразе (взаимное расположение субъекта, объекта и предиката) или с некоторыми граммемами Subst. (прежде всего определенность/неопределенность). Вместе с тем даже эти условия соблюдаются непоследовательно. Учитывая все эти обстоятельства, здесь сочтено возможным рассматривать конструкции с репризой как один из способов грамматической трансформации.

В новогреческом предложная конструкция для выражения Obj. obl. регулярна; в румынском ее употребление более ограничено и часто носит стилистически окрашенный характер.

ЭСК ЯП ≠ ЭСК БАЛКАНСКОГО СОЮЗА

Указание на падеж

4. V+ Subst.=Cas.rect.

Р У М.: omul citește (Subj.) 'человек читает'; citește cartea (Obj.) 'читает книгу'; [el] era un om... (Obj. при Praed.) 'он] был человек...'; primăvara... a plecat... (Adv.) 'весной... [он] ушел...'; se uită țintă la el (Adv.) 'смотрят в упор на него'.

Указание на падеж в румынском различает ЭСК 4 и 5, но не разрешает нейтрализацию ЭСК 4. В данном случае румынский совпадает со славянскими языками БЯС и в основном использует те же способы разрешения нейтрализации, которые были перечислены выше (о предлоге pe при Subst. см. далее).

4. V+ Subst.=N.

А Л Б.: njeriu lexon (Subj.) 'человек читает'; jam njeri (Obj. Praed.) 'я - человек';

Н Г Р.: ὁ ἀνθρώπος βιβάζει (Subj.) 'человек читает'; ἔγινε πόρτης (Obj. Praed.) 'стал портным'.

Указание на падеж дает возможность различить Subj. и Obj., но оставляет омонимию Subj. и Obj. при сложном предикате.

4. V+ Subst.=Acc.

А Л Б.: [e] shkruan letrën (Obj.dir.) 'пишет письмо'; vijnë ditën (Adv.) 'приходят днем'

Н Г Р.: ὄρθε εἰς ὑψίστερα (Obj.dir.) 'пишет письмо'; ἔρθε τὸ βράδυ 'пришел вечером'.

Указание на падеж оставляет неразрешенной омонимию Obj. dir. и Adv.

Указание на предлог

4. V+pe Subst.

Р У М.: i-am văzut pe frații mei.

Таким способом может выделяться Obj.dir. при одушевленных Subst.

Перечисленными ЭСК практически исчерпывается набор конструкций Nom.+ Subst., V.+Subst. в отдельных балканских языках и в системе балканского ЯП. Разнообразие их относительно невелико, так же как невелик набор формальных средств, используемых для перехода от одной к другой (прибавление – отнятие падежной флексии или артикля).

Соответственно переход от ЭСК ЯП к ЭСК отдельных балканских языков совершается в один шаг, а переход от ЭСК одного балканского языка к ЭСК другого балканского языка также в один или максимум в два шага (указание на падеж и на артикль, например, при переходе от славянских языков БЯС к албанскому и румынскому в ЭСК с атрибутивной связью).

Таблица I показывает распределение различных вариантов ЭСК по разным балканским языкам.

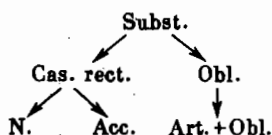
Т а б л и ц а I.

	алб.	болг.	мак.	нгр.	рум.
1. Nom.+Subst.*		+	+		
Nom.+Subst.=Cas. rect.					+
Nom.+Subst.=N	+			+	
2. Nom.+Subst.=Obl.	+			+	+
Nom.+Art.+Subst. obl.	+				+
3. Nom.+Praep. 1+Subst.	+	+	+	+	+
4. V.+Subst.		+	+		
V.+Subst.=Cas. rect.					+
V.+Subst.=Acc.	+			+	
5. V.+Subst.=Obl.	+			+	+
6. V.+Praep. 2+Subst.		+	+	+	+
V.+Subst.=N.	+			+	

* В таблицу не включены более специальные конструкции отдельных балканских языков, в частности Nom.+Subst.=Acc. в новогреческом, V.+pe+Subst. в румынском.

На этом уровне (можно предполагать, что и на более продвинутых уровнях) манифестируются скользящие группировки отдельных балканских языков друг с другом в рамках единой синтаксической системы БЯС. Все балканские языки объединяются наличием ЭСК Nom.(V.)+Praep.+Subst.; славянские языки и румынский объединяются по ЭСК Nom.+Subst.(=Cas.rect.) и V.+Subst.(=Cas.rect.); поскольку в румынском Subst. не различаются N. и Acc.; албанский, новогреческий и румынский объединяются по ЭСК, где Subst. выступает в форме Obl.; албанский и новогреческий объединяются по тем ЭСК, для которых существенно различие N. и Acc. и т.д. Представляется, что это отображает современное состояние синтаксической системы БЯС, в общем настолько компактной¹⁹, что это делает нецелесообразным говорить, по крайней мере в общем плане, о более узких предпочтительных группировках балканских языков²⁰. Гораздо более существенна та общая, хотя и не всегда поддающаяся формальному описанию степень близости, которая позволяет с несомненностью предполагать существование единой синтаксической системы БЯС.

Переход от грамматических показателей ЯП к грамматическим показателям отдельных балканских языков может быть представлен в виде следующего дерева:

Асимметричность и дефектность балканского склонения, бедность формальными показателями (две или три флексии, соответственно двух- или трехпадежной системе)²¹, почти свободное чередование флективных и аналитических конструкций и далее стремление к сведению к минимуму формальных показателей, будь то в аналитических или во флективных конструкциях, свидетельствует об особых процессах, характер-

¹⁹ Еще более компактной будет картина, когда Nom.-Pron.pers.; по всем балканским языкам Pron.pers. сохранили трехпадежное противопоставление N.-Acc.-Obl.

²⁰ В определенном смысле это и неслодотворно: ясно, что при любых сочетаниях максимальная степень близости будет между болгарским и македонским, для чего не надо проводить специальных изысканий.

²¹ Но трехпадежная система может обслуживаться и двумя флексиями, ср. новогреческий.

ных для синтаксической системы БЯС. С одной стороны, происходит заметное увеличение омонимичных грамматических конструкций. С другой стороны, растет синонимия грамматических конструкций, выражающих одно и то же синтаксическое отношение. Против ожидания, последнее явление, по крайней мере на уровне конструкций с участием имени, не уменьшает омонимии, поскольку дополнительные конструкции, сами по себе ограниченные формально (например, аппозиция вместо флективной формы или предложного сочетания), более или менее равномерно распределяются по разным типам синтаксических отношений. В результате можно говорить о тенденции БЯС к "аграмматичности", к переносу центра тяжести с формального уровня на семантический, лексический и т.п.

Хотя здесь приведен только фрагмент синтаксической грамматики БЯС, все же он кажется достаточно представительным: он охватывает основные варианты ЭСК с подчинительной связью, т.е. наиболее сложные с формально-грамматической точки зрения. За пределами выбранного фрагмента остается сравнительно небольшое число ЭСК с управляющей (например, Praep.+Nom., Pcl.+Nom., Adv.+Nom.) и согласовательной связью (например, Nom.+Adj.) и ряд ЭСК, организованных по способу примыкания и сочинения, т.е. практически без формальных показателей (например, сочетание классов полных и неполных элементов внутри и между собой). Все это дает основания говорить об основоположных чертах единой синтаксической системы БЯС.

Не вдаваясь в подробности, можно заключить, что в БЯС существуют процессы, которые можно назвать центростремительными и центробежными. С одной стороны, наблюдается движение к некоему центру, формирование гомогенного ядра, аккумулирующего основные особенности отдельных членов БЯС. С другой стороны, в БЯС царит свобода и необязательность, тенденция к установлению принципиальной неоднозначности, многовариантности решений. И то и другое неотъемлемо принадлежит структуре БЯС.

I. АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА

Вяч. Вс. И в а н о в. Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов	3
В.Н.Т о п о р о в. К древнебалканским связям в области языка и мифологии	40
В.Н.Т о п о р о в. К фракийско-балтийским языковым параллелям. II.	59
Л.А.Г и н д и н. Лингвистический комментарий к упоминанию двух групп фракийских племен в "Илиаде"	117
В.Н.Т о п о р о в. Хеттск. <i>purullija</i> , лат. <i>Parilia</i> , <i>Palilia</i> и их балканские истоки	125
Вяч. Вс. И в а н о в. К балкано-балто-славяно-кавказским параллелям	143
Вяч. Вс. И в а н о в. Микенское греческое <u>wa-na-ka</u> и его индоевропейские соответствия	165
Т.В.Ц и в ъ я н. Балканские дополнения к последним исследованиям индоевропейского мифа о Громовержце	172
В.Н.Т о п о р о в. Заметки о растительном коде основного мифа (перец, петрушка и т.п.)	196

II. ТИПОЛОГИЯ БАЛКАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЮЗА

И.И.Р е в з и н. Вопросы структурно-типологического подхода к категории определенности в балканских языках	208
И.И.Р е в з и н. Анкета по категории определенности-неопределенности	220
М.И.Л е к о м ц е в а. К типологии фонологических систем языков Балканского полуострова и Средиземноморья	243
А.В.Д е с н и ц к а я. "Средний род" или категория "определенной массы"?	275
М.А.Г а б у н с к и й. Традиционные антинимии в определении инфинитива и их преодоление на балканороманском материале.	294
Т.В.Ц и в ъ я н. О построении синтаксиса в грамматике балканского языкового союза	312

БАЛКАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства Т.М. Скрипова, Переплет художника А.Г. Кобрин
Художественный редактор Т.П. Полюкова, Технический редактор Е.К. Полукурова

Подписано к печати 9/ХП - 1976 г. Усл.печ.л. 20,25. Уч.-изд.л. 22,3
Формат 60x90 1/16. Бумага офсет. № 1. Тираж 1450 экз. Тип. зак. 1235 Цена 1 р.63 к.

Книга издана офсетным способом

Издательство "Наука", 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства "Наука". 199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

БАКАЛАВСКІЙ АНГЛІСТЫЧЭСКІЙ СЮРТИК